

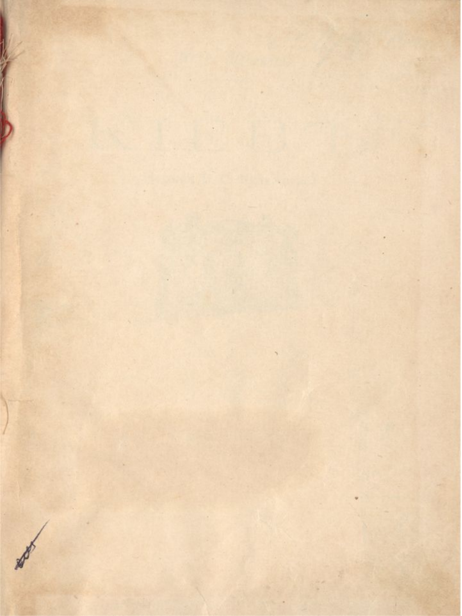
К. В. Шероцкій

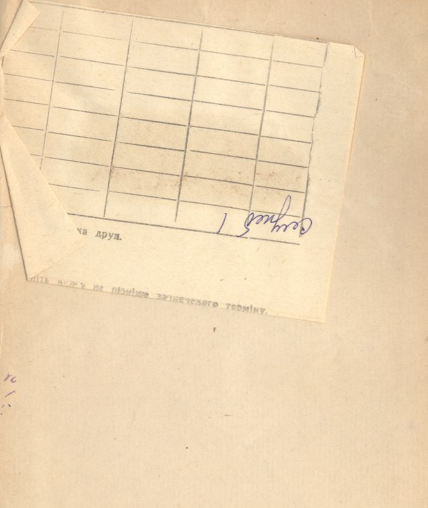
КІЕВЪ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

1917

ка друк.

ніть книгу не пізніше зазначеного терміну.

К. В. Шероцкій.

КІЕВЪ.

Изданіе В. С. Кульженко.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ.

Съ планомъ г. Кіева и 58 иллюстраціями.

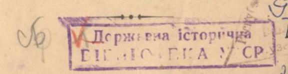
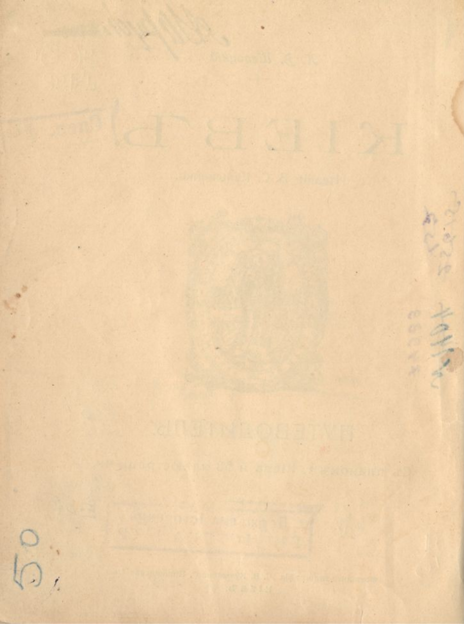

Фото-лито-типографія „С. В. Кульженко“, Пишкинская 4.
КІЕВЪ.

Посвящаютъ

Полинѣ Аркадьевнѣ

Гудаловой

Авторъ.
Издатель.

КІЕВЪ.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Настоящій путеводитель предназначенъ для лицъ, желающихъ видѣть въ Кіевѣ по возможности все носящее на себѣ слѣды художественнаго вкуса и связанное съ выдающимися явленіями кіевской культурной жизни въ прошломъ и настоящемъ. Кіевъ городъ нѣсколькихъ эпохъ — великокняжеской, польско-литовской, козацкой и современной. Въ такой послѣдовательности удобнѣе всего и изучать его, тѣмъ болѣе, что всѣ эти эпохи связаны топографически. Начавъ съ Золотыхъ воротъ, осматриваемъ верхній или древній Кіевъ, потомъ Подолъ (центръ литовско-козацкаго періода), Печерскъ и Новое Строеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кіевъ и городъ — святыня, а также центръ экономическій и культурно-просвѣтительный; въ этомъ отношеніи обзоръ Кіева въ указанномъ порядкѣ по настоящему путеводителю будетъ тоже наиболѣе цѣлесообразнымъ.

Обстоятельства переживаемаго момента, однако, не дали возможности привлечь къ обзору весь имѣющійся въ Кіевѣ нужный матеріалъ, а также принудили отложить до слѣдующаго 2-го изданія помѣщеніе въ немъ, многихъ важныхъ иллюстрацій, справочныхъ свѣдѣній, а равно и спеціальнаго отдѣла, посвященнаго современной художественной,

театральной, научной и экономической жизни Кіева; въ виду этого за болѣе точными топографическими, статистическими, историческими, археологическими и др. свѣдѣніями отсылаемъ читателя къ капитальнымъ трудамъ митр. Евгенія (Кіево-Софійскій соборъ), Фундуклея (Кіевъ въ отношеніи древностей), Закревскаго (описаніе древняго Кіева), Антоновича (Монографіи и Археологическая карта Кіева), Лашкарева (Церковно-археологическіе очерки), Айналова и Рѣдина (Кіево-Софійскій соборъ), Сементовскаго (Кіевскія достопамятности), Захарченко (Кіевъ), Толстого и Кондакова (Русскія древности в. IV), Петрова (Истор. топографич. очерки древн. Кіева) Смирнова (Рисунки стараго Кіева), Иконникова (Кіевъ въ 1654—1874 г.), отмѣтивъ при этомъ, что и въ болѣе старыхъ сочиненіяхъ, относящихся къ XVII—XVIII в., имѣлось не мало интересныхъ свѣдѣній (таковы Τερατούργημα Кальнофойскаго, Exegesis и Paterikon Коссова, Синопсисъ Гизеля и др.); отъ того же времени остался значительный и очень цѣнный матеріалъ въ видѣ плановъ, рисунковъ и разныхъ памятниковъ быта и искусства, образъ коихъ даетъ возможность помечтать о прошломъ и сравнить съ настоящимъ.

Въ виду типографской разрухи въ текстъ книги вкралось много досадныхъ опечатокъ, которыя, прежде чѣмъ приняться за осмотръ Кіева, необходимо исправить.

Кіевъ, 18 Іюля 1917 г.

* *
*

Историческій очеркъ.

Когда Кіевъ возникъ, какіе люди въ разныя времена населяли его, кто ископалъ его пещеры, насыпалъ высокіе валы—этого никто не знаетъ; сказаніе о благословеніи этого города св. Андреемъ, объ основаніи его Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ — только красивыя легенды; во всякомъ случаѣ археологическія данныя указываютъ, что мѣстность, занятая Кіевомъ, была обитаема съ незапамятныхъ временъ и даже здѣсь найдены пока самые древніе слѣды существованія человѣка изъ всѣхъ мѣстностей нынѣшней Европейской Россіи. Этому благопріятствовали въ свое время климатическія и географическія условія, выразившіяся въ возвышенномъ положеніи этой мѣстности среди покрывавшаго въ третичную эпоху пространство Россіи моря и ранняго отступленія отъ нея къ сѣверу ледниковаго покрова, создавшаго условія благопріятныя для существованія мамонта, носорога, мускуснаго быка и человѣка. Слѣды этого первобытнаго палеолитическаго человѣка въ видѣ кухонныхъ остатковъ безъ обломковъ посуды и кремневыхъ орудій были находимы въ самомъ Кіевѣ въ оврагахъ и пещерахъ Щекавицкой группы холмовъ въ районѣ Кирилловскаго монастыря.

На смѣну первобытному человѣку появились послѣдующіе обитатели нашей мѣстности, оставившіе здѣсь памятники, такъ называемой, неолитической культуры, характеризующейся употребленіемъ глиняныхъ сосудовъ и костяныхъ, а потомъ мѣдныхъ орудій. Культура эта, отразившаяся во многихъ чертахъ въ современномъ примитивномъ украинскомъ быту и извѣстная подъ именемъ Трипольской или Эгейской

была первой Европейской культурой, она была занесена отсюда черезъ Балканы въ Грецію, гдѣ легла въ основу культуры классической. Вслѣдъ за симъ оставшееся у насъ населеніе было порабощено племенами Киммерійцевъ и Скиѳовъ, принесшихъ сюда знаніе желѣза и вошедшихъ въ общеніе съ греческими колонистами, поселившимися на Черноморскихъ берегахъ. Скиѳскіе курганы доходятъ до самаго Кіева (Герра?). Во II ст. по Рожд. Христовѣ скиѳы были покорены готтами, и нѣкоторые ученые въ нынѣшнемъ Кіевѣ видятъ столицу готтскаго царства, что, повидимому, подтверждается и археологическими данными (Вигфюссонъ, Дашкевичъ, Антоновичъ...). Въ IV в. готтовъ смѣнили гунны, призванные сюда старымъ мѣстнымъ населеніемъ (роксоланами — русскими), а въ VI в. появились новые поработители хозары, имѣвшіе обширную торговлю съ востокомъ и втянувшіе въ нее кіевлянъ, благодаря чему на Оболони и Подолѣ въ Кіевѣ до сихъ поръ находятъ многочисленные клады восточныхъ монетъ и предметовъ того времени. Очевидно, Кіевъ носилъ въ то время чисто торговый восточный характеръ. Въ VIII—IX в.в. мѣстное населеніе познакомилось съ военной организаціей варяговъ, торговавшихъ съ востокомъ и съ Византіей по Днѣпровскому пути, и было втянуто въ судьбы Византійской и Скандинавской исторіи, благодаря чему и исторія Кіева съ IX в. пріобрѣтаетъ связный и достовѣрный характеръ.

Въ варяжскую эпоху политическимъ центромъ Кіева (рядомъ съ торговымъ Подоломъ и Оболонью) былъ нынѣшній Печерскъ, гдѣ еще въ XVII в. существовали варяжскія пещеры, колодецъ и т. п. Такимъ образомъ, въ разные періоды своего существованія историческій центръ Кіева передвигался въ различныя мѣста въ зависимости отъ историческихъ условій его быта. Позднѣе, когда Кіевъ сдѣлался центромъ обширнаго русскаго государства, князья устроили новую крѣпость на вершинѣ горы, господствовавшей надъ Подоломъ. Въ этой крѣпости находились идольскія „треби-

ща“ и княжескія палаты, а потомъ возникли и важнѣйшие христ. храмы. Крѣпость была окружена валомъ и стѣнами и сообщалась съ Подоломъ и пристанью на р. Почайнѣ „Боричевымъ взвозомъ“. Если Подолъ имѣлъ внѣшній характеръ восточнаго города, то крѣпость съ принятіемъ христіанства сдѣлалась уголкомъ Византии настолько великолѣпнымъ, что иностранцы называли Кіевъ соперникомъ Царьграда, а русскіе лѣтописцы — „прелестью міра“. Кіевъ въ то время занималъ огромную территорію и былъ очень многолюденъ, въ немъ насчитывалось свыше 600 храмовъ, создавалось просвѣщеніе, право, искусство. Благодаря этому князья и враги постоянно стремились къ обладанію Кіевомъ, нерѣдко подвергая его опустошительнымъ набѣгамъ, дѣйствію огня и меча, что, наконецъ, въ XII в. привело Кіевъ къ упадку. Особенно губительнымъ для Кіева оказались набѣги Андрея Боголюбскаго въ 1169 г. и Рюрика Ростиславовича въ 1203 г. Тогда Кіевъ входилъ уже въ соприкосновеніе съ западными странами и въ своемъ внѣшнемъ обликѣ носилъ кромѣ чертъ византійскаго стиля также и романскія особенности. Въ 1240 г. пришелъ къ Кіеву татарскій ханъ Батый—взглянулъ на Кіевъ весь въ золотѣ и зелени и не пожелалъ его разрушать, были повреждены только Золотыя ворота, да Десятинная церковь рухнула отъ тяжести укрывшагося въ ней народа.

Въ позднѣйшую эпоху, а именно въ XVI в. создалось представленіе, что отъ руки татаръ Кіевъ окончательно былъ разрушенъ, а населеніе южн. Руси отхлынуло на сѣверъ, но этотъ взглядъ основанъ на смѣшеніи татарскаго нашествія 1240 г. съ опустошительными набѣгами крымскихъ татаръ въ XIV—XV вв., дѣйствительно повергшими Кіевъ въ руины, особенно въ 1416 и 1482 г. На самомъ дѣлѣ послѣ нашествія Батыя Кіевъ и прилегавшія къ нему области продолжали свое политическое существованіе и только митрополиты переселились на сѣверъ; положеніе Кіева даже упрочилось и улучшилось, когда онъ вмѣ-

стѣ съ остальными областями Ю.-Зап. Руси перешелъ подъ власть Литвы (1362 г.). Овладѣвшій Кіевомъ литовскій князь Ольгердъ отдалъ его своему сыну Владиміру, который и положилъ здѣсь начало новой династіи Гедиминовичей. Въ 1415 г. Кіевъ снова получилъ своего митрополита и снова сталъ развивать свою цивилизацію, продукты коей въ видѣ ювелирныхъ издѣлій, рѣзьбы и всякаго сырья, также какъ и въ домонгольскій періодъ, шли далеко на востокъ и на западъ. Значеніе Кіева поднялось особенно съ тѣхъ поръ, когда, послѣ Люблинской уніи, объединившей Литву съ Польшей, ему пришлось сдѣлаться центромъ православія въ его борьбѣ съ польско-латинскимъ вліяніемъ. Такую роль Кіевъ игралъ до полов. XVII в. и нѣсколько разъ дѣлалъ попытки отложиться отъ Польскаго государства, что въ 1482 г. окончилось уничтоженіемъ кіевскаго удѣла и обращеніемъ въ воеводство, — какъ разъ тогда, когда заботами князя Симеона Олельковича († 1471) Кіевъ оправился отъ опустошенія, произведеннаго татарскимъ ханомъ Эдигеемъ (въ 1416 г.). Готическія черты нѣкоторыхъ кіевскихъ храмовъ и самаго замка князей Олельковичей, сохраненные на нѣкоторыхъ старыхъ рисункахъ и гравюрахъ, показываютъ, что эти князья пользовались услугами иностранныхъ мастеровъ, слѣдуя вкусамъ своего времени.

Въ годъ учрежденія Кіевскаго воеводства Кіевъ снова былъ опустошенъ крымскимъ ханомъ Менгли Гиреемъ и очень долгое время не могъ оправиться; древніе его храмы стояли въ развалинахъ и только торговля и вообще жизнь городской общины процвѣтала благодаря самостоятельности, обезпеченной ей Магдебурскимъ правомъ, дарованнымъ Кіеву въ 1499 г., въ силу чего кіевскіе мѣщане стали независимыми и неподсудными мѣстнымъ воеводамъ и получали право на безпошлинную торговлю. Зато воеводы держали мѣщанъ въ повиновеніи, владѣя Подоломъ при посредствѣ замка, который былъ расположенъ на Замковой горѣ или Киселевкѣ, названной такъ по имени послѣдняго во-

еводы Адама Киселя. Подъ охраной Магдебурскаго права кіевская городская община пріобрѣтала богатство и славу, вела обширную внѣшнюю торговлю съ Москвой, Турціей и западными странами, тутъ же находились обширные склады сырья; развивались промыслы, появились многочисленные ремесленные цехи, существовалъ свой монетный дворъ, своя цеховая гвардія; жило много иностранцевъ, приносившихъ сюда черты иноземной культуры, благодаря чему нѣкоторые памятники письменности и искусства того времени носятъ на себѣ черты ренессанса, напр., замѣчательный памятникъ Константина Острожскаго въ Лаврѣ.

Князь Константинъ Острожскій былъ кіевскимъ воеводой во 2 й полов. XVI в. При немъ Кіевъ, пострадавшій отъ разоренія Менгли Гирея, помалу поднимался изъ руинъ, была отстроена Лавра, Софійскій соборъ, Кирилловскій монастырь, на древніе памятники обратили вниманіе иностранцы. Кіевъ вслѣдъ за Львовомъ начинаетъ стоять впереди культурно національнаго и религіознаго движенія, вызваннаго на Украйнѣ введеніемъ уніи церквей, насильственной полонизаціей украинскаго населенія и общей его безправностью. Народъ нашелъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы, не имѣя интеллигенціи, дать отпоръ польскимъ притѣсненіямъ, — создалъ свою военную организацію (казачество), новую іерархію, просвѣщеніе, искусство. Въ послѣднемъ случаѣ украинская интеллигенція воспользовалась орудіемъ католичества, обратившись къ пышнымъ формамъ искусства борокко. Оттого Кіевъ, начиная съ XVII в., когда усиліями гетмана Сагайдачнаго и лучшихъ представителей интеллигенціи въ немъ учреждена была Академія, типографія, братство и иные культурныя учрежденія, сдѣлался городомъ господствовавшаго тогда въ Европѣ стиля барокко. XVII вѣкъ ознаменовалъ собою въ Кіевѣ цѣлую эпоху, вдохновлявшуюся иногда и пріобрѣтеніями современной Европейской науки. Тогда, напр., по случаю открытій, сдѣланныхъ Бозіо въ римскихъ катакомбахъ, были сдѣланы значительныя измѣ-

ненія въ Лаврскихъ пещерахъ, появились по образцу Европейскихъ Mirabilia особые путеводители по кіевскимъ памятникамъ (Τερατούργημα Кальнофойскаго 1638 г. съ замѣчательнымъ планомъ, вызвавшимъ полемику въ наукѣ между проф. Голубевымъ, Н. Петровымъ и Ляскоронскимъ, Paterikon Коссова, Kijovia Sotteranea Гербинія...) и вообще возросъ археологическій интересъ къ роднымъ древностямъ, выразившійся въ зарисовываніи кіевскихъ руинъ, плановъ и видовъ (рисунки Вестерфельда 1651 г., гравюры Щирскаго XVII в., планы въ Тератургемѣ и у Гербинія, планы 1695 г., 1713—1715 г.г., 1719 г., 1760—62 г.г. и мн. др.), а также въ рядѣ раскопокъ (предпринятыхъ напр. П. Могилой) и реставрацій кіевскихъ руинъ (напр., итальянск. архитект. Себаст. Брачи).

Какъ сказочные исполины возникли и пріодѣлись тогда въ барочныя одежды св. Софія, Михайловскій монастырь, Лавра, Братство. Этому способствовалъ общій характеръ всей культуры старой Украйны съ ея вычурнымъ великолѣпіемъ, борьба съ католичествомъ при помощи заимствованныхъ отъ него же, но переработанныхъ по своему пышныхъ художественныхъ формъ, положеніе города—холмы и яры и бурливый Днѣпръ; все это какъ нельзя болѣе компоновалось съ игривымъ видомъ построекъ, у которыхъ такіе роскошные фасады. Почти на каждой улицѣ, на каждомъ видѣ Кіева замѣчаешь теперь любопытные обрывки этого барочнаго стиля.

Въ такомъ состояніи Кіевъ въ 1654 г. вмѣстѣ съ остальной Украйной присоединился къ Москвѣ. Въ 1660 г. онъ отошелъ къ гетману Выговскому, между прочимъ, намѣревавшемуся открыть здѣсь университетъ, но въ 1667 г. по Андрусовскому миру сначала временно, а потомъ навсегда былъ уступленъ опять Москвѣ. Новое правительство сразу же принялось за ограниченіе кіевскаго самоуправленія, а также начало примѣнять репрессіи по отношенію къ ака-

деміи, кіевской церковной обрядности и къ издательской и литературной дѣятельности, но первые преемники Богдана Хмельницкаго, устроившаго соединеніе Украины съ Москвой, умѣли эти недоразумѣнія улаживать, хотя кіевской митрополіи очень не повезло, такъ какъ ей пришлось (въ 1685 г.) потерять свою автокефальность и признать власть московскаго патріарха. При гетманѣ Ив. Мазепѣ проявился даже особый подъемъ кіевской культуры, что собственно было вызвано меценатской дѣятельностью гетмана и его приверженцевъ, не жалѣвшихъ никакихъ средствъ, чтобы сдѣлать изъ Кіева достойную столицу будущей свободной Украины. Въ виду этого Мазепа устроилъ въ Кіевѣ крѣпость, храмы, поощрялъ просвѣщеніе и искусства.

Однако, когда на полтавскомъ полѣ звѣзда Мазепы закатилась, Кіеву пришлось почувствовать на себѣ карающую руку Петра. На всѣхъ храмахъ, сооруженныхъ Мазепой были сбиты княжескіе гербы гетмана, уничтожались надписи съ его именемъ, портреты, посвященныя ему книги и картины, былъ до основанія снесенъ монастырь Вознесенія, гдѣ игуменьей была мать гетмана, а вслѣдъ за симъ Лаврской типографіи было запрещено изданіе книгъ свѣтскаго содержанія, учреждена цензура даже на иконы и введенъ русскій языкъ въ книги церковнаго содержанія и въ школы. Тогда же было упразднено гетманство и въ Кіевъ назначенъ генералъ-губернаторъ. Только въ 1764 г., когда гетманство было возстановлено снова, Кіевъ нѣсколько воспрянулъ: здѣсь появились новыя зданія и храмы, оживилась дѣятельность печерской типографіи и академіи, стали дѣятельно собирать отживавшія преданія, зарисовывать планы, разспространять портреты старыхъ дѣятелей.

Въ 1782 г. Кіевская губернія, учрежденная Петромъ I-ымъ, была упразднена и образовано кіевское намѣстничество, при этомъ жителямъ Подола по прежнему было оставлено Магдебургское право, правда, сильно урѣзанное. Въ

1787 г. Кіевъ опять переименованъ въ губернскій городъ и, дабы возвысить значеніе Печерска, ставшаго съ постройкой крѣпости центромъ великорусскаго поселенія, правительствомъ былъ выработанъ планъ переустройства Кіева, выразившійся въ уничтоженіи Подола, но планъ этотъ былъ отмѣненъ Павломъ I и наоборотъ на Подолъ переведена была въ 1797 г. контрактовая ярмарка изъ Дубно, сильно поднявшая его значеніе. Въ 1811 г. Подолъ опустошилъ страшный пожаръ, и тогда вмѣсто барокко утвердился въ Кіевѣ новый стиль классическій, изъ творческаго духа котораго выросло своеобразіе новаго города, правда, заслоненное десятилѣтіями бездарнаго строительства 2-й полов. XIX в.

Съ 30-хъ годовъ прошл. вѣка, когда было упразднено самоуправленіе Кіева, и расширена крѣпость на Печерскѣ, начинается новѣйшая исторія Кіева: были распланированы старый городъ и поселокъ на — Лыбеди Новое Строеніе, гдѣ учреждены гимназіи, университетъ и разныя административныя мѣста, долженствовавшія упрочить въ Кіевѣ связь съ русской государственностью и культурою, что съ одной стороны способствовало обрусѣнію города, а съ другой — вызвало усиленіе мѣстнаго украинскаго національнаго движенія.

Нынѣ Кіевъ заключаетъ въ себѣ различныя части, непохожія другъ на друга. Старый Кіевъ богатъ воспоминаніями княжеской эпохи, Подолъ — центръ торговый, на Печерскѣ преобладаетъ религіозный вполнѣ христіанскій оттѣнокъ, Новое строеніе — шумный Европейскій городъ и ни одна изъ этихъ частей еще надлежащимъ образомъ не изучена и не описана, никто еще не удѣлялъ вниманія общему художественному облику Кіева и его достопамятностей. Задачей настоящей книги и является обратить вниманіе на значительныя пріобрѣтенія Кіева въ области духовной и матеріальной преимущественно художественной культуры какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Художественная, общественно-національная и религіозная жизнь Кіева всегда

имѣла свою оригинальность, какъ имѣлъ ее въ разное время, въ разныхъ своихъ частяхъ и внѣшній обликъ города, тоже необходимо отмѣтить.

Такія многогранныя задачи путеводителя заставили автора выйти изъ научныхъ рамокъ, сокращая обзоръ наиболѣе интереснаго матеріала для привлеченія того, что можетъ вообще важнымъ для ознакомленія съ Кіевомъ; поэтому за болѣе подробными историческими, топографическими, а частію и археологическими справками отсылаемъ къ трудамъ, указаннымъ въ предисловіи. Въ заключеніе авторъ приноситъ благодарность за помощь совѣтами и матеріаломъ г.г. Н. И. Петрову, В. П. Пещанскому, В. К. Прокоповичу, П. П. Покрышкину и Н. П. Сычеву.

I.

Старый городъ.

Золотыя ворота. Древній Кіевъ во времена своего цвѣтущаго состоянія начинался у (сохранившихся донынѣ въ развалинахъ) Золотыхъ или Великихъ воротъ и простирался дальше къ сѣверу и востоку до громаднаго Кожемяцкаго ущелья, внизу котораго лежитъ другая часть древняго Кіева — Подолъ, названная такъ въ отличіе отъ верхняго Кіева (или просто „Горы“), господствовавшаго надъ нижнимъ городомъ. Верхній городъ представлялъ родъ древняго Акрополя или Кремля.

Остатки Золотыхъ воротъ находятся среди сада на Золотоворотской площади между улицами Большой Владимірской и Театральной при пересѣченіи ихъ съ Прорѣзной и Большой Подвальной. Эти улицы проведены послѣ 1832 г. во время общей распланировки территоріи древн. Кіева.

Черезъ Золотыя ворота въ древности шла главная дорога въ городъ, который былъ окруженъ высокими земляными валами, деревянными крѣпостными сооруженіями и рвами. У Золотыхъ воротъ Кіевъ не имѣлъ естественной защиты, отсюда производились всѣ нападенія на Кіевъ, даже когда непріятель приходилъ изъ-за Днѣпра. Передъ Золо-

тыми воротами поэтому внѣ города жителей не было, и до самаго XIX в. здѣсь были дикіе пустыри.

Время постройки Золотыхъ воротъ не позже 1037 г. По преданію, створки этихъ воротъ были привезены св. Владиміромъ изъ Корсуня и отсюда похищены Болеславомъ Храбрымъ во время нападенія его на Кіевъ. Врата эти будто бы находятся теперь въ Гнѣзно въ каѳедральномъ костелѣ, гдѣ на нихъ виденъ и слѣдъ отъ удара нанесеннаго легендарнымъ „мечемъ—Щербцемъ" Болеслава, хранящимся нынѣ въ Петроградскомъ Эрмитажѣ, по преднію, полученымъ отъ арханг. Михаила для употребленія при коронаціи польскихъ королей. Но все это только поэтическая легенда, какъ и другія подобныя ей, напримѣръ, легенда объ увозѣ Золотыхъ воротъ половецкимъ ханомъ Бонякомъ въ степь, или — богатыремъ Михайликомъ въ Царьградъ. Никакого похода Болеслава I въ Кіевъ не было: это скорѣе приложимо къ Болеславу II, который такъ загостился въ Кіевѣ у Изъяслава Ярославича, что потерялъ королевство. Онъ, будто бы, тоже ударилъ мечемъ въ Золотыя ворота. Что касается гнѣзненскихъ воротъ, то онѣ не имѣютъ ничего общаго по своему происхожденію съ Херсонесомъ и по стилю своему идутъ къ произведеніямъ нѣмецкой литейной и чеканной промышленности XII—XIII в. (какъ въ Новгородѣ, Штеттинѣ, Плоцкѣ, Альпирсбахѣ). Одна изъ легендъ пріурачиваетъ появленіе ихъ въ Гнѣзно къ походу литовскаго князя Витовта въ Херсонесъ, что весьма важно въ виду того, что Херсонесъ былъ колыбелью русскаго христіанства и искусства: Обаяніе Херсонеса было сильно и въ XVI. в.

Повидимому, въ связи съ легендой о желѣзномъ мечѣ Болеслава существовало наименованіе Великихъ воротъ —Желѣзными (у Лясоты въ 1594 г.).

Общеупотребительное свое названіе „Золотыхъ" ворота эти, по мнѣнію однихъ, получили отъ золоченыхъ главокъ,

или куполовъ (Антоновичъ), помѣщавшихся вверху, по мнѣнію другихъ — отъ облицовки самыхъ створокъ воротъ (Максимовичъ). Митрополитъ Платонъ называетъ ворота Золотыми по позлащенной статуѣ патрона города Кіева арх.

Золотыя ворота по рис. 1651 г.

Михаила, находившейся будто бы на верху этого сооруженія: Дѣйствительно, Золотыя ворота въ XVII—XVIII в. назывались „воротами св. Михаила", къ чему поводомъ послужило, можетъ быть, жившее еще въ XIX в. сказаніе о богатырѣ

Михайликѣ, а можетъ быть и преданіе о мечѣ — Щербцѣ, полученномъ отъ арх. Михаила. Арх. Михаилъ издревле считался патрономъ Кіева и до сихъ поръ изображается въ гербѣ Кіева, чего, однако, нельзя возводить къ княжескимъ временамъ.

Вѣрнѣе всего названіе Золотыхъ воротъ объяснять позолотой стѣнъ этого сооруженія, о чемъ сооощаетъ въ XVI в. Гейденштейнъ. Появленіе Золотыхъ воротъ въ Кіевѣ связано съ Византіей, главной носительницей тогдашней культуры, поражавшей міръ своими архитектурными сооруженіями и имѣвшей въ Константинополѣ, куда часто ѣздили Кіевляне, Золотыя ворота, построенныя императоромъ Ѳеодосіемъ Великимъ по примѣру городовъ античнаго міра (ср. еще у Гомера), главнымъ образомъ, римской имперіи, знавшей въ своихъ крѣпостныхъ сооруженіяхъ ворота золотыя, желѣзныя и мѣдныя (Спалато, Триръ, Пола). Царьградскія золот. ворота имѣли 3 пролета по образцу римск. арокъ, и были украшены золотыми орнаментами, о чемъ свидѣтельствуетъ уцѣлѣвшая на нихъ надпись.

Античныя начала въ византійской переработкѣ очень рано возымѣли на Руси значительную силу и мы дальше увидимъ, что кромѣ Золотыхъ воротъ Кіевъ получилъ изъ античнаго источника свой религіозный палладіумъ — св. Софію, переданную отсюда въ Новгородъ и дальше, церковь мира — Ирины, форумъ съ дворцами князей, цѣлый рядъ памятниковъ письменныхъ, художественныхъ и др.

Золотыя ворота въ Кіевѣ по примѣру классическ. міра, (ср. храмы Януса) и Византіи имѣли въ своей верхней части церковь, посвященную Благовѣщенію Богородицы, что имѣло свой смыслъ историческій и символическій: „Ярославъ, — говорится въ словѣ митрополита Илларіона, — создалъ церковь вверху Великихъ воротъ во имя Благовѣщенія, чтобы то привѣтствіе, съ которымъ ангелъ обратился къ Дѣвѣ, обратилось къ городу... Радуйся, благовѣрный граде, Господь съ тобою". Согласно сказаніямъ апокрифическихъ Евангелій,

Золотыя ворота города Іерусалима сыграли не маловажную роль въ исторіи Пресвятой Дѣвы и воплощенія Христа, въ чемъ и кроется начало историческаго значенія Золотыхъ воротъ Цареградскихъ, Кіевскихъ и т. под. Черезъ Іерусалимскія ворота шла Богородица къ Елизаветѣ; и сама она была вратами спасенія. Разсказывали, что послѣ входа въ Іерусалимъ ворота захлопнулись и даже Веспасіанъ не могъ ихъ открыть.

Впослѣдствіи Золотыя Кіевскія ворота съ церковью Благовѣщенія послужили началомъ для цѣлой серіи надвратныхъ храмовъ, начиная съ сѣверной столицы — Владиміра на Клязмѣ, куда князь Андрей Боголюбскій перенесъ не только идею Золотыхъ воротъ, но и названія Кіевскихъ рѣкъ и урочищъ (Лыбедь, Печерный городъ и др.).

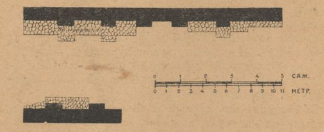
Въ XVII в. Золотыя ворота видѣлъ цѣлыми писатель Кальнофойскій. Онъ говоритъ, что церковь на Золотыхъ воротахъ имѣла такой же видъ, какъ уцѣлѣвшая до насъ церковь XII в. на Святыхъ воротахъ Печерской лавры. На основаніи этого по примѣру 3-хъ пролетныхъ тріумфальныхъ римско визант. арокъ соблазнительно предполагать, что въ нижнемъ этажѣ воротъ первоначально было три прохода, изъ коихъ средній — бо́льшій далъ воротамъ названіе — Великихъ, какъ это случилось по Стриговскому и въ Царьградѣ; на стѣнахъ нижняго этажа, какъ бы на фундаментахъ, возвышались внутренніе столбы и внѣшнія стѣны храма, планъ котораго имѣлъ видъ квадрата. Это былъ упрощенный типъ кіевск. храма: Четыре столба внутри его съ одн. стор поддерживали куполъ и своды, а съ другой — дѣлили храмъ вдоль и поперекъ на 3 нефа. Алтарная часть, по всей вѣроятности, не выступала наружу своими полукружьями, но оканчивалась прямой стѣнои на подобіе упомянутой церкви на воротахъ Лавры и частію — храмовъ Полоцка и Витебска (XII в.). Судя по сохранившимся рисункамъ XVII — XVIII в., такія соображенія о предполагаемомъ видѣ церкви Благовѣщенія на вратахъ могутъ соотвѣтствовать дѣйствительности: на

старыхъ рисункахъ (извѣстны рисунки, найденные Я. И. Смирновымъ въ бумагахъ польскаго короля Станислава Августа и приписываемые голл. художнику А. Вестерфельду; изображеніе Золотыхъ воротъ на гравюрѣ изъ той же коллекціи и на бронзовой медали изображающей въѣздъ Я. Радзивилла въ Кіевъ; нѣкоторые же видятъ изображеніе этого памятника и на кіевскихъ монетахъ XIV — XV в.), напр., у Вестерфельда въ XVII в. на Золотыхъ воротахъ показаны окна, двери и высокія башнеобразныя стѣны церкви, о которыхъ говоритъ Синопсисъ; въ круглыхъ и квадратныхъ поляхъ стѣнъ замѣтны остатки живописи или кафельной облицовки, примѣнявшейся въ древнихъ кіевскихъ сооруженіяхъ довольно часто. Можетъ быть на фасадѣ имѣлось фресковое изображеніе Благовѣщенія, — какъ это практиковалось внутри храмовъ на аркѣ, отдѣляющей алтарь отъ храма; тогда будетъ понятно и преданіе о золотомъ архангелѣ на Золотыхъ воротахъ. (Думаютъ, что Золотыя ворота въ Константинополѣ имѣли тоже изображеніе Благовѣщенія, каковое неправильно видятъ въ одномъ изъ античныхъ рельефовъ Оттоманскаго музея). Возможно, что это изображеніе предшествовало на Золотыхъ воротахъ тому образу Богородицы, который поставили здѣсь московскіе стрѣльцы послѣ 1654 г. Эта икона хранится теперь въ Троицкой церкви на Лыбеди. Ее ошибочно считаютъ Казанской. Въ 1832 г. кромѣ того у воротъ были найдены украшенія рѣзьбою по камню.

Помѣщенія для стражи у Золотыхъ воротъ скорѣе всего были не на верху, а внизу, какъ во Владимірѣ и въ св. воротахъ Лавры. Здѣсь же были „комары“ для княжеской казны. Роспись Кіеву 1682 г. знаетъ у воротъ особое сооруженіе — „набатъ“. Въ XVII вѣкѣ этими историческими воротами очень дорожили. Въ нихъ устроили кіевляне въ 1649 г. тріумфальную встрѣчу Богдану Хмельницкому, согласно существовавшей въ XVII в. модѣ на тріумфы. Въ 1651 году черезъ Золотыя ворота вошелъ въ Кіевъ князь

Я. Радзивиллъ. На рисункѣ, изображающемъ шествіе Радзивилла, можно видѣть, что собою представляло это мѣсто въ XVII вѣкѣ: валы, верхушки храмовъ, развалины, домики въ стилѣ барокко, придорожные кресты и среди нихъ козаки, нищіе и калѣки, которыми Кіевъ никогда не былъ бѣденъ— особенно въ эпоху безпрерывныхъ войнъ XVII в.

Послѣ присоединенія Украины къ Московскому государству возникъ вопросъ о перестройкѣ и укрѣпленіи Золотыхъ воротъ. Надо полагать, что въ то время подъ воротами были воздвигнуты деревяныя подпоры, относительно которыхъ въ 1745 году послѣдовало донесеніе Правительствующему Сенату, что подпоры погнили и стѣны грозятъ паденіемъ; тогда было предписано ворота засыпать. Въ 1750—1753 г. надъ скрытыми въ землѣ воротами были построены новыя, просуществовавшія до 1799 года; ихъ, повидимому, имѣлъ въ виду князь Долгоруковъ (1810 г.), когда говорилъ, что Золотыя ворота разломаны для употребленія матеріала съ большею пользою въ другомъ мѣстѣ".

Планъ Золотыхъ воротъ.

Въ 1832 году при распланировкѣ стараго города были снесены древніе валы и были вновь открыты (Лохвицкимъ) отъ засыпки старыя Золотыя ворота. Самойловъ въ своемъ описаніи этого памятника приводитъ чертежъ Золотыхъ воротъ послѣ ихъ открытія; храма и сводовъ уже не было;

они рушились подъ тяжестью засыпки и новой постройки. Кременецкій архитекторъ инженеръ Мѣховичъ укрѣпилъ эти жалкіе остатки желѣзными связями и кирпичными подпорами (контрфорсами) въ видѣ глухихъ полуарокъ.

Нынѣ отъ этого замѣчательнаго памятника византійкой культуры на Руси осталось только двѣ стѣны, возвышающіяся на небольшой насыпи, представляющей собой остатокъ древнихъ валовъ. Толщина каждой стѣны 2 арш. и высота 14 арш.; лѣвая стѣна короче правой; разстояніе между обѣими $10^1/_2$ арш. Боковыхъ стѣнъ не сохранилось.

Обѣ стѣны внутри прохода сложены изъ кирпича и булыжниковъ на прочномъ известковомъ съ примѣсью толченаго кирпича растворѣ. Кирпичъ двухъ сортовъ—желтый изъ мѣстной Кіевской спондилуевой глины, дающей и нынѣ превосходный желтоватый кирпичъ, и красный, который, будучи размолотъ и подмѣшанъ въ растворъ, сообщалъ цементу розовый цвѣтъ. Размѣры кирпича разные, форма квадратная въ видѣ тонкихъ большихъ плитъ. Главную роль въ кладкѣ игралъ растворъ, обладающій особыми гидравлическими свойствами, а кирпичъ и булыжники имѣли менѣе важное значеніе. Камни въ прокладкахъ и розовый растворъ напоминаютъ такіе же въ древнихъ храмахъ Кіева (Десятинная церковь...) въ Константинопольскихъ стѣнахъ и въ храмахъ малой Азіи (ср. также архит. Каролинговъ). Массивъ стѣны имѣетъ очень красивую внѣшность: черезъ каждые пять рядовъ кирпича — идетъ рядъ камней, и между каждымъ рядомъ камней и кирпича толщина раствора 3 вершка. Стѣна, такимъ образомъ, какъ бы украшена полосами и штукатуркой не закрывалась, кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя предназначались для росписи и каменныхъ прокладокъ, что только подчеркивало ея раздѣлку полосами. Однообразіе такой облицовки уничтожалось въ древне-русской и въ византійской архитектурѣ тѣмъ, что въ стѣнахъ устраивались декоративныя арки; онѣ имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ и конструктивное значеніе, служа для разгрузки стѣны, но не

въ качествѣ фальшивыхъ оконъ и дверей, какъ думалъ Закревскій. Особенность кладки этихъ арокъ составляетъ то, что здѣсь кирпичи отдѣлены другъ отъ друга простыми швами, чего нѣтъ въ византійск. памятникахъ, гдѣ между кирпичами ставили черепицу. Въ стѣнахъ сохранились гнѣзда отъ прежнихъ связей; своды опирались на арки, шедшія отъ одного выступа стѣны къ другому. Такихъ выступовъ (пилястровъ) на длинной сторонѣ извѣстно 6; на одномъ изъ нихъ (крайнемъ справа) замѣтно вверху закругленіе, свидѣтельствующее о начинавшейся здѣсь аркѣ, шедшей къ противоположной стѣнѣ. Здѣсь именно и можно наблюдать первоначальную желтоватую кладку воротъ. Къ этой кладкѣ прислоненъ иной родъ кладки изъ красноватыхъ кирпичей съ розовымъ растворомъ, положеннымъ толстыми слоями; черезъ каждые 3—4 ряда кирпича идетъ рядъ камней. Эта иная по своему составу, тоже древняя кладка, несвязанная съ желтоватой стѣной и даже отколовшаяся отъ нея, принадлежитъ къ какимъ то передѣлкамъ Золотыхъ воротъ, произведеннымъ въ XII вѣкѣ, можетъ быть, послѣ погрома Кіева, учиненнаго Андреемъ Боголюбскимъ.

Замѣтны слѣды перестройки и въ концѣ лѣвой стѣны (входя въ Кіевъ). Эта перестройка составлена изъ обыкновенной извести съ толченымъ кирпичемъ, между нею булыжники и обломки древнихъ кирпичей; ее можно относить къ 1320 г., когда Кіевъ перешелъ къ Литвѣ. Къ тому же времени, можетъ быть, относится деревянная хата, найденная въ 1915 г. между стѣнами. На внѣшней сторонѣ лѣвой стѣны виденъ также первоначальный массивъ стѣны, производившійся въ бревенчатомъ щитѣ (слѣды его на известкѣ), который былъ удаленъ послѣ того, какъ постройка достаточно затвердѣла. По мнѣнію П. П. Покрышкина, это мѣсто первоначальнаго притыка воротъ къ земляному валу, но тогда нужно отвергнуть предположеніе о 3-хъ пролетахъ нижняго этажа. Послѣднія перестройки были сдѣланы въ XIX в., когда обѣ уцѣлѣвшія стѣны были открыты изъ подъ засыпки, укрѣп-

лены желѣзными связями и наружными подпорами (контрфорсами) въ видѣ глухихъ полуарокъ.

Городъ Ярослава; валъ. За Золотыми воротами начинался древній Кіевъ временъ Ярослава. Для уясненія границъ города Ярослава пройдемъ влѣво по Большой Подвальной улицѣ до Львовской площади. Подвальная улица своимъ названіемъ указываетъ, что здѣсь проходилъ городской валъ. Лучшія попытки возстановить черту вала Ярослава принадлежатъ М. Максимовичу, Закревскому и Н. Петрову, которые проводятъ его по краямъ овраговъ, руководствуясь, какъ исходными точками, мѣстоположеніемъ древнихъ Кіевскихъ воротъ Золотыхъ, Львовскихъ и Лядскихъ.

Валъ этотъ имѣлъ стѣны и былъ укрѣпленъ рвами и особыми земляными выступами (бастіонами) для болѣе удобнаго отраженія непріятеля. Структура Кіевскихъ валовъ можетъ быть представлена на основаніи наблюденій В. Хвойка, сдѣлавшаго раскопки вала около Десятинной церкви и въ Бѣлгородкѣ; въ послѣдней валъ оказался построеннымъ изъ сырого кирпича въ деревяныхъ клѣткахъ, имѣвшихъ помѣщенія для разныхъ военныхъ надобностей и присыпанныхъ со стороны поля землей. Кіевскіе валы существовали въ цѣлости до 1832 г., когда были снесены распланировкой Старого города.

По Большой Подвальной валъ шелъ до Львовской площади, гдѣ стояли Львовскія ворота.

Кое что относящееся къ древнимъ валамъ, а именно находки, сдѣланныя въ нихъ, хранятся въ кіевскихъ музеяхъ. Изъ нихъ одинъ частный, принадлежащій О. Г. Гансену, находится здѣсь же на Большой Подвальной (№ 14 А). Посѣщеніе этого богатаго собранія можно настойчиво рекомендовать тѣмъ, кто интересуется не однимъ только княжескимъ Кіевомъ. Въ немъ собрано вообще все, что имѣетъ отношеніе къ Кіеву, какъ къ центру Южной Руси, на продолженіи всей ея многовѣковой исторіи — но, главнымъ образомъ, предметы XVII—XVIII в.в.

Съ ростомъ Кіева физіономія стараго города безпрестанно измѣняется и уже немного осталось въ немъ даже домовъ, построенныхъ при распланировкѣ валовъ (въ 30 и 40 год. прошл. вѣка). Изъ такихъ домовъ на Большой Подвальной укажемъ номеръ 5, относящійся къ Николаевской эпохѣ — простой и благородной архитектуры съ примѣсью классическихъ элементовъ, также № 13 съ полуколоннами на фасадѣ, поддерживающими трехугольный щитъ или фронтонъ, и домъ № 27 съ красивыми карнизами, пилястрами и общей смѣлой комбинаціей архитектурныхъ частей. Здѣсь же по Большой Подвальной помѣщается молитвенный Караимскій домъ изящный, но нѣсколько мрачный, отдѣланный снаружи скульптурными фантастическими узорами и письменами въ Мавриганскомъ стилѣ; двери и окна его закруглены въ видѣ подковы. Стиль для синагоги выбранъ очень удачно.

Въ предѣлахъ Ярославова вала въ настоящее время идетъ обычная городская жизнь. Но въ древности, особенно въ эпоху казачества, шла безпрестанная дружная работа мѣщанъ и казаковъ по починкѣ укрѣпленій, проходили толпы гулякъ къ расположеннымъ здѣсь шинкамъ, и благочестивые паломники обнажали свои головы въ виду святой Софіи. Такой выглядываетъ эта мѣстность на старыхъ гобеленахъ, медаляхъ (Детлеръ) и рисункахъ (Вестерфельдъ). Въ половинѣ XVII в. здѣсь московскіе стрѣльцы „стали держать крѣпкіе караулы“ противъ поляковъ, татаръ и тѣхъ же казаковъ (Лукьяновъ). Валы возобновлялись и перестраивались при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, при Петрѣ Великомъ, основавшемъ также Кіево-Печерскую крѣпость, и при Минихѣ — приблизительно въ древнихъ границахъ и съ проѣздами на мѣстахъ древнихъ воротъ. Къ таковымъ принадлежали и Львовскія ворота, находившіяся на Львовской (Сѣнной базаръ) площади, въ которую опирается Большая Подвальная улица.

Львовскія ворота XI в. Въ древности эти ворота лежали на пути во Львовъ. Онѣ назывались еще Иванов-

скими и „Жидовскими", что указываетъ на присутствіе въ Кіевѣ еврейскаго населенія, равно какъ названіе Лядскихъ воротъ и т. п доказываетъ, что древній Кіевъ имѣлъ связь съ другими народами. Подъ „жидами", жившими у Львовскихъ воротъ, должно разумѣть не только евреевъ, но вообще іудеевъ по вѣрѣ, каковыми были и степные сосѣди Руси — половцы и хозары. Львовскія ворота существовали еще въ 1795 году; нынѣ на мѣстѣ воротъ стоитъ Срѣтенская церковь - извѣстная, какъ церковь всѣхъ скорбящихъ. Церковь здѣсь существовала издавна. На планѣ Кіева 1695 года она имѣетъ видъ деревяннаго зданія съ куполомъ и тремя дверями или алтарными полукружіями. Въ 1752 г. сюда былъ перенесенъ образъ Б. Матери всѣхъ скорбящихъ, висѣвшій будто бы на Львовскихъ воротахъ, что едва ли справедливо, ибо икона эта имѣетъ семейный характеръ (изображенные на ней Кирикъ и Улитта—патроны заказчиковъ), она не старше XVII вѣка и Московскаго происхожденія. Нынѣшній храмъ построенъ въ половинѣ XIX вѣка. Архитектура его несложная обычнаго офиціальнаго типа.

Отъ Львовской площади въ старый городъ ведутъ улицы: Срѣтенская, получившая свое названіе отъ церкви, Рейтарская и Житомирская. Сюда же - примыкаетъ и Бульварно - Кудрявская улица, обозначающая направленіе вала, шедшаго отъ Львовскихъ воротъ вдоль Кудрявца или сѣвернаго склона Кіевской горы; Вознесенскій спускъ отсюда ведетъ къ древнимъ урочищамъ—Гончарамъ и Кожемякамъ, названія которыхъ еще въ X—XII вѣкѣ были продиктованы бытовыми признаками жителей.

По склонамъ Кудрявца до XIX в. были разбросаны живописныя украинскія хатки, дополнявшія картину стараго Кіева, и митрополичій замокъ. Это поселеніе принадлежало Михайловскому монастырю; центромъ поселка была церковь Вознесенія, давшая имя нынѣшнему Вознесенскому спуску. При немъ стояла школа, необходимая принадлежность всѣхъ церквей старой Украины Здѣсь же въ разное время были

открыты фундаменты 2-хъ церквей XI — XII в., что даетъ поводъ помѣщать въ этомъ мѣстѣ Копыревъ конецъ древн. Кіева съ Симеоновскимъ и Іоанновскимъ храмами (ср. назв. Львовскихъ воротъ Ивановскими) и Подольскими воротами.

Большая Житомирская улица (прежде Львовская), направляющаяся отъ Львовской площади къ ю.-в., проходитъ по границѣ между городомъ Ярослава и болѣе старымъ городомъ св. Владиміра. Что касается Рейтарской улицы, то ея названіе происходитъ отъ Рейтарской части московскихъ стрѣльцовъ. На Рейтарской улицѣ сохранился одинъ старенькій домикъ съ красивымъ фасадомъ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка (№ 22).

Ворота Раф. Заборовскаго. По Срѣтенской или Рейтарской можно выйти къ пересѣкающей ихъ Стрѣлецкой улицѣ, названіе которой тоже связано съ пребываніемъ въ Кіевѣ Московскаго гарнизона, а оттуда—свернуть къ оградѣ Софійскаго собора у Георгіевскаго переулка, гдѣ находятся заложенныя нынѣ старыя ворота (брама) Софійскаго собора. Это прекрасный памятникъ строительной дѣятельности митр. кіевскаго Рафаила Заборовскаго, который, самъ будучи архитекторомъ, оставилъ печать своего художественнаго вкуса на многихъ выдающихся памятникахъ кіевской архитектуры. Ворота имѣютъ характерныя формы стиля барокко въ своеобразной его украинской переработкѣ. Подъ стилемъ барокко разумѣется стиль, пришедшій въ зап. Европѣ на смѣну стилю ренессансъ въ качествѣ реакціи противъ классицизма, увлекшаго высокое возрожденіе. Барокко характеризуется въ планѣ и въ фасадахъ криволинейными очертаніями и стремленіемъ къ созданію новыхъ формъ; детали имѣютъ безпокойный характеръ, фронтоны разрываются, колонны принимаютъ витыя формы или украшаются вьющимися растеніями, появляются огромныя волюты и большое количество другихъ украшеній, подчеркнутыхъ примѣненіемъ раскраски. Эти особенности имѣются и на воротахъ Заборовскаго — тѣ же кривыя линіи вмѣсто

Ворота Раф. Заборовскаго, полов. XVIII в.

прямыхъ, стремленіе къ эффекту, изобиліе пластическихъ деталей (лѣпка), изогнутый съ падающими волютами фронтонъ и подъ нимъ сжатая арка, на коринфскихъ колоннахъ; въ центрѣ щитъ съ гербомъ Заборовскаго, внизу заложенный пролетъ между двумя пилястрами. Украинская архитектура усвоила барочныя формы и сдѣлала ихъ своими; она очень полюбила мотивъ портала или воротъ, создала особые фасады, украсивъ ихъ великолѣпными щитами, фронтонами, нишами, наличниками; она популяризовала особыя формы куполовъ и перекрытій, а орнаментацію заимствовала изъ мѣстной флоры и вѣрованій. Въ формахъ этихъ часто много наивнаго; размѣщаются онѣ безъ всякаго смысла,— но очень эффектны.

Церковь св. Георгія. Дальше по Георгіевскому переулку въ самомъ концѣ его расположена церковь св. Георгія. Она по внѣшнему виду своему напоминаетъ Срѣтенскую церковь; это послѣдствіе передѣлокъ, а на самомъ дѣлѣ церковь построена въ полов. XVIII в. Рисунковъ церкви, какъ она выглядѣла до перестройки, не сохранилось и только, судя по устройству сводовъ, можно полагать, что она была безъ купола или, вѣроятнѣе всего, имѣла фальшивую главку по образцу тѣхъ, которыя красуются на углахъ современной ей церкви св. Андрея. Этому храму предшествовало два храма болѣе древней поры. Первый изъ нихъ былъ построенъ Ярославомъ Мудрымъ и освященъ митроп. Илларіономъ. Онъ предназначался для „посвященія и столованія“, т. е. всенароднаго возглашенія новопоставленныхъ епископовъ. Въ память освященія храма 25 ноября 1054 г. былъ установленъ повсемѣстный праздникъ. Послѣднія свѣдѣнія о первоначальномъ Георгіевскомъ храмѣ относятся къ 1674 г., когда съ благословенія Лазаря Барановича на древнихъ фундаментахъ его была построена новая Георгіевская церковь; впослѣдствіи на ея мѣстѣ воздвигнутъ нынѣшній храмъ. Въ храмѣ XVII в., какъ и въ нынѣшнемъ, иконостасъ, кіоты, кресты были кіевской работы, о чемъ въ 1674 г. сообщалось царю Алексѣю Михайло-

вичу. Въ нынѣшней церкви иконостасъ въ стилѣ рококо — очень хорошій, но переписаный. Роспись стѣнъ новая — сдѣлана художникомъ Ижакевичемъ, примѣнившимъ въ орнаментаціи храма украинскіе народные мотивы. Въ храмѣ находится большая драгоцѣнность—надгробный памятникъ надъ княземъ Ипсиланти работы знаменитаго Кановы. На памятникѣ изображено олицетвореніе вѣры—въ видѣ ангела съ крестомъ и бюстъ князя—потомка Молдаванскихъ господарей, жившаго въ Греціи и послѣ возстанія грековъ переселившагося въ Кіевъ († 1816 г.). Близъ Георгіевской церкви находили себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія и другіе иностранцы. Со 2 й половины XVII в. и въ началѣ XVII здѣсь было протестантское, а можетъ быть, и католическое кладбище. Здѣсь же въ XI в. умеръ опальный сынъ св. Владиміра Судиславъ, проведшій 34 года въ темницѣ. Мѣсто древняго храма нѣкоторые указывали немного къ сѣверу отъ нынѣшней церкви, въ усадьбѣ Софійскаго собора, въ фундаментахъ открытой тамъ (въ 1910 г.) церкви XI в., но изслѣдованія послѣдняго времени показали, что храмъ стоитъ на древнемъ основаніи.

Южн. граница города Ярослава. Отъ Георгіевской церкви переходимъ по Георгіевскому переулку на Б. Владимірскую, параллельно которой проходитъ Михайловскій переулокъ, тоже лежащій на чертѣ Ярославова вала: валъ направлялся здѣсь отъ Золотыхъ воротъ къ городу св. Владиміра, граница коего проходила черезъ нынѣшнюю площадь Михайловскаго монастыря. Со стороны Крещатика, гдѣ нынѣ Крещатикскій (прежде Козьеболотскій) переулокъ, были Лядскія т. е. Польскія ворота. Здѣсь въ 1911 г. въ усадьбѣ почтамта и Музыкальн. училища г. Вельминымъ были открыты фундаменты древняго круглаго сооруженія (башни) изъ кирпичей, положенныхъ въ материкѣ на деревянныхъ лежняхъ, какъ разъ надъ обрывомъ по направленію Прорѣзной ул. и Крещатика, куда собственно Лядскія ворота и направлялись. Вблизи ихъ жили поляки и можетъ быть иностранцы—„латины“, подъ которыми лѣтопись разумѣетъ или просто католиковъ или итальянцевъ, ведшихъ

тогда обширную торговлю, поляковъ было тоже не мало: въ то время они находились подъ культурнымъ вляніемъ Руси и нерѣдко служили распространенію кіевской культуры въ другихъ странахъ. Мѣсто южной части Ярославова вала и Лядскихъ воротъ опредѣляется теперь только приблизительно и пока достовѣрно извѣстна только небольшая часть этого вала въ усадьбѣ земскаго дома на углу Большой Владимірской ул. и Ирининскаго пер., гдѣ по пути отъ Золотыхъ воротъ онъ огибалъ несуществующую нынѣ церковь св. Ирины, образуя на мѣстѣ пересѣченія Малой Подвальной и Крещатикскаго переулка выступъ надъ упомянутымъ выше оврагомъ или дебрью.

Церковь св. Ирины. Памятникъ въ видѣ столба съ главкой на углу Б. Владимірской ул. и Ирининскаго пер. является остаткомъ древней церкви св. Ирины. Это собственно одинъ изъ зиждительныхъ столбовъ ея (сѣв. восточный) съ характерной кладкой XI в. Церковь Ирины была построена Ярославомъ Мудрымъ недалеко отъ „Крещатикскаго яра,“ къ которому еще въ XVII в. велъ Орининъ (Ирининскій) провалъ. Имя этой церкви заставляетъ вспомнить Константинополь, гдѣ тоже была церковь Ирины (Εἰρίνη), точно такъ же, какъ и храмъ св. Софіи, Золотыя ворота и т. п. Въ Кіевѣ она была воздвигнута въ честь жены Ярослава Мудраго (Ингигерды), которая здѣсь основала женскій монастырь. Во время Ярослава и его ближайшихъ пріемниковъ въ Кіевѣ было очень много храмовъ и монастырей, они строились по разнымъ поводамъ; иностранцы, а вмѣстѣ съ ними и русскіе лѣтописцы насчитываютъ такихъ церквей сотни. Мужскіе монастыри основывались князьями, женскіе — княгинями. Монашество было очень жизненной и популярной формой религіознаго и общественнаго быта, въ чемъ Русь опять таки слѣдовала Византіи, гдѣ нѣкоторые города представляли собою сплошные монастыри, ибо каждый богатый византіецъ имѣлъ свой монастырь, въ которомъ его погребали. Обычай этотъ ко времени Ярослава прочно привился въ Кіевѣ. Ирининскій монастырь былъ разрушенъ Менгли Гиреемъ

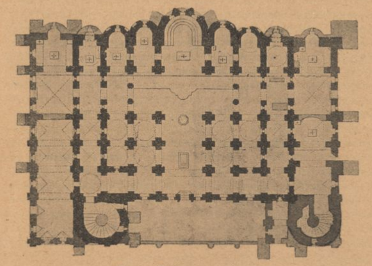
въ XV в. и въ XVII в. при расширеніи древнихъ валовъ засыпанъ землей. Въ 1833 году во время распланировки Б.-Владимірской ул. эти развалины были открыты Лохвицкимъ; они заключали въ себѣ фундаменты, части столбовъ, шиферныя плиты (облицовки нижнихъ стѣнъ), голосники (кувшины, вставленные въ своды, чтобы облегчить ихъ и для лучшаго резонанса и большей сохранности живописи), обломки фресокъ и склепы съ гробницами изъ шифера (очень любимый въ XI—XII в. камень краснаго цвѣта, привозившійся съ верховьевъ Днѣпра). Разслѣдованія Лохвицкаго были дополнены въ 1846 г. раскопками Ставровскаго, но планы храма остались тогда не выясненными и только въ 1913 г. удалось установить, что это была типичная кіевская постройка XI в. квадратной формы съ 3-мя алтарными полукружіями, внутренними подкупольными крестовидными столбами, хорами, двойнымъ притворомъ и боковыми заплечьями; алтари ея какъ разъ приходились на углу Владим. и Иринин кой ул. подъ нынѣшнимъ тротуаромъ. Въ 1852 г. одинъ изъ уцѣлѣвшихъ крестообразныхъ столбовъ храма былъ отдѣланъ древнимъ кирпичемъ (изъ Десятинной церкви) и обращенъ въ нынѣшній четыреугольный памятникъ. Но насколько справедливо мнѣніе, что дѣйствительно здѣсь остатки Ирининской церкви, а не другой — сказать трудно. Большинство древнихъ кіевскихъ храмовъ совершенно забыто и вѣроятно останется неизвѣстнымъ. Между прочимъ, мѣсто одной изъ такихъ церквей, вѣроятно Екатерининской, указываютъ (Петровъ) по сосѣдству съ Ирининскимъ памятникомъ на Б.-Владимірской ул., гдѣ находится башня надъ входомъ въ усадьбу Софійскаго собора, куда и мы направляемся.

Софійскій соборъ; южныя ворота. Въ ограду Софійскаго собора отъ памятника Ирининской церкви входимъ черезъ южныя ворота подъ башней со шпицомъ и фигурнымъ флюгеромъ. Ворота эти построены вмѣстѣ съ оградой собора въ XVIII в., на что указываетъ отдѣлка нижняго этажа пилястрами и декоративными нишами въ

стилѣ украинскаго барокко. Верхній этажъ въ XIX в. получилъ московскія полуколонки. Перекрытіе башни, характерное для эпохи барокко,—обращавшейся иногда къ строительнымъ формамъ готики, имѣетъ на изогнутомъ куполѣ конусообразный шпицъ съ флюгеромъ въ видѣ фигуры Арх. Михаила, являющейся традиціонной для Кіева (ср. Золотыя ворота). Въ древности мѣсто этихъ воротъ занимала упомянутая церковь св. Екатерины (XII в.), просуществовавшая до конца XVII в. Матеріалы ея употреблены на починку Софійскаго собора.

Время сооруженія собора. Изъ подъ южн. воротъ направляемся къ древнему храму св. Софіи. Названіе этой кіевской святыни связано съ св. Софіей Константинопольской (постр. имп. Юстиніаномъ въ VI в.). Церквей этого имени на востокѣ было большое количество, на Руси тоже нѣсколько—въ Кіевѣ, Новгородѣ, Полоцкѣ. Кіевская Софія изъ русскихъ самая древняя: Іакимовская лѣтопись сообщаетъ, что еще св. Ольга построила въ Кіевѣ храмъ и монастырь св. Софіи, при чемъ древніе святцы въ спискѣ 1307 г. свидѣтельствуютъ, что это случилось еще до путешествія Ольги въ Царьградъ. Оба свидѣтельства совпадаютъ съ такимъ же извѣстіемъ католич. еп. Дитмара Мерзебургскаго XI в. Софійскій монастырь существовалъ вѣроятно до 1017 г., т. е. до большого кіевскаго пожара, уничтожившаго 600 церквей, и первоначально находился къ с. зап. отъ нынѣшней Софіи въ предѣлахъ крѣпостныхъ сооруженій, воздвигнутыхъ св. Владиміромъ. На мѣстѣ же нынѣшней Софіи было открытое поле, на которомъ происходили битвы съ половцами. Въ память одной такой удачной стычки съ хищниками, какъ говорятъ, и былъ заложенъ Ярославомъ Мудрымъ нынѣшній Софійскій соборъ. Есть, однако, основаніе думать вмѣстѣ съ Дитмаромъ и друг., что и эта св. Софія заложена не Ярославомъ, а, по крайней мѣрѣ, св. Владиміромъ, ибо митрополитъ Илларіонъ въ своей рѣчи, обращаясь къ праху Владиміра, говоритъ, что Ярославъ, какъ Соломонъ сынъ Давида, недоконченное своимъ отцомъ окончилъ, создавъ

великолѣпный храмъ Премудрости Божіей" — очевидно Ярославъ воспользовался (Айналовъ) услугами призванныхъ Владиміромъ греческихъ мастеровъ, такъ какъ лѣтопись о призывѣ ихъ при Ярославѣ не говоритъ. Освященіе и, во всякомъ случаѣ закладку, св. Софіи должно относить приблизительно къ 1017 году (обычно годомъ основанія св. Софіи считаютъ 1037 годъ). Современники уподобили ее храму Соломона, и, дѣйствительно, очень сложный планъ и много-

Планъ Софійскаго собора.

Темныя части означаютъ первоначальную постройку, покрытыя темной штриховкой - пристройку XII в. и свѣтлой - пристройки XVII - XIX вв.

купольная система храма должны были удивить Русь и иностранцевъ — особенно западныхъ, — знавшихъ только несложныя базилики, которыя не могли сравниться съ купольными сооруженіями византійской архитектуры, отличавшейся техническими трудностями и величественностью.

Матеріалъ и планъ собора. Весь храмъ былъ сооруженъ изъ обычнаго въ XI—XII в. матеріала, извѣстнаго уже намъ по Золотымъ воротамъ и Иринингскому памятнику. Стѣны его своими неровностями даютъ впечатлѣніе монументальности, чего нѣтъ въ архитектурѣ изъ тесанныхъ камней. Изслѣдованіе кладокъ и плана указываетъ, что главная масса храма построена въ XI в., но не въ одинъ пріемъ. Надо полагать, что изъ 9 нынѣшнихъ нефовъ или продолговатыхъ корридоровъ (кораблей), идущихъ вдоль зданія, первоначально были построены только среднихъ 7, а изъ 6 поперечныхъ нефовъ только 5 восточныхъ.. Въ такомъ видѣ первоначальный храмъ приближался почти къ правильному квадрату. Въ этомъ можно убѣдиться изъ того, что стѣны между 2 и 3, 7 и 8 нефами представляютъ сплошныя поверхности и имѣютъ оконныя отверстія и проходы (въ крайніе нефы); Наружные боковые нефы и крайній поперечный нарѳикъ) вѣроятно пристроены позже на мѣстѣ шедшихъ здѣсь романскихъ полуарокъ (контрфорсовъ), подпиравшихъ первоначальныя стѣны, но — въ томъ же XI в., такъ какъ кладка всей восточной части собора, южной и сѣверной стѣны, и отчасти западной — XI в. Четырехъ малыхъ алтарей въ крайнихъ нефахъ тогда еще не было, и храмъ, находясь какъ бы въ футлярѣ, имѣлъ рядомъ съ пятью первоначальными апсидами боковыя заплечья въ видѣ двойныхъ галлерей, изъ коихъ крайнія имѣли на верху видъ балкона, какъ на фасадѣ венеціанскаго собора, или же были перекрыты стропилами по образцу базиликъ (см. рис. 1651 г.); на западѣ къ нимъ примыкали двѣ круглыя башни, вошедшія позже въ общую массу храма, получивъ съ внѣшней стороны прямоугольныя стѣны. Изъ нихъ с.-зап. башня возникла вмѣстѣ съ первоначальной частью храма, другая—позже (XII в.); обѣ башни служатъ теперь для прохода на хоры. Думаютъ, что боковыя пристройки къ первоначальному храму сдѣланы въ 1055 году, когда по лѣтописямъ состоялось освященіе (вторичное) св. Софіи митр. Ефремомъ. Тѣмъ не менѣе, весьма вѣроятно существованіе боковыхъ наружныхъ

притворовъ съ самаго основанія собора, такъ какъ роспись ихъ одновременная съ росписью всего храма.

Наружная паперть и крещальня собора, воздвигнутыя въ XII в., снаружи не были закрыты такъ же, какъ и крайніе боковые притворы: слѣды открытыхъ притворовъ теперь можно видѣть въ существующихъ здѣсь большихъ окнахъ, устроенныхъ въ пролетахъ заложенныхъ арокъ.

Во второмъ этажѣ собора устроены хоры; въ древности до пристройки ю.-зап. башни туда можно было проникнуть только снаружи черезъ с.-зап. башню, и, такъ какъ ю. з. башня также была двухэтажная, а хода изъ внутри собора не было, то опять таки можно допустить, что надъ крайними притворами были открытые балконы, откуда проникали на хоры,—иначе башня эта не могла быть связанной съ храмомъ и была бы непригодной для прохода на хоры до тѣхъ поръ, пока надъ внѣшними притворами и крещальнею не были надстроены вторые этажи, хотя, повидимому, въ сооруженіи ея не послѣднюю роль должны были играть требованія симметріи; так. обр., она могла явиться одновременно съ наружными притворами.

Средняя часть храма въ предѣлахъ главнаго и четырехъ боковыхъ нефовъ представляетъ равноконечный греческій крестъ, уравновѣшивающій массы первоначальнаго храма; по угламъ его крестообразные столбы, соединенные арками, поддерживаютъ барабанъ (шею) главнаго купола, для большей крѣпости они соединены арками съ апсидами, со столбами по сторонамъ и стѣнами, поддерживающими своды и хоры и, такимъ обр., главн. части храма имѣютъ сильную 2-йную и 3-йную опору; въ южномъ и сѣверномъ концахъ креста помѣщались боковые входы изъ галлерей. Въ обоихъ этихъ концахъ перила хоръ поддерживаются восьмигранными столбами, переходящими вверху въ характерные византійскіе столбы съ выступающими на нихъ полуколонками. Западный конецъ хоръ пристроенъ въ XVII в.: арки этой части хоръ иныхъ размѣровъ, чѣмъ арки, открывающіяся въ средній нефъ. Слѣдовательно, въ св. Софіи надо

предположить базиличный пріемъ раздѣльнаго существованія двухъ половинъ хоръ, на что указываетъ наличность двухъ входовъ на хоры и свидѣтельство Синопсиса, сообщающаго и о другихъ указанныхъ выше деталяхъ устройства св. Софіи— въ частности объ окружавшихъ храмъ галлереяхъ, по которымъ можно было обходить извнутри алтаря кругомъцеркви, не выходя изъ храма; Павелъ Алеппскій знаетъ и верхнюю окружную галлерею церкви; онъ же видѣлъ на фасадѣ 5 входовъ (т. е. открытыхъ пролетовъ) Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что весь Софійскій соборъ, какъ это показали древнія кладки, имѣющіяся во всѣхъ частяхъ собора, сохранился отъ древности безъ особыхъ перемѣнъ, кромѣ надстроекъ вторыхъ этажей надъ крайними боковыми галлереями.

История собора. Разсказы о разрушеніяхъ св. Софіи татарами въ 1240 году должны быть подвергнуты сомнѣнію,—Кіевъ не былъ разрушенъ, наоборотъ,—при татарахъ въ немъ продолжало существовать особое кіевское княжество, и въ самой Софіи совершались хиротоніи епископовъ. Но такъ какъ митрополиты предпочитали жить во Владимірѣ и Москвѣ, ибо власть тамъ была болѣе сильной, то св. Софія разрушалась благодаря нерадѣнію своихъ владыкъ. Когда въ 1362 году Кіевъ отошелъ къ Литвѣ, великій князь Витовтъ говорилъ объ этомъ на соборѣ южнорусскихъ епископовъ, сравнивая въ своей рѣчи св. Софію съ вдовой, лишенной красоты митрополитами, которые, „пришедши изъ Москвы о семъ только пекутся еже обрѣтше, что красно въ св. Софіи, себѣ взяти“. Учрежденіе новой кіевской митрополіи раздѣльной отъ Московской не улучшило положенія, такъ какъ князья жили въ Вильнѣ и новые митрополиты предпочитали имѣть свою резиденцію тамъ же. Дѣло кончилось тѣмъ, что св. Софія, благодаря „плохому присмотру и равнодушію господъ греческой вѣры“, (Ласота) стала приходить къ разрушенію, чему еще способствовали два опустошенія Кіева крымскими ханами Эдигеемъ въ 1416 г. и Менгли Гиреемъ въ 1482 г. Какъ из-

Софійскій Соборъ. Западный фасадъ.

„Нерушимая Стѣна“.

Алтарь Софійскаго Собора.

Софійскій Соборъ.

Софійская площадь.

Михайловскій монастырь.

вѣстно, это равнодушіе въ XVI в. вызвало среди юж.-русскаго православнаго населенія протестантское движеніе и потребность обновленія церкви при посредствѣ уніи съ Римомъ. Началась борьба приверженцевъ старой вѣры съ новыми теченіями, и Софія переходила отъ однѣхъ рукъ въ другія. Драгоцѣнности собора были расхищены, дорогіе матеріалы его („каменье тесанное на столбахъ и сводахъ") продавались частнымъ лицамъ и переносились въ другіе храмы православные и католическіе. Въ это время (въ 1625 г.) упала западная стѣна собора, о чемъ узнаемъ изъ сказанія о служеніи литургіи въ опустѣвшей св. Софіи ангелами (Тератургема 1638 г.). Митрополитъ кіевскій П. Могила (1632—1647 г.), наконецъ, возстановилъ въ св. Софіи богослуженіе и положилъ начало обновленію собора (Сльозка въ „Тріоди" 1642 г.), устроивъ 4 малыхъ апсиды въ наружныхъ притворахъ съ новыми престолами. Возстановленіе Софійскаго собора продолжалось потомъ при митр. Сильвестрѣ Коссовѣ, но въ эпоху „Руіны", когда Украйна была повержена въ страшныя междоусобія, вызванныя присоединеніемъ къ Москвѣ (послѣ смерти Богдана Хмельницкаго), оно прекратилось, и только митр. Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій, подчинившійся послѣ упорнаго сопротивленія кіевскаго духовенства московскому патріарху, снова принялся за обновленіе Софіи, употребивъ для этого матеріалы двухъ древнихъ храмовъ—свв. Екатерины и Василія. Наконецъ, при митр. Варлаамѣ Ясинскомъ (1690—1697 г.) Софійскій храмъ былъ окончательно обновленъ щедротами Мазепы. При немъ Софійскій соборъ получилъ теперешній свой видъ.

Современный видъ Надъ наружными притворами Ясинскимъ выведены вторые этажи, сдѣлана крыша съ чердакомъ (подъ нимъ скрыты были древніе купола) вмѣсто древнихъ посводныхъ перекрытій, круглыя башни были заключены въ прямыя стѣны и перекрыты куполами, а верхъ ю.-зап. башни совершенно снятъ и для симметріи съ другой (с.-зап.) башней устроенъ надъ кре-

щальней; наружные входы въ башни были заложены и сдѣланы входы изъ храма. На стѣнахъ были устроены, снятые нынѣ барочные фронтоны (поверхность стѣнъ раздѣлена парными полуколонками и наличниками московскаго стиля позже), куполамъ вмѣсто полусферической формы придана характерная для Украйны грушевидная барочная форма, внутри были забѣлены фрески и мозаики и къ хорамъ прибавлена западн. часть. Нѣкоторыя измѣненія въ архитектурѣ Софійскаго собора были сдѣланы также въ XIX в. — Такъ, въ 1882 г. построена была стѣна западнаго внѣшняго притвора (паперти) вмѣсто обрушившейся въ 1625 г., и открыта въ южной паперти одна изъ заложенныхъ арокъ для образованія бокового входа въ храмъ. Колонны, окна и дугообразный фронтонъ на фасадѣ — современная поддѣлка подъ византійскую старину.

Купола. Всѣхъ куполовъ нынѣ 15. Одни изъ нихъ позолочены (старѣйшіе), другіе имѣютъ на сапфировомъ полѣ золотыя звѣзды. Въ разрѣзѣ они двойные, что объясняется строительными пріемами византійцевъ — выводившихъ своды безъ помощи кружалъ и потому, по примѣру римлянъ, дѣлавшихъ купола двойными и даже тройными. Въ ю.-зап. и въ с.-зап. части сохранились подъ крышей купола древней византійской формы — безъ шей. Купола надъ крайними нефами новые; они разнятся отъ древнихъ своими гранями. Въ основаніи главнаго купола уцѣлѣлъ карнизъ, служащій подножіемъ полуколонокъ, идущихъ по гранямъ барабана; этотъ карнизъ лежитъ надъ самыми сводами подъ окнамии, и такъ какъ онъ предназначался для украшенія купола, то не могъ быть вмѣстѣ съ окнами закрытъ — слѣдовательно, древнія перекрытія лежали прямо на сводахъ, изгибаясь и открывая видъ на карнизъ и окна. По мѣрѣ удаленія отъ главнаго купола главы уменьшались, а вмѣстѣ съ ними уступами понижались и врѣзывавшіеся въ тамбуры куполовъ своды.

Общій характеръ архитектуры. Пріемы разбивки массъ и передачи грузовъ въ архитектурѣ Соф. Собора составляютъ обычные византійскіе признаки: иныя особенности кіевской Софіи составляютъ 15 куполовъ 2 ряда открыхыхъ галлерей, 5 апсидъ, служащихъ опорою восточной стѣны, лѣсъ крестообразныхъ столбовъ, хоры въ длину храма, коническія арки въ боковыхъ нефахъ (ср. Софію въ Новгородѣ), падающія полуарки въ наружныхъ придѣлахъ и двѣ фасадныя башни, приводящія на память поздне-романскіе соборы (Вормсъ, Триръ, Шпреэ, Лаахъ, а также базилики Арменіи, Сиріи (де Вогюе.) и Мал. Азіи (Стриговскій); искусство послѣднихъ вообще бросаетъ много свѣта на явленія византійск. и западн. архитектуры: Востокъ давалъ новыя формы искусства съ очень ранняго времени; въ эпоху своего вліянія на Русь Византія подверглась вліянію армянъ, арабовъ и сирійцевъ; поэтому архитектура кіевской Софіи имѣетъ много чертъ византійскихъ и романскихъ и очень мало похожа на Константинопольскую Софію; полныхъ аналогій, однако, кіевскій соборъ не имѣетъ ни въ Византіи, ни на Западѣ и представляетъ собою самостоятельный памятникъ міроваго искусства, во многомъ развивающій особенности болѣе раннихъ памятниковъ Кіева (Десятинная церковь) и Чернигова (Соборъ Спаса). Думаютъ (Айналовъ, Ласкинъ), что онъ связанъ частію съ несуществующимъ нынѣ Царь-градскимъ храмомъ Новой базилики (построена въ IX в. императоромъ армяниномъ Вас. I. Македоняниномъ), отъ которой вообще зависятъ многіе храмы нач. 2-го 1000 лѣтія, напр., имѣющіе два ряда притворовъ (только съ зап. стороны) и такое же самое устройство сводовъ и куполовъ константинопольскій храмъ Пантократора, Кахріе Джамми, храмъ Николая въ Мирѣ ликійской и нѣкото.ые храмы Кавказа (Одзунъ, Эреруй, Мухна. Зарзма, Ани). Должно помнить также о поздне-романскихъ прирейнскихъ соборахъ.

Наружныя украшенія. Древнія наружныя украшенія кіевской Софіи не сохранились. Уцѣлѣлъ шиферный

карнизъ на высотѣ второго этажа, полуколонки на главномъ куполѣ (какъ въ Черниговскомъ соборѣ) да въ алтарныхъ абсидахъ рядомъ съ окнами—типичныя украшенія изъ углубленныхъ одна въ другую продолговатыхъ двухъ или 3-хъ нишъ, завершающихся остріемъ. Такія неглубокія ниши (глухія окна) обычно шли по фасаду церкви въ 2—3 ряда и по куполамъ. Въ древности къ этимъ украшеніямъ присоединялись очень красивой, какъ въ золотыхъ воротахъ, византійской кладки въ видѣ полосъ съ живописью въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была штукатурка, декоративныя арки на стѣнахъ и разноцвѣтныя облицовки и колонны изъ дорогихъ каменныхъ породъ. Путешественники (Верещинскій, Гейденштейнъ, Павелъ Алеппскій) удивлялись разнообразію мраморовъ св. Софіи: зап. портикъ на подобіе храма св. Марка въ Венеціи имѣлъ колонны изъ мрамора, порфира, алебастра, и по стѣнамъ, по свидѣтельству Верищинскаго, шла „халцедоновая облицовка“ (шиферная). На существованіе облицовокъ указываетъ шиферный карнизъ, который долженъ былъ ихъ поддерживать. Мраморные и другіе обломки этихъ украшеніи, собранные въ крещальнѣ собора, позволяютъ придавать этой картинѣ характеръ полной достовѣрности. Тамъ хранятся капители (головки колоннъ византійскаго стиля въ видѣ корзинъ съ крестами и вѣтвями аканѳа), древніе карнизы, остатки арочной облицовки, базы, рельефныя плиты, колонны... На мѣстѣ древняго западнаго портика устроенъ новый; до устройства его входили въ храмъ черезъ стѣну перваго поперечнаго нефа; на ней въ концѣ XVII в. былъ возведенъ барочный фронтонъ, а нынѣ византійскій дугообразный тимпанъ (комара) съ надписью: „Софія—Божія Премудрость; Богъ посреди ея и не подвижется“... Въ XVII в. барочныя фронтоны шли и по сторонамъ двускатной высокой крыши; по краямъ ихъ были поставлены статуи, изображенныя на одномъ рисункѣ 1651 г. Это объясняется любовью стараго украинскаго искусства къ скульптурѣ, выражавшеюся въ украшеніяхъ статуями храмовъ, иконостасовъ, проповѣд-

ническихъ амвоновъ (въ видѣ корабля среди волнъ, пещеры или сѣдалища, къ которымъ подходятъ разныя животныя и т. д.,) въ придорожныхъ статуяхъ и крестахъ. Снаружи Софійскій соборъ въ XVII в. былъ покрытъ росписью.

Св. Софія внутри. Врата. Во внутреннюю часть Софіи входимъ черезъ южныя или лучше черезъ главныя западныя врата. Послѣднія устроены въ стѣнѣ, отдѣляющей внутренній поперечный нефъ отъ древняго открытаго портика; земля здѣсь уже настолько подросла, что при входѣ внутрь опускаешься вмѣсто того, чтобы подниматься.

Нынѣшнія врата относятся къ концу XVII в.; онѣ мѣстной украинской чеканки, мѣдныя съ позолотой, съ очень пышными растительными выпуклыми орнаментами изъ растеній, трактованныхъ въ стилѣ барокко. Среди орнамента помѣщены шесть священныхъ изображеній, писанныхъ на металлическихъ доскахъ. Металлическія врата были здѣсь и въ древности, о чемъ можно судить по аналогіи съ сохранившимися вратами въ византійскихъ храмахъ — южн. Италіи, Сициліи (Амальфи и др.) и Сѣверной Руси (Новгородъ, Суздаль). Слѣва передъ вратами помѣщается икона Любечской Б. Матери (XVII в.),

Войдя въ храмъ, видимъ ряды крестообразныхъ столбовъ, поддерживающихъ арки, и на которыхъ держатся хоры и выведены барабаны главнаго и боковыхъ куполовъ. Всѣ они еще въ XVII в. имѣли драгоцѣнныя украшенія, которыя производили огромное впечатлѣніе, благодаря доступу свѣта въ середину храма черезъ открытыя галлереи и окна многочисленныхъ куполовъ: эта декорація была замѣчательна тѣмъ, что въ ней вопреки византійскому обыкновенію были примѣнены вмѣстѣ мозаики, фрески и облицовки.

Мозаики. Въ алтарѣ, въ куполѣ и въ подкупольномъ передъалтарномъ пространствѣ сохранились мозаичныя украшенія, выложенныя изъ каменныхъ и стекляныхъ цвѣтныхъ кубковъ, вдавленныхъ въ штукатурку по заранѣе начерченному на ней контуру — Кубики приготовлялись изъ стекла,

расплавленнаго вмѣстѣ съ красочнымъ веществомъ, при чемъ въ золотые кубики (крупные почернѣвшіе и мелкіе бол. прочные) вкладывался золотой листикъ, но безъ краснаго грунта, какъ въ Византіи. Золото примѣнялось, главнымъ образомъ, для фоновъ, которые въ Византіи были ровные; каменные кубики употреблялись для матовыхъ поверхностей (лицо, тѣло, горы...), тогда какъ стекломъ выкладывалось все остальное. Мозаика требуетъ особой техники, а потому вызываетъ и особыя стилистическія начала:—отсюда въ Софійскихъ мозаикахъ видимъ немногочисленныя и крупныя фигуры (монументальный пріемъ), широкія пропорціи (черта XI в.) и простой заученный способъ композиціи; контуры рѣзкіе, драпировки схематичныя, воздушная перспектива отсутствуетъ, уступая свое мѣсто ровному золотому фону, (въ фрескахъ фонъ синій, обусловливающій выборъ иного колорита), какъ это часто дѣлалось еще въ искусствѣ классическомъ. Порядокъ въ расположеніи священныхъ сценъ и фигуръ въ росписи Кіево-Софійскаго собора тоже традиціонный, приноровленный къ канону, выработанному въ Византіи: Въ куполѣ изображенъ глава Церкви — Христосъ; подъ нимъ апостолы, при переходѣ отъ купола къ средней части храма (паруса) — евангелисты, ибо на Евангеліи основана Церковь Христова, ниже идутъ сцены изъ Евангелія, изображающія исторію спасенія и на столбахъ фигуры столповъ церкви — святыхъ.

Христосъ строго надзираетъ сверху купола за собраніемъ вѣрующихъ. Въ лѣвой рукѣ Его Евангеліе, правой рукой Онъ благословляетъ 3-мя перстами. Это, такъ называемый, типъ Вседержителя (Пантократора), который съ IX в. имѣетъ цѣлью представить Бога Отца, явившагося спасти міръ въ образѣ Христа, вслѣдствіе чего въ древнихъ памятникахъ изображенія Бога Отца почти не встрѣчаются (даже въ ветхозавѣтныхъ сценахъ). Это Самъ Отецъ „подобный Сыну человѣческому“ (Образъ Апокалипсиса, оказывавшаго огромное вліяніе на христіанское искусство съ 5-го вѣка).

Величественности изображеннаго здѣсь Бога соотвѣтствуетъ и особая монументальность Его фигуры, особая широта, происходящая отъ выпуклой поверхности двойного купола и — отъ наклонности представить превосходство Божества громадностью его размѣровъ. На строгомъ лицѣ Вседержителя круглая борода, и длинные назорейскіе волосы свѣтлокаштановаго цвѣта, прикрывающіе лобъ и ниспадающіе на чело тремя прядями (очень ранняя черта). Одѣтъ Онъ въ голубой гиматій и лиловый пурпурный хитонъ, въ коихъ бросается графичность изображенія и золотая шраффировка. Золотой фонъ дополняетъ игру цвѣтовъ, которые здѣсь очень сильны. Величина и округлость глазъ, длинный носъ и дугообразныя сросшіяся по восточному брови указываютъ на типъ болѣе ранній, чѣмъ въ позднѣйшихъ сицилійскихъ мозаикахъ (скошенные глаза ведутъ къ мозаикѣ Палатинской капеллы), но общая композиція этой мозаики имѣетъ родство съ современными мозаиками въ Дафни и въ Монреале, гдѣ эта фигура также, какъ и въ Кіевѣ, самостоятельна и имѣетъ одинаковыя одежды, типъ лица и тотъ же монументальный характеръ; въ друг. мѣстахъ фиг. Вседержителя вмѣстѣ съ нижестоящими апостолами представляетъ часть сцены Вознесенія или Сошествія Св. Духа (Солуньская и Константинопольская Софіи, св. Маркъ въ Венеціи). Купольное изображеніе Вседержителя впервые появилось въ Солуни и въ Царьградской Новой базиликѣ, занявъ мѣсто изображенія Христа въ апсидѣ.

По сторонамъ Вседержителя въ куполѣ по 4-мъ сторонамъ свѣта были изображены мозаикой 4 арханг. съ знаменами и сферами (знаки міродержательства; на нихъ кресты, ибо „посреди земли“ на Голгоѳѣ былъ распятъ Господь); изъ нихъ сохранилась одна прекрасная фигура съ радужными крыльями и въ византійской царской одеждѣ (черта реализма IX—X в.), являющаяся лучшимъ произведеніемъ византійскаго искусства цвѣтущей эпохи, не утратившей еще живыхъ связей съ классическимъ наслѣдіемъ. Тоже

надо сказать относительно семитическаго лица апост. Павла въ барабанѣ купола; остальные изображенные тамъ 11 апостоловъ (въ друг. случаяхъ ихъ замѣняютъ пророки) дописаны красками взамѣнъ осыпавшихся мозаикъ (Павелъ Алеппскій въ пол. XVII столѣт. видѣлъ ихъ цѣлыми). Апостолъ Павелъ—это невыразительная, грузная, но импозантная фигура, какую знаемъ въ древнихъ рукописяхъ, черты лица рѣзкія съ сильн. тѣнями, складки одежды спутанныя. Изъ первоначальныхъ изображеній евангелистовъ, на парусахъ или сегментообразныхъ промежуткахъ между арками и основаніемъ купола, цѣликомъ сохранилась только фигура св. Марка, сидящаго на плетеномъ стулѣ въ широкой одеждѣ съ свиткомъ въ одной рукѣ и съ тростниковымъ перомъ въ другой. Изображенія евангелистовъ по угламъ купола въ христіанскомъ храмѣ заняли мѣсто масокъ; помѣщавшихся въ классическомъ домѣ въ углахъ при переходѣ отъ росписи стѣнъ къ кругу на потолкѣ. Евангелисты до сихъ поръ помѣщаются на парусахъ храмовъ, а въ Украинѣ—также на углахъ хатъ.

Ниже евангелистовъ на алтарной или тріумфальной аркѣ (пр. Іез., 44) помѣщена весьма любопытная сцена Благовѣщенія. На лѣвой сторонѣ арки видимъ въ бѣлой классической одеждѣ посланника — архангела съ краснымъ жезломъ (симв. путника), шествующаго къ Дѣвѣ; а на другой —Пресвятую Дѣву въ роскошномъ уборѣ; въ лѣвой рукѣ ея пряжа, въ правой — веретено, т. е. изображенъ моментъ, когда Богородица, по сказанію апокрифическихъ евангелій и лицевой исторіи Благовѣщенія Іак. Коккинобафскаго, занималась въ храмѣ Іерусалимскомъ изготовленіемъ пурпура для храмовой завѣсы, когда и явился ей архангелъ. Эта сцена нарочно помѣщалась въ храмѣ на видномъ мѣстѣ, дабы входящаго встрѣтить благой вѣстью о Спасителѣ. Фигуры архангела и Богородицы размѣщались на тріумфальной аркѣ раздѣльно, начиная съ VI в. Софійская мозаика интересна своимъ художественнымъ исполненіемъ: Фигура архангела

изящная, полна экспрессіи и движенія, — особенно по сравненію съ фигурой Божіей Матери. Недостатокъ обоихъ изображеніи составляютъ лишь нѣсколько неудачныя пропорціи, принявшія здѣсь приземистый видъ, а также сѣрые тона, происходящіе отъ обилія шифера (блѣдныя одежды, бѣлыя лица Б. М. и архенгела); общая бѣлесоватость всей этой мозаики важна для позднѣйшихъ мозаикъ Кіево-Михайловскаго монастыря и — сѣв. Италіи, въ которой вліян. Византіи были сильны до XIV—XV в.в. Ниже Благовѣщенія сохранилось два нетронутыхъ фресковыхъ изображенія святыхъ и подъ иконостасомъ еще 6 такихъ же фигуръ.

Тяги арокъ украшены медальонными изображеніями 40 мучениковъ Севастійскихъ — Акакія, Николы, Худіона, Лисимаха и др. Нѣкоторыя фигуры осыпались и дописаны красками, благодаря чему надписанія ихъ не всегда правильны (Криспонъ вмѣсто Приска, Евкдикій вмѣсто Экдикій). Фигуры мучениковъ прекрасны; они въ цвѣтныхъ хитонахъ съ тавліями и клавами (указываютъ на патриціанск. достоинство) выполненныхъ глубокими и сочными тонами; отсутствіе сухости въ ихъ лицахъ, полныя щеки, широко открытые миндалевидные глаза, приглаженные волосы указываютъ, что эти типы слѣдуютъ очень древнему преданію; само украшеніе дугъ и перемычекъ арокъ портретными медальонами идетъ изъ искусства античнаго и др. христіанскаго (Пальмира, Равенна, Синай, Кипръ).

Надъ восточной и западной арками сохранились мозаичныя фигуры Еммануила (Христа Предвѣчнаго въ видѣ отрока). Въ лункѣ, отдѣляющей тріумфальную арку отъ алтаря — сцена Деисуса, т. е. композиція, представляющая Богоматерь и Предтечу молящихся передъ Христомъ (въ медальонахъ). Это изображеніе, помѣщаемое обычно въ алтарѣ, весьма умѣстно и на центральномъ кирпичѣ арки, ибо Христосъ — опора церкви. Композиція эта извѣстна съ того времени (VII в.), когда Богоматерь и Предтеча стали почитаться ходатаями за міръ на страшномъ судѣ, что до-

казывается надписями на ихъ свиткахъ. Въ этой композиціи отразился византійскій обычай поклоненія придворныхъ сановниковъ императору въ позѣ адораціи. Наконецъ, на сѣв. сторонѣ тріумфальной арки видимъ стройную, тоже восточную по типу лица фигуру прор. Аарона (осыпавшаяся мозаичная нога его написана вновь босой, тогда какъ другая обута). Напротивъ этой фигуры было изображеніе царя Мелхиседека.

Далѣе въ самомъ верху алтарной ниши (конхи апсидной) мы видимъ величественное изображеніе Дѣвы Маріи, стоящей съ воздѣтыми вверхъ руками. Лиловый пышный мафорій (покрывало) съ 3-мя звѣздами ниспадаетъ съ Ея плечъ; фіолетовая туника (стола) подпоясана и изъ-за пояса свѣшивается бѣлый платъ; на ногахъ Ея красныя сапоги, присвоенные въ Византіи только лицамъ царскаго происхожденія. Дѣва стоитъ на подножіи, тоже примѣнявшемся въ Царьградѣ при императорскихъ пріемахъ, которое изображено въ обратной перспективѣ, т. е. заднія части представлены расширяющимися, а несуживающимися подъ угломъ зрѣнія; —эта особенность явилась здѣсь черезъ эллиннистич. и др. христ. искусство съ Востока, гдѣ не знали правильной перспективы (Египетъ). Типъ лица Богоматери—строго спокойный; свѣжесть его необычайная для поздневизантійскаго искусства; пропорціи, удлинены, благодаря изогнутости свода, и изящны; въ драпировкахъ преувеличенное изящество византійскаго стиля, который однако нагромождаетъ складку на складку и любитъ пестроту. Вокругъ изображенія греческая надпись: „Богъ посреди ея и не подвижется; поможетъ ей Господь отъ утра и до утра“. Подобныя изображенія были употребительны во многихъ древне-христіанскихъ и византійскихъ храмахъ (изъ современныхъ очень близкое по стилю изображеніе сохранилось въ Гелатскомъ монастырѣ), начиная еще съ живописи катакомбъ и древне-христіанскихъ стекляныхъ сосудовъ и рельефовъ, но были извѣстны и въ классическомъ искусствѣ, въ качествѣ идеаль-

наго представленія умершаго молящагося божеству. Съ поднятыми руками молились въ Египтѣ и въ Вавилонѣ, ср. въ Библіи. Это представленіе молящейся души, такъ называемой, оранты (orо — молюсь) черезъ посредство античныхъ саркофаговъ явилось символомъ церкви у древнихъ христіанъ (въ церкви св. Сабины въ Римѣ V вѣка изображеніе церкви имѣетъ бѣлый платокъ въ рукѣ), а потомъ эта фигура является въ сценѣ Вознесенія уже, какъ изображеніе Маріи и вмѣстѣ — земной церкви. Такое значеніе эта, окончательно сложившаяся въ эпоху Македонской династіи, композиція имѣетъ и въ Софійской мозаикѣ: о томъ говоритъ надпись МР ΘУ (Матерь Бога). Три звѣзды на челѣ оранты являются результатомъ апокрифическаго сказанія о Благовѣщеніи, когда Богородица увидѣла звѣзду, сѣвшую на Ея главу и оба плеча, а потомъ вступившую въ Ея уста и „пребывавшую при отрочати дондеже породила Христа". Фигура оранты въ Кіево-Софійскомъ соборѣ является моральнымъ центромъ всей росписи собора, изображающей исторію и связь церкви земной съ церковью небесной. Впослѣдствіи это изображеніе получило на лонѣ фигуру Предвѣчнаго Младенца и сдѣлалось однимъ изъ центральныхъ изображеній иконостасовъ (ср. древнюю фреску въ Михайловскомъ придѣлѣ). Оранту Софійскаго собора нерѣдко называютъ „Нерушимой стѣной", по той будто бы причинѣ, что алтарная стѣна собора единственная чудесно уцѣлѣла отъ татарскаго разрушенія, но названіе это надо объяснять иначе — такъ какъ еще въ Константинополѣ покровительство Богоматери считалось болѣе надежнымъ, чѣмъ крѣпостныя стѣны и въ пѣсняхъ она называется „Царствія нерушимой стѣной", „нерушимой стѣной и предстательствомъ". Ярославъ тоже отдалъ покровительству Богородицы градъ Кіевъ (Словъ Илларіона).

Подъ изображеніемъ оранты стѣна раздѣлена на пояса (фризы др. христ. и классич. искусства); на первомъ представлена очень изящная, какъ мозаика въ Дафни, сцена

Евхаристіи:—Христосъ преподаетъ апостоламъ, подходящимъ къ Нему въ стремительномъ, но рѣзкомъ движеніи хлѣбъ и вино. Среди апостоловъ появляется и апостолъ Павелъ (вмѣсто Іуды). Посреди стоитъ престолъ съ дискосомъ и крестомъ и надъ нимъ шатровый киворій (балдахинъ)—одна изъ отличительныхъ принадлежностей древне византійскихъ храмовъ, при чемъ здѣсь престолъ изображенъ не подъ самымъ кивоpіемъ, а передъ нимъ (по пріему византійскаго искусства давать изображеніе наглядно). Апостолы разбиты на двѣ группы—одни идутъ правой ногой, другіе—лѣвой выступая по золотому полю такъ, что 3-я фигура повторяетъ позу 1-й 4-я 2-й и т. д.; этимъ художникъ даетъ разнообразіе движеній. Композиція эта не историческаго, а мистическаго содержанія; она воспроизводитъ догматъ причащенія подъ двумя видами, помѣщая его въ алтарѣ, т. е. тамъ, гдѣ совершается самое таинство (Тайная Вечеря въ историческомъ изводѣ помѣщена въ Софійскомъ соборѣ на хорахъ); содержаніе ея взято изъ Литургіи: Христосъ произноситъ обычныя слова Литургіи: „Пріимите, ядите....“ и „Пійте отъ нея вси...“ (слова эти написаны надъ фигурами апостоловъ), а апостолы пьютъ изъ чаши и берутъ хлѣбъ, положа руку на руку, какъ діаконъ во время Литургіи. Сцена апостоловъ, подходящихъ ко Христу восходитъ къ древне-христіанскимъ мозаикамъ, гдѣ Христосъ вручаетъ подходящимъ къ нему ученикамъ законъ, вѣнцы, посылаетъ на проповѣдь (мозаики, саркофаги и т. д.). Позже эта композиція принимаетъ формы причащенія (въ VI в. въ Ев. Рабулы, въ Россанскомъ кодексѣ и въ позднѣйшихъ рукописяхъ); дважды повторенный Христосъ идетъ изъ Царьградской Нов. базилики. Современныя мозаикѣ К. Софіи сцены Евхаристіи имѣются въ кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ, въ Лаврѣ Аѳанасія на Аѳонѣ, въ Некрези и Антали на Кавказѣ; онѣ переходятъ затѣмъ въ храмы Новгорода, Галича, Буковины и живутъ до XVII в. Композиція эта всегда имѣла симметрическое построеніе и въ Кіевѣ, соотвѣтственно требованіямъ

византійской эстетики, вмѣстѣ съ изображеніемъ „Нерушимой стѣны“ составляла цѣлое пирамидальное построеніе: Въ апсидахъ церквей Рима, Равенны, Синая, Кипра такія построенія общеизвѣстны.

Въ нижнемъ поясѣ алтаря изображены св. отцы, которымъ принадлежитъ составленіе церковныхъ службъ. Такъ какъ службы происходятъ въ алтарѣ, то эти святые нашли себѣ здѣсь подходящее мѣсто. Это — св. Епифаній, Климентъ, Григорій Богословъ, Николай Чудотворецъ, діак. Стефанъ и Лаврентій, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Нисскій, Григорій Чудотворецъ — все архаическія (особенно св. Іоаннъ Златоустъ), близкія къ портретнымъ изображеніямъ древности (ср. въ Солуни въ ц. св. Георгія) очень декоративныя, но уже сухія, фигуры. Внизу онѣ дописаны красками. На мѣстѣ двухъ неизвѣстныхъ выпавшихъ фигуръ изображены св. Петръ и Алексѣй. Святители въ бѣлыхъ епископскихъ одеждахъ, украшенныхъ золотыми крестами, безъ саккосовъ, митръ и панагій (ихъ тогда еще не было), въ одноцвѣтныхъ фелоняхъ; концомъ одежды они поддерживаютъ Евангеліе (по др.-римскому обычаю); одна рука благославляетъ 2-мя перстами (съ IX в.); волосы короткіе, а у нѣкоторыхъ выстрижена тонзура (образъ терноваго вѣнца Христова). Фигура Климента папы Римскаго указываетъ на связь съ Херсонесомъ, гдѣ находились его мощи. Въ Херсонесѣ, какъ извѣстно, принялъ оффиціально св. Владиміръ крещеніе и оттуда привезъ главу св. папы Климента, а также взялъ оттуда священниковъ и вывезъ нѣкоторые памятники искусства — а можетъ быть, — мастеровъ, передавшихъ архаизмъ своей школы софійскимъ мозаичистамъ и самую науку о способѣ расположенія на стѣнахъ храма священныхъ изображеній. Впрочемъ, пріемъ церковной росписи, выдержанный въ кіевской Софіи, патр. Фотій описываетъ въ Новой Константинопольской базиликѣ.

Мозаикой были украшены многіе кіевскіе храмы (Михайловскій, Печерская церковь, Дмитріевская, Чудо-Михай-

ловская, Десятинная), но уцѣлѣли онѣ только въ св. Софіи да отчасти въ Михайловскомъ монастырѣ. Здѣсь мы имѣемъ возможность любоваться такими памятниками, равныхъ которымъ нѣтъ въ Европѣ, ибо въ Кіевѣ они сохранились въ совершенно нереставрированномъ видѣ. Стиль Софійскихъ мозаикъ неодинаковъ: стиль Нерушимой стѣны иной, чѣмъ въ куполѣ, Благовѣщеніе, не похожее на севастійскихъ мучениковъ и святителей; эти послѣдніе разнятся отъ остальныхъ мазаикъ; въ общемъ, здѣсь отразилось двѣ школы Македонской эпохи — новая и архаизирующая: Мозаики купола и алтаря (кромѣ святителей) отличаются красотою пропорцій, сложными, и изящными драпировками, какой-то восточной пышностью, свѣтлыми блестящими тонами (розовое и голубое служитъ для перехода отъ однихъ тоновъ къ другимъ), тогда какъ медальоны съ изображеніемъ 40 мучениковъ и святителей въ алтарѣ отличаются темной гаммой красокъ, контраетностью и большимъ архаизмомъ. Аналогичныя по духу и достоинству декораціи храмовъ XI в. сохранились въ ц. св. Луки въ Фокидѣ, въ Νέα Μονή на Хіосѣ, въ Дафни близъ Аѳинъ, въ Никеѣ (ц. Успенія), въ св. Маркѣ Венеціанскомъ, въ Чефалу, въ Палермо (въ Палатинской капеллѣ и др.), но почти всѣ онѣ кромѣ Дафни уступаютъ красочности Софійскихъ мозаикъ, которыя могутъ быть разсматриваемы, какъ переходъ отъ архаическ. простоты мозаикъ Фокидскихъ къ декаративной пышности росписей въ Дафни; въ развитомъ видѣ эта манера появилась въ мозаикахъ Марторанны. Въ нѣкоторыхъ Софійск. мозаикахъ сказывается особый аристократическій вкусъ, выразившійся и въ самой системѣ росписи, и въ такихъ чертахъ Царь-градской придворной школы художниковъ, какъ красные контуры изображеній.

Инкрустаціи. Примѣненіе мозаики не ограничивалось одними только стѣнами и арками, оно простиралось по византійскому обычаю, унаслѣдованному отъ классической древности, на полы церкви и на цоколи стѣнъ, кото-

рые были покрыты въ св. Софіи каменными инкрустаціями, описанными еще въ XVI в. разными путешественниками (Верещинскій, Гейденштейнъ, П. Алеппскій). Изъ всего богатства инкрустацій, облицовокъ и мозаичныхъ половъ теперь сохранились незначительные остатки на нижнихъ частяхъ главной апсиды въ видѣ длинныхъ полосъ шашечнаго рисунка, набраннаго изъ разноцвѣтныхъ треугольниковъ и квадратовъ; въ лѣвомъ концѣ выложенъ такою же инкрустаціей крестъ съ двумя свѣчами внутри арочки, что приводитъ на память ранніе равеннскіе, болгарскіе и римскіе памятники. Форма креста воспроизводитъ типъ, идущій отъ временъ Константина Великаго. Тамъ же въ алтарѣ сохранилось митрополичье сѣдалище, состоящее изъ 3 хъ мраморныхъ бѣлыхъ плитъ; одна изъ нихъ образуетъ спинку, а двѣ другія выступаютъ впередъ на подобіе перилъ и тоже инкрустрированы вглубь разноцвѣтными камешками. Полукруглый верхъ спинки потерялъ свои украшенія, но поле ея сохранило завитки красиваго голубого и серебряннаго цвѣта; вставленные внутрь завитковъ круги выдернуты. Бѣлый тонъ мрамора нынѣ закрашенъ красной краской, вслѣдствіе чего нѣкоторые считаютъ это кресло шифернымъ. По бокамъ сѣдалища вдольстѣнъ устроены скамьи, за коими стѣна убрана упомянутыми инкрустаціями. Подобныя облицовочныя украшенія были извѣстны и въ Византіи, но въ Кіевѣ онѣ имѣютъ ту особенность, несвойственную современнымъ византійскимъ храмамъ, что расположены на очень низкомъ уровнѣ отъ пола; сдѣдовательно, облицовки здѣсь не были столь широко примѣнены, какъ въ монастырѣ Νέα Μονή, въ Дафни, въ Венеціи (тамъ мозаики занимали своды, арки, люнеты, а стѣны были покрыты облицовками) и др.,—т. е. въ св. Софіи господствуетъ не полилитія (многокаменье), а роспись, поэтому декорація св. Софіи является древнѣйшимъ образцомъ той системы византійскихъ церковныхъ росписей, въ которой главное мѣсто отводится живописи, эта особенносгь, главн., обр. свойственна храмамъ Италіи и востока.

Мозаичные полы. Полы въ соборѣ новые, но подъ ними сохранились болѣе древніе, открытые Милѣевымъ. Они находятся на глубинѣ до двухъ аршинъ: одинъ, 3-й по счету, состоитъ изъ терракотовыхъ поливныхъ плитокъ желтаго, зеленаго, бѣлаго и синяго и цвѣтовъ—и разныхъ формъ; подъ этимъ поломъ находится другой 4-й такой же мозаичный полъ, представляющій сложный ковровый рисунокъ —дорожки изъ большихъ красныхъ смальтовыхъ плитъ; внутри его вписаны круги а остальныя мѣста мелкимъ узоромъ мозаичной инкрустаціи изъ треугольныхъ, квадратныхъ и прямоугольныхъ смальтъ. Это единственный среди русскихъ памятниковъ мозаичный полъ.

Въ древности въ алтарѣ на стѣнахъ были развѣшаны княжескіе „порты", т. е. украшенныя жемчугомъ и камнями ткани и одежды, подаренныя въ храмъ князьями по византійскому обычаю; въ торжественныхъ случаяхъ такія драпировки развѣшивались на улицахъ „въ двѣ верви отъ золотыхъ воротъ до владычныхъ (а мож. б., и княжескихъ) сѣней", какъ это было во Владимірѣ; на стѣнахъ до сихъ поръ сохранились крючья отъ лампадъ; на „десной странѣ" алтаря помѣщался крестъ съ Животворящимъ Древомъ, принесеннымъ изъ Царьграда св. Ольгой (о немъ свѣдѣнія въ словѣ Илларіона и въ Сербскомъ Прологѣ; Гизель и Кальнофойскій его относили къ Влад. Мононаху;) этотъ крестъ въ Кіевѣ видѣли еще въ XIV в. По однимъ свѣдѣніямъ крымскій ханъ (въ 1482 г.) Менгли Гирей въ угоду вел. князю московскому Іоанну III, овладѣвъ Кіевомъ, сокровища его, въ томъ числѣ и крестъ св. Ольги передалъ въ Москву; по другимъ — (Russel) этотъ крестъ увезенъ изъ Кіева католическимъ епископомъ Андреемъ въ Люблинъ, оттуда попалъ въ Краковъ, гдѣ его показываютъ въ соборѣ св. Вацлава.

Престолъ въ алтарѣ имѣетъ форму подобную той, которая изображена на мозаикѣ Евхаристіи, т. е. четыреугольную продолговатую въ видѣ гробницы; такую форму въ древности имѣли всѣ престолы и нынѣ она удержалась въ като-

лическихъ храмахъ (отъ древне-христіанскаго обычая совершать службу на гробницахъ мучениковъ). Верхняя доска престола мраморная; въ ней П. Могила положилъ мощи, какъ это дѣлается у католиковъ; при митр. Ар. Могилянскомъ (1770) этотъ престолъ былъ обложенъ мѣдными золоченными досками съ серебрянными накладками въ стилѣ рококо, украшенными рельефными изображеніями, отражающими на себѣ вліяніе школы Рубенса.

Солеи въ древности не было, какъ и въ Византіи (тоже въ позднѣйшихъ козацкихъ храмахъ); на это указываютъ фрески придѣловъ, закрытыя поднятымъ поломъ; взамѣнъ солеи устраивалось возвышеніе для клира (βημα, presbiterium) въ поперечномъ перекрестіи и на немъ высокій амвонъ въ видѣ цилиндрическаго или четвер-угольнаго сооруженія для возглашенія ектеній, проповѣди, а иногда и для сценическаго „изображенія пещнаго дѣйствія“; иконостаса тоже не было, и вся мозаичная роспись алтаря была открыта. Мѣсто иконостаса занимала невысокая колоннада или преграда (cancelli, καγγέλαι), какъ въ античныхъ театрахъ, о чемъ не трудно составить себѣ представленіе по мозаичной Евхаристіи Кіево-Михайловскаго монастыря, гдѣ впереди престола изображена невысокая мраморная преграда. Преграда задергивалась завѣсою (паволока, cortina), украшенною свящ. изображеніями.

Иконостасъ. Нынѣшній Софійскій иконостасъ является однимъ изъ наиболѣе интересныхъ образцовъ украинской рѣзьбы по дереву. Время его сооруженія 1747 г.; онъ замѣнилъ собою болѣе древній иконостасъ того же происхожденія, который поразилъ своимъ изяществомъ Павла Алеппскаго до такой степени, что тотъ не находилъ словъ выразить свое удивленіе. Отъ прежнихъ 3-хъ ярусовъ нынѣшняго иконостаса остался только нижній ярусъ, съ, такъ наз., намѣстными образами. Верхняя часть его снята въ 1853 г., а средній ярусъ въ 1888 году перенесенъ въ придѣлъ Срѣтенія Господня. Вся иконостасная стѣна украшена роскошной рѣзьбой, въ которой типичный для Украины мо-

тивъ виноградной лозы замѣняется мотивомъ розы, извивающейся вокругъ спиральныхъ колоннъ, имѣющихъ свое начало еще въ „колоннахъ храма Соломонова", широко использованныхъ въ искусствѣ возрожденія и барокко. Въ Софійскомъ иконостасѣ послѣдніе остатки возрожденія пытаются бороться съ торжествующимъ уже новымъ стилемъ полов. XVIII в. рококо. На серебряныхъ царскихъ вратахъ (вѣсомъ въ $6^1/_2$ пудовъ) вычеканено нѣсколько фигуръ: вверху ангелъ, благовѣствующій Пресвятой Дѣвѣ и 4 апостола, въ центрѣ двуглавый орелъ, а внизу царь Давидъ на престолѣ: лицо и корпусъ его въ фасъ, ноги въ профиль, по сторонамъ его Іакимъ и Анна. Вся эта композиція изображаетъ, вѣроятно, происхожденіе Богоматери, изъ корня Давида. Мотивъ этотъ въ нѣсколько иномъ приложеніи,—какъ древо Іессея, является общеупотребительнымъ въ украинской рѣзьбѣ XVII—XVIII в., а также въ живописи и гравюрѣ. Есть запись о построеніи этихъ вратъ „кіевскими золотарями" Волохомъ и Завадовскимъ въ 1747 г. Врата не разъ привлекали къ себѣ вниманіе путешественниковъ, которые иногда давали очень рѣзкіе отзывы объ орлѣ въ центрѣ вратъ, считая его присутствіе кощунственнымъ.

Иконы Софійскаго иконостаса нынѣ переписаны, но зато прикрыты (при Арс. Могилянскомъ) прекрасными серебряными ризами, свидѣтельствующими о томъ, что искусство XVIII в. непрестанно развивалось, такъ какъ мастеръ, исполнявшій эти ризы по сравненію съ авторами царскихъ вратъ владѣетъ болѣе совершенной формой и большимъ умѣніемъ передавать человѣческую фигуру.

Храмовой образъ. Среди изображеній иконостаса наиболѣе интереснымъ является храмовой образъ св. Софіи—Премудрости Божіей. Онъ представляетъ собою особую нѣсколько отличную отъ другихъ изображеній св. Софіи символическую композицію. Въ Византіи, особенно во время Юстіана, когда еще не былъ опредѣленъ циклъ иконографическихъ сюжетовъ, и событія священной исторіи изобража-

лись подъ формой античныхъ идеаловъ, образъ Софіи долженъ былъ изображать собою античное олицетвореніе Мудрости, но впослѣдствіи, когда подъ премудростью Божіей стали понимать непостижимую для ума тайну воплощенія Сына Божія, искусство вынуждено было использовать относящееся къ Премудрости повѣствованіе св. Писанія о томъ, какъ Премудростью Божіей былъ сотворенъ міръ и о томъ, что въ домѣ Ея (т. е. въ Церкви Христовой) утвержденномъ на 7 столбахъ (7 таинствахъ) преподается Божественная спасительная трапеза. Соотвѣтственно этому св. Софію—Премудрость изображали въ видѣ ангела (въ Софіи константинопольской, по словамъ паломниковъ, и въ одной катакомбѣ V-го вѣка въ Александріи), подъ которымъ разумѣлось второе лицо св. Тройцы (ангелъ великаго совѣта), или въ видѣ Христа (Ліонская рукопись XII в.). Въ древнерусскихъ памятникахъ (въ Новгородѣ) св. Софія — огненный ангелъ, сидящій на тронѣ, имѣющемъ 7 ножекъ, или же Отрокъ Іисусъ, принимающій участіе въ пирѣ вмѣстѣ съ Соломономъ и Ив. Дамаскинымъ (Буковина). Въ иныхъ случаяхъ (Монреале) Премудрость фигурируетъ и въ образѣ женской персонификаціи, но принявшей уже видъ Пресв. Дѣвы, тоже послужившей тайнѣ воплощенія. Въ этомъ видѣ Премудрость изображена и на иконѣ кіевскаго собора: Богоматерь стоитъ подъ семистолпной сѣнью (ротондой) на возвышеніи о 7 ступеняхъ. На груди Богоматери Младенецъ Христосъ съ державой. Вверху надъ сѣнью Богъ Отецъ, изъ устъ котораго (по древнему художественному пріему) выходятъ слова: „Азъ утвердихъ стопы ея". Подъ нимъ Духъ Святой и по сторонамъ 7 ангеловъ: Михаилъ съ мечемъ, Уріилъ съ молніей, Рафаилъ съ алавастромъ мира и т. д. Передъ Богоматерью на ступеняхъ стоятъ пророки Моисей съ скрижалями, Ааронъ съ процвѣтшимъ жезломъ, Давидъ съ ковчегомъ завѣта, Исаія съ пророческимъ предсказаніемъ и др. На ступеняхъ снизу написано: Вѣра, надежда, любовь, чистота, благость, слава; на всѣхъ 7 стол-

бахъ изображены эмблемы: (книга съ 7 печатями, седмисвѣчникъ, семь очесъ, 7 трубъ и др.). Такимъ образомъ, эта икона изображаетъ цѣлое богословское ученіе о Сынѣ Божіемъ, воплотившемся отъ Отца и отъ Дѣвы Маріи, и устроившемъ свою церковь на землѣ, что было предметомъ вѣры и упованія ветхозавѣтныхъ праотцевъ и пророковъ. Эта икона Св. Софіи не раньще полов. XVII в., такъ какъ находившійся на мѣстѣ ея, болѣе древній образъ въ 1651 г. былъ увезенъ изъ Кіева польскими войсками во главѣ съ кн. Радзивиломъ. Каковъ былъ этотъ образъ не извѣстно — думаютъ только, что первоначально идея премудрости въ кіевской Софіи была выражена росписью главнаго алтаря, но такая роспись существуетъ и въ друг. древнихъ храмахъ.

Кромѣ изображенія св. Софіи въ иконостасѣ слѣдуетъ упомянуть образъ семи святителей (налѣво отъ образа Богородицы) столь же сложный, какъ и образъ св. Софіи; надъ фигурами святителей помѣщена св. чаша, Духъ Св., огненный столбъ, сердце съ именемъ Христа, Св. Троица, икона Богородицы, и монограмма Маріи, составленная изъ епископскихъ жезловъ. Всѣ иконы украинскаго письма съ живыми движеніями и лицами, съ пышно расцвѣченными ризами и богато орнаментованными полями; детали своей чрезмѣрной вычурностью указываютъ на стиль барокко, расцвѣтъ котораго на Украинѣ падаетъ на эпоху XVII и XVIII в.в., когда процвѣтала также и символика.

Большое центральное паникадило пожертвовано Р. Заборовскимъ (1731—47 г.). Оно напоминаетъ нѣмецкія работы XVII в., но несомнѣнно сдѣлано въ Кіевѣ: Украшающія его фигуры легкія, стройныя, не тѣ, что на царскихъ вратахъ. Паникадила по сторонамъ иной работы; — на сѣвер. сторонѣ это сильное произведеніе; передъ амвономъ виситъ паникадило митрополита Тим. Щербацкаго, той же работы, что и ризы на иконахъ.

Фрески. Обращаясь къ украшеніямъ средней части храма, кромѣ мозаикъ, видимъ вездѣ множество изображе-

ній, писанныхъ на стѣнахъ блѣдными красками. Это знаменитыя Кіево-Софійскія фрески, уже введенныя въ общую исторію искусства и дѣйствительно достойныя вниманія, какъ по системѣ расположенія на стѣнахъ храма, такъ и по необычайной для своего времени сложности, техническому исполненію и стилю, тоже позволяющему сближать ихъ съ современными стѣнописями въ Фокидѣ (церк. св. Луки), въ Дафни, на Хіосѣ (Νέα Μονή), въ Сициліи. Роспись эта должна была отнять не одинъ годъ работы, но судя по стилю, она никакъ не позже полов. XI в.

Всѣ изображенія сдѣланы клеевыми красками по тонкому сырому слою штукатурки, вслѣдствіе чего, пропитавшись вглубь стѣны, она не погибла. Контуры фигуръ первоначально наносились на штукатурку острымъ орудіемъ, затѣмъ обозначались толстыми одноцвѣтными линіями, послѣ чего данная фигура заполнялась сплошной вохревой краской (наслѣдіе античной живописи), потомъ на этотъ лекальный основной тонъ накладывались остальныя краски (смѣшенія красокъ тогда не знали). Секретъ изготовленія фресокъ нынѣ утерянъ, и тѣмъ болѣе приходится жалѣть о томъ, что Кіево-Софійскія фрески были испорчены неумѣлой реставраціей 1858 г. Ни одинъ изъ членовъ реставраціоннаго комитета (подъ предсѣдательствомъ митр. Филарета и ген.-губ. Бибикова) не былъ знакомъ съ археологіей и ни одинъ изъ мастеровъ (Иринархъ, Желтоножскій, Фохтъ) и подрядчиковъ (Пошехоновъ, напр. будучи старообрядцемъ, приказывалъ вездѣ изображать двуперстное сложеніе, 8 ми конечные кресты и т. п.) не получилъ художественнаго образованія: „подъ желѣзными скребками этихъ площадныхъ художниковъ, по словамъ очевидца, исчезали драгоцѣннѣйшія изображенія, пережившія рядъ столѣтій и прекрасно сохранившіяся“. Реставрація эта состояла въ отчисткѣ фресокъ изъ подъ побѣлки XVII в. и въ исправленіи испорченныхъ частей, при чемъ работа эта производилась небрежно, и въ возстановленіи многихъ

фигуръ было допущено не мало невѣжественной фантазіи. Тѣмъ не менѣе, фрески эти даже въ подмалеванномъ видѣ крайне любопытны. Онѣ относятся къ тому времени, когда заканчивался періодъ великой формаціи христіанской иконографіи, когда необъятное количество сюжетовъ и композицій принесло усталость творчеству художниковъ и послѣднее замкнулось въ сложномъ, сухомъ канонѣ, впитавшемъ въ себя элементы Свящ. Писанія, апокрифовъ, народныхъ преданій, историческихъ фактовъ. Роспись храма должна была группировать около себя все христіанство, посвящалась главнымъ патронамъ и заступникамъ Церкви Христовой. Поэтому и въ св. Софіи видимъ въ главномъ алтарѣ фигуру Пресв. Дѣвы Заступницы, а въ другихъ алтаряхъ и нефахъ — жизнь главныхъ святыхъ и жизнь Христа.

Главное пространство храма, покрытое большимъ куполомъ съ мозаичными изображеніями и отдѣляющееся справа и слѣва отъ боковыхъ придѣловъ невысокими восьмигранными колоннами, замыкающими боковые концы внутренняго архитектурнаго креста, украшено сценами страстей Христовыхъ, согласно уподобленію креста, лежащаго въ основаніи храма, кресту Господню.

Здѣсь изображены Христосъ на судѣ передъ Каіафою, раздирающимъ на себѣ одежды, и воиномъ, бьющимъ Христа по лицу, Распятіе, Сошествіе Христа въ адъ, Явленіе женамъ Мироносицамъ, Невѣріе Ѳомы, Посланіе Христа на проповѣдь и Сошествіе Св. Духа, — композиціи сложныя, симметричныя и полныя религіозной торжественности и монументальности. Особенно сложнымъ является Распятіе: Христосъ виситъ среди двухъ разбойниковъ; тѣло его не обвисло, какъ на Распятіяхъ болѣе поздняго времени, колѣни не согнуты; фономъ служитъ стѣна, прорѣзанная фигурными арочками и бойницами (стѣна Іерусалима); по сторонамъ Христа два воина съ копьемъ и губкой, напоенной уксусомъ; затѣмъ фигуры Богородицы и Іоанна; наконецъ, жены мироносицы и сотникъ Лонгинъ со своимъ слугою, указывающіе

на Христа, уже испустившаго духъ. Вся эта композиція строгостью и благородствомъ говоритъ о хорошемъ времени византійскаго искусства (ср. Гелатское и Никомидійское Евангелія), фигуры св. женъ новыя; онѣ вносятъ въ композицію элементъ драматизма и мягкости.

Западная часть главнаго нефа покрыта изображеніями святыхъ. Подборъ святыхъ обусловленъ особымъ почитаніемъ ихъ всей Церковью и мѣстнымъ почитаніемъ; но надписанія ихъ здѣсь сдѣланы невѣрно по соображеніямъ съ позднимъ „иконописнымъ подлинникомъ". На столбахъ они изображены, какъ „столпы Церкви", по двое—одинъ въ ростъ, другой по грудь. Во всѣхъ сквозитъ та же общая основа типа, что и въ изображеніяхъ 40 мучениковъ; одна фигура отъ другой при общности типа отличается цвѣтомъ волосъ и одеждъ и, рѣдко, позой.

На правой стѣнѣ подъ хорами 4 женскихъ фигуры надписаныхъ, какъ изображенія Вѣры, Надежды, Любви и Софіи; торжественные мужскіе византійскіе костюмы, мѣховыя шапочки и др. подробности — а главное — копія этого изображенія, сдѣланная въ 1651 г., указываетъ, что это было изображеніе Ярослава Мудраго съ семьей, непонятое реставраторами 1858 г.; еще раньше эта фреска была реставрирована Могилой, на что указываетъ форма короны (герцогская), борода (монетныя изображенія Ярослава съ усами), и орнаментика одежды князя (ср. гравировальныя изображенія св. Владиміра XVII в.). Изображеніе князя - строителя храма съ семьею заставляетъ вспомнить княжескія процессіи на стѣнахъ равеннскихъ храмовъ, въ Менологіи Василія I и др. Модель храма, которую Ярославъ несетъ въ рукѣ. Петровъ объясняетъ такъ, что это св. Софія безъ наружныхъ низкихъ папертей и фасадныхъ башенъ. Изображенныя по сосѣдству новыя сцены Срѣтенія, Рождества Христова и Воскресенія — сдѣланы въ 1893 г. худ. Соболевымъ.

Такъ какъ главный алтарь былъ посвященъ Пресвятой Дѣвѣ, то въ бывшемъ діаконникѣ, направо отъ главнаго

алтаря видимъ роспись изъ жизни родителей Богородицы; эта роспись повторяетъ темы, развитыя въ искусствѣ Македонской династіи на основѣ апокрифическаго евангелія Іакова и проповѣдей Іакова Кокинобафскаго (кодексы его съ иллюстраціями находятся въ Вѣнской библ., Ватиканской и Парижской), послужившихъ источникомъ для многочисленныхъ сюжетовъ византійской и западной иконографіи Богородицы. Здѣсь видимъ Іоакима передъ стадомъ въ пустынѣ, поэтическій плачъ Анны о разрѣшеніи ея безчадія при видѣ птичьяго гнѣзда, возбудившаго въ ней материнскія чувства, лобзаніе Іакима и Анны у Золотыхъ воротъ послѣ благовѣстія имъ ангела, рожденіе Богородицы, введеніе въ храмъ, соединенное съ сценой питанія Пресвятой Дѣвы ангеломъ, врученіе Богоматери пурпура и кокцина для приготовленія храмовой завѣсы, обрученіе Богородицы, Благовѣщеніе и цѣлованіе Елизаветы; Благовѣщеніе изображено въ двухъ варіянтахъ среди горъ у колодца, который еще въ XII в. видѣлъ въ св. землѣ русск. паломникъ Даніилъ и въ домѣ,—согласно апокрифу; обрученіе тоже согласно апокрифу состоитъ во врученіи Маріи жезла процвѣтшаго, неправильно понятаго реставраторами и переписаннаго въ видѣ вѣтви. Эта вѣтвь занимаетъ центральное мѣсто; слѣва за Іосифомъ группа претендентовъ на руку Маріи, неудостоившихся того, чтобы жезлы ихъ процвѣли; среди нихъ одинъ въ архіерейскомъ облаченіи; направо первосвященникъ, одѣтый въ епископскія одежды и въ нимбѣ (сіяніе); позади его арочный купольный киворій, указывающіи на то, что дѣйствіе происходитъ въ храмѣ; художникъ не знаетъ перспективы и помѣщаетъ киворій позади; нижняя часть фигуры первосвященника скрыта за алтарной преградой; за фигурами жениховъ видна стѣна. Въ Іакимовскомъ придѣлѣ находятся и непереписанныя фрески двухъ святителей архаическаго монументальнаго стиля ндущаго къ моз. ц. св. Луки въ Фокидѣ. Пріемы композиціи въ указанныхъ фрескахъ схематичны: бросается въ глаза равноголовіе и симметричность, что вмѣстѣ съ ровнымъ

фономъ и съ однообразно поставленными фигурами и искусственными складками одеждъ (приняты отъ античной скульптуры) не такое производитъ впечатлѣніе, какъ новая живопись. Въ тѣхъ же пріемахъ развиваются и остальныя композиціи Софійской росписи. Начиная съ X в. развитіе византійскаго искусства заключалось также въ приноровленіи къ народной средѣ (рождество Богородицы среди бытовой обстановки), благодаря чему библейскія лица получили византійскія одежды, появились новыя формы зданій; пейзажъ занимаетъ самое скромное мѣсто, опредѣляя только мѣсто дѣйствій; зданія и горы въ немъ — это остатокъ классическаго архитектурнаго пейзажа эллинистической эпохи, смѣнившаго архитектурную декорировку стѣнъ классическаго 1, 2 и 3-го стиля; ограниченное примѣненіе такихъ плановъ — черта искусства македонской эпохи. Различная окраска горъ и зданій—наслѣдіе эллинистической живописи, нѣкогда владѣвшей воздушной перспективой. Ровный синій фонъ вмѣсто неба тоже идетъ къ классическому и древнему (Ассирія, Тиринѳъ) искусству. Отъ антика идетъ и общая утонченность красокъ, господствующая въ византійскомъ искусствѣ 2-го періода, подобно античнымъ терракотамъ и живописи.

Въ слѣдующемъ направо придѣлѣ, посвященномъ въ древности арх. Михаилу — покровителю Константинополя (а потомъ и русскихъ князей), фрески остались не подновленными, но они осыпались отъ лака, которымъ были покрыты при общей реставраціи собора. Отъ всей росписи этого придѣла остались только образъ арх. Михаила въ конхѣ — прекраснаго типа съ молодымъ правильнымъ лицомъ и широко распущенными крыльями, слѣды композиціи низверженія сатаны, явленіе арх. Михаила Іисусу Навину и явленіе Захаріи и Валааму и изображенія святителей по цоколю. Уцѣлѣли также въ проходѣ изъ діаконника, въ Михайловск. придѣлъ изображенія св. ціакона и мученика, оба въ архаическихъ римскихъ типахъ, очень сильно моделированныхъ, а также остались нетронутыми открытыя въ 1880 г.

(въ пролетѣ царскихъ вратъ), изображенія св. Димитрія (на стѣнѣ поперечной арки, примыкающей къ Мих. придѣлу) — Богородицы съ воздѣтыми руками и святителей съ черными нимбами на пилястрахъ той же арки. Фигуры эти массивны, желтый тонъ ликовъ, плоская лѣпка, красные и синіе тона одежды, тяжелыя складки примыкаютъ къ мозаикамъ нижняго пояса главной апсиды. Передъ иконостасомъ (XVIII в.) Михайловскаго придѣла стоитъ рака съ мощами святителя Макарія, бывшаго кіевскаго митрополита, убитаго татарами въ 1497 г. во время поѣздки его по митрополіи. Головы и кисти правой руки нѣтъ при мощахъ, онѣ отрублены. Рака 1833 г. (рисунокъ старой раки XVI—XVII в. у Вестерфельда). Въ ризницѣ собора хранится интересный крестъ этого митрополита. У его гробницы вспоминается тяжелое время крымскихъ набѣговъ, имѣвшихъ цѣлью отобрать кіевскія области у литовцевъ.

Изъ придѣла арх. Михаила переходимъ дальше на югъ въ древнюю галлерею, современную постройкѣ собора, отдѣляющуюся отъ остального храма не колоннами, а стѣной, въ которой остались древнія окна и мѣсто прохода въ храмъ. Вдоль этого притвора (придѣлъ св. Антонія к Ѳеодосія) расположены единоличныя фигуры святыхъ, переписанныя въ 1857 г. Въ сосѣднемъ (крайнемъ) юго-зап. придѣлѣ (св. апостоловъ) на аркахъ открыты подъ штукатуркой нетронутыя реставраціей прекрасныя изображенія Солуньскихъ мучениковъ (св. Домнъ и др.), что можетъ указывать на связь съ искусствомъ Македонской династіи и росписью новой базилики. Это совершенно свободная тонкая живопись и только византійская торжественность напоминаетъ о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ XI в.; большіе, широко раскрытые глаза, короткія прически и удлиненный оvалъ лица съ широкимъ пятномъ румянца свидѣтельствуютъ о глубокой и высокой архаикѣ; достойна вниманія сила моделировки и свѣжесть густыхъ красокъ, а также портретныя обрамленія. Фрески выполнены смѣлымъ размахомъ кисти, дающимъ понятіе о средствахъ

художника. Среди нацарапанныхъ здѣсь на цоколѣ рисунковъ, повидимому, имѣется древнее изображеніе храма св. Софіи.

Единоличныхъ изображеній въ Софійскомъ соборѣ очень много (ихъ свыше 200). Фигуры святыхъ словно пилястры обходятъ храмъ; одни въ ростъ, другіе по грудь или по поясъ въ живописныхъ, будто вставленныхъ въ стѣны, портретныхъ рамахъ или въ медальонахъ (здѣсь святители, пророки, апостолы изъ 70, мученики, воины, св. жены, цари). Мужскіе типы въ ближайшихъ отдѣленіяхъ къ алтарной части (святые въ росписи главнаго нефа впервые появились въ Равеннѣ въ церкви св. Аполлинарія Новаго); жены въ боковыхъ придѣлахъ, что даетъ основаніе предполагать здѣсь гинекей или отдѣленіе для женщинъ, которымъ даже причастіе давалось не у алтаря, а у боковыхъ дверей. Всесильная устойчивость художественнаго преданія проявилась и здѣсь: во всѣхъ фигурахъ сквозитъ одна общая античная основа – та же, что въ апостольскомъ придѣлѣ—широкіе глаза, круглое лицо, полныя губы, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказывается и византійскій шаблонъ: почти всѣ фигуры чрезмѣрно удлинены, лишены движеній, строго-спокойны; одна отъ другой часто отличается только аттрибутами: мученики имѣютъ въ рукахъ кресты, пророки—свитки, цари и святители узнаются по одеждѣ..., епископы въ фелоняхъ и съ гуменцемъ на головѣ, діаконы въ бѣлыхъ стихаряхъ. Подписямъ около фигуръ не должно вѣрить, ибо онѣ сдѣланы въ 1843 г. произвольно: - нѣсколькимъ святымъ было дано одно и тоже имя (Николай), двумъ неизвѣстнымъ епископамъ сдѣлали надписи „Кириллъ и Меѳодій"; одно изображеніе евангелиста надписано пророкомъ Мойсеемъ Совершенно тождественныя фигуры, но съ иными надписями имѣются въ Палатинской капеллѣ (XI в.), что очень важно для возстановленія Софійскихъ изображеній. Нижнія и верхнія одежды святыхъ въ контрастѣ и съ обшивками внизу, у шеи и на рукавахъ; это черта византійскихъ церемоніальныхъ уборовъ XI вѣка. Среди единоличныхъ изображеній имѣются

церемоніальныя изображенія царя и царицы, надъ которыми тоже стоятъ произвольныя подписи — Константинъ и Елена: императоръ одѣтъ въ царскій далматикъ и лоронъ; въ лѣвой рукѣ его красный мѣшечекъ — это такъ называемая „акакія", она содержитъ въ себѣ прахъ, долженствовавшій напомнить монарху его происхожденіе изъ персти. По сторонамъ царя члены его семьи въ уменьшенныхъ фигурахъ, чѣмъ подчеркивается важность царской особы.

Порядокъ дальнѣйшаго слѣдованія предметовъ росписи собора соблюдается тѣмъ, что алтарь, находящійся влѣво отъ главнаго алтаря, — т. е. прежній жертвенникъ, расписанъ событіями изъ жизни Ап. Петра — главы Церкви и намѣстника Христа, а слѣдующій за нимъ — житіемъ популярнѣйшаго изъ святыхъ на Востокѣ и въ Византіи — вел. муч. Георгія - патрона князя Ярослава, строителя храма. Въ первомъ придѣлѣ на пилястрахъ алтарной арки открыты нереставрированныя изображенія мучениковъ. Интересны также сцены (переписанныя) крещенія въ домѣ сотника Корнилія (крестообразная купель) и изведеніе Петра изъ темницы.

Въ Георгіевскомъ придѣлѣ (нынѣ 3-хъ Кіевск. святит.) въ апсидѣ колоссальное изображеніе Георгія Побѣдоносца, подобное фигурѣ Михаила въ соотвѣтствующемъ ему южномъ придѣлѣ. Здѣсь хороши сцены св. Георгія, увѣщаемаго своимъ отцомъ, мученія святого въ кучѣ горящихъ углей и въ кипящей смолѣ и — Георгій, благословляющій царицу Александру: композиции симметричны, фигуры массивныя и неестественно изящны, драпировки (красныя и синія) заучены, лица желтыя и плоскія, фоны ровные, синіе, но живопись искажена перепиской; по цоколю уцѣлѣли нереставрированиые фиг. 6 святителей въ свѣтлыхъ одеждахъ; колоритъ, плоскія фигуры съ синими румянцами и губами, красные контуры рисунка, въ общемъ, примыкаютъ къ нижнему ярусу архаичнскихъ мозаикъ главн. алтаря.

Саркофагъ Ярослава. Въ сосѣднемъ придѣлѣ находится въ алтарѣ древняя гробница, извѣстная подъ име-

немъ гробницы Ярослава, хотя на это нѣтъ никакихъ доказательствъ. Гробница Ярослава раньше стояла налѣво отъ западнаго входа въ храмъ и въ алтарь св. Владиміра перенесена митрополитомъ княземъ Гедеономъ Четвертинскимъ въ XVII вѣкѣ, гдѣ издревле существовала уже готовая ниша, вѣроятно, тоже служившая для погребенія по образцу древне-христіанскихъ аркасолій. Подобныя ниши въ древне русскихъ храмахъ были обычны; въ нихъ, кромѣ гробницы, помѣщался портретъ умершаго (ср. церковь Нередицы въ Новгородѣ). Гробница Ярослава является необыкновенно цѣннымъ и рѣдкимъ памятникомъ художественной рѣзьбы по мрамору, непорвавшей еще связей съ классической пластикой. Обычай украшать гробницы широко примѣнялся до IV в., когда наступилъ упадокъ въ художественномъ исполненіи пластическихъ формъ, вслѣдствіе чего сложныя сцены замѣнились протыми изображеніями несложныхъ христіанскихъ символовъ, какъ и на саркофагѣ Ярослава. Форма гробницы Ярослава продолжаетъ греческую традицію: саркофаги въ Греціи подражали домамъ и имѣли рельефныя украшенія съ 4-хъ сторонъ, хотя и не особенно обильныя; наоборотъ, римскіе саркофаги украшались скульптурой только на передней сторонѣ и бокахъ, но въ большомъ обиліи въ 2 яруса; они стояли прислоненные къ стѣнѣ. Гробница Ярослава имѣетъ двускатную остроконечную (какъ на царьградскихъ саркофагахъ) крышу (она въ видѣ пережитка сохранилась на современныхъ гуцульскихъ „скрыняхъ" и въ старообрядческихъ голбцахъ) съ высѣченными по угламъ выступами (акротеріи дома или гробницъ, какъ въ Александріи), въ ксторыхъ въ античномъ искусствѣ ставились апотропеи—маски; здѣсь такими апотропеями являются кресты; крышка сплошь покрыта крестами съ греческими буквами IΣ.XΣ.NI.KA.Φ.X.Φ.Π. (Іис. Христосъ побѣждаетъ; свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ), звѣздами въ кругахъ, рыбами (Греческое названіе рыбы ἰχθύς состоитъ изъ начальныхъ буквъ слѣдующихъ словъ: Іис. Хрс. Сынъ Божій. Это сим-

волъ древнехристіанскій, равно какъ и птица — образъ души), птицами у гнѣздъ съ птенчиками по сторонамъ растеній, какъ въ сирійскихъ и греческихъ рукописяхъ, растеніями и четвероугольными углубленіями; послѣднія долгое время считались предназначенными для земли или елея въ знакъ преданія тѣла землѣ, или просто—„бассейнами", изъ коихъ души христіанскія (птицы) пьютъ воду спасенія, однако, проф. Айналовъ предложилъ новое толкованіе, основанное на свидѣтельствѣ Іоанна Мниха о гробницѣ Ольги, по которому черезъ оконце, вверху гроба, можно было видѣть тѣло блаженной Ольги. Въ Великороссіи у старообрядцевъ и теперь прорубаютъ окошка въ гробницахъ. Значеніе другихъ украшеній тоже утерялось для насъ и сдѣлалось непонятнымъ, но въ XI вѣкѣ они имѣли свой смыслъ, особенно въ Сиріи, откуда, вѣроятно, надо вести Ярославову гробницу; въ виноградныхъ разводахъ отразилась вся прелесть античнаго искусства грековъ, пользовавшагося этимъ мотивомъ для изображенія загробной жизни и передавшихъ его стелламъ и гробницамъ Коптскимъ, Сирійскимъ, Палестинскимъ, Херсонесскимъ; тоже и съ мотивомъ кипариса, вѣнками и разными растеніями, которыя въ погребальномъ культѣ были свойственны Греціи и всему востоку. Оттуда идутъ имѣющіеся на гробницѣ Ярослава кресты на аканѳовыхъ, пальмовыхъ и плющевыхъ листьяхъ, отъ которыхъ тянутся изгибающіяся вѣтви, прикасаясь къ концу розетки или вплетаясь въ монограмматическій крестъ, напоминающій древне - христіанскія „хризмы". Въ эпоху XI вѣка хризмы были почти живы; похожія на нихъ фигуры видимъ и въ росписи Софійскаго собора и въ одновременныхъ рельефныхъ украшеніяхъ внутреннихъ баллюстрадъ венеціанскаго собора св. Марка и Малоазійскихъ храмовъ, что проливаетъ свѣтъ на связь Кіева съ востокомъ и антикомъ. Рѣзьба саркофага Ярослава плоская, ниже той, которая извѣстна по памятникамъ Десятинной церкви, но выполнена со вкусомъ, чѣмъ выгодно отличается отъ современныхъ западныхъ саркофаговъ. Матеріалъ—саркофага

Проконесскій мраморъ. Задняя поверхность саркофага тоже приготовлена для рѣзьбы; она имѣетъ уже углубленные контуры, но неоконченные, вѣроятно, потому, что саркофагъ экстренно потребовался для погребенія, а что такіе саркофаги приготовлялись къ моменту погребенія умершаго, это видно изъ свидѣтельствъ житія Бориса и Глѣба, откуда узнаемъ также, что обычай примѣнять саркофаги въ древней Руси былъ весьма употребителенъ, что, впрочемъ, извѣстно и изъ другихъ кіевскихъ памятниковъ этого рода въ Десятинной церкви, въ церкви Кирилловской и Михайловской, на Аскольдовой могилѣ, въ Выдубецкой церкви, въ Вышгородѣ (въ Черниговѣ и въ Переяславѣ тоже найдены саркофаги) и въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ въ томъ же придѣлѣ хранится другая мраморная гробница XI в., тоже украшенная розетками, растеніями и крестами, но безъ крышки; думаютъ, что это гробъ св. митрополита Макарія, но гробъ св. Макарія былъ деревянный, онъ хранится въ придѣлѣ 12 апостоловъ.

Влѣво отъ нефа съ древними гробницами, имѣющаго, какъ и придѣлъ св. Михаила, тѣ же внутреннія стѣны съ окнами и выходами въ древнія наружныя галлереи, находятся обращенные нынѣ въ складочное мѣсто придѣлы І. Предтечи и Срѣтенія Господня. Здѣсь тоже открыты древнія фрески, по которымъ видно, насколько испорчена роспись средней части. Фрески эти стоятъ очень близко къ мозаикамъ церкви св. Луки въ Фокидѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ нѣкоторымъ мозаикамъ самой Софіи (севастійск. мученики и святители) и фрескамъ жертвенника. Онѣ выдаются изумительнымъ мастерствомъ и красотой—особенно же изображенія св. Адріана и Наталіи. Это лучшія произведенія зрѣлой эпохи византійской живописи. Широкія пропорціи ихъ и мощные торсы, круглыя восточныя линіи лица, темныя и густыя не разведенныя краски, изысканность письма выдѣляются среди остальныхъ фресокъ собора и свидѣтельствуютъ о томъ, что роспись собора производилась представителями

нѣсколькихъ художественныхъ школъ, давшихъ, какъ это было видно, не одинъ пошибъ и въ мозаикахъ. По фигурамъ двухъ святыхъ подъ изобр. фиг. св. Адріана и Натаціи — можно видѣть, какъ дѣлались первичные наброски фресокъ и какъ они расцвѣчивались. Въ Срѣтенскомъ придѣлѣ заслуживаетъ также вниманія иконостасъ к. XVII в., изображающій одну сплошную композицію древа Іессея или родословнаго древа Христа: изъ чрева праотца Іессея выростаетъ лоза, на вѣтвяхъ которой возсѣдаютъ другіе предки Спасителя. Композиція эта, какъ было уже сказано, является обычной въ украинскомъ искусствѣ. За престоломъ этого придѣла установленъ средній ярусъ главнаго иконостаса (живопись его вѣетъ фламандскимъ духомъ).

Наличность нѣсколькихъ пошибовъ или художественныхъ манеръ въ кіево-софійской росписи подтверждается нетронутыми фресками крещальни собора, подъ которую въ XII в. отведена часть западнаго портика у сѣверной стѣны юго-западной башни. Однѣ изъ фресокъ крещальни, находившіяся на внѣшнихъ частяхъ бывшаго наружнаго поперечнаго нефа, относятся къ XI вѣку (на восточной стѣнѣ и южной); слѣды ихъ уходятъ подъ кладку позднѣйшей апсидки: на восточной стѣнѣ изображены святители, на южной — 40 севастійскихъ мучениковъ, потопляемыхъ въ озерѣ; краски этихъ композицій тусклыя. Другія фрески на пристроенныхъ въ XII вѣкѣ частяхъ (тимпанъ заложен. арки и апсида), изображающія сцену Крещенія (указываетъ на назначеніе этого помѣщенія) и фиг. святого (любопытны своими бѣлыми контурами—впослѣдствіи черта живописи ранняго возрожденія) — относятся ко времени самой пристройки. Въ Крещеніи интересно отмѣтить восточный типъ Христа, ангеловъ съ платами, готовыхъ воспринять Христа изъ купели и небольшой бѣлый крестикъ на берегу рѣки въ водѣ; въ объясненіи этой детали должно исходить изъ изученія памятниковъ Палестины и востока, гдѣ впервые появилась иконографія Евангельскихъ событій (крестъ на берегу Іор-

дана—реальная подробность; въ XII в. крестъ на мѣстѣ крещенія Господня видѣлъ паломн. Даніилъ), откуда шли художественныя силы въ Византію, Херсонесъ (въ Крымъ) и на Русь, начиная съ очень ранняго времени, Стиль фресокъ (XII в.) въ крещальнѣ указываетъ на отмѣченныя уже въ мозаикахъ и въ архитектурѣ св. Софіи восточныя (армянскія) вліянія, отразившіяся одновременно и въ Кіевѣ и въ Новгородѣ (южная стѣна Нередицъ), въ Византіи и въ Сициліи (Марторана) и др.).

Въ крещальнѣ собора собраны куски мраморовъ, найденныхъ въ разное время въ Софійскомъ соборѣ. Проф. Айналовъ, обслѣдовавшій эти обломки, пришелъ къ выводу, что одни изъ нихъ являются остаткомъ древней алтарной преграды (пилястры, антабламенты, дверные входы, капители тонкой техники), а другіе—западнаго портика (большіе и малые блоки, база, колонна, совпадающая съ высотой портика). Нѣкоторыя части, можетъ быть, принадлежали мраморному киворію. Рѣзьба, однако, ремесленной техники X—XI вѣка византійскаго стиля; мотивы ея—кресты и листья; самый мраморъ съ голубыми жилками — привозной изъ Проконеса.

Лѣстницы. Изъ нижняго этажа Софійскаго собора поднимаемся на хоры по одной изъ лѣстницъ, устроенныхъ въ фасадныхъ башняхъ. Фрески, покрывающія стѣны и внутренніе столбы обѣихъ лѣстницъ, являются любопытнымъ памятникомъ русско византійскаго искусства, по своему свѣтскому характеру и по загадочности своего содержанія; множество данныхъ всякаго рода, преимущественно же бытовыхъ, несмотря на искаженіе реставраціями, здѣсь останавливаютъ наше вниманіе. Роспись эта, подобно башнѣ св. Софіи въ Царьградѣ, слѣдуетъ архитектурному устройству, размѣщая сцены въ ровныхъ или покатыхъ композиціяхъ по ихъ положенію на подъемахъ и площадкахъ нынѣ нарушенныхъ перестройкой винтообразной лѣстницы, (вертло), особенно это замѣтно въ юго-западной башнѣ, гдѣ живопись сохра-

нилась полнѣе; здѣсь, при самомъ входѣ, направо видимъ сцену охоты на вепря и всадника съ 4 конями — охоты на „вывѣрицу" (бѣлку), выскочившую на дерево очень интересной формы, имѣющей своимъ прототипомъ чуть ли ни деревья микенской металлургіи, далѣе охота на звѣрей при помощи прирученныхъ барсовъ, соколовъ, ученыхъ медвѣдей и собакъ; наѣздники гонятся за дикой лошадью и т. д. Гладіаторскіе и иногда скиѳскіе костюмы и бритыя лица (по римскому обычаю) нѣкоторыхъ охотниковъ указываютъ, что это не просто охота, а цирковая травля звѣрей, извѣстная древнему Риму и перешедшая въ Византію, гдѣ она сопровождала рождественскіе и новогодніе праздники (Врумалій, Вотъ, Коландъ). И, дѣйствительно, эти дѣйствія происходятъ въ циркѣ: выше изображенъ кулачный бой и зданіе самаго цирка (стамма) въ видѣ буквы П; за его рѣшетками видны 4 наѣздника (геніоха) на квадригахъ и надъ ними партійные значки съ изображеніемъ луны; въ окнахъ видны зрители. Напротивъ, огибая столбъ лѣстницы, интересная сцена поздравительнаго поднесенія свиной головы и окорока, происходящая, вѣроятно, въ примыкающихъ къ цирку царскихъ палатахъ — намекъ на которыя данъ въ занавѣсяхъ; поздравительная процессія состоитъ изъ нѣсколькихъ лицъ, среди коихъ одинъ держитъ тарелку для сбора пожертвованій (мѣхоноша). Далѣе поднимаясь вверхъ, налѣво, видимъ борцовъ, готовыхъ вступить въ бой, плясуновъ (со спущенными рукавами по восточному церемоніальному обычаю римскаго и византійскаго двора) и музыкантовъ, изъ коихъ одинъ играетъ на бандурѣ; далѣе мальчикъ взбирается на высокій шестъ. Выше императоръ съ свитой, съ евнухами, а на другой лѣстницѣ императрица среди придворныхъ дамъ, забавляются играми; къ императорской четѣ направлялась какая то процессія, отъ которой сохранились только фигуры юноши на конѣ и женщины (обѣ въ нимбахъ — указаніе на высокое достоинство); это, вѣроятно, одинъ изъ императорскихъ рождествен-

скихъ выѣздовъ. Весьма любопытна сцена, представляющая императора (армянскаго типа) внутри цирка въ ложѣ: Силенціарій подаетъ знакъ къ началу игръ, на которыя собралось смотрѣть много народа (среди аркадъ, вверху зданія). Эти изображенія пополняются нѣсколькими сценами, представленными въ сѣверо-западной башнѣ: тамъ изображены гудочникъ (съ инструментомъ, похожимъ на скрипку), шуточная борьба двухъ ряженныхъ, царь на звѣрѣ, орелъ, терзающій животное, и разныя фантастическія существа, двухголовыя чудовища, грифы (крылатый левъ съ головой орла — восходитъ къ класс. искусству, какъ и орелъ съ добычей) и проч. фантастическіе мотивы, вошедшіе въ византійское искусство изъ орнаментики восточнаго искусства, откуда пришелъ наплывъ звѣриныхъ формъ и въ искусство Запада. Эта „зоографія" извѣстна еще въ сассанидскомъ и въ древнемъ Александрійскомъ искусствѣ (связана съ царскими парадизами) и восходитъ даже къ искусству древней Ассиріи. О существованіи ея у древнихъ христіанъ и у византійцевъ узнаемъ изъ письма Нила Ноланскаго къ Олимпіодору и изъ данныхъ о дѣятельности иконоборцевъ; въ романскомъ искусствѣ звѣриные мотивы имѣли символическое значеніе, что со временемъ было перенесено также къ намъ. Думаютъ, что лѣстницы собора являются остаткомъ княжескаго терема, примыкавшаго къ храму, поэтому и изображенія эти считаютъ исполненными по княжескому заказу; лѣтописи и другіе литературные памятники (былины, житіе Ѳеодосія, Слово Дан. Заточн.) подтверждаютъ любовь русскихъ князей къ звѣринымъ ловамъ и разнымъ играмъ (поученіе Мономаха знаетъ охоту съ „пардусами" — леопардами); при дворѣ Ярослава устраивались состязанія „угровъ на фарѣхъ" (угорскихъ коняхъ); у славянъ была особая любовь къ увеселеніямъ: sclavus saltans — типичная фигура, извѣстная съ VI в.; византійскія игры и изображенія ихъ были знакомы не только кіевскимъ владѣтелямъ (былины), но и далекимъ отъ Византіи запад-

нымъ государямъ (ср. украшенія Палатинской капеллы), а также размѣщены были на стѣнахъ дворца царя Бориса Болгарскаго. Русская старина, такимъ образомъ, здѣсь примыкаетъ къ старой восточно-византійской традиціи (атлетами, актерами и т. п. издревле славилась Сирія) и сама становится, благодаря ей, болѣе осмысленной. Искусство Македонской династіи часто воспроизводило въ дворцахъ сцены ипподрома и др., что и отразилось въ кіевск. Софіи, въ церемоніяхъ Мартораны, и въ Монреале въ комнатѣ Рожера II, въ рукописи Скилицы и въ хроникѣ Манассіи. Общій восточный характеръ башенныхъ росписей Софійск. собора и общность сюжетовъ, ближайшимъ образомъ, связываютъ эти изображенія съ росписью Палатинской капеллы въ Палермо, хотя въ Софіи собственно отразилось два неодинаковыхъ пошиба — цирковыя сцены (императоръ со свитой и др.) написаны болѣе мелкимъ письмомъ и напоминаютъ миніатюры хроникъ, а сцены охотъ выполнены широкимъ письмомъ и ближе идутъ къ памятникамь монументальнымъ, но въ тѣхъ и другихъ удерживается византійскій стиль восточно-античнаго пошиба, извѣстный въ Палатинской капеллѣ, выразившійся въ легкой свободной техникѣ и яркости красокъ.

Хоры. Вверху лѣстницъ, въ началѣ хоръ, путешественникамъ въ XV—XVI в. указывали свѣтлицу, въ которой князья имѣли совѣщанія съ боярами. Около нея, повидимому, или въ ней (Лясота) показывали также какое то магическое зеркало — вѣроятно, средневѣковое зерцало мудрости, необходимую принадлежность залъ суда и совѣщаній. Здѣсь же можно было видѣть богатыя мраморныя, алебастровыя и порфировыя украшенія. Нынѣ верхнія части башенъ перестроены и слѣды свѣтлицы утеряны и только на самихъ хорахъ сохранились отъ древности рѣзныя перила и роспись; перила шиферныя съ барельефными орнаментами, обычными для византійскаго искусства XI. в. (ср. орнаменты рукописей, рѣзныя облицовки Венеціанскаго и Южно-Италь-

янскихъ соборовъ, эмалированныя издѣлія, плиты Черниговск. Собора и Софійскаго собора въ Новгородѣ), изображающими змѣевидныя плетенія и узлы, между которыми заключены геральдическіе орлы восточнаго характера, розеты, рыбы. Упомянемъ и о карнизахъ, украшающихъ стѣны и столбы храма; размѣщеніе ихъ сообразовано съ чувствомъ перспективы: болѣе мелкіе карнизы помѣщены ниже, а крупные выше, т. е. дальше отъ зрителя. Между византійскими столбами въ боковыхъ крыльяхъ хоръ до сихъ поръ сохранились деревянныя связи, окрашенныя подъ цвѣтъ шифера.

Остановившись въ западномъ концѣ хоръ, можемъ любоваться величественнымъ видомъ на алтарныя мозаики. По стѣнамъ хоръ сохранились древнія фрески, имѣющія начатки живописной сложности, идущей къ мозаикамъ въ Дафни. Эти фрески были переписаны въ 1853 году послѣ открытія ихъ изъ подъ штукатурки XVII в., на которой въ XVIII в. была сдѣлана новая роспись, въ коей принималъ участіе извѣстный кіевскій граверъ-живописецъ Илар. Мигура; часть стѣнописи конца XVIII в., изображающей вселенскіе соборы, уцѣлѣла подъ сводами въ западномъ концѣ хоръ. Далѣе направо и налѣво размѣщены древнія фресковыя изображенія, имѣющія евхаристическое значеніе; помѣщеніе ихъ на хорахъ вызвано обычаемъ, по которому въ византійскихъ храмахъ царь и царица слушали богослуженіе и принимали причастіе на хорахъ „за завѣсами“ — царь на правой, а царица на лѣвой сторонѣ; въ южной части хоръ на стѣнахъ главное мѣсто занимаетъ Тайная Вечеря въ живой, но очень ранней архаической композиціи (за подковообразнымъ столомъ въ видѣ сигмы), напоминающей загробныя трапезы древне-христіанскихъ катакомбъ; предатель здѣсь еще не открывается, какъ въ болѣе позднихъ сценахъ Тайной Вечери; Христосъ возлежитъ, апостолы принимаютъ сидячія позы.

Со времени катакомбъ появилась и символизація Евхаристіи, поэтому на хорахъ Софійскаго собора изображены и эти сцены — Чудо на бракѣ въ Канѣ (въ очень древнемъ

переводѣ, извѣстномъ на дверяхъ церкви св. Сабины въ Римѣ V. в. съ вновь написанной фигурой Богоматери), жертвоприношеніе Исаака (образъ смерти Христа), трапеза трехъ странниковъ у дуба Мамврійскаго, преломленіе хлѣба въ Эммаусѣ, отроки въ вавилонской пещи (образъ страданій Христа)...

Престолъ, устроенный въ открытой части южнаго крыла хоръ, посвященъ апостолу Андрею; въ иконостасѣ его раньше находилось чудотворное изображеніе Купятицкой Божіей Матери, нынѣ вдѣланное въ особый кіотъ у перваго праваго столба на хорахъ; эта святыня представляетъ собою обратную сторону нагруднаго креста XII в. (енколпіона) съ рельефнымъ изображеніемъ Богородицы — Одигитріи, принесеннаго сюда Лазаремъ Барановичемъ въ 1655 г. и вставленнаго Варл. Ясинскимъ въ драгоцѣнный дискъ съ изображеніемъ прав. Іоакима и Анны.

Въ лѣвомъ сѣверномъ отдѣленіи хоръ у соотвѣтствующаго столба въ Николаевскомъ придѣлѣ помѣщается икона Николая Мокраго, относимая (Праховымъ) къ X вѣку, что едва ли вѣрно, ибо вообще иконъ того времени, несмотря на ихъ широкое употребленіе, до нашего времени почти не сохранилось и такъ какъ всѣ древнія кіевскія реликвіи и святыни въ XIII—XIV ст. были расхищены; слѣды образа св. Николая открываются въ Новгородѣ; чудеса отъ этого образа относятся къ XI в. и свое названіе онъ получилъ отъ чуда съ младенцемъ, уроненнымъ матерью въ Днѣпръ въ 1096 г. На образѣ имѣется надпись „ἅγιος — отецъ Николае“.

На стѣнахъ Николаевскаго придѣла написаны: вечеря Христа въ Эммаусѣ (композиція та же, что въ Тайной Вечерѣ), предательство Іуды (новое), гостепріимство Авраама и три отрока въ пещи. Послѣднее изображеніе передаетъ композицію, извѣстную еще на христіанскихъ саркофагахъ; пещь въ видѣ четырехугольнаго ящика — реальная деталь, служившая принадлежностью, такъ называемыхъ „пещныхъ дѣйствій“, существовавшихъ еще въ древней Александріи; отро-

ковъ охраняетъ ангелъ съ распростертыми крыльями, спускался на веревкахъ въ пещь, объятую искусственнымъ пламенемъ; Навуходоносоръ здѣсь въ одеждѣ византійскаго императора. Эта сцена скомпонована по той же обычной симметричной схемѣ, которую видимъ и въ сценѣ угощенія Авраамомъ трехъ странниковъ и въ мученіи Георгія въ кучѣ углей и др. На столбахъ хоръ помѣщены фигуры отдѣльныхъ святыхъ, а въ сводахъ и куполахъ — фигуры херувимовъ, серафимовъ и Евангелистовъ вокругъ четырехконечныхъ крестовъ въ медальонахъ (ср. въ куполѣ ц. Успенія въ Никеѣ), обычныхъ для декораціи потолковъ, имитирующихъ крестовый сводъ и для купольныхъ декорацій еще въ древне христіанскомъ искусствѣ. Кромѣ того, на стѣнахъ и сводахъ раскиданы богато украшенные кресты, идущіе отъ драгоцѣннаго креста, поставленнаго на Голгоѳѣ, св. царемъ Константиномъ и разные орнаменты, представляющіе смѣсь классическихъ формъ съ восточными, какъ въ Дафни, на Хіосѣ и др.

Иконостасъ Николаевскаго придѣла, какъ и Андреевскаго, является рядовымъ произведеніемъ барочнаго стиля XVII—XVIII в.; въ другихъ придѣлахъ иконостасы болѣе интересны: въ Богоявленскомъ придѣлѣ онъ изображаетъ цѣлую сцену крещенія Господня, въ Преображенскомъ — гору Ѳаворъ съ Преображеніемъ, въ Вознесенскомъ — гору Елеонскую и Вознесеніе, въ Страстномъ придѣлѣ — Распятіе; всѣ они вышли изъ той же мастерской, что и иконостасъ Срѣтенскаго придѣла.

Подъ соборомъ имѣются обширные подземные ходы, которые ждутъ обслѣдованія.

Ризница. Ризница и библіотека собора, помѣщающіяся въ упомянутыхъ придѣлахъ, очень богаты. Предметы древностей, кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ находокъ княжескаго времени (энколпіоны, эмали), здѣсь не восходятъ дальше XV вѣка, такъ какъ были разграблены. Наиболѣе интересными являются здѣсь 4 конечный крестъ (кипа-

рисный въ серебрѣ) митр. Макарія XV ст., украшенный сценами страстей и праздниковъ съ несомнѣнными слѣдами готическаго вліянія; шестиконечный крестъ съ именемъ Ѳеодосія и съ украшеніями въ стилѣ ренессансъ, предносный серебряный крестъ съ рельефнымъ распятіемъ митр. Іосифа Тукальскаго (борецъ за автономію украинской церкви); шестиконечные кресты являются характерными для украинскихъ древностей; оба поперечья креста въ нихъ параллельны, какъ на реликваріи въ сценѣ Воздвиженія въ Менологіи Василія Македонянина; эта форма креста крестоносцами была занесена на западъ и привилась тамъ въ геральдикѣ и въ папскомъ ритуалѣ, получивъ наименованіе креста патріаршаго. Формы креста все время измѣнялись, принимали разные стили, но на Украйнѣ привились, главнымъ образомъ, кресты шестиконечные.

Изъ другихъ предметовъ слѣдуетъ упомянуть панагію съ распятіемъ и головой Предтечи въ чашѣ на створкѣ ея, панагію въ видѣ орла, надъ которымъ ангелы держатъ корону (XVIII в.), панагіи Гедеона Четвертинскаго съ чуднымъ яхонтомъ, Раф. Заборовскаго (съ брилліантами, рубинами, алмазами) и Самуила Миславскаго (1784 г.). На одной рѣзной панагіи (изъ кости) надпись: „року 1580 Гедеонъ (Балабанъ) Еп. Львовскій". Изъ потировъ и дискосовъ одинъ пожертвованъ Петромъ Великимъ. Интересно колоссальное напрестольное Евангеліе (Москва 1689 г.), пожертвованное Стеф. Яворскимъ съ его автографомъ—въ богатой оправѣ и съ живописными украшеніями внутри. Наконецъ, достойны вниманія нѣсколько драгоцѣнныхъ облаченій Гедеона Четвертинскаго изъ золотого алтабаса съ жемчугомъ, съ алмазами и яхонтовыми украшеніями на палицѣ; два сребротканныхъ саккоса Раф. Заборовскаго съ драгоцѣнными камнями, парчевой саккосъ и омофоръ Іоасафа Кроковскаго, Грузинскій омофоръ 1611 г. съ вышитыми изображеніями 12 праздниковъ, саккосъ изъ мантіи, покрывавшей въ XVIII в. статую Мадонны въ Венеціи (украшенъ цвѣтами и

монограммами Богородицы). Здѣсь же архіерейское складное сидѣніе, обложенное финифтями и 4 орлеца патр. Никона.

Библіотека. Въ библіотекѣ собора, основанной еще Ярославомъ Мудрымъ, теперь тоже нѣтъ ничего выдающагося по своей древности. Она состоитъ, главнымъ образомъ, изъ библіотеки извѣстнаго еп. Иринея Фальковскаго и митроп. Евгенія. Среди рѣдкихъ изданій имѣется Острожская Библія 1581 г, и Львовскій апостолъ 1574 г. Въ отдѣлѣ рукописей (всѣхъ до 1000) должно отмѣтить собственноручныя записки Петра Могилы, автографы Дм. Ростовскаго и рядъ старыхъ богословскихъ сочиненій, интересныхъ для характеристики мѣстной богословской науки въ XVII—XVIII в. Болѣе старыя рукописи Соф. библіотеки и въ томъ числѣ весь архивъ кіевской митрополіи погибли въ пожарѣ 1697 г. Описаніе сохранившихся рукописей сдѣлано проф. Петровымъ. Въ библіотекѣ развѣшаны портреты кіевскихъ святителей съ стихотворными подписями.

Дворъ собора. Послѣ осмотра Софійской библіотеки и ризницы направляемся внизъ къ выходу, во дворъ собора. Въ XVI в. Лясотѣ здѣсь указывали могилы зодчихъ, строившихъ соборъ, но другихъ упоминаній объ этихъ могилахъ неизвѣстно. Въ глубокой древности во дворѣ св. Софіи собиралось народное вѣче—люди усаживались вдоль галлерей и на балконахъ собора и рѣшали дѣла, избирали митрополитовъ и князей, которые здѣсь же во дворѣ собора и жили; позже эту самую форму устройства удержали шумныя казацкія „рады". Съ 1051 по 1786 г. при соборѣ существовалъ каѳедральный монастырь, управлявшійся митрополитомъ автокефальной кіевской церкви, имѣвшей нѣкогда свой собственный обрядъ, богословіе и особое устройство, основанное на выборномъ началѣ. Митрополиту кіевскому были подчинены всѣ православныя епархіи и монастыри Украйны, Литвы и Польши, а также былъ присвоенъ титулъ „митрополита всея Руси", въ ознаменованіе чего кіевскіе святители носили двѣ панагіи. Подчиненіе кіевской

митрополіи московскому патріарху произошло при митр. Святополкѣ Четвертинскомъ.

Митрополичій домъ. Отъ стараго времени уцѣлѣлъ домъ, въ которомъ жили митрополиты. Онъ расположенъ противъ западнаго фасада Софійскаго собора. Это лучшій образецъ украинскаго барокко. По бокамъ главнаго фасада имѣются два выступа, придающихъ дому особую красоту; надъ передней стѣной выведенъ роскошный щитъ, украшенный разорванными фронтонами на пилястрахъ; по фронтону идутъ волюты, лѣпка и живопись, а сверху поставлены звѣзды и солнца; крыша поднимается уступомъ, придающимъ ей особую вычурность; окна и двери украшены роскошными наличниками. Прототипъ этого дома должно искать въ нѣмецкой барочной архитектурѣ въ родѣ дома Пеллера въ Нюрнбергѣ. Строителями митрополичьяго дома были митрополитъ Варлаамъ Ванатовичъ и Рафаилъ Заборовскій, почему украшенія его очень напоминаютъ старую Софійскую „браму" на Георгіевскомъ переулкѣ. Путешественники, посѣщавшіе Кіевъ въ XVIII в., говорятъ, что этотъ домъ внутри былъ великолѣпно обставленъ; да, вообще, жизнь украинскихъ владыкъ и вельможъ отличалась роскошью, о чемъ свидѣтельствуютъ литературные и вещественные памятники. Украина вполнѣ усвоила духъ современной западной культуры, переживавшей въ XVII вѣкѣ время реакціи противъ пуританской простоты реформаціи. Раньше простое и воинственное казачество теперь окружило себя роскошью, измѣнило костюмъ, жилище, заводило штаты слугъ, задавало великолѣпные праздники и пиры, дѣтей посылало въ иностранныя школы. Въ XVI - XVIII в. Украйна была настолько жизненна и богата, что даже непосредственно послѣ ужаснаго разоренія Кіева поляками въ 1651 г. Павелъ Алеппскій удивлялся его красотѣ и богатству.

Храмъ XI в. Въ усадьбѣ митрополичьяго дома въ сторону Георгіевскаго переулка въ 1910 г. открыты фундаменты огромной церкви XI в. того же типа, что и Софійскій

соборъ — трехнефной съ заплечьями и фасадными башнями (?), полъ ея былъ выстланъ 8-ми угольными плитками, церковь эта существовала въ XII—XIII в., а потомъ была разрушена; подъ нею оказалось, много погребеній и древностей художественной работы. Кому храмъ былъ посвященъ неизвѣстно. Нынѣ планъ этого храма нанесенъ на поверхность земли, для чего по линіямъ фундаментовъ проложены дорожки изъ камня.

Софійское училище. Противъ сѣверной стороны собора открывается видъ на старинное зданіе того же стиля, что митрополитанскій домъ, — трехъэтажное обширное, съ рундуками, двойными уступчатыми крышами и лѣпными украшеніями; въ немъ помѣщается Софійское духовное училище, а раньше жили иноки Софійскаго монастыря; зданіе построено въ 1763 г.

Ц. Рожд. Христова. Противъ южной стороны Софійскаго собора бросается въ глаза сооруженіе, имѣющее на востокѣ башню съ куполомъ, а въ западной своей части напоминающее жилой домъ съ двойнымъ двускатнымъ перекрытіемъ и съ прекраснымъ фронтономъ на фасадѣ, украшеннымъ пиллястрами, дугами, вазами и вызолоченными солнцами. Это бывшая монастырская трапезная (1722 г.) съ церковью Рождества Христова. Въ ней имѣется старая копія съ Рождества Христова Корреджіо.

Передъ трапезной церковью старый колодезъ 1767 г,; встарину вода его славилась въ Кіевѣ своимъ вкусомъ.

До 1722 г., когда были построены нынѣшній митрополичій домъ и трапезная, дворъ Софійскаго собора имѣлъ иной видъ: на рисункѣ 1633 и 1651 г.г. на юго-востокѣ отъ св. Софіи виднѣется громадная круглая трехъярусная башня съ куполомъ—вѣроятно, служившая митрополичьимъ замкомъ и рядомъ съ нею деревянный корпусъ, должно быть, для братіи; у восточнаго конца южной паперти изображена деревянная красивой украинской архитектуры колокольня. Здѣсь, по Павлу Алеппскому, висѣлъ огромный

колоколъ, который раскачивали по западному обычаю за ухо на рычагѣ, какъ и вездѣ по Украйнѣ.

Колокольня. Нынѣшняя колокольня закончена постройкой при Раф. Заборовскомъ въ 1748 г. и, надо полагать, при участіи извѣстнаго Шеделя, подражавшаго здѣсь декораціи Мазепинскихъ церквей. На мѣстѣ 4-го этажа до реставраціи 1848 г. на колокольнѣ былъ высокій шпицъ; но и въ перестроенномъ видѣ колокольня сохраняетъ тяжелое изящество старой украинской архитектуры. Ея порталы, окна и карнизы раздѣляющіе этажи богато отдѣланы архитектурными и лѣпными украшеніями, среди которыхъ выдѣляются спускающіеся книзу гирлянды и орлы, а въ 3-мъ этажѣ лѣпныя фигуры св. кн. Владиміра и арх. Рафаила, св. Первозваннаго Андрея и Тимофея Надъ аркой колокольни богатый порталъ съ разорваннымъ фронтономъ; внутри подъ аркой производится продажа просфоръ, крестовъ, молитвенниковъ, образковъ и поминальныхъ книжекъ; на стѣнѣ виситъ картина XVIII в., изображающая чудо съ образомъ Николая Мокраго, описанное здѣсь въ силлабическихъ стихахъ XVIII в. Къ колокольнѣ примыкаетъ старая каменная ограда (1744 г.), идущая вокругъ соборной усадьбы; стѣна эта настолько прочной конструкціи, что въ прошломъ вѣкѣ ее думали ломать при помощи динамита; въ XVIII ст. при оградѣ были устроены лавки, выходившія на нынѣшнюю Старо-Кіевскую или Софійскую площадь.

Софійская площадь. Софійская площадь, представляющая собою типичный уголокъ стараго Кіева, въ XVI в. была занята поселкомъ, образовавшимся на земляхъ Софійскаго монастыря, а въ XVII—XVIII в. здѣсь уже былъ свободный „плацъ" для народныхъ сборищъ и, можетъ быть, для торговли (по сосѣдству находились шинки и кузни); въ центрѣ площади на старинныхъ рисункахъ показанъ огромный крестъ съ распятіемъ, подобный тѣмъ, которые ставятся и теперь на Украйнѣ на площадяхъ и дорогахъ.

Этотъ крестъ упоминается въ разсказѣ о въѣздѣ въ Кіевъ русскихъ воеводъ въ 1654 г.; онъ же изображенъ и на рисункѣ 1651 г. Обычай ставить подобные кресты на площадяхъ, дорогахъ и у храмовъ былъ заимствованъ съ Запада, гдѣ они постоянно фигурируютъ въ гравюрахъ Гольбейна, Дюрера, Кранаха и др. Въ 1863 г. постановка такихъ крестовъ и статуй была запрещена, но обычай этотъ не исчезъ. При Екатеринѣ II на Софійской площади были устроены качели, а нынѣ въ центрѣ ея лицомъ къ собору стоитъ памятникъ Богдану Хмельницкому. Проектъ памятника принадлежитъ художнику М. Микѣшину, пользовавшемуся указаніями проф. Антоновича. Мощная очень живая фигура гетмана останавливается на курганѣ, указывая булавой на сѣверъ (Москву). Первоначальный проектъ имѣлъ дополнительныя фигуры еврея, поляка и іезуита, которыхъ топталъ конь Хмельницкаго, но впослѣдствіи было рѣшено этихъ фигуръ не воспроизводить. При лунномъ вечернемъ свѣтѣ памятникъ этотъ принимаетъ причудливыя очертанія, вызывающія въ памяти картины романтическаго прошлаго и вообще вся Софійская площадь имѣетъ особый характеръ: съ одной стороны возвышаются громады Софійскаго собора съ его колокольней, съ другой — такія же игривыя очертанія виднѣющагося на востокѣ Михайловскаго монастыря и напротивъ колокольни собора — высокій домъ въ стилѣ того же украинскаго бароко, что и главы собора и находящіяся во дворѣ его зданія. Домъ этотъ (постройка арх. Алешина) является счастливой попыткой приблизиться въ современной архитектурѣ къ типичнымъ особенностямъ того стиля, который для Кіева сталъ органическимъ, безъ котораго представленіе о старомъ Кіевѣ немыслимо. Общую картину площади нарушаютъ только зданія присутственныхъ мѣстъ, построенныя здѣсь въ 1853 г. по проекту Старжинскаго. Какъ и всѣ вообще казенныя сооруженія времени Николая I-го, онѣ отличаются казарменной массивностью, которой соотвѣтствуетъ и внѣшняя отдѣлка.

Учрежденія, помѣщающіяся въ этомъ зданіи, появились въ Кіевѣ послѣ 1838 г., когда Кіевъ былъ лишенъ самоуправленія, до той же поры Кіевъ имѣлъ свои особыя учрежденія и чиновниковъ. Присутственныя мѣста первоначально помѣщались на Подолѣ и Печерскѣ, а потомъ перенесены сюда. Еще недавно здѣсь можно было видѣть писцовъ съ зонтиками и бумагами, придерживаемыми камнями на мостовой; въ такой обстановкѣ они писали свои кляузы и прошенія. Подобные господа въ свое время дали адвокатскому сословію на Украйнѣ названіе „брехуновъ".

Городъ св. Владиміра. Отъ Софійской площади удобнѣе всего направиться черезъ Десятинную улицу къ бывшему городу временъ св. Владиміра. Входишь на эту улицу и впечатлѣніе мѣняется: печальная смѣсь невзрачныхъ обывательскихъ домовъ и административныхъ зданій (пожарная команда, участокъ...), которыя точно также плоски и корректны, какъ и ихъ назначеніе. Городъ св. Владиміра былъ небольшой; со стороны Кожемякъ и Подола онъ защищался неприступными склонами горъ и овраговъ (удолій), а со стороны степи, гдѣ позже возникъ городъ Ярослава,—обнесенъ валами и деревянными стѣнами (на мѣстѣ Житомірской улицы). Трудно возстановить теперь картину всего Кіева въ X вѣкѣ. Къ этому времени Кіевъ имѣлъ уже свою исторію, какъ бывшая столица Готскаго царства при Германарихѣ, какъ торговая база арабовъ и хозаръ, какъ городъ запечатлѣнный княженіемъ варяговъ Аскольда и Дира, Олега, Ольги...

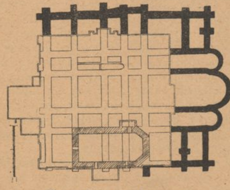
Собственно „городъ" или крѣпость (акрополь, кремль) при Владимірѣ занималъ мѣстность, занятую нынѣ храмами Десятиннымъ, Андреевскимъ и Трехсвятительскимъ и имѣлъ трое воротъ особой архитектуры:—западныя на мѣстѣ пересѣченія Б.-Владимірской и Житомірской (гдѣ нынѣ Старо-Кіевская аптека), южныя направо со стороны Михайловскаго монастыря и сѣверо-восточныя (дальше по прямому пути)

надъ Андреевскимъ спускомъ. Отсюда князь владѣлъ поселеніемъ, расположеннымъ на Подолѣ.

Передъ западными воротами по нынѣшней Житомірской ул. къ Кожемякамъ шелъ валъ и оврагъ („удоліе, дебрь"); на немъ былъ перекидной мостъ. Въ 1893 г. на мѣстѣ воротъ были найдены фундаменты, а въ XVIII в. существовали еще и развалины воротъ; онѣ были разобраны комендантомъ крѣпости Массе и, по Максимовичу, были подобны Золотымъ воротамъ (?). Кирпичъ и кладка, найденные въ нихъ, X-го вѣка. Эти ворота назывались еще Батыевыми и Софійскими, должно быть, отъ того, что черезъ нихъ проникъ въ Кіевъ въ 1224 г. Батый и потому, что вблизи ихъ находился основанный Ольгою первоначальный Софійскій монастырь. Слѣды фундаментовъ этихъ воротъ обозначены нынѣ на поверхности улицы (вкось по направл. къ пожарной) шиферомъ. Въ XVII—XVIII в. на этомъ мѣстѣ позже находилась церковь Іоанна Златоустаго, перенесенная въ 1871 г. на Галицкій базаръ. На мѣстѣ старой Златоустовской церкви теперь находится зданіе религіозно просвѣтительнаго общества. За нимъ въ концѣ Больш.-Владимірской ул. высится неуклюжая съ приплюснутыми луковицеобразными куполами Десятинная церковь.

Десятинная церковь. Десятинная церковь была построена св. Владиміромъ послѣ крещенія его въ Корсунѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были замучены двое христіанъ Іоаннъ и Θеодоръ въ жертву Перуну. Въ сооруженіи храма на мѣстѣ мученичества христіанъ была сохранена древне-христіанская традиція ставить церкви на могилахъ святыхъ (ср. также херсонесскія церкви Климента, Мартина, Θеодора Стратилата). Десятинная церковь была поручена Владиміромъ корсунскому духовенству и, вѣроятно, строили ее тоже корсунскіе мастера. Въ этихъ связяхъ съ Херсонесомъ имѣемъ, такимъ образомъ, документальное подтвержденіе указаннымъ выше восточнымъ вліяніямъ на русское искусство (Херсонесъ былъ связанъ съ востокомъ). Десятинный

храмъ былъ одаренъ десятой частью всѣхъ княжескихъ доходовъ (10-я часть, какъ священная мѣра извѣстная въ ветхомъ завѣтѣ, давалась на соборные храмы въ Византіи и во всѣхъ русскихъ земляхъ) и, слѣдовательно, былъ достаточно богатъ, чтобы привлекать къ себѣ взоры своихъ и чужихъ хищниковъ. Андрей Боголюбскій, половцы, татары систематически грабили сокровища храма; неоднократно онъ терпѣлъ отъ пожаровъ и разрушеній; въ 1240 г. во время нашествія татаръ въ немъ укрылось много народа; отъ чрезмѣрнаго переполненія своды его рухнули и въ такомъ видѣ

Планъ Десятинной церкви.

оставался этотъ храмъ до времени Петра Могилы, когда въ Кіевѣ стали производиться поиски древнихъ храмовъ и святынь. Могила въ открытомъ имъ изъ подъ земли юго-западномъ углу Десятиннаго храма устроилъ новую церковь во имя св. Николая, которая просуществовала до 1824 г.; видъ этой церкви, неизвѣстно когда и кѣмъ сдѣланный, неоднократно издавался, но насколько онъ точно передаетъ Могилянскую постройку—неизвѣстно; остатки древняго храма въ 1826 г. были разобраны и на мѣстѣ ихъ послѣ небреж-

ной раскопки былъ заложенъ нынѣшній новый храмъ по проекту Стасова въ квазивизантійскомъ стилѣ съ 5 неуклюжими куполами и безъ апсидъ. Западная и южная стѣны новаго храма выведены на древнихъ фундаментахъ, но древнія стѣны въ новую кладку не вошли. Все, что осталось отъ нихъ — это 12 буквъ разрозненной греческой надписи, на каменныхъ плитахъ, вставленныхъ въ южную стѣну новаго храма на высотѣ дѣлящаго ее горизонтальнаго пояска. Эти буквы суть древнѣйшіе образцы письменности на Руси. Часть ихъ была уничтожена во время реставраціи 1758 г.; обычное чтеніе этой надписи: Ὁ θεος ἐν μεσω αὐτης... въ послѣднее время (проф. Анайловымъ) отвергнуто, ибо уцѣлѣвшіе отрывки въ этомъ текстѣ не встрѣчаются.

Планъ. Планъ древняго храма долгое время не былъ извѣстенъ. Ни художникъ Ефимовъ, наблюдавшій за раскопками 1824 года по порученію Академіи Художествъ, ни тѣмъ болѣе его сотрудники Лохвицкій и свящ. Качеровскій не считали нужнымъ выяснить планъ и архитектурныя конструкціи древняго храма; ихъ интересовали находки разныхъ драгоцѣнныхъ вещей (поступили въ университетскій музей, а частью къ Анненкову — строителю новой церкви, у котораго пропали въ имѣніи въ Полтавской губерніи). Общій пріемъ плана, размѣры древней церкви, а равно и детали устройства нижнихъ частей храма, его строительныхъ матеріаловъ и украшеній выяснены только недавно раскопками арх. Милѣева, отчеты котораго еще ждутъ своей обработки и изданія. Форма его квадратная; въ восточной части три сомкнутыя подковообразныя апсиды; въ папертяхъ, обходившихъ средніе нефы храма съ трехъ сторонъ на подобіе буквы П, вѣроятно, были устроены открытыя галлереи и на нихъ открытыя площади съ парапетами, какъ въ Софійскомъ соборѣ, при чемъ на основаніи кладокъ можно полагать, что эти заплечья съ западной папертью были возведены не при Владимірѣ, а Ярославомъ Мудрымъ послѣ пожара 1017 г. Въ западной части при раскопкахъ

1824—26 г.г. было обнаружено много стѣнокъ, образовавшихъ клѣтку и служившихъ, вѣроятно, основою колоннадамъ или аркамъ; на внутреннихъ продольныхъ стѣнкахъ тоже были найдены базы колоннъ, облицовки, капители, мраморные карнизы. Эти колонны поддерживали хоры, тянувшіеся по длинѣ храма, такъ что храмъ не имѣлъ внутри трансепта и хоры вплотную примыкали къ тріумфальной аркѣ. Это, такимъ образомъ, былъ древнѣйшій типъ базилики съ нартексомъ и можетъ быть съ экзонартексомъ; планъ его былъ не квадратный, а продолговатый. Раскопки послѣдняго времени однако затруднены были тѣмъ, что площадь древней церкви почти вся занята новымъ храмомъ, но то, что уцѣлѣло отъ древности доказываетъ, что квадратную форму планъ Десятинной церкви несомнѣнно получилъ только со времени Ярослава. Будучи базиличнымъ, планъ Десятинной церкви можетъ быть сопоставленъ съ планомъ базилики 12 апостоловъ въ Царьградѣ, съ храмами въ Некрези и Мокви на Кавказѣ и съ Спасскимъ соборомъ въ Черниговѣ: среднее пространство его, вѣроятно, было перекрыто сводами и, можетъ быть, куполомъ съ низкимъ барабаномъ. Такой типъ храма долженъ имѣть особое значеніе для оцѣнки русскихъ и виз. храмовъ болѣе поздняго времени, въ которыхъ корпусъ становится выше, барабанъ удлиняется, боковые нефы приходятъ въ уровень съ среднимъ и арки вытягиваются, перенимая тяжесть барабана, поставленнаго на внутреннемъ архитектурномъ крестѣ. Подковообразная форма апсидъ указываетъ на Херсонесъ и, во всякомъ случаѣ, на востокъ, тоже и сомкиутое устройство апсидъ, не отдѣленныхъ отъ нефовъ, указываетъ на корсунскую базилику № 34 и Солуньскій храмъ Богородицы; фундаменты храма имѣли особое устройство: предварительно была сдѣлана общая выемка земли на два аршина вглубь и въ ней дно укрѣплено кольями, между коими были уложены бревна и залиты растворомъ съ щебенемъ; надъ ними 2-й рядъ той же системы и потомъ уже выводи-

лись фундаменты; найдены внутренніе каналы, которые раньше принимались за водостоки, но на самомъ дѣлѣ они остались отъ деревянныхъ бревенъ, положенныхъ въ кладку для равномѣрной осадки стѣнъ; такое устройство нигдѣ кромѣ Кіева и абабскаго городища въ Болгаріи не извѣстно; эти пріемы указываютъ на неустойчивость почвы, которую желали укрѣпить и, дѣйствительно, здѣсь во время раскопокъ было обнаружено кладбище IX вѣка. Неустойчивость мѣста, можетъ быть, способствовала паденію храма, но выборъ именно этого мѣста оправдывался, повидимому, желаніемъ создать храмъ на мѣстѣ мученической смерти Іоанна и Ѳеодора, жилище которыхъ изслѣдователи склонны видѣть въ остаткахъ деревяннаго зданія, обнаруженнаго въ 1908 году подъ юго-восточной апсидой храма. Вполнѣ возможно, что какой либо изъ придѣловъ храма назывался по имени этихъ мучениковъ и имѣлъ соотвѣтствующую роспись.

Названіе храма. Названіе церкви Десятинной или еще „соборной мраморной", равно какъ и другое лѣтописное наименованіе ея—„Пресв. Богородицей", не указываетъ, кому она была посвящена. Обычно Богородичныя церкви назывались по мѣсту своего нахожденія — (Печерская, Фара, Влахернская), по реликвіямъ (Богородичнаго Жезла, Живоносный источникъ) и по праздникамъ (Благовѣщенія на Златыхъ вратахъ, Успенія...). Какому празднику была посвящена Десятинная церковь? Дитмаръ, въ одномъ мѣстѣ Десятинную церковь называетъ монастыремъ св. Софіи, въ другомъ—церковью св. мученика Климента. Степенная книга указываетъ придѣлъ св. Климента; въ немъ лежала глава этого святого, привезенная Владиміромъ изъ Херсонеса; (по однимъ свѣдѣніямъ, находится въ церкви дальнихъ пещеръ, а по другимъ увезена въ Москву) въ лѣтописномъ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ она просто называется „каѳоликани иклисіа" (Καθολικάνη Εκκλησία), т. е. каѳедральная церковь. Уставъ св. Владиміра ее называетъ

еще соборною, а позднѣйшая кіевская традиція даетъ Десятинной церкви имя „Богородицы въ Дивѣхъ". Единственный намекъ на храмовое празднованіе въ Десятинномъ храмѣ дается въ лѣтописи по случаю 8 дневнаго праздника при освященіи Преображенской церкви въ Васильевѣ, послѣ котораго Владиміръ поспѣшилъ возвратиться въ Кіевъ къ празднику Успенія „и ту паки сотворяше праздникъ великъ". Митрополитъ Евгеній на этомъ основаніи думаетъ, что Десятинная церковь была Успенской. Это совпадаетъ съ сообщеніемъ лѣтописнаго слова о томъ, что Владиміръ въ Корсунѣ крестился во Влахернскомъ храмѣ, который восходилъ къ извѣстному Царьградскому Влахернскому храму, гдѣ хранилась реликвія Успенія—гробъ съ ризой Богородицы. Обстоятельство это важно тѣмъ, что серія Успенскихъ храмовъ возникаетъ нынѣ во многихъ городахъ южной Руси (Печерская ц. въ Кіевѣ, ц. въ Каневѣ, Переяславѣ, Елецкая въ Черниговѣ, въ Владимірѣ Волынскомъ) и затѣмъ переходитъ въ сѣверную Русь въ Суздаль, Владиміръ и Москву, чтобы стать тамъ такимъ же священнымъ палладіумомъ, какъ храмъ св. Софіи — въ Царьградѣ и въ южныхъ и западныхъ областяхъ древней Руси (Кіевъ, Полоцкъ, Новгородъ, Путивль).

Украшенія. Десятинная церковь, какъ и позже Софійскій соборъ, внутри и снаружи была богато украшена. Можно догадываться, что она имѣла архитравъ съ греческими надписями и большими муравленными розетами, карнизы изъ бѣлаго мрамора и гранита, мраморныя колонны съ рѣзными базами и капителями, такіе же пилястры, верхніе хоры съ шиферными перилами, порфировые облицовки стѣнъ и цоколи изъ полированнаго краснаго гранита. Эти украшенія разумѣлъ Илларіонъ, когда говорилъ „и одѣша св. церкви"; ихъ Леванда въ XVIII в. еще видѣлъ частію на мѣстѣ. Помостъ церкви былъ выстланъ шахматнымъ узоромъ или разными геометрическими фигурами, а стѣны, по принципу византійской архитектуры, требовавшей, чтобы полилитія соединялась съ разноцвѣтной живописью (поли-

хромія), надъ цоколями были покрыты еще фресками и мозаикой, о которыхъ можно составить себѣ представленіе на основаніи общихъ данныхъ о росписи византійскаго храма эпохи послѣ иконоборчества, сопровождавшейся новымъ расцвѣтомъ искусства и выработкой новаго пріема стѣнописи узаконенной въ царьградской Новой базиликѣ (соединеніе инкрустацій, мозаикъ и фресокъ), что совпало и съ появленіемъ новой купольно-базиличной архитектуры. Такимъ образомъ, въ Десятиной церкви былъ примѣненъ ранній типъ декораціи, уже измѣнившійся въ Софійскомъ соборѣ. Онъ долженъ былъ выразиться въ преобладаніи облицовокъ и инкрустацій надъ живописью; чего нѣтъ въ Соф. соборѣ, гдѣ облицовки, однако, тоже соединены съ росписью. Проф. Айналовъ по тексту извѣстной молитвы Владиміра при освященіи храма удивительнымъ образомъ возстанавливаетъ и общую схему росписи (Господь Вседержитель въ куполѣ, чистая Дѣва за престоломъ и т. д.).

Омфалій. Нынѣ отъ древняго великолѣпія въ церкви остались самые ничтожные слѣды, прежде всего часть древняго мозаичнаго пола, открытая роскопками 1824—26 г. и оставленная въ новомъ храмѣ въ алтарѣ. Это дорожка шахматнаго рисунка и ковровой инкрустаціи, выполненная разноцвѣтными мраморами, между которыми особенно интересенъ лиловый порфиръ, verde antico, различные роды пятнистаго мрамора и бѣлый мраморъ; посрединѣ ковра кругъ, отороченный порфировымъ бордюромъ; по сторонамъ идутъ двѣ дорожки изъ бѣлыхъ и красныхъ (шиферныхъ) плитокъ; далѣе повторенъ опять четырехугольникъ изъ бѣлыхъ простыхъ частей. Кругъ, вписанный внутрь ковра, выложенъ изъ разноцвѣтныхъ концентрическихъ полосъ мелкаго узора мозаической инкрустаціи. Полы, украшенные подобными кругами или „омфаліями“ (ὀμφάλος), извѣстны въ царьградскихъ дворцахъ и въ храмахъ Херсонеса и др. (у насъ былъ найденъ еще омфалій въ Успенскомъ переяславскомъ соборѣ и въ ц. апостоловъ въ Бѣлогородкѣ).

Діакону во время службы предписывалось произносить на этомъ кругѣ нѣкоторые возгласы; полосы или рѣки, шедшіе обычно отъ такого круга, служили границами для остановокъ священниковъ во время процессій и предѣлами для извѣстныхъ степеней кающихся. Омфалій собственно означаетъ — пупъ, середину, центръ щита. Представляя землю щитообразной, въ классическую эпоху думали, что у нея также есть пупъ; поэтому еще въ древнемъ мірѣ на предполагаемомъ центрѣ земли въ Дельфахъ (потомъ пупъ земли указывали въ Іерусалимѣ) былъ устроенъ мраморный омфалій, а потомъ онъ перешелъ въ другіе храмы и въ дома, нашедши себѣ примѣненіе и у христіанъ. Пережиткомъ омфаліевъ являются епископскіе орлецы (орелъ—птица Зевса Олимпійскаго и стражъ Олимпійскаго омфалія). Въ рисункѣ омфалія Десятинной церкви, благодаря связи съ Херсонесомъ, много благородной простоты, напоминающей поздно-античное искусство; характерный для Византіи мотивъ арабеска здѣсь еще отсутствуетъ.

Поливныя плитки. Полы въ друг. частяхъ Десятинной церкви и, вѣроятно, значительныя части стѣнъ были выложены поливными глиняными плитками, большое количество которыхъ находили при раскопкахъ; разныя формы ихъ указываютъ на то, что онѣ были разсчитаны на сложныя узорныя пространства; нѣкоторыя плитки имѣютъ цвѣтные узоры въ видѣ пальметъ, растеній, орловъ, геометрическихъ фигуръ, разводовъ мрамора (имитація полилитіи для цоколя); среди узоровъ попадаются и загадочные знаки, извѣстные на монетахъ св. Владиміра, и объясняемыя одними, какъ его фамильный гербъ, а другими, какъ монограмма имени или греческаго титула князя — (βασιλεύς). Этотъ знакъ сдѣлался у кіевскихъ князей родовымъ.

Иконостасъ. Иконостасъ храма одного времени съ постройкой новой церкви въ стилѣ ампиръ. Линіи его спокойныя и прямыя, иконы писаны по композиціямъ Боровиковскаго. По лѣвой сторонѣ иконостаса показываютъ икону

Николая, по имени которой Десятинная церковь въ XVII в. и позже называлась Николаевской. Этотъ образъ по однимъ свѣдѣніямъ привезенъ будто-бы св. Владиміромъ изъ Корсуня, а по другимъ — взятъ имъ изъ Николаевской церкви на Аскольдовой могилѣ, при перенесеніи оттуда тѣла св. Ольги въ Десятинную церковь. Въ древности Десятинная церковь обладала еще чудотворнымъ образомъ Богородицы, о которомъ говоритъ лѣтопись въ житіи Бориса и Глѣба. Думаютъ, что этотъ образъ перенесенъ въ 1500 г. изъ Кіева въ Двинскъ, но на самомъ дѣлѣ Двинскій образъ носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды итальянскаго ренессанса (Богородица со скипетромъ, у младенца держава, обѣ фигуры въ коронахъ...).

Образъ св. Ольги. Такой же позднѣйшаго происхожденія и портретъ или образъ св. Ольги, находящійся у лѣвой стѣны храма вблизи иконостаса, на немъ имѣется и запутанная греческая надпись, означающая въ переводѣ „Госпожа племени Россовъ; писалъ Григорій живописецъ Константина Багрянороднаго". Изслѣдованія стиля и сюжета показали, что это копія или повтореніе св. Маріи Магдалины голландскаго художника Квентина Метсиса (1466 — 1530). Отъ своего оригинала, находящагося въ Луккѣ, образъ Десятинной церкви, по обслѣдованію Я. И. Смирнова, отличается только отсутствіемъ пейзажа и орнаментаціей сосуда въ рукахъ святой. Образъ этотъ, однако, возбуждаетъ вопросъ объ иконографіи св. Ольги, — вопросъ интересный, хотя бы въ виду постановки въ Кіевѣ памятника этой княгинѣ.

Указанный образъ въ Десятинной церкви находится на предполагаемомъ мѣстѣ гробницы св. Ольги, погребенной первоначально на Аскольдовой могилѣ, а потомъ перенесенной въ Десятинный храмъ. Въ минійномъ житіи св. Ольги и въ похвалѣ св. Владиміру имѣются свѣдѣнія о гробницѣ Ольги: „гробъ каменъ малъ въ церкви св. Богородица... и на верху гроба оконце сотворено и ту видѣти тѣло бла-

женныя княгини Ольги лежаще цѣло". Очевидно, гробъ этотъ, какъ и гробница Ярослава, лежалъ на виду всѣхъ въ храмѣ. Здѣсь же находилась гробница кн. Анны жены Владиміра и самого Владиміра (по сообщенію Дитмара и лѣтописей), гробницы крещенныхъ послѣ смерти дядей Владиміра Ярополка и Олега, гробница Изяслава Ярославовича и др.

Гробница св. Владиміра. Въ правомъ придѣлѣ нынѣшняго храма посѣтителямъ показываютъ сѣрую мраморную гробницу (сооружена Аненковымъ), будто бы съ мощами св. Владиміра, найденными Петромъ Могилой. На саркофагѣ во весь ростъ изображенъ св. Владиміръ; вверху помѣщенъ щитъ съ датами крещенія и кончины, и гербъ Владиміра. Правильность изображенія на гробницѣ находится подъ сомнѣніемъ: типъ св. князя идетъ не къ портретнымъ изображеніямъ его на монетахъ (правда, нѣкоторыя монеты съ именемъ Владиміра принадлежатъ другимъ князьямъ), а къ иконописному типу, появившемуся послѣ канонизаціи св. Владиміра (въ XIII в.) и представленному памятниками искусства едва-едва не ранѣе XV—XVI в. (Владимірскій Успенскій соборъ, церковь Θеодора Стратилата въ Новгородѣ). На одной миніатюрѣ (житія Бориса и Глѣба XIV в.) изображенъ похоронъ св. Владиміра: тѣло князя завернули въ коверъ, положили на сани (этотъ похоронный обрядъ до сихъ поръ существуетъ на Украйнѣ) и отвезли въ Десятинную церковь, гдѣ его похоронили въ „корстѣ (гробницѣ) мраморянѣй". Послѣ нашествія татаръ мѣсто погребенія Владиміра было затеряно. Въ 1635 г. при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ въ развалинахъ храма нашли каменный гробъ, въ которомъ Могила (Τερατούργημα и др. источники объ этомъ молчатъ) призналъ гробницу кн. Владиміра, но усомнился въ правильности своего предположенія и скрылъ его въ землю, оставивъ себѣ только руку бывшаго тамъ. костяка, находящуюся нынѣ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ и черепъ съ челюстью, переданные въ Печерскую Лавру и въ Кіево-Софійскій соборъ. Странно, что современники (Бопланъ,

Кальнофойскій...) молчатъ объ этой темной исторіи. Упоминаніе о видѣнныхъ Могилой надписяхъ на гробахъ появляется только въ концѣ XVIII в. у Самуила Миславскаго, и митр. Евгеній отнесся къ нему съ полнымъ недовѣріемъ. Въ 1826 г. нашли гробницу изъ шиферныхъ плитъ (украшенную на крышкѣ и лицевой сторонѣ четвероконечными византійскими крестами); въ ней находился скелетъ безъ головы и правой руки. Гробницу опять признали принадлежащей кн. Владиміру и вдѣлали въ томъ мѣстѣ южнаго придѣла, гдѣ устроено указанное надгробіе.

Древній саркофагъ. Тогда же (1826 г.) была найдена и другая гробница съ женскимъ погребеніемъ, имѣвшимъ на себѣ драгоцѣнныя украшенія, которыя раньше хранились въ Десятинной церкви, а нынѣ принадлежатъ граф. Уваровой. Въ 1908 г. была она найдена снова; этотъ саркофагъ предполагалось оставить въ землѣ, устроивъ надъ нимъ особое покрытіе, но по настоянію духовенства онъ подъ видомъ гробницы св. Ольги перенесенъ въ церковь, при чемъ нѣкоторыя доски его лопнули. Крышка саркофага двухскатная, но безъ угольныхъ выступовъ, имѣющихся на гробницѣ Ярослава; вдоль ея идутъ жгутообразные плетенія съ розетками въ кругахъ по образцу барьеровъ на хорахъ Софійскаго собора, а на другой сторонѣ— рядъ византійскихъ четвероконечныхъ крестовъ; такіе же кресты на поперечныхъ и продольныхъ стѣнкахъ, при чемъ на послѣднихъ они чередуются съ переплет. кипарисами и другими растеніями и поставлены въ особыя рѣзныя арочки, указывающія, что и этотъ саркофагъ подражаетъ балдахину или дому (вѣчное жилище человѣка); украшенія его примыкаютъ къ серіи древнихъ христіанскихъ стеллъ и рѣзныхъ капителей, плитъ и гробницъ въ храмахъ Кіева, Херсонеса, Константинополя, Торчелло, Мурано, Равенны. Саркофагъ Десятинной церкви указываетъ на традицію колончатыхъ саркофаговъ, идущихъ отъ деревянныхъ формъ, извѣстныхъ и на южно-русской почвѣ (Керчь) и важныхъ для исторіи

поздне-эллинистической архитектуры, представляющей собою смѣсь арочныхъ и прямыхъ формъ. Рѣзьба саркофага плоская, но чистая. Можно было бы думать, что подобныя гробницы привозились изъ Византіи готовыя. Но въ предѣлахъ ограды Десятинной церкви въ 1908 г. были найдены мѣстныя мастерскія для выдѣлки предметовъ изъ камня. Пріемы обработки камня были усвоены Русью еще въ языческую эпоху при изготовленіи идоловъ. и въ XII в. по византійскимъ свидѣтельствамъ рѣзьба почиталась спеціальностью руссовъ.

Придѣлъ. При выходѣ изъ Десятинной церкви съ сѣвера устроенъ придѣлъ въ честь ап. Петра и Павла, въ который перенесенъ иконостасъ старой Могилянской церкви; въ немъ интересны изображенія повѣсти о богатомъ и Лазарѣ, храма Соломона, путешествія Божіей Матери на Аѳонъ и Крещенія Руси. Тамъ же въ придѣлѣ установленъ огромный шкафъ, съ разными предметами, найденными при раскопкахъ Десятинной церкви; другая часть этихъ находокъ хранится на хорахъ церкви, въ музеѣ кіевск. университета и въ Археологической Комиссіи въ Петроградѣ. Въ шкафу собраны прекрасно отшлифованные порфировые и другіе квадратики отъ мозаикъ, шиферныя плиты (отъ древнихъ хоръ), проконесскіе мраморные обломки съ очень тонкой круглой рѣзьбой изящнаго рисунка превосходящей рельефы Ярославовой гробницы; фрагменты утонченной фресковой живописи, напр., часть женской головы типичной придворной византійской живописи X в.: широкая форма лица, большіе выразительные глаза, тщательная отдѣлка и даже тушевка тѣней, красные контуры вѣкъ и блѣдно розовый тонъ лица. Манера исполненія и нѣкоторыя особенности стиля совмѣщаютъ въ себѣ тѣ же особенности, которыя господствуютъ въ св. Софіи и указываютъ на Константинопольскую придворную школу. На это, между прочимъ, намекаютъ красные контуры и фрагменты красныхъ фондовъ, идущихъ изъ древняго Египта, Помпей и эллинистическаго искус-

ства. Здѣсь же можно видѣть древній колоколъ, доказывающій то, что старая Русь, кромѣ „била“ знала также способъ созыванія къ богослуженію посредствомъ звона въ „кампаны“, имя коихъ указываетъ на происхожденіе изъ итальянской Кампаньи. Кромѣ церковныхъ предметовъ при раскопкахъ въ Десятинной церкви были найдены древнія гривны (слитки металла, получившіе свое названіе отъ гривъ животныхъ, служившихъ первоначально вмѣсто денегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ шейнымъ украшеніемъ — воротникомъ, который въ Византіи и на Руси былъ замѣненъ шейнымъ обручемъ изъ металла), колты или серьги (ихъ носили и мужчины вь знакъ удальства) и т. п. Изъ древнихъ книгъ, хранящихся въ церковной ризницѣ, можно указать Евангеліе 1429 года, писанное красивымъ кіевскимъ уставомъ и Новый Завѣтъ 1581 г. въ украинскомъ переводѣ, сдѣланномъ аріанами (драгоцѣнный экземпляръ).

Окрестности Десятинной церкви. Мѣстность вокругъ Десятинной церкви составляла центръ древняго города, гдѣ были расположены княжескіе дворцы, площадь для торговли и народныхъ собраній, разныя мастерскія и помѣщенія для княжескихъ слугъ. Храмъ кругомъ былъ окопанъ глубокимъ рвомъ (Сикопсисъ), открытымъ раскопками 1908—1914 г.г. и слѣдовательно, былъ предназначенъ для военныхъ цѣлей, былъ разрушенъ Батыемъ не безъ причины. Къ сѣверо-западу находился (существовавшій въ развалинахъ въ XVII в. и раскопанный Лохвицкимъ въ нач. XIX в.) монастырь св. Ѳеодора Тирона, основанный кн. Мстиславомъ Владиміровичемъ въ 1129 г., можетъ быть, на мѣстѣ Ѳеодоровск. монастыря болѣе ранняго времени. Святыни и колокола этого монастыря въ XIII в. были переданы Дан. Галицкому. Въ 1824 г. и въ 1913 г. г., недалеко отъ западнаго входа въ Десятинную церковь, были обнаружены фундаменты (изъ гранита, жернового камня, известняка, разныхъ кирпичей трехъ сортовъ и раковистаго раствора) на той же подготовкѣ что и Десятинная церковь. Въ этой части города жили церковные

пѣвцы, пріѣхавшіе изъ Греціи при Ярославѣ и имѣвшіе у Десятинной церкви свой „дворъ деместиковъ". До X в. все это мѣсто было занято кладбищемъ, съ языческими похоронами черезъ сожженіе (пекло, пекелъ — предметъ горѣнія перешли на загробную жизнь) и съ христіанскими погребеніями; у южной апсиды Милѣевъ нашелъ остатки деревяннаго сруба болѣе ранняго чѣмъ Десятинная церковь; въ немъ видятъ сдѣды хижины замученнаго варяга. Дальше къ сѣверу, востоку и югу находились княжескія палаты и дома знати.

Мѣстоположеніе первоначальныхъ княжескихъ теремовъ можетъ быть опредѣлено довольно точно, благодаря роскопкамъ и лѣтописному сообщенію о поставленіи Владиміромъ церкви св. Василія на мѣстѣ идола Перуна. Проф. Антоновичъ склоненъ былъ указывать мѣсто терема кн. Владиміра и Ольги напротивъ южной стѣны Десятинной церкви въ усадьбѣ бывшей Климовича, а нынѣ кн. Трубецкого, Аггеева и Кривцова (на углу Больш. Владимірской и Трехсвятительской улицъ). Въ 1838, 1851, 1868, 1882 и 1892 гг. вдоль ограды Десятинной церкви и въ упомянутой усадьбѣ были найдены слѣды фундаментовъ огромнаго зданія древней кладки, разрушеннаго постройками Климовича (1838) и Кривцова (1892 года) и планировкой Владимірской улицы (1872 г.). По наблюденіямъ Звенигородскаго въ 1882 г. это сооруженіе имѣло форму многоугольника, отъ котораго тогда еще оставалось три стороны, соединявшихся подъ тупымъ угломъ. Проф. Петровъ думаетъ, что это зданіе стояло въ развалинахъ еще въ XVII в. и, объясняетъ имъ одинъ изъ рисунковъ Вестерфельда 1651 г. Дополнительныя раскопки Хойновскаго показали, что это зданіе имѣло великолѣпное убранство и утварь изъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, мрамора, стекла, слоновой кости, эмали. Замѣчательны эмали Звенигородскаго нынѣ находятся въ собр. Моргана въ Америкѣ. Съ южной стороны Десятинной церкви открыто огромное четвероугольное зданіе эпохи Ярослава Мудр. арх. Милѣевымъ.

Усадьба Петровскаго. Но больше всего слѣдовъ великокняжескихъ сооруженій X—XI в. найдено къ сѣверу и востоку отъ Десятинной церкви въ усадьбѣ д-ра Петровскаго (бывшей Муравьева, а потомъ Черныша), занимающей, какъ разъ территорію древнѣйшаго города, имѣвшаго обитателей еще въ эпоху каменнаго вѣка. Раскопками Хвойка въ 1908 г. здѣсь были обнаружены фундаменты многихъ зданій, плановъ которыхъ тоже не удалось опредѣлить, такъ какъ раскопки велись частично. Здѣсь были окрыты фундаменты четырехугольнаго зданія изъ продольныхъ и поперечныхъ стѣнъ краснаго кварцита; надъ фундаментами были выведены стѣны изъ кирпича, ряды коего чредовались съ толстыми прокладками цемента; поблизости валялись обломки карнизовъ и наличниковъ изъ мрамора, поливныя плитки (отъ облицовокъ) со знаками св. Владиміра, круглыя стекла, фрагменты фресокъ и мозаикъ; огромное количество перегорѣвшихъ бревенъ отъ потолковъ указывало, что зданіе было двухэтажное. Въ этихъ остаткахъ Хвойко видѣлъ теремъ Ольги или Вдадиміра, погибшій въ пожарѣ 1017 г. вмѣстѣ съ другими зданіями города. (Петровъ считаетъ эти фундаменты остатками церкви, а дворецъ помѣщаетъ въ ус. Дузинкевича у церкви св. Андрея). Въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ Десятинной церкви онъ тоже нашелъ кладку изъ древняго кирпича и гранита съ остатками фресокъ и кирпичами, имѣющими знакъ Владиміра; г. Хвойко изъ этого герба составлялъ слово Влидиміръ. Хвойко открылъ также части другого терема XII в. (уходитъ подъ усадьбу Слусаревскаго) — съ богатыми фресковыми украшеніями, которыя во время раскопокъ были уничтожены ливнемъ, но отдѣльные куски коихъ (въ гор. муз.) обнаруживаютъ прекрасную придворную живописную манеру. Тамъ же оказалось много болѣе простыхъ жилищъ въ видѣ прямоугольныхъ иногда двухъ этажныхъ построекъ въ срубъ, больш. частью состоящихъ изъ сѣней и двухъ помѣщеній съ перегородками изъ вертикальныхъ брусьевъ и съ расписными печами, а также — подземная

деревянная галлерея, идущая къ спуску подъ валъ на краю горы. Валъ оказался насыпаннымъ въ нѣсколько пріемовъ и заключающимъ въ себѣ деревянные срубы съ контрфорсами для поддержки насыпи и для хозяйственныхъ и другихъ надобностей. На валу были стѣны; онъ шелъ отъ угла Житомірской и Владимірской улицъ и, огибая нынѣшній Десятинный переулокъ, по откосу Кожемякъ, направлялся къ сосѣдней съ усадьбой Петровскаго усадьбѣ Слинко (гдѣ узорчатый съ куполами на крышѣ огромный домъ), а оттуда поворачивалъ на востокъ опять къ Софійскимъ воротамъ. Внутри этого вала „на Горѣ" въ отличіе отъ торговаго Подола, раскинувшагося внизу, жила кіевская аристократія (дворъ тысяцкаго Чудика и др.) въ упомянутыхъ выше исписанныхъ и златоверхихъ теремахъ, воспѣтыхъ былинами и изображенныхъ въ памятникахъ письменности. Авторъ XII в. описываетъ жизнь кіевскаго богача: онъ живетъ богато, ходитъ въ багряницѣ и паволокѣ, имѣетъ тучныхъ коней — иноходцевъ, съ золотой сбруей и позлащенными сѣдлами; ему предшествуютъ рабы въ золотыхъ гривнахъ — въ большомъ количествѣ, а сзади идутъ другіе рабы въ монистахъ и обручахъ; обѣдъ ему подаютъ на золотѣ и серебрѣ; многіе повара трудятся надъ приготовленіемъ пищи, рабы несутъ блюда, другіе „махающе ему съ боязнію". Ночью устраиваются пиры съ гуслями и свирѣлями, потомъ готовятъ одръ изъ паволочныхъ перинъ и, когда господинъ не можетъ уснуть, „друзи ему въ нозѣ гладятъ, иніи по лядвіямъ тѣшатъ его, иніи по плечемъ чишутъ, иніи баютъ ему и кощунятъ". Даніилъ Заточникъ сообщаетъ о собольихъ одѣялахъ, червленныхъ сапогахъ и баграницахъ на боярскихъ слугахъ.

Подтвержденіемъ этой роскошной жизни являются найденныя Хвойкомъ остатки всевозможныхъ художественныхъ ювелирныхъ, керамическихъ, литейныхъ, рѣзныхъ, скульптурныхъ, стекольныхъ, мозаичныхъ, оружейныхъ мастерскихъ и множества предметовъ, уясняющихъ процессъ работы въ этихъ мастерскихъ (оригинальныя untensilia эмаль-

еровъ, куски эмалей, матрицы) и общее высокое состоянiе культуры въ древн- Руси. Съ богатствомъ этихъ и подобныхъ имъ находокъ, сдѣланныхъ на территорiи одного только Кiева не могутъ сравниться находки со всей остальной восточной Европы того времени. Дiадемы, цѣпи, медальоны, гривны, колты съ изящною перегородчатою эмалью доказываютъ степень богатства, прихотливости роскоши и вкуса стараго Кiева, этой aemulae Constantinopolis, гдѣ жизнь въ эпоху князей уже выходила изъ рамокъ натуральнаго хозяйства, гдѣ потребитель и производитель составляли различныя экономическiя группы: Сосѣднiе съ городомъ Владимiра Кожемяки и Гончары доказываютъ существованiе въ Кiевѣ ремесленныхъ кварталовъ.

Благосостоянiю и развитiю аристократической части древняго Кiева былъ нанесенъ ущербъ пожаромъ 1017 г. и вражескими нападенiями. Слѣдомъ одного изъ такихъ нападенiй, можетъ быть Батыя въ 1240 г,—является открытая Хвойкомъ въ саду Петровскаго у восточной стороны Десятинной усадьбы, братская могила съ сотнями костяковъ мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ. Подъ трупами былъ положенъ на днѣ рѣдкiй по красотѣ своихъ пропорцiй запрестольный крестъ византiйской работы X вѣка (въ собр. Ханенка въ Кiевѣ) — можетъ быть взятый изъ Десятинной церкви послѣ того, какъ она обрушилась, похоронивъ подъ собою множество народа, или изъ первоначальнаго храма св. Ѳеодора (?). форма креста (съ расширяющ. концами) частiю та же, что на разсмотрѣнныхъ выше гробницахъ и въ фрескахъ св. Софiи; распространенность ея объясняется тѣмъ, что она воспроизводитъ крестъ, который возбуждалъ особый интересъ въ христiанскомъ обществѣ—это крестъ, поставленный на Голгоѳѣ св. Константиномъ. Медальонъ съ изображенiемъ св. Ѳеодора Тирона въ центрѣ креста, дѣйствительно, приводитъ на память существовавшiй здѣсь вблизи Ѳеодоровскiй монастырь, умученнаго язычниками варяга Ѳеодора.

Ольга и Владиміръ со своими боярами и дружиной жили къ сѣверу и востоку отъ Десятинной церкви. Ярославъ и преемники его, впослѣдствіи расширивъ старый „теремъ на горѣ", устроили еще на югѣ новый „великій дворъ Ярославовъ" на мѣстѣ нынѣшней Трехсвятительской церкви на улицѣ того же названія; вблизи его находился дворъ Мстиславовъ—на юго-западъ отъ Десятиннаго храма; здѣсь же въ неизвѣстномъ направленіи лежалъ дворъ Василька Юрьевича; (дворы другихъ князей были расположены за городомъ).

Форумъ. Лѣтописи разсказываютъ о заботахъ князей объ украшеніи Кіева, о трогательной любви ихъ къ своей столицѣ. Еще Владиміръ положилъ начало этому украшенію, слѣдуя примѣру городовъ древняго міра и Царьграда, украшенныхъ статуями императоровъ, божествъ, героевъ, квадригами коней. На площади, которая была расположена между упомянутыми дворами и Десятинной церковью и служила для торговли („бабинъ торжокъ") и народныхъ совѣтовъ, Владиміромъ были поставлены вывезенныя изъ Херсонеса, вѣроятно, античныя — женскія (ср. Сузд. лѣтоп.) статуи и группа изъ четырехъ мѣдныхъ коней — по примѣру другихъ завоевателей, украсившихъ подобнымъ же образомъ г. Ахенъ, Венецію и др. Отъ этихъ женскихъ статуй, или „дивъ", возбуждавшихъ удивленіе кіевлянъ, Десятинный храмъ еще въ XVII в. носилъ названіе церкви „Богородицы у Дивовъ", а близь лежавшая площадь называлась „Бабинъ торжокъ". Отъ нихъ, кажется, должно вести традицію корсунскихъ предметовъ на Руси, о которыхъ въ XI в. говоритъ Дитмаръ, а въ XV в. Михалонъ Литвинъ, и которые извѣстны на Руси въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ иконъ, вратъ и т. п. Все корсунское считалось особенно изящнымъ. Какъ можно думать, неподалеку отъ „дивовъ" на мѣстѣ Андреевской церкви стояли языческіе идолы, а позже — водруженный на ихъ мѣстѣ крестъ и иконы, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ словѣ митрополитъ Икларіонъ (градъ освященный иконами). Такимъ

образомъ, на вершинѣ древняго Кіева, какъ въ Константинополѣ и въ Римѣ, красовались трофеи войнъ, побѣдъ и міра, „мѣдяны кони", дворцы, священныя „требища" или капища (capella) съ изваяніями боговъ (каповъ) и жертвенниками; требищемъ, по крайней мѣрѣ, склонны считать загадочное сооруженіе, найденное Хвойкомъ на краю усадьбы Петровскаго ближе къ Андреевской церкви; оно было устроено изъ песчаника съ сквозными отверстіями, сложено на глинѣ и образовало въ планѣ подобіе элипсиса, къ которому примыкали четырехугольные выступы по четыремъ сторонамъ свѣта. Вокругъ былъ устроенъ полъ изъ бѣлой глины; здѣсь, вѣроятно, стоялъ идолъ; съ западной стороны находился жертвенникъ въ видѣ массивнаго столба изъ обожженной глины съ прослойками золы и угля, а вокругъ столба были найдены черепа и кости животныхъ.

Перуновъ холмъ. Судя по лѣтописнымъ даннымъ, центральнымъ мѣстомъ языческаго культа въ древнемъ Кіевѣ былъ Перуновъ холмъ; на немъ Владиміръ дѣятельно возрождалъ древніе національные культы, ставилъ жертвенники и изваянія боговъ — „Перуна деревянна, а голова его серебряна, а усъ золотъ, и Хорьса и Дажьбога, и Стрибога, и Семарьгла и Мокошь"; одинъ только скотій богъ Велесъ стоялъ на Подолѣ. Перуновъ холмъ — это сосѣдній съ усадьбами Петровскаго и Слинко выступъ Старокіевской горы, гдѣ нынѣ высится церковь св. Андрея Первозваннаго. Въ древности, послѣ сверженія идоловъ, тамъ былъ водруженъ крестъ, отожествленный позже съ крестомъ св. Андрея Первозваннаго и была поставлена деревянная церковь св. Василія—въ честь св. патрона кн. Владиміра. Такимъ образомъ, къ картинѣ древняго Кіева необходимо прибавить видъ Перунова холма съ поставленными на немъ жертвенниками и базами для идоловъ.—Къ сожалѣнію, лѣтописныя и другія указанія не даютъ возможности составить себѣ ясное представленіе о наружномъ видѣ этихъ изваяній, а миніатюры, иллюстрирующія соотвѣтствующія мѣста

лѣтописей, являются слишкомъ позднимъ и предвзятымъ матеріаломъ. Одно изваяніе древняго божества Свѣтовита, напоминающее отдаленно эллинистическія индійскія изваянія изъ Hangara, находится въ Краковѣ, но и оно у многихъ вызываетъ подозрѣніе въ своей подлинности.

Боричевъ взвозъ и Копыревъ конецъ. Перуновъ холмъ, гдѣ нынѣ Андреевская церковь, отдѣляется отъ усадьбы Десятинной церкви (и сосѣднихъ съ нею) Андреевскимъ спускомъ. Здѣсь стояли Подольскія или южныя ворота древняго города (они изображены на планѣ Кальнофойскаго) и черезъ нихъ проходилъ, такъ называемый, Боричевъ взвозъ, соединявшій верхній городъ съ нижнимъ —и съ гаванью. Боричевъ взвозъ (подъемъ) своимъ названіемъ былъ обязанъ нѣкоему Боричу, можетъ быть, тому самому, который упоминается въ 954 г. въ числѣ пословъ отъ Игоря въ Царьградъ. Мѣстность эта представляла естественное укрѣпленіе, но на ней были возведены еще искусственные валы, въ связи съ которыми, какъ думаеть проф. Петровъ, стоитъ и устройство самаго взвоза (въ 945 г.). Валъ былъ укрѣпленъ срубами, остатки которыхъ были найдены въ 1834 г. Изъ трехъ разныхъ прослоекъ, указывавшихъ, что валъ былъ насыпанъ въ три пріема, — нижняя прослойка очерчивала контуры вала времени Борича. Обыкновенно мѣсто Боричева взвоза указываютъ между Михайловскимъ монастыремъ и церковью Трехъсвятителей, но въ древности тамъ проходилъ оврагъ, служившій естественной защитой древняго города съ запада и, слѣдовательно, спускъ оказался бы внѣ города, тогда какъ на мѣстѣ Андреевскаго спуска и старые планы Кіева и путешественники указываютъ ворота и дорогу на Подолъ, куда велъ въ древности и Боричевъ взвозъ; и нынѣ на Подолѣ въ самомъ концѣ спуска проходитъ улица, носящая названіе Боричева тока (гумна?). Боричевъ взвозъ имѣлъ нѣсколько развѣтвленій — къ церкви Пирогощи, къ гавани на Почайнѣ или Глубочицѣ и къ Копыреву концу, относительно коего также какъ и Боричева взвоза, шло не

мало споровъ; положеніе его опредѣляется двумя древними церквами — Симеоновской и Богословской (основ. при Владимірѣ Мономахѣ). Первую изъ нихъ Максимовичъ помѣщаетъ направо отъ Андреевскаго спуска на Подолъ, а другую налѣво. Наоборотъ, проф. Петровъ и Лашкаревъ помѣщаютъ Копыревъ конецъ за Львовск. воротами на Кудрявцѣ, гдѣ тоже наидены фундаменты 2-хъ древн. храмовъ и гдѣ тоже могла вблизи быть пристань (на Глубочицѣ и Кіянкѣ) упоминаемая въ связи съ Копыревымъ концомъ въ лѣтописи. Вопросъ этотъ остается открытымъ, во всякомъ случаѣ въ житіи св. князя Владиміра и на планѣ Кальнофойскаго 1638 г. Симеоновская ц. показана на мѣстѣ Андреевской, правда, носившей въ разное время разныя названія.

Андреевская церковь. Тамъ, гдѣ теперь красуется церковь св .апостола Андрея, Владиміромъ въ 988 г. первоначально была поставлена (на мѣстѣ Перуна) церковь св. Василія. Это церковь просуществовала до XII в.; въ XI в. рядомъ съ нею, подъ вліяніемъ преданія о проповѣди св. Андрея на горахъ кіевскихъ здѣсь былъ воздвигнутъ еще Андреевскій или Янчинъ монастырь, основанный для дочери Всеволода Ярославовича (строителя Выдубецкаго монастыря, можетъ быть, и тѣми же мастерами) — Янки, побывшей въ Царьградѣ для устройства церковныхъ дѣлъ и привезшей оттуда преданіе о проповѣди ап. Андрея на Руси (тогда же оно попало въ лѣтопись). Калайдовичъ цри семъ думаетъ, что это Андрей Юродивый V в., славянинъ. Въ Янчиномъ монастырѣ, по сообщенію лѣтописи, была устроена школа шитья и тканья, гдѣ, должно быть, вырабатывались тѣ дорогія матеріи (Soie de l'oevre de Rouzie, pales de Rosie) или „порты“, которые шли на востокъ (на Аѳонѣ въ 1143 г.) и на западъ, о чемъ свидѣтельствуютъ средневѣковые поэты. Въ этомъ монастырѣ въ 1215 г. (Синопосисъ) на мѣстѣ древней Васильевской церкви (обветшавшей или сгорѣвшей) была построена каменная церковь во имя миѳическаго воздвиженія здѣсь креста Андреемъ Первозваннымъ. Она просуществовала до

XVIII ст. и Берлинскій въ 1820 г. видѣлъ оставшіяся отъ нея кучи кирпичнаго щебня (рядомъ съ нынѣшней церковью св. Андрея). Въ 1838 г. эту церковь разыскивалъ невѣжественный кіевскій археологъ Лохвицкій, который отожествилъ съ нею найденные имъ какіе то погреба. Въ 1605 г. Воздвиженская (Андреевская) церковь была переименована въ Семеоновскую, но, будучи отдана Братскому монастырю, подъ вліяніемъ мѣстной науки, противопоставлявшей ап. Андрея ап. Петру равноправному съ нимъ, она послѣ 1640 г. опять была посвящена въ честь Воздвиженія въ Кіевѣ креста ап. Андреемъ (въ началѣ XVIII в. она названа у путешественника Лукьянова Андреевскою). По ея имени часть земляного вала по сосѣдству носила имя Воздвиженскаго. Въ день Андрея Первозваннаго въ этой церкви совершалась торжественная служба въ присутствіи всей Академіи. Въ 1724 г. Андреевская церковь была разрушена бурею и тотчасъ же былъ поднятъ вопросъ о постройкѣ новаго храма, но въ 1735—37 г.г. турецкая война вызвала необходимость передѣлать площадь Андреевской церкви въ бастіонъ. Только въ 1744 г. во время пріѣзда Елизаветы Петровны въ Кіевъ была основана новая церковь. Планъ и проектъ ея были изготовлены извѣстнымъ придворнымъ архитекторомъ итальянцемъ Растрелли, строили кіево печерскіе мастера. Все зданіе производитъ впечатлѣніе ажурнаго —такъ легко оно соткано изъ искусно сгруппированныхъ колоннъ, базъ и капителей, напоминающихъ отчасти знакомыя уже намъ барочныя формы, но болѣе игривыя и утонченныя; волнистыя линіи барокко получили здѣсь причудливые изгибы, доведенныные до крайней степени прихотливости, благодаря примѣненію мотива раковины, отъ коего этотъ стиль, созданный при дворѣ Людовика XV получилъ названіе „рококо" (roc — скала). Это преимущественно декоративное искусство: завитушки рококо вездѣ разбросаны (въ полной асимметріи) по стѣнамъ Андреевскаго храма — на карнизахъ, окнахъ и крышахъ. Центральный

куполъ нарядно вѣнчаетъ это элегантное построеніе, по угламъ разставлены 4 сквозные павильончика, въ которыхъ разсыпаны искры золота отъ врывающихся сюда лучей солнца. Къ несчастью, главный куполъ въ началѣ XIX вѣка испорченъ грубымъ прикосновеніемъ руки невѣжественнаго реставратора. Храмъ, кажется, слишкомъ маленькимъ, но это только обманъ, происходящій отъ удивительной пропорціональности частей, и на самомъ дѣлѣ онъ довольно громоздкій. Со стороны фасада онъ опирается на двухэтажное зданіе съ теплою церковью и помѣщеніемъ для богомольцевъ; внизъ ведутъ многочисленныя ступени роскошной и величественной лѣстницы; надъ дверьми храма помѣщенъ щитъ съ монограммой Елизаветы Петровны. Внутри церковь залита свѣтомъ и золоченными изгибами рокайлистой флоры. Куполъ убранъ особенно роскошно. Живопись въ немъ, на стѣнахъ и въ иконостасѣ, принадлежитъ кисти художниковъ Антропова и Григ. Левицкаго-Носа, отца извѣстнаго портретиста. Живопись ихъ характерна какъ показатель эпохи. Куполъ раздѣленъ полосами на нѣсколько полей на подобіе звѣзды и занятъ орнаментомъ, совершенно чуждымъ орнаментамъ въ византійскихъ росписяхъ; священныя изображенія, однако, подпали вліянію итальянскаго академизма съ его мертвенностью и заученностью формъ и движеній, шаблономъ, чернотой красокъ, сухостью, натянутымъ символизмомъ. Таковы символическія композиціи въ нижнемъ ярусѣ иконостаса, изображающія 7 таинствъ. Среди намѣстныхъ иконъ интересна находящаяся противъ клироса и изображающая сцену проповѣди св. Андрея среди скиѳовъ и другая икона св. Владиміра съ представителями разныхъ исповѣданій. На оборотной сторонѣ иконостасной стѣны тоже изображены символическія картины (таинствъ) и между ними вверху во всю ширину—обычная на Украинѣ въ XVIII в. сцена поклоненія земныхъ царей Царю небесному (этотъ мотивъ есть и въ гравюрахъ Левицкаго). За престоломъ находящимся подъ рѣзною сѣнью посѣтителямъ указываютъ образъ Тайной Вечери,

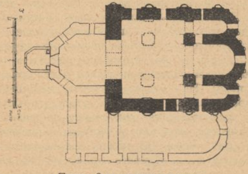
будто бы писанный Леонардо да Винчи, но на самомъ дѣлѣ этотъ образъ является рядовымъ произведеніемъ провинціальнаго живописца представителя той же академической манеры. Идея стиля рококо послужила исходнымъ пунктомъ и для рѣзчиковъ работавшихъ Андреевскій иконостасъ—полный волютъ, картушей и гнутыхъ формъ. Интересна изгибающаяся проповѣдническая каѳедра съ балдахиномъ: ее поддерживаютъ два граціозныхъ ангела; на каѳедрѣ художественная рѣзьба и живопись иллюстрирующая Евангельскія притчи о сѣятелѣ, смоковницѣ и др.

Съ паперти Андреевской церкви открывается величественный и роскошный видъ на Днѣпръ и нижній городъ или Подолъ, расположенный вверхъ по теченію рѣки у подножья стараго Кіева и слѣдующей за нимъ къ сѣверу Замковой горы или Киселевки (узнается по кладбищу съ неуклюжей златоверхой церковью); дальше виднѣется гора Щекавика (тоже съ кладбищемъ и голубоглавой церковью), лѣтописный Вышгородъ и Межигорье. Вдали устье Десны и на противоположномъ берегу Черниговская губернія. Отсюда же видно и все пройденное пространство стараго города. Взглянемъ на него! Сколько воспоминаній прошлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько перемѣнъ и варварскихъ разрушеній. Какъ проигрываютъ отъ сосѣдства съ Андреевской церковью неуклюжія формы Десятиннаго храма и какъ безобразенъ домъ, закрывшій часть перспективы на Подолъ къ Замковой горѣ. Съ Андреевской горы въ XVII в. обозрѣвалъ Кіевъ Кальнофойскій и плакалъ надъ его судьбой. Отсюда Гоголь и Максимовичъ любовались Кожемяками и Подоломъ, развлекаясь бесѣдами съ приходившими сюда украинск. поселянами. И теперь здѣсь бываетъ много посѣтителей, а особенно наканунѣ Андреева дня, который вездѣ на Украинѣ служитъ для игръ и гаданій.

Церковь 3-хъ святителей. Отъ Андреевской церкви по 3-хъ святительской улицѣ поворачиваемъ снова на югъ. Направо въ началѣ улицы будетъ уголъ усадьбы

Трубецкаго, налѣво бывшая территорія „великаго двора Ярослава“. Здѣсь теперь помѣщается второе епархіальное женское училище; и во дворѣ его за высокой новой колокольней древняя церковь—Василія Великаго, извѣстная въ народѣ подъ именемъ трехсвятительской...

Святые Василій В., Іоаннъ Златоустъ и Григорій Богословъ, столь типичные служители алтаря, столь высокіе характеры, равные по силѣ, что имъ очень рано ставили храмы въ Византіи и на Руси, особенно св. Василію. Кн. Владиміръ построилъ Васильевскую церковь въ Корсунѣ, въ

Планъ 3-хъ святит. церкви.

Кіевѣ на холмѣ Перуна, во Владимірѣ Волынскомъ, въ Овручѣ... Въ XII в. кромѣ упомянутой церкви св. Василія на мѣстѣ Перуна (гдѣ Андреевская церковь), появилось еще двѣ—одна нынѣшняя трехсвятительская въ 1184 г. (на Ярославомъ дворѣ) и другая несуществующая—на „Новомъ дворѣ“. Строителемъ церкви на Ярославовомъ дворѣ былъ великій князь Святополкъ Всеволодовичъ: выборъ этого мѣста для церкви на краю города у самаго вала и теперь еще уцѣлѣвшаго, объясняется сосѣдствомъ Михайловскаго монастыря (къ югу), который былъ для Святополка Всево-

лодовича „отнимъ“. Церковь эта весьма интересна по своимъ формамъ и историческимъ воспоминаніямъ. (Очень любопытное описаніе церкви св. Василія, сдѣланное французскимъ инженеромъ Бопланомъ, въ XVII в., видѣвшимъ здѣсь древнія надписи на алебастрѣ и гробницы князей, повидимому, относится къ Десятинной церкви). Но изслѣдователи, видящіе въ этой церкви церковь сооруженную Владиміромъ, погрѣшаютъ противъ археологическихъ, хронологическихъ и топографическихъ данныхъ. Дѣйствительно, церковь эта по своимъ вытянутымъ формамъ и незначительн. размѣрамъ является типичной для XII вѣка; она находится внѣ Перунова холма и Боричева взвоза, гдѣ была поставлена церковь св. Владиміромъ. Въ западной части храма въ XVII в. сдѣлана пристройка въ видѣ шестиугольной паперти съ барочнымъ фронтономъ, дальше начинаются древнія части, свободный рисунокъ которыхъ особенно удобно осматривать, стоя на краю обрыва на сохранившейся части древняго вала (врем. Ярослава). Не трудно замѣтить, что церковь въ древности представляла стройное четвероугольное, вытянутое вдлину сооруженіе, незначительное по размѣрамъ, но изящное; наличность четырехъ пилястровъ, украшенныхъ полуколоннами, (онѣ полыя, что можно видѣть по остатку полуколонны вверху ю. з. углового пилястра; нѣкоторыя полуколонны уничтожены) заставляетъ предполагать противъ нихъ внутри храма 4 зиждительныхъ столба, дававшихъ равновѣсіе массамъ неизбѣжно облекавшимся въ крестообразную схему; довольно высоко поставленныя части уцѣлѣвшаго шифернаго карниза указываютъ на высоту первоначальныхъ сводовъ и общую стройность пропорцій (черта XII в.); три мало выступающія апсиды указываютъ на познее время. Украшеніе апсидъ пилястрами не древнее, но пилястры и полуколонны на стѣнахъ храма идутъ въ XII в. и, особенно полуколонны, указываютъ, что чистота византійскаго стиля уже нарушилась романскими вліяніями. О томъ могъ бы говорить и цоколь, если его принять за измѣненный поясокъ.

Конечно, первоначальное устройство сводовъ здѣсь нужно предполагать иное чѣмъ теперь. Отъ пилястровъ и полуколоннъ были переброшены другъ къ другу арки, на коихъ были устроены посводныя перекрытія и надъ ними полусферическій куполъ, замѣненный нынѣ украинскимъ барочнымъ; иной была также форма оконъ; онѣ были щелевидныя по образцу окна, которое сохранилось въ сѣверо-восточномъ углу между двумя послѣдними пилястрами; такихъ же два окна можно видѣть заложенными въ южной стѣнѣ, взобравшись на чердакъ, пристроеннаго здѣсь въ XVII в. придѣла. Окна, куполъ и своды—все это результатъ перестройки, сдѣланной Леонтіемъ Бронковичемъ—игуменомъ Братскаго монастыря, которому этотъ храмъ принадлежалъ въ половинѣ XVII в. и — Варл. Ясинскимъ, снова возобновившимъ храмъ послѣ пожара въ 1696 г. Древняя кладка въ этомъ храмѣ сохранилась до самихъ сводовъ; ее можно видѣть вмѣстѣ со слѣдами древней орнаментаціи храма, взобравшись подъ крышу—южной пристройки; тамъ по срединѣ стѣны на высотѣ заложенныхъ оконъ (одно на половину, другое совсѣмъ) изъ толщины стѣнъ выступаетъ шестиконечный кирпичный крестъ съ параллельными поперечинами и трехугольнымъ навѣсомъ (голбецъ). Въ древности, какъ о томъ свидѣтельствуетъ уставъ св. Владиміра, вѣрили, что начертаніе креста оказываетъ помощь и защиту, а потому высѣкали кресты въ качествѣ охранительнаго средства на стѣнахъ домовъ и храмовъ. Такое же примѣненіе креста увидимъ въ кіевской церкви Спаса на Берестовѣ, въ Новгородѣ (Никола Липный) въ Изборскѣ и въ искусствѣ средневѣковой Европы.

Войдемъ въ середину церкви. Пролетъ, ведущій изъ новой пристройки въ храмъ, въ древности былъ болѣе узкимъ; пилястры и западные столбы внутри теперь удалены; но оба восточные столба сохранились въ алтарѣ (за иконостасомъ); правда, они соединены со апсидами, благодаря чему края апсидъ кажутся пилястрами; на лѣвомъ столбѣ сохра-

нился древній карнизъ; слѣды его замѣтны и на другомъ столбѣ подъ новой накладкой. Въ с. в. апсидѣ противъ пролета въ алтарь видно древнее окно; въ ю. в. апсидѣ можно видѣть не заштукатуренной часть древней кладки на розовомъ раковистомъ растворѣ изъ квадратныхъ безъ кварцевой примѣси кирпичей (XII в.); каменныхъ плитъ здѣсь не видно; нѣсколько новыхъ красныхъ, легко ломающихся, кирпичей, вставленныхъ въ эту кладку даютъ возможность оцѣнить разницу въ прочности древняго и новаго матеріаловъ.

Древнихъ росписей въ Трехсвятительской церкви не сохранилось, но во время раскопокъ 1838 г. здѣсь были найдены мозаичныя смальты, обломки фресокъ съ синими фонами и куски кровельныхъ матеріаловъ. Иконостасъ въ стилѣ рококо половины XVIII в.—хорошей рѣзьбы и хорошаго мѣстнаго письма; контуры ликовъ и фигуръ, несмотря на переписку даютъ нѣкоторое представленіе о характерѣ старой украин ской иконописи,—пользовавшейся пріобрѣтеніями западнаго искусства, любившей пестроту красокъ, цвѣтистость, символизмъ. До конца прошлаго столѣтія всѣ стѣны церкви были заставлены старыми рѣзными кіотами и уніатскими алтарями, такъ какъ, подобно остальнымъ кіевскимъ церквамъ, эта церковь нѣкоторое время принимала общеніе (унію) съ католическою церковью. Вокругъ Трехсвятительской церкви неоднократно производились археологическія розысканія. Въ 1838 г. въ 20 шагахъ отъ церкви былъ открытъ входъ въ пещеру съ развѣтвленіями. Здѣсь же были найдены древнія поливныя плитки, шиферные обломки и разныя украшенія (эмали, гривны, браслеты), а въ 30 саженяхъ отъ входа въ храмъ, т. е. на противоположной сторонѣ Трехсвятительской улицы были открыты въ землѣ слѣды ограды и развалины какого то сооруженія, которое изслѣдователи (кромѣ Голубинскаго) склонны принять за остатки Васильевской церкви на Новомъ дворѣ, построенной Рюрикомъ Ростиславовичемъ (1197 г.), кажется, трудами

знаменитаго архит. Милонѣга. Здѣсь же нѣкоторые помѣщають и древнюю церковь св. Никиты.

По выходѣ изъ ограды Трехсвятительской церкви налѣво идетъ Михайловскій подъемъ, по которому можно спуститься на Подолъ, а дальше ограда Михайловскаго монастыря съ расположенной передъ нимъ просторной Михайловской площадью. Въ древности на мѣстѣ подъема проходилъ оврагъ, служившій границею города, ибо Михайловскій монастырь не входилъ въ составъ города ни при Владимірѣ, ни при Ярославѣ. Оврагъ этотъ шелъ къ Кожемяцкому ущелью, пересѣкалъ Михайловскую площадь и по Большой Житомірской мимо древнихъ Софійскихъ или Западныхъ воротъ шелъ къ Кожемякамъ. Такимъ образомъ, нами обойденъ весь древній городъ.

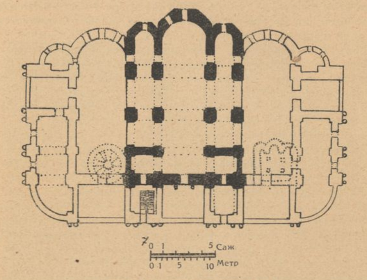
Михайловская площадь. Территорія Михайловской площади была присоединена къ древнимъ укрѣпленіямъ только въ XVII столѣтіи. Тѣмъ не менѣе именно эту площадь слишкомъ усердные ревнители кіевской древности избрали для осуществленія своего плана устроить „историческій путь древняго Кіева“ украшенный памятниками подвизавшихся здѣсь героевъ — Кія, Щека и Хорива, Олега... Начало этому предпріятію уже положено памятникомъ св. княг. Ольгѣ, который помимо отсутствія талантливости поставленъ, конечно, и безъ всякихъ историческихъ соображеній, ибо ни портрета Ольги, ни описанія ея одеждъ, ни надлежащихъ свѣдѣній о дѣятельности этой княгини, равно какъ и — Олега и другихъ князей, не имѣется; памятникъ къ тому же сдѣланъ изъ бетона — матеріала совершенно не идущаго къ скульптурѣ. По сторонамъ страшно неуклюжей фигуры Ольги совершенно не къ мѣсту поставлены двѣ фигуры, долженствующіе изображать апост. Андрея съ посохомъ и братьевъ Кирилла и Меѳодія. Натянутая театральность этой группы — повидимому, будетъ сообщена всему „историческому пути“!

За памятникомъ кн. Ольгѣ направо на углу Житомірской и Трехсвятительской, помѣщается реальное училище; напротивъ идетъ Михайловская улица, по которой въ XVII—XVIII в. шла дорога въ „Хрещатый яръ“—нынѣшній Крещатикъ, а налѣво тянутся знакомыя уже намъ зданія присутственныхъ мѣстъ, противъ которыхъ на Троицкомъ переулкѣ до 1858 г. существовала старая (XVII в.) церковь св. Троицы. Взамѣнъ этой церкви въ XIX в. была построена новая Троицкая церковь на Новомъ строеніи.

Михайловскій монастырь. Съ Михайловской площади черезъ высокую колокольню попадаемъ въ древній Михайловскій Златоверхій монастырь—основанный по однимъ свѣдѣніямъ, княз. Святополкомъ II Михаиломъ, въ 1108 г. (Стрыйковскій и Кальнофойскій указываютъ еще 2-хъ строителей—князей Георгія и Михаила Владиміровичей), по другимъ І-мъ кіевскимъ митрополитомъ Михаиломъ, съ чѣмъ нельзя согласиться, ибо самое существованіе митр. Михаила есть лѣтописное недоразумѣніе.

Какъ упоминалось уже, Арх. Михаилъ издревле почитавшійся въ малой Азіи считался покровителемъ византійской имперіи и войска, откуда культъ его, развившійся особенно со времени Василія I Македонянина, былъ занесенъ въ Кіевъ; здѣсь св. Михаилъ чтился, какъ покровитель князей и заступникъ въ походахъ; позднѣе въ Кіевѣ Михаилу приписали также уничтоженіе идоловъ (хроника Софоновича) и по примѣру запада сдѣлали защитникомъ казацкаго рыцарства, ставшаго въ оборону православія противъ католическихъ притѣсненій. Посему Михайловскій монастырь (при митр. Іовѣ Борецкомъ) послѣ отпаденія южно-русской іерархіи въ унію былъ сдѣланъ каѳедральнымъ и митрополичьей резиденціей, но въ древности о немъ, какъ о монастырѣ, лѣтописцы не упоминаютъ; онъ имѣлъ, благодаря непопулярности своего основателя, очень небольшое значеніе, особенно ввиду важной роли болѣе ранняго Михайловскаго Выдубецкаго монастыря? Колокольня

Михайловскаго монастыря по своимъ формамъ подражаетъ Софійской колокольнѣ, чѣмъ и объясняются ея барочныя формы. Она построена въ XIX в. Живопись, украшающая стѣну колокольни,—новая. Внутри ограды, налѣво зданіе просфирни и дальше въ углу новая трапезная церковь съ резиденціею Чигиринскихъ епископовъ; въ XVII в. на этомъ мѣстѣ въ оградѣ мужского монастыря находился женскій

Планъ Михайловскаго монастыря.

Михайловскій монастырь, основанный митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ для своей жены и дочери; дальше кругомъ идутъ монастырскія зданія и въ центрѣ древній величественный храмъ.

Наружный видъ храма. На внѣшнихъ стѣнахъ храма слѣды безконечныхъ передѣлокъ. Основную массу храма составляетъ трехапсидный, продолговатый четырех-

угольникъ верхи котораго выступаютъ посрединѣ изъ за боковыхъ крыльевъ. Древняя фасадная стѣна выступаетъ надъ западной пристройкой; тамъ видны пилястры, и на нихъ въ верхнихъ частяхъ замѣтны концы арки, несшей на себѣ обычные бочковые своды; сама арка замѣнена позже карнизомъ, но концы ея замѣтны; по наружнымъ стѣнамъ церкви съ южной и сѣверной стороны тоже замѣтны пилястры, дѣленіе храма вдлину на 4 части и выемки въ нихъ, на которыя опирались арки. Окна въ древности имѣли щелевидную форму, а нынѣ расширены; Въ тимпанахъ арокъ подъ кровлями заложены древнія западныя окна. Окна апсидъ (средняя, пятигранная, выступаетъ впередъ) имѣютъ тройныя углубленныя одна въ другую ниши, какъ въ Софійскомъ соборѣ. Въ сѣверозападномъ углу въ древности, по свидѣтельству св. Димитрія Ростовскаго, находилась башня — вѣроятно, подобная К.-Софійскимъ. Ея фундаменты круглой формы были найдены въ 1888 г.; тогда же въ противоположномъ ю.-з. углу подъ поломъ былъ открытъ фундаментъ маленькой 3 хъ апсидной церкви, занимавшей такое же положеніе: какъ ц. І. Предтечи у с. з. угла В. Печерской церкви. Изъ нынѣшнихъ 7 золотыхъ куполовъ, украинской формы, древній — только одинъ среднiй; на его крестѣ поставлена фигура орла, въ знакъ союза Украины съ Московскимъ государствомъ; по многогранному барабану (грани облегчаютъ распоръ главокъ) по куполу идетъ древній шиферный карнизъ, выступающій во внутрь храма. Своды въ церкви новые. Они были устроены въ разное время вмѣстѣ съ придѣланными къ основноной массѣ храма боковыми крыльями, измѣнившими храмъ, но и придавшими ему особую красоту. Два фасадныхъ выступа, въ которыхъ ходы на хоры, кончаются теперь мощными, но изящными подпорами декорированными внизу двойными полуколоннами съ забранными между ними рустованными стѣнами, а вверху — пилястрами съ смѣшанными капителями (мотивъ аканѳа, розы, пальмы) и съ филенками; надъ ними зигзагообразные фронтончики и двойныя перекрытія съ

звѣздами; тоже и въ боковыхъ пристройкахъ. Главный фасадъ между боковыми выступами вмѣсто древняго дугообразнаго тимпана имѣетъ богатый барочный украинскій фронтонъ, украшенный канеллированными пилястрами и лѣпкой. Окна тоже имѣютъ лѣпку. Пристройки сдѣланы въ концѣ XVII и вначалѣ XVIII вѣка, и до 1888 г. храмъ былъ очень похожъ на Лавру до ея ремонта 1896 г. На старыхъ планахъ Михайловскаго монастыря (1638, 1668 г.) еще показаны посводныя перекрытія. Планъ древнихъ (это упрощенный

Михайловскій монастырь.

типъ к. Софійск. собора—шестистолпный) и новыхъ частей, а равно и конструкціи ихъ лучше всего уяснить себѣ, войдя во внутрь храма.

Храмъ внутри. Миновавъ первыя входныя двери (въ пристройкѣ), мы останавливаемся передъ тройнымъ древнимъ входомъ, въ боковыхъ пролетахъ коего нынѣ устроены

ниши съ изображеніями ангеловъ, записывающихъ входящихъ и выходящихъ изъ храма. Въ самомъ храмѣ надъ темною папертью висятъ древніе хоры, подъ которыми въ боковыхъ нишахъ видны въ мерцаніи свѣчъ предполагаемыя гробницы основателя храма князя Святополка II († 1113) и его жены — греческой царевны Варвары. Эти гробницы найдены въ 1888 г. Поднимаясь на хоры, на западной стѣнѣ можно видѣть древнюю кладку; такую же кладку на сѣверной и южной стѣнахъ видно со сводовъ надъ пристройками. Съ хоръ, имѣющихъ древнія шиферныя перила, и снизу легко различаются ширина средняго нефа, древніе пилястры съ выемками отъ арокъ въ верхнихъ частяхъ, два западныхъ столба (восточные скрыты за иконостасомъ) и боковыя стѣны, въ которыхъ сдѣланы пролеты въ южную и сѣверную пристройки; на этихъ стѣнахъ со стороны пристроекъ видны древнія окна и карнизы, такой же древній рѣзной карнизъ сохранился въ главномъ куполѣ; малые купола имѣютъ особое устройство: переходъ въ нихъ отъ арокъ и сводовъ къ барабанамъ сдѣланъ не сегментообразными парусами, а восьмиугольными конструкціями, взятыми отъ украинской деревянной архитектуры: въ апсидахъ алтаря можно видѣть древнія окна; въ сѣверной и южной апсидахъ подпирающихъ зиждительные столбы въ углахъ выступаютъ пилястры, на которыхъ лежали арки древнихъ сводовъ.

М о з а и к а и ф р е с к и. По описаніямъ путешественниковъ XVI в. вся древняя часть храма, не исключая хоръ, была богато украшена мозаикой и фресками, причемъ система росписи, судя по этимъ свидѣтельствамъ (Пав. Алепскій), была та же, что въ XI в (св. Софія, Дафни, церкви въ Фокидѣ и на Хіосѣ), но уже иного стиля эпохи Комненовъ. Уцѣлѣвшая до насъ мозаичная сцена Евхаристіи въ алтарѣ представлена еще подъ сильнымъ вліяніемъ Софійской: киворія (балдахина) здѣсь нѣтъ надъ престоломъ, но передъ нимъ находится какъ бы на солеѣ изображеніе мраморной алтарной преграды такой, какая употреблялась въ древности

въ храмахъ и подобная которой была, вѣроятно, въ Михайловской церкви. Спаситель изображенъ дважды и апостолы подходятъ къ нему тоже симметрично; ангелы въ бѣлыхъ одеждахъ держатъ скрещенныя рипиды; Христосъ преподаетъ апостоламъ дискосъ (въ Софіи просто хлѣбъ) и чашу; вверху славянская надпись: „пріимите ядите сіе есть тѣло мое и піите отъ нея вси сія есть кровь моя новаго завѣта". Техника и стиль этой мозаики иные по сравненію съ Софійской, краски, сѣры (преобладаютъ красные и бѣлые матовые тона), фигуры непропорціональны, съ несоразмѣрно малыми головами, руками, ногами и со спутанными драпировками, подъ которыми не чувствуется тѣла, но за то они сложнѣе и имѣютъ много естественности въ движеніяхъ и вслѣдствіе удлиненности своихъ пропорцій отличаются граціозностью; вообще, нѣтъ исправнаго рисунка и свободы искусства македонянъ, но въ усложненныхъ формахъ еще живетъ традиція высокоразвитой декоративной школы, отразившейся въ тоже время въ Сицилійскихъ мозаикахъ. Какъ и въ Дафни здѣсь сильна живописная тенденція и утонченность замѣтная въ Византіи съ к. XI в. и достигшая своего развитія въ XII в. въ Марторанѣ. Фигуры сильно рисуются, благодаря золотому фону. Мозаика однако сохранилась очень пхохо, и многія части подмалеваны красками (престолъ, головы нѣкоторыхъ апостоловъ слѣва и др.) По сторонамъ Евхаристіи на пилястрахъ столбовъ уцѣлѣли мозаичныя фигуры первомученика Стефана (на право) съ кадильницей въ рукѣ и съ тонзурой на головѣ, а на лѣво—В. М. Димитрія съ копьемъ и щитомъ въ воинскихъ доспѣхахъ. Мозаичные бордюры изъ крестовъ и арабесковъ на золотомъ фонѣ напоминаютъ орнаменты Софійскаго собора. На основаніи техническихъ несовершенствъ, а также и славянскихъ надписей всѣ изслѣдователи склонны считать мозаики Михайловскаго монастыря произведеніемъ русскихъ мастеровъ. Такимъ образомъ, эти мозаики представляютъ большую важность для исторіи русскаго искусства. Наличность русскихъ мозаистовъ застававляетъ

допускать многочисленность мозаичныхъ росписей, выполненныхъ въ Кіевѣ, а равно и открытыя здѣсь мозаичныя мастерскія. Лѣтописи, кромѣ того, называютъ по именамъ нѣкоторыхъ кіевскихъ мастеровъ, напр., печерскаго инока Алимпія, которому нѣкоторые склонны (проф. Айналовъ) приписать и Михайловскія мозаики.

Кромѣ мозаикъ, на стѣнахъ Михайловскаго храма сохранилось нѣсколько фресокъ иной техники и иныхъ по колориту, чѣмъ фрески св. Софіи. Эти фрески открыты въ 1888 году на столбахъ алтарной арки; здѣсь изображены слѣва Арх. Гавріилъ благовѣствующій и направо Богоматерь, сидящая въ богатомъ византійскомъ креслѣ за пряжей среди пейзажа (деревцо и зданія города), т. е. сцена Благовѣщенія. Кромѣ того, на лѣвомъ столбѣ изображенъ сѣдовласый прор. Захарія съ заповѣдями на челѣ и съ ладонницей и кадильницей (древней формы) въ рукахъ; на немъ поверхъ хитона и гиматія наброшенъ плащъ, застегнутый фибулой. На правомъ столбѣ тоже представленъ прор. Самуилъ (въ той же одеждѣ); вверху на перевитыхъ узломъ столбахъ (романск. типа, какъ на позд. визант. миніатюрахъ) изображены два столпника, заставляющихъ вспомнить направленіе кіевскаго аскетизма, идущаго къ востоку. Тона одеждъ тѣ же, что на алтарной мозаикѣ, нѣсколько рѣзкіе по сравненію съ общимъ колоритомъ Софійскихъ росписей; фонъ синій; рисунокъ (Праховымъ) реставрированъ, но все-же даетъ возможность поставить эти фрески посерединѣ между Софійскими и тѣми, которыя увидимъ въ Кирилловской церкви. Прор. Захарія по типу и стилю идетъ къ фигурамъ въ барабанѣ Новгородской Софіи. Надо думать, что по всему храму подъ позднѣйшей штукатуркой и росписью 1808 г. имѣется древняя роспись, которая еще ждетъ своего открытія.

Иконостасъ. Иконостасъ Михайловскаго монастыря одинъ изъ наиболѣе интересныхъ въ Кіевѣ. До 1888 г. онъ имѣлъ 5 ярусовъ, былъ укороченъ, чтобы открыть видъ на древнія фрески. Въ нижнемъ ярусѣ его помѣщены темы

Апокалипсиса и Библейскія; во 2-мъ, намѣстные образа и въ 3 мъ — праздники. Орнаментація его — разводы аканөа обвивающіе рамы образовъ, раздѣленные колоннами, похожими на пальмовые стволы. Иконостасъ сооруженъ гетманомъ Ив. Скоропадскимъ. Царскія врата (устроены въ 1811 г.) прекрасные изъ серебра вѣсомъ въ нѣсколько пудовъ; храмовой образъ—копія съ Рафаэля (архангелу только данъ мечъ въ руки); онъ украшенъ множествомъ брилліантовъ и другихъ драгоцѣнностей. Это даръ имп. Александра I-го.

Придѣлы. Продвигаясь вдоль иконостаса слѣва направо, переходимъ въ правый Екатерининскій придѣлъ, устроенный въ XVIII в. кн. Черкасскимъ на мѣстѣ болѣе древнихъ каплицъ или алтарей, коихъ всѣхъ вокругъ Мих. монастыря въ XVII в. было шесть. Иконостасъ этого придѣла барочной работы (мастеромъ его называютъ кіевскаго обывателя Романа). У правой стѣны придѣла установлена серебряная нѣсколько передѣланная художественной работы рака съ частицами мощей св. Харлампія, Пантелеймона и Спиридона. Рака эта, замѣчательная своей богатой чаканкой въ стилѣ барокко изъ роскошныхъ фруктовыхъ гирляндъ и букетовъ, сдѣлана по заказу и на средства гетмана Ив. Мазепы. Въ этой ракѣ раньше хранились мощи св. Вм. Варвары, почивающіе въ противоположномъ концѣ храма. Въ подземельи придѣла св. Екатерины, гдѣ нѣкогда была маленькая церковка, погребено нѣсколько настоятелей Михайловскаго монастыря и между ними извѣстный кіевскіи ученый, одинъ изъ ректоровъ старой академіи, еп. Ириней Фальковскій, продолжатель украинскихъ традицій въ мѣстной наукѣ, здѣсь же изображенный подъ видомъ св. Иринея Люгдунскаго.

Стѣны Екатерининскаго придѣла покрыты интересной по своему содержанію живописью, исполненною въ 1808 г. Она изображаетъ на сѣв. стѣнѣ прошенія молитвы Господней, а на южной и западной—апокалипсическія видѣнія. Среди очень любопытныхъ традиціонныхъ въ Кіевѣ сценъ изъ молитвы Господней можно видѣть древнее окно и пиля-

стры, выходившіе прежде наружу храма. Стѣна эта была сплошная безъ пролетовъ. Внутри древнихъ стѣнъ за правымъ клиросомъ при столбѣ стоитъ образъ Божіей Матери Новодворской; къ ней обращаются съ молитвами объ умаленіи гордыни, злобы, клеветы, о мирѣ и тишинѣ.

Мощи св. Варвары. За симъ переходимъ въ сѣверную пристройку, въ зап. концѣ коей въ древности находилась круглая башня; въ этомъ придѣлѣ на высокомъ возвышеніи подъ массивнымъ серебрянымъ мало художественнымъ балдахиномъ (до 1775 г. была другая сѣнь, изображенная на рис. 1651 г.) помѣщаются мощи св. Великомученицы Варвары. Придѣлъ построенъ въ XVII в. войсковымъ запорожскимъ судьею Вуяхевичемъ и до той поры гробница св. Варвары находилась въ сѣверномъ нефѣ древняго храма. Рака до пожертвованія Мазепы была деревянная; по крайней мѣрѣ, такою она кажется на рис. 1651 г. и такою ее описываютъ Ласота, Павелъ Алеппскій и др.

Откуда и когда появились въ Кіевѣ мощи св. Варвары — вопросъ очень интересный, такъ какъ на западѣ нѣсколько городовъ оспариваютъ нахожденіе этихъ мощей у себя (Венеція, Кобленцъ...). Въ Кіевѣ мощи св. Варвары и преданіе о присылкѣ ихъ Василіемъ Македоняниномъ св. Владиміру стали извѣстными только въ XVI в., а русскіе паломники части этихъ мощей въ XIII в. указываютъ въ Константинополѣ. Эрихъ Ласота, видѣвшій ихъ въ Кіевѣ, говоритъ, что святая Варвара — дочь короля, что она имѣетъ на головѣ корону; другіе источники говорятъ, что въ Кіевѣ въ XVII в. были сомнѣвающіеся въ принадлежности этихъ мощей обезглавленной Варварѣ Іерапольской (Сафоновичъ). Антіохійскій патріархъ Макарій тоже считалъ кіевскія мощи мѣстной святой. Тѣмъ не менѣе другими (въ XVI в. и въ XVII в.) они отожествлялись съ мощами св. велм. Варвары Іерапольской пострадавшей отъ Діоклетіана (Мюллеръ, І. Борецкій, Бопланъ, Кальнофойскій), которыя, по свидѣтельству Димитрія Ростовскаго,

были привезены въ X в. изъ Византіи и въ эпоху татарскаго нашествія были скрыты въ башнѣ храма. Къ мощамъ св. Варвары ежегодно прибываетъ неисчислимое количество богомольцевъ; неисчислимо и количество медальоновъ (дукачі), образковъ, и колецъ обмѣниваемыхъ по мѣстному обычаю у гроба Варвары. Въ XVIII—XIX в. не разъ изъ за права продажи ихъ происходили тяжбы между монахами и кіевскими купцами. Какъ извѣстно, св. Варвара была обезглавлена, отсюда страдающіе головною болью вѣрятъ въ цѣлебную силу вѣнчика (не древній), лежащаго на главѣ святой. Жизнь св. Варвары прекрасной невѣсты Христовой очень любили изображать старые украинскіе живописцы, скульпторы и граверы, заимствовавъ способъ этихъ изображеній отъ итальянцевъ и фламанцевъ; но живопись въ придѣлѣ св. Варвары, равно какъ и иконостасъ его, далеки отъ изящества и крайне неискусной новой ремесленной работы; на картинѣ, изображающей мученія Варвары, святая безъ грудей, вслѣдствіе ложнаго монашескаго стыда, способнаго вызвать только дурныя чувства. Встарину мученія и жизнь святой изображались реально, святая имѣла видъ цвѣтущей украинской дѣвушки—царственной красоты, достойной невѣсты Христовой, каковою Варвара изображается и въ акаѳистахъ, сочиненныхъ Лавр. Крщеновичемъ (XVII в.) и митроп. Іоас. Краковскимъ (XVIII в.). Акаѳисты читаются у мощей св. Варвары по вторникамъ. Стоитъ тогда побывать въ храмѣ, чтобы послушать древніе мѣстные напѣвы, исполняемые монастырской братіей нѣсколько крикливо съ преобладаніемъ унисоновъ, но способные вызвать высокія религіозныя переживанія. Особенно стоитъ побывать на вечернѣ и прослушать пѣніе догматика, „Блаженъ мужъ" и прокимновъ.

Ризница и библіотека. Ризница монастыря не имѣетъ особыхъ достопримѣчательностей; до послѣдняго времени здѣсь хранился рѣдкій по своему составу и работѣ кладъ великокняжеской эпохи (оригинальное ожерелье изъ

крестовидныхъ подвѣсокъ, бусъ и медальоновъ, шейныя цѣпи, шейныя гривны, колты), нынѣ проданный въ Москву и изъ другихъ предметовъ можно упомянуть только древній кипарисный гробъ отъ мощей Варвары, драгоцѣнную лампаду XVIII в. съ бриллiантовой кистью (даръ Екатерины II) и изображенiе главы св. Варвары съ безчисленными драгоцѣнностями изъ приношенiй монастырю (среди нихъ бриллiантовые перстни Елисаветы Петровны и Анны Ивановны). Здѣсь же голубое облаченiе, пожалованное Елисаветой Петровной и митра съ изображенiемъ (обычнымъ на Украйнѣ) Скорбящей Богоматери съ мечами въ груди.

Въ библiотекѣ монастыря имѣется довольно большое собранiе книгъ по богословiю и исторiи, а также и нѣсколько рукописей. Въ 1837 г. Бодянскiй нашелъ здѣсь книгу „Цвѣтодарованiе" со списками украинскихъ домовъ, принявшихъ въ XVI—XVII в. католицизмъ. Такую книгу хранили въ монастырѣ потому, что Михайловскiй монастырь нѣкогда былъ каѳедрой кiевскихъ митрополитовъ, старавшихся возвратить отпавшихъ въ православiе; послѣ окончательнаго присоединенiя Кiева и Правобережной Украины къ Россiи возникла опять надежда на возвращенiе отпавшихъ. Однако, насильственныя средства, примѣненныя тогда по отношенiю къ унiатамъ, окончательно отдалили это возвращенiе: Михайловскому монастырю самому пришлось сдѣлаться мѣстомъ ссылки для неблагонадежныхъ и упорствовавшихъ унiатскихъ священниковъ и монаховъ изъ Кiевщины, Подолiи, Волыни и Холмщины.

Рельефы всадниковъ. Послѣ осмотра храма отправимся на южную правую сторону монастырскаго двора. Здѣсь на наружной стѣнѣ храма недалеко отъ алтаря прикрѣплены двѣ замѣчательныхъ шиферныя доски съ рельефными изображенiями св. всадниковъ. На каждомъ рельефѣ по два всадника, представленные одинъ противъ другого, согласно требованiямъ симметрiи, но это не одна и та же личность св. Георгiя и Димитрiя дважды повторенныхъ, какъ принято

думать, а разныя лица, что видно и по ихъ внѣшнему виду. На лѣвомъ рельефѣ представлено два воина змѣеборца—одинъ курчавый юноша, другой мужъ съ бородой; оба они находятся въ сильномъ движенiи, на что указываютъ ихъ развѣвающiеся, согласно древней (классической) манерѣ—плащи, которые имѣютъ здѣсь вздутую форму, какъ на сассанидскихъ блюдахъ, коптскихъ тканяхъ и армянскихъ рельефахъ (Ахтамаръ); ихъ плоскiя фигуры обозначены рѣзкими линiями и выпуклости выдѣлены путемъ врѣзыванiя одной плоскости въ

Рельефы всадниковъ А.

другую или черезъ простое углубленiе рѣзца (хвостъ, грива въ видѣ крыльевъ). Перспективы нѣтъ и копье праваго всадника, будучи направлено на дракона, должно упасть мимо него, такъ какъ художникъ изображаетъ его проходящимъ между ногами лошади. Кто эти святые? Обычно думаютъ, что зто Великомученикъ Георгiй—покровитель Константинополя, культъ котораго очень рано перешелъ къ намъ, доказательствомъ чему служитъ церковь св. Георгiя XI в., Георгiевскiй придѣлъ въ Софiйскомъ соборѣ и уста-

новленіе празднованія Георгію митрополит. Илларіономъ (┼ 1066). Однако, изображенія св. Георгія на конѣ съ дракономъ, какъ это показали ученыя изслѣдованія (Крумбахера, фонъ Таубе) встрѣчаются довольно поздно (въ XVI в.); въ житіяхъ св. Георгій появляется на конѣ не для борьбы съ дракономъ, а для спасенія невольниковъ, какъ напр., въ ладожской фрескѣ XII в.; так. обр., Михайловскіе всадники зависятъ отъ изображеній болѣе древнихъ змѣеборцевъ, коихъ указывается нѣсколько среди святыхъ (Византіи, Италіи, Германіи, Шотландіи и Скандинавіи) и среди разныхъ божествъ и героевъ древности (Ѳаммузъ, Персей, Горъ, Тіаматъ, героизированный умершій), послѣдніе часто изображались въ видѣ всадниковъ — побѣдителей, причемъ змѣй не всегда означалъ врага, но указывалъ на героизированіе всадника (монеты Констанція II, таинственныя дакійскія таблички). Подобныя произведенія античнаго искусства (напр. Ѳракійскій всадникъ) нерѣдко и теперь еще, будучи помѣщаемы въ стѣнахъ храмовъ и въ иконостасахъ (на востокѣ, въ Византіи и славянскихъ странахъ), принимаются за изображенія св. Георгія. Такимъ отраженіемъ готовыхъ традиціонныхъ схемъ можно считать и прототипы Михайловскихъ всадниковъ, изображающихъ на самомъ дѣлѣ не Георгія повтореннаго дважды, а какихъ то другихъ святыхъ, можетъ быть, арх. Михаила, Ѳеодора Тирона и Стратилата, или кого либо вообще изъ стратилатовъ, не исключая и русскихъ первомучениковъ (Ѳеодора варяга съ сыномъ). Присутствіе Ѳеодора Стратилата въ Кіевѣ тѣмъ болѣе понятно, что онъ былъ Понтійскимъ мученикомъ, пользовавшимся большой популярностью на востокѣ (съ IV в.) Художникъ кладетъ фигуры одну противъ другой (ср. Христа въ мозаичныхъ Евхаристіяхъ) согласно той же древней традиціи, размѣщавшей изображенія двухъ сражающихся или охотящихся героевъ и боговъ гербообразно (Пам. Нереидъ, Сидонскій саркофагъ, ритонъ изъ Карагодеуашха, рельефъ изъ Никши Рустема IV в., фрески Кер-

ченскихъ катакомбъ...) Византійско-русское искусство является здѣсь сочетаніемъ самыхъ разнообразныхъ племенныхъ и художественныхъ формъ съ греческой основой.

Что касается 2-й плиты, то ея всадниковъ принято считать дважды повтореннымъ изображеніямъ св. Димитрія— патрона кн. Изяслава. Поводомъ для такого толкованія служитъ то, что плиты найдены въ фундаментахъ Дмитріевскаго храма, построеннаго Изяславомъ въ XI в. Плита эта нѣсколько надбита и отреставрирована. Лѣвый всадникъ здѣсь

Рельефы всадниковъ В.

данъ въ обычной схемѣ византійскихъ конныхъ изображеній, движущихся слѣва направо, чтобы показать размахъ копья; онъ поражаетъ царя Максимиліана. Но вполнѣ возможно, что это и не Димитрій, а Меркурій, повалившій Юліана Отступника, Сисиній, побивающій порокъ и болѣзнь, или даже Георгій, спасающій болгарина. Другой всадникъ, стоящій напротивъ, никого не поражаетъ; на плечѣ его лежитъ копье, въ правой поднятой рукѣ щитъ. Онъ можетъ быть и Георгіемъ и Димитріемъ и опять таки любымъ изъ

св. Стратилатовъ, не исключая св. Бориса и Глѣба или того же св. варяга Ѳеодора. Такіе всадники въ византійской иконографіи (особ. на Кавказѣ) часто встрѣчаются; тоже и среди находимыхъ въ Кіевѣ змѣевиковъ и образковъ (ус. Петровскаго, Владиміръ-Вол.). Стиль Михаиловскихъ рельефовъ идетъ къ XII в.: Плоскіе овалы лица, широкія дуги бровей, широкій носъ, тѣло подчинено неумѣло выполненому рисунку одеждъ. Это византійское искусство времени упадка, что видно изъ сухости грузныхъ массивныхъ формъ, схематизма (хвосты лошадей, одежды) и условности (рука въ видѣ перевитаго жгута) изображенія. Слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторую грандіозность стиля и родство его съ фресками XII в.

Монастырь св. Димитрія и Петра. Монастырь св. Димитрія, для украшенія коего служили указанные рельефы (предшествуютъ Дмитровскому собору во Владимірѣ), находился въ усадьбѣ нынѣшняго Михайловскаго монастыря въ юго-восточной части его за старой трапезной церковью. Онъ былъ открытъ еще въ 1758 г. при закладкѣ ограды Михайловскаго монастыря и позже—раскопками Турчаниновой (въ 1811 г.) и Анненкова (въ 1838 г.). Его основателемъ былъ в. кн. Изяславъ (Дмитрій Ярославовичъ). Монастырь славился богатствомъ и для возвеличенія его сюда переводили печерскихъ игуменовъ, что сопровождалось монашеск. неурядицами; въ оградѣ Дмитровскаго монастыря по смерти Изяслава была построена еще церковь—св. Петра, которую печерскіе иноки переименовали вскорѣ въ самостоятельный монастырь, но эта обитель вскорѣ была снесена изъ за вражды съ Лаврой. Она находилась въ юго-восточной части Михайловской ограды и тоже была открыта вмѣстѣ съ остатками монастыря св. Димитрія (въ 1838 г. найденъ столбъ храма, мозаики, фрески и т. п.). Развалины Дмитровскаго монастыря существовали еще въ XVII в. Нѣкоторыя его святыни, напр., покровъ съ престола (палліумъ по латыни), кажется, попали во Владиміръ, а потомъ въ Польшу (въ Гнѣзно). Указываютъ (Кос-

совъ въ „Paterikon"ѣ) еще другой (?) Дмитріевскій монастырь около Лавры.

Трапезная и трапезныя ворота. Къ западу отъ бывшаго Дмитровскаго монастыря, параллельно южной стѣнѣ Михайловскаго храма, расположена старая Михайловская трапезная и колодецъ. Здание это типичное для кіевскихъ трапезъ; оно XVIII в. въ стилѣ мѣстнаго барокко съ характерной двойной крышей, слѣдами красивыхъ старыхъ оконъ и прекрасною рѣзьбою по дереву подъ зубчатою аркою двери (рѣзьба закрыта наружными дверями). Въ восточной ея части куполъ барочной грушевидной формы. Позади трапезной монастырскія кухни и выходъ на улицу черезъ трапезныя ворота нач. XVIII в.

Трапезныя ворота датированы 1707 годомъ; онѣ имѣютъ барочныя очертанія, украшены фронтономъ съ пилястрами и волютами, лѣпнымъ орломъ въ верху и вазонами: надъ фронтономъ въ XIX в. надстроено трехугольное перекрытіе, испортившее общее художественное впечатлѣніе этого прелестнаго сооруженія.

Голгоѳа. Отъ трапезныхъ воротъ Михайловскаго монастыря слѣдуетъ пройти къ югу по Трехсвятительской ул. Первое зданіе налѣво—гостиница Михайловскаго монастыря съ церковью Божіей Матери Одигитріи (Путеводительницы). Дальше входъ въ садъ и въ немъ ротондообразное зданіе съ панорамой Голгоѳы, изображающей иллюзію Страстей Господнихъ; такія панорамы изобрѣтены въ XVIII в. Бранзигомъ въ Гданскѣ и Паркедолѣ въ Эдинбургѣ. Вдоль улицы расположились деревянные ларьки (рундуки), гдѣ продаются лампады, ладонки, иконы, кресты. Эти кресты по древнему обычаю здѣшняго края даютъ въ лѣвую руку покойнику; среди иконъ бываютъ весьма любопытные по своему содержанію, напр., любимое на Украйнѣ изображеніе Христа—Винограларя, выжимающаго въ чашу вино изъ лозы, растущей изъ Его ребра. Производство предметовъ относящихся къ религіи въ

половинѣ XVIII в. было однимъ изъ главныхъ занятій кiевскихъ мѣщанъ.

Старый костелъ. Напротивъ зданія Голгоѳы на небольшой площадкѣ бывшаго крѣпостного бастіона высится католическій костелъ св. Алексадра. Еще въ лѣтописи есть указанія на нѣсколько католическихъ церквей въ Кіевѣ, гдѣ не безъ успѣха дѣйствовала католическая миссія. Говоря о нападеніи на Кіевъ въ 1092 г. лѣтопись разсказываетъ, что иноземцы „всякаго языка“ затворились „въ церквахъ“. Въ XIII ст. доподлино извѣстно, что католическій храмъ существовалъ на Оболони, потомъ появилось нѣсколько церквей и кляшторовъ на Подолѣ и въ друг. частяхъ. Что касается нынѣшняго стараго костела, то онъ стоитъ на мѣстѣ древней Лядской слободы, находившейся за Ярославовыми Лядскими воротами, и построенъ вмѣсто сгорѣвшаго костела XVIII в. на Печерскѣ (въ 1817 г.) по проекту Мѣховича въ память имп. Александра I, давшаго особыя привилегіи польско-католическому населенію въ украинскихъ земляхъ, принадлежавшихъ бывшей Рѣчи Посполитой. Фундаторами костела былъ и Антонъ Совецкій—польскій шляхтичъ стараго закала, который одѣвался въ кунтушъ и сохранялъ обычаи стараго времени. Архитектура костела довольно неудачная; на фасадѣ его неуклюжій низкій портикъ на колоннахъ и двѣ башни по бокамъ, которыя слывутъ подъ именемъ „ослинныхъ ушей Бернини“ (они копируютъ башни архит. Барнини на соборѣ св. Петра въ Римѣ), а надъ самымъ храмомъ поставленъ куполъ по образцу римскаго пантеона. Костелъ воспроизводитъ, такимъ образомъ, архитектурныя формы римской имперіи. Внутреннее убранство въ томъ же стилѣ. Въ одномъ изъ семи алтарей—хорошая копія Мадонны Фолиньо Рафаэля, въ другомъ—святого Антонія Мурильо. Въ началѣ XIX в. мѣстность вокругъ костела была совершенно дикая, покрытая густыми зарослями и изрытая оврагами. До половины XIX вѣка здѣсь можно было наблюдать живописныхъ католическихъ монаховъ разныхъ орденовъ. Въ такомъ видѣ

костелъ представленъ на нѣкоторыхъ старыхъ рисункахъ, напр., у Шевченка; фигуры прелатовъ въ красномъ и католическихъ монаховъ для нынѣшняго Кіева являются чужими; но тогда католичество, благодаря политическимъ условіямъ, оставшимся отъ временъ польскаго владычества, имѣло силу.

Владимірская горка. Отъ костела можно внизъ по Трехсвятительской ул. пройти до Царской площади, откуда идетъ Александровскій спускъ на Подолъ и дорога на Печерскъ, а также начинается главная улица новаго города Крещатикъ, но мы вмѣсто этого направимся въ лежащій за зданіемъ Голгоѳы садъ на, такъ называевую, гору св. Владиміра. Эта гора когда то принадлежала Михайловскому монастырю и была покрыта виноградникомъ. Потомъ, когда склоны Михайловской горы отошли къ городу, здѣсь былъ разбитъ новый садъ. На нижней террасѣ воздвигнутъ памятникъ кн. Владиміру (въ 1853 г.), давшій названіе самой горѣ. Онъ сдѣланъ по проекту Клодта; разчитанъ на внушительность и эффектъ, но не красивъ; основаніемъ памятника служитъ чугунная площадка со ступенями; на площадкѣ утвержденъ восьмиугольный постаментъ, совершенно не идущій по своему характеру къ эпохѣ св. Владиміра, такъ какъ выполненъ въ видѣ часовенки московскаго стиля. Наверху постамента колоссальная статуя, долженствующая изображать кн. Владиміра, въ лѣвой рукѣ статуя держитъ княжескую шапку въ видѣ Мономаховой (анахронизмъ), а правой рукой она поддерживаетъ громадный крестъ, освѣщаемый по вечерамъ электрическими огнями, что придаетъ памятнику характеръ излишней театральности. Отсюда видно и нижній памятникъ Владиміру надъ, такъ называемымъ, Крещатицкимъ источникомъ. Туда ежегодно въ день св. Владиміра (15 Іюля) отъ верхняго памятника направляется для освященія воды торжественная процессія, являющаяся теперь единственнымъ остаткомъ пышныхъ процессій, существовавшихъ во времена магдебургскаго устройства Кіева. Упомянутое водосвятіе

совершалось при участіи кіевскихъ цеховыхъ организацій и муниципальной гвардіи („Золота корогва"), съ несеніемъ городскихъ знаменъ. Около памятника св. Владиміру въ 1888 г. происходили торжества по случаю 900 лѣтія крещенія, сопровождавшіяся пріѣздомъ высокихъ гостей и парадомъ, во время котораго скоропостижно умеръ ген. губ. Дрентельнъ, что испортило все торжество и безъ того омраченное неумѣстной демонстраціей панславизма. На мѣстѣ кончины Дрентельна на верхней террасѣ воздвигнутъ обелискъ. Другой обелискъ поставленъ въ память прорытія Александровскаго спуска, идущаго у подножія горы на мѣстѣ древней Александровской дороги, служившей для сообщенія между Подоломъ и Печерскомъ.

Верхняя терраса Владимірской горы идетъ вдоль стѣны Михайловскаго монастыря; отъ сѣверо-восточной части этой стѣны въ XVII — XVIII в. шелъ Михайловскій, Крещатицкій или Дмитровскій взвозъ (отъ церкви св. Димитрія). Этотъ спускъ, замѣненный нынѣ Михайловскимъ подъемомъ, долгое время ошибочно принимался за Боричевъ взвозъ, благодаря чему и отроги Михаилойской возвышенности принимались за Чертово Беремище и за Уздыхальницу (тамъ стояли язычники и вздыхали, когда совлекали идоловъ по Чертову Беремищу). На самомъ дѣлѣ Чертово Беремище и Уздыхальницу должно помѣщать по сторонамъ Андреевскаго спуска за Михайловскимъ подъемомъ, на мѣстѣ древнѣйшаго сообщенія горы съ Подоломъ и Днѣпромъ.

Днѣпръ. Въ древности Днѣпръ (Борисѳенъ) шелъ по другому руслу, которое видятъ въ нынѣшнемъ Днѣпровскомъ рукавѣ, виднѣющемся съ Владимірской горы далеко за островомъ (Трухановымъ) и носящимъ названіе „Старца"; средній рукавъ – Черторый остался отъ древнихъ временъ; онъ образуетъ большой островъ Трухановъ и соединяется съ главнымъ русломъ противъ Аскольдовой могилы; въ него впадала Почайна, русло коей занялъ нынѣшній Днѣпръ. Здѣсь была пристань. Въ Почайну впадала Глубочица, раздѣляя Подолъ

на двѣ части. Къ сѣверу за Подоломъ шло болотистое пространство Оболонь, орошавшееся другимъ притокомъ Почайны—Сѣтомлiею. Во время разлива Днѣпръ имѣетъ въ ширину 6—8 верстъ, представляя картину плѣнительную, но и жуткую, такъ какъ водами его заливаются прибрежныя части города и села, что вызвало потребность строить у берега дома на сваяхъ. Весной и лѣтомъ Днѣпръ усѣянъ пароходами „гончаками", „берлинами", „лайбами", „дубами", лѣсными сплавами и массой купающихся.

II.

Подолъ.

Обликъ Кіево-Подола. Путь на Подолъ удобенъ особенно, когда съ Владимірской горы спуститься по Михайловскому подъему. Картина, открывающаяся изъ окна вагона, исключительная. При взглядѣ сверху Подолъ кажется усѣяннымъ шпилями колоколенъ и круглыми сферическими куполами церквей на колончатыхъ цилиндр. барабанахъ. Это придаетъ Подолу нѣсколько иную физіономію по сравненію съ изогнутостью барочныхъ формъ стараго Кіева, что связано съ перестройками Подола послѣ большого пожара 1811 г. Къ 1812 году былъ утвержденъ новый планъ Подола и мѣстными городскими архитекторами (должность эта въ Кіевѣ съ 1786 г.). Меленскимъ и Станзапи были выработаны типы разныхъ зданій, проекты коихъ хранятся нынѣ въ город. музеѣ. Сообразно духу времени, старыя „узорочныя", по выраженію Лукьянова (1703 г.), барочныя зданія и новыя постройки получили черты стиля Римской имперіи, ибо въ то время, когда произошли поразительныя открытія въ Геркуланумѣ и въ Помпеѣ, а побѣдоносныя войны Наполеона возродили идею римской имперіи..., Римъ и все римское, не исключая даже модныхъ уборовъ, были въ большомъ фаворѣ; фантазія и

Братскій монастырь.

Межигорье.

изобрѣтательность художниковъ и легкость барочныхъ формъ была вытѣснена строгостью и симметрической правильностью классицизма; подражаніе антику какъ бы парализовало фантазію, были вытянуты изъ архивовъ воспоминанія о столь же строгихъ формахъ др. Египетской архитектуры и готики съ ея башнями и высокими острыми шпилями. Стѣны остались безъ украшеній; только голыя колонны, пилястры и архитектурные фризы и аттики были оставлены на стѣнахъ для оживленія зданія. Фронтоны имѣютъ втиснутые замочные камни и ряды колоннъ, орнаментація же стѣнъ въ Кіевѣ не имѣетъ даже обычныхъ для стиля этого времени мотивовъ лавра, масокъ, ликторскихъ пучковъ; башни перекрыты куполами и имѣютъ на верху высокую иглу.

Подолъ кипитъ дѣятельной торговой жизнію. Такимъ онъ извѣстенъ въ эпоху князей, такимъ остался и донынѣ. Въ древности Подолъ имѣлъ свои укрѣпленія. Съ сѣвера его защищала болотистая Оболонь и валъ съ „столпіемъ" (упоминается въ XII в.) съ запада—Старокіевскія укрѣпленія, съ юга—яры (гдѣ нынѣ Александровскій спускъ и Крещатицкій памятникъ). Посрединѣ Подола съ сѣвера на югъ текла поглощенная Днѣпромъ Почайна. Въ Литовское время (XIV—XVII в.) завоеватели владѣли Подоломъ и защищали его при посредствѣ замка на Киселевкѣ. Въ эту эпоху Подолъ—главный центръ Кіева и центръ украинской культуры. — управлялся по Магдебургскому праву. Граждане назывались мѣщанами, отъ слова „мѣсто (місто)"—городъ; населеніе жило богато: въ домахъ, по свидѣтельству Михалона Литвина, встрѣчались не только достатокъ, но даже изобиліе—плодовъ, овощей, меду, масла, рыбы; сверхъ того, они до такой степени были переполнены дорогими одеждами, драгоцѣнными камнями, собольими и другими мѣхами и пряностями, что шелка были здѣсь дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ ленъ и соль. Проф. Антоновичъ доказываетъ, что въ XIII—XVI в. въ Кіевѣ цвѣла торговля съ далекими странами и что рѣзьба и издѣлія Кіевскихъ ювелировъ шли

очень далеко. Отъ торговыхъ складовъ того времени на Подолѣ нерѣдко обнаруживаются многочисленные погреба, выложенные продолговатымъ Европейскаго образца кирпичемъ. Подолъ постоянно терпѣлъ отъ опустошенiй и пожаровъ. Одинъ изъ такихъ пожаровъ, вызванный польско-литовскимъ нападенiемъ, произошелъ въ 1651 г. Пожарище казалось пекломъ или „Содомомъ и Гоморрой“. Тоже случилось опять и въ 1811 году.

Населенiе Подола въ княжескую эпоху было многочисленное и разношерстное—греки, арабы, венецiанцы, хозары, евреи, нѣмцы, „ляхи“; среди Подола находился армянскiй кварталъ (до XVI в.) и генуэзскiй торговый дворъ. Въ 1002 г. на Подолѣ за два мѣсяца умерло 7000 душъ и не чувствовалось никакого запустѣнiя. Въ эпоху Литовско Польскаго владычества Подолъ былъ заселенъ только украинскими мѣщанами, недозволявшими торговать здѣсь другимъ нацiональностямъ и сословiямъ. Среди мѣщанской торговой массы терялся даже козачiй элементъ: козацкiя поселенiя были дальше за Подоломъ въ нынѣшней Куреневкѣ, гдѣ находились козацкiе сторожевые „курени“. Что касается евреевъ, составляющихъ теперь главный процентъ населенiя Подола, то до XVIII в. ихъ здѣсь не было: такъ какъ еще въ XV в. право жительства евреямъ въ Кiевѣ и Каменцѣ-Подольскомъ было запрещено Литовско-Подольскимъ правительствомъ. Въ 1668 г. очутившiеся въ Кiевѣ евреи были выселены Алексѣемъ Михайловичемъ и въ 1727 г. опять „выведены всѣ безъ остатка“ распоряженiями мѣстной администрацiи. Въ 1792 г. еврейское населенiе Кiева едва достигало 73-хъ человѣкъ, среди коихъ были прiѣхавшiе для лѣченiя и иностранные подданные. Въ началѣ XIX в. евреи занимались въ Кiевѣ размѣномъ денегъ. Сюда они были выселены по проекту Княжнина изъ селъ. Бибиковъ отмѣнилъ еврейскую одежду, уничтожилъ кагалы, и запретилъ женщинамъ брить головы при выходѣ замужъ. Желавшiе держаться своихъ обычаевъ платили акцизъ.

Въ началѣ XVIII в. въ Кіевѣ поселяются греки, болгары, черногорцы, которые прибывали сюда большими партіями для колонизаціи запорожскихъ земель. Изъ нихъ былъ сформированъ въ Кіевѣ гусарскій полкъ, заявившій себя постоянными столкновеніями съ жителями и студентами Академіи; на мѣщанъ падала постойная повинность, сопровождавшаяся насиліями. Пришельцы брались также за торговлю, что еще больше вызывало недовольство жителей и магистрата, такъ какъ гусары предпочитали шинкарство, отнимая тѣмъ самымъ доходы магистрата. Это было разливное море: „Журба в шинку мед горілку поставцем кружляла". По сообщенію Яна Дуклана здѣсь можно было достать иностранныя вина, сладости, фрукты, варенья (первый сталъ приготовлять кіевское варенье въ XVII в. Францъ Андреасъ съ учениками).

Въ XVIII в. на Подолѣ было нѣсколько стекольныхъ, кожевенныхъ и другихъ фабрикъ и заводовъ; существовало шелковичное заведеніе; приготовлялось розовое масло, развивалось виноделіе. Въ 1707—1719 г. на Подолѣ были заведены правильныя „австеріи" или гостиницы съ ресторанами и картами и такія учрежденія, какъ театръ, почтовая контора и т. п.; зданія на Подолѣ были невзрачныя, въ большинствѣ случаевъ, мазаныя украинскія хаты (Эренстремъ, Лукьяновъ, Сегюръ) крытыя гонтой, при каждомъ домѣ былъ садъ. Садоводству благопріятствовало положеніе въ долинѣ, защищенной отъ вѣтровъ. Лерхе (XVII в.) сообщаетъ, что всѣ дома были съ номерами; улицъ было только семь— узкихъ и кривыхъ; дома были раскиданы въ безпорядкѣ, какъ въ украинскихъ селахъ; вмѣсто мостовыхъ, улицы были выстланы деревомъ; большой расходъ городъ несъ на содержаніе „водосточныхъ трубъ и фонтальныхъ колодцевъ", а также на освѣщеніе города, хотя, правда, фонари изъ за пожаровъ зажигались только въ торжественные дни. Въ такомъ состояніи Подолъ находился въ теченіе всего XVII—XVIII вѣка до послѣдняго пожара 1811 г., измѣнившаго его

обликъ и планъ; XIX-й вѣкъ внесъ также перемѣны въ этнографическій составъ населенія и въ родъ занятій жителей и ихъ управленіе, такъ какъ съ уничтоженіемъ козачества и магдебургскаго права свободные сдѣлались крѣпостными и были даны привилегіи великорусскому элементу, а также дарована возможность селиться и торговать на Подолѣ евреямъ. Благодаря этому отъ старыхъ купеческихъ фамилій--Балабухъ, Киселевскихъ, Лакердъ, Сухотъ, Барскихъ, Шеделей нынѣ не осталось ничего.

Церковь Рождества Христова. Если по Михайловскому подъему спустимся на Подолъ, то сразу очутимся на улицѣ, носящей названіе Боричева взвоза. Это наименованіе дано улицѣ недавно по причинѣ ошибочнаго отождествленія Михайловскаго подъема съ Боричевымъ взвозомъ, для чего основаніемъ послужили сообщенія старожиловъ, будто въ 1810 г. въ фундаментахъ расположенной здѣсь церкви Рождества Христова была найдена доска съ надписью о построеніи этой церкви на Боричевомъ взвозѣ. На самомъ дѣлѣ, Боричевъ взвозъ находился на мѣстѣ Андреевскаго спуска, а храмъ Рождества, стоящій нынѣ недалеко отсюда, на Александровскомъ спускѣ, не всегда былъ на этомъ мѣстѣ и совсѣмъ не древній. Хранящійся въ Кіевской Консисторіи „Фундаментъ доскональный и тестованный храму Рождества Христова“ основаніе этой церкви считаетъ современнымъ Выдубецкому и Михайловскому монастырямъ, но документъ этотъ поздній XVIII или XIX в. и, въ дѣйствительности, этотъ храмъ сталъ извѣстнымъ только съ XVI в. (упоминается въ описаніи замка); въ 1564 г. на его мѣстѣ послѣ пожара была построена новая церковь, изображенная на видѣ Кіева 1651 г. на гравьюрѣ Щирскаго 1691 г. и на планѣ Кіева 1695 г.; въ 1729 и въ 1744 г.г. она опять перестраивается и, наконецъ, въ 1809 г. заложена нынѣшняя церковь. Она однокупольная въ стилѣ ампиръ: на улицу выступаетъ 4-х—колоннымъ портикомъ; вокругъ алтаря тоже идутъ полуколонны, между которыми

въ рустованыхъ стѣнахъ устроены арочные пролеты оконъ и надъ ними круглыя окна 2-го свѣта. Куполъ перекрываетъ все зданіе; надъ колокольней высокій шпицъ съ крестомъ; съ сѣверо-востока къ церкви примыкаетъ придѣлъ св. Сергія Радонежскаго, построенный въ 1841 г. въ томъ же стилѣ, что и церковь. При рытьѣ фундаментовъ этой церкви было найдено кладбище, согласно старинному обычаю хоронить умершихъ въ храмѣ или подлѣ храма. Это кладбище, вѣроятно, служило для всего Подола, пока не было замѣнено новымъ на Щековикѣ. Внутри храмъ имѣетъ обычное убранство своего времени: строгій простолинейный, но благородный иконостасъ; напротивъ лѣваго клироса въ немъ указываютъ древній образъ св. Николая въ серебряной ризѣ и плащаницу съ датой 1545 г. (лѣто 7053), тканную шелкомъ съ изображеніемъ положенія Христа во гробъ въ присутствіи Божіей матери, Іоанна Богослова, Никодима, Іосифа, мироносицъ и ангеловъ. Это типичный памятникъ Буковинскаго искусства XVI в., сооруженный, какъ видно изъ надписи, Іоанномъ Логоѳетомъ при Молдавскомъ воеводѣ Петрѣ. Въ надписи плащаница названа аеромъ (ἀήρ), т. е. воздухомъ, отсюда свѣшивающіеся концы, какъ у воздуха; такія плащаницы въ старину въ качествѣ воздуха выносились на великомъ входѣ.

П р и с т а н ь и н а б е р е ж н а я. Отъ церкви Рождества за алтаремъ ея идетъ путь къ Днѣпровской пристани, а къ западу вдоль Александровскаго спуска начинаются торговые ряды. По пути къ пристани на поворотѣ къ Днѣпру достойно вниманія зданіе почтовой станціи, основанное въ 1854 г. на мѣстѣ древняго кладбища при Рождественской церкви. Зданіе въ классическомъ духѣ (Николаевской эпохи); фасадъ очень живой и красивый; подобныхъ по стилю домовъ не мало сохранилось вдоль всего Александровскаго спуска и на сосѣдней Крещатицкой набережной.

Набережная служитъ вмѣстѣ и пристанью. Отъ набережной внизъ, по теченію Днѣпра, идетъ набережное шоссе,

а раньше до 1700 г. здѣсь протекала Почайна, въ которой крестились кіевляне; противъ впаденія въ нее Крещатицкаго источника, Почайна поворачивала къ затопившему ее въ XVIII вѣкѣ Днѣпру.

Памятникъ крещенія. Крещатицкій источникъ вытекаетъ изъ яровъ, скрещивавшихся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ получаетъ свое начало улица Крещатикъ (хрещата долина); ученые XVII в. пріурочили къ нему крещеніе сыновей св. Владиміра (Коссовъ, Гизель); въ 1684 г. къ источнику былъ проложенъ мостъ, и на планѣ 1695 г. уже есть часовня; надъ источникомъ возвышалась крѣпостца „Скородумъ" (въ 1682 г. въ ней были казнены возмутившіеся московскіе стрѣльцы). Въ 1802 г., по случаю возвращенія Кіеву отнятаго было Магдебургскаго самоуправленія, Кіевскій магистратъ надъ источникомъ устроилъ нынѣшній памятникъ крещенія и установилъ ежегодно совершать къ нему торжественныя религіозныя и гражданскія процессіи, отчасти сохранившіяся и теперь въ крестномъ ходѣ 15 іюля. Памятникъ представляетъ собою обычную на Украйнѣ каплицу надъ источникомъ (криниця), но только надъ ней устроена высокая колонна тосканскаго ордена. При постройкѣ памятника было найдено серебряное изваяніе руки по локоть, что то державшей сжатыми перстами; оно хранилось въ магистратѣ и, вѣроятно, сгорѣло въ 1811 г. Отъ памятника по лѣстницѣ можно подняться къ Царской площади и Крещатику, откуда начинается Александровскій спускъ, но мы вернемся къ пристани, чтобы продолжать осмотръ Подола.

Александровскій спускъ. Александровскій спускъ главная улица Подола; онъ проведенъ въ 1843—49 г. на мѣстѣ Александровскаго яра, по которому шла дорога съ Подола на Печерскъ. Начиная отъ церкви Рождества Христова спускъ хорошо застроенъ и очень оживленъ; внѣшность его сохранила черты Николаевской эпохи. Такимъ въ началѣ XIX вѣка былъ весь Кіевъ. Тогда строили по канцелярскимъ рецептамъ, но еще жили претензіи на кра-

соту. Первая улица, пересѣкающая Александровскій спускъ, — Боричевъ взвозъ, а дальше идетъ Игоревскій переулокъ, называвшійся раньше Боричевой улицей. На этомъ переулкѣ, ближе къ Днѣпру, помѣщается ремесленное Александровское училище; домъ его принадлежалъ нѣкогда купцу Котляревскому, который отдавалъ его сначала подъ театръ, (XVIII в.), а потомъ подъ арестантскія роты. Это былъ первый Кіевскій театръ; до той поры театральныя представленія давались въ частныхъ домахъ и въ Академіи. Вообще же въ XVII - XVIII в. кіевляне не были прихотливы на удовольствія, пробавляясь у себя въ домахъ легкими польскими и украинскими пьесами, а то просто захожими арлекинами съ пестрой жердью и колокольчикомъ, учеными медвѣдями и странствующими фокусниками. Въ домѣ Котляревскаго въ свое время подвизался балетъ Морисъ-Піона и пріѣзжія труппы изъ заграницы. Отсюда театръ перешелъ въ постоянное зданіе, стоявшее на нынѣшней Царской площади.

Отъ ремесленнаго училища, вернувшись опять на Александровскій спускъ, идемъ къ слѣдующей Андреевской улицѣ, на углу которой сохранилось зданіе перваго Кіевскаго почтамта (20 е годы); зданіе это въ 1867 г. было подарено Кіевскому Филармоническому обществу, устраивавшему здѣсь концерты. Позже оно было продано и на вырученныя средства построена въ 1874 г. музыкальная школа, которая, впрочемъ, не была первой въ Кіевѣ, такъ какъ съ 1768 г. такая школа существовала при магистратѣ. Далѣе идетъ Борисоглѣбская улица и на ней церковь Рождества Предтечи, извѣстная въ народѣ подъ именемъ св. Бориса и Глѣба.

Борисоглѣбская церковь. О „Небеси Подобной" церкви Бориса и Глѣба не разъ сообщаютъ лѣтописи и прологи, указывающіе около этой церкви мѣсто крещенія кіевлянъ, расположившихся по теченію Почайны (нынѣшняго Днѣпра) до впаденія въ нее Крещатицкаго источника. Закревскій доказываетъ, что Борисоглѣбская церковь со-

ставляетъ одно и тоже съ лѣтописной Туровой божницей, т. е. церковью, построенной послѣ крещенія кіевлянъ какимъ то Туромъ, или вѣрнѣе—на мѣстѣ Турова капища (ср. Синопсисъ). Такъ какъ прологи XIII—XIV вѣка указываютъ въ Туровомъ мѣстѣ церковь св. Петра, то можно думать, что эта церковь первоначально была Петровской, т. е. была посвящена главному апостолу какъ и лѣвая апсида Софійскаго собора; потомъ, послѣ канонизаціи св. Бориса и Глѣба церковь эта, согласно прологамъ XV—XVI в., называется уже „святому мученику у Турова", или просто церковью Бориса и Глѣба. Вѣроятно она сдѣлалась патрональной церковью кого-либо изъ кіевскихъ князей, ибо оба эти святые сразу пріобрѣли огромную популярность какъ покровители династіи (въ XVII в. покровители Академіи), стали національными; уже въ XI в. ихъ иконы и житія ходили въ Византіи, (варіацію иконы Бориса и Глѣба, находившейся въ Царьградской Софіи, указываютъ въ Музеѣ Имп. Александра III), на Кавказѣ, въ Чехіи и др. странахъ; на ихъ мощахъ князья давали присягу; въ XII в. въ Испигасѣ въ Царьградѣ строится церковь этихъ святыхъ, а до той поры церкви имени этихъ святыхъ уже существовали на мѣстѣ ихъ кончины, въ Муромѣ, Рязани, Черниговѣ, Вышгородѣ. Въ Новгородской Нередицкой церкви ихъ изображенія попали въ алтарную апсиду. Церковь на Подолѣ была „небеси подобная", т. е. имѣла особую архитектуру и роскошное убранство. Въ 1482 г. эта церковь, сохранившаяся отъ временъ св. Владиміра или построенная вновь въ XII в., была разрушена татарами, но священникъ ея, захваченный въ плѣнъ, бѣжалъ и возстановилъ ее снова; въ обветшаломъ видѣ она просуществовала до 1790 г. когда и была упразднена. Вмѣсто нея осталась приписная къ ней Рождества Предтечи церковь, существовавшая съ 1602 г. рядомъ съ Борисоглѣбской на мѣстѣ костела, употребленнаго въ XIII вѣкѣ, какъ и развалины Вышгородской Борисо-Глѣбской церкви, на постройку Доминиканскаго кляштора (нынѣ Петропавловскій

храмъ); въ 1691 г. эта церковь была перестроена въ каменную казацкимъ кіевскимъ полковникомъ Григоріемъ Коровкою Вольскимъ; въ нее была перенесена въ 1790 г. утварь Борисоглѣбской церкви и въ 1802 г. пристроенъ отдѣльный придѣлъ въ честь тѣхъ же святыхъ. Пожаръ 1811 года не повредилъ этой церкви, поэтому она сохранила свою украинскую архитектуру, древнюю утварь, иконостасъ и нѣкоторые образа, сохранялась также и старая стѣнопись, но она теперь уничтожена, что особенно печально, такъ какъ роспись принадлежала двумъ извѣстнымъ кіевскимъ художникамъ начала XVIII в. — Федору Каминскому и Василію Романовичу. Сюжеты ея были взяты изъ Апокалипсиса и разныхъ символовъ. Нынѣшняя роспись тоже далеко стоитъ отъ новомоднихъ стѣнописныхъ шаблоновъ: въ росписи замѣтно проникновеніе въ сущность мѣстнаго искусства; художникъ откровенно приближается къ народному быту, изображаетъ украинскій пейзажъ, украинизуетъ одежды и типы святыхъ, онъ смотритъ къ Византіи, но хорошо видитъ также окружающее; роспись вполнѣ декоративна; орнаментація въ украинскомъ духѣ. Недалеко отъ Рождества Предтеченскаго храма, ближе къ Днѣпру, стояла Свято-Духовская церковь 1630 года, иконостасъ коей послѣ пожара 1811 г. переданъ въ Борисоглѣбскую церковь Братскаго монастыря, переименованную тогда же въ Свято-Духовскую.

Греческій монастырь. Возвращаемся опять къ Александровской улицѣ; слѣва на углу Александровской площади старый домъ, типичный образецъ Николаевскаго классицизма; направо, при выходѣ на Александровскую площадь Ильинской и Братской улицъ, расположенъ греческій монастырь. Его узнаемъ по высокой съ золотой главкой легкой бѣло-каменной колокольнѣ и по прижавшейся за стѣной небольшой церковкѣ съ единственнымъ барочнымъ куполомъ. Греки, строившіе этотъ храмъ, не внесли въ его устройство ничего своего. Они издавна стремились имѣть свой храмъ въ Кіевѣ, въ какомъ бы то ни было видѣ, но

Кіевскій магистратъ этому препятствовалъ. Только въ 1738 году греку Астаматію Стимати было позволено построить Екатерининскую церковь въ своей усадьбѣ; здѣсь и образовался греческій приходъ, переименованный потомъ (въ 1748 г.) въ греческій монастырь, зависимый отъ Синайской горы. При Екатеринѣ II, когда былъ поднятъ вопросъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы и образованіи Греческаго государства, Екатерининскому монастырю были даны угодья и зданія, принадлежавшія Кіевской католической каѳедрѣ. Пожаръ 1811 г. не коснулся греческаго монастыря, благодаря желѣзнымъ ставнямъ и нежеланію монаховъ принимать имущество погорѣльцевъ. Монастырь этотъ малый, уединенный; дворъ его тѣсный; стѣны храма мощныя, декорированыя барочными украшеніями; у дверей истертыя надгробныя плиты. Въ храмѣ крестовые своды и старые образа Каплуновской Божіей Матери (на право) и Рождества Христова (въ красивой рамѣ съ клеймами). Здѣсь же имѣется икона Тихвинской Божіей Матери великорусскаго письма, принесенная монастырю въ даръ сербскимъ полковникомъ Виктовичемъ, бывшимъ впослѣдствіи Кіево-Печерскимъ архимандритомъ; кіотъ ея прекрасной украинской рѣзьбы. Въ живописныхъ клеймахъ кіота изображена жизнь Пресвятой Дѣвы и на самомъ верху фигурка птицы, кормящей своею кровью птенцовъ; это столь любимый украинскимъ искусствомъ пеликанъ, о коемъ въ средніе вѣка на западѣ было составлено представленіе, что онъ разрываетъ клювомъ свою грудь, чтобы накормить дѣтей по образу Христа, напоящаго кровью вѣрующихъ. Другой кіотъ съ иконой Николая Чудотворца, тоже мѣстной рѣзьбы начала XVIII в. Внизу образа интересна колоритная сцена перенесенія мощей св. Николая, совершаемаго кардиналомъ; вверху Св. Троица, изобличающая любовь украинскаго искусства къ голому тѣлу. Въ притворѣ виситъ того же письма образъ св. Екатерины. Иконостасъ старый, подновленный; въ нижнемъ ярусѣ виды Синайской горы — образецъ стараго пейзажнаго искусства.

Стѣны тоже покрыты видами святыхъ мѣстъ (новыя). Въ монастырь раньше вела каменная ограда въ стилѣ имперіи; высокихъ зданій, закрывавшихъ ее, до послѣдняго времени не было. Колокольня имѣла иной видъ; на ней было только два этажа; нынѣшняя колокольня съ домами построена въ 1915 г. архитекторомъ Эйсснеромъ. Стиль ея обычный для Подола ампиръ; части ея не пропорціональны: верхній павильонъ слишкомъ вытянутъ и легокъ; но общая линейность и четкость этого стиля удержана. Пройдя черезъ площадь къ сѣверо-востоку, попадаемъ въ ворота замѣчательнаго въ исторіи Кіева Братскаго монастыря, или просто — Братства.

Братскій монастырь. Названіе Братскаго монастыря указываетъ на то, что онъ принадлежалъ Братству. Братство это обычная форма общественной организаціи въ старой Украйнѣ. Въ цѣляхъ взаимопомощи и солидарности въ какомъ либо дѣлѣ въ XVI—XVII в. устраивались братства ремесленныя (цехи), благотворительныя, погребальныя, студенческія, церковныя и т. п. Послѣднія имѣли особенное значеніе, такъ какъ благодаря имъ украинскій народъ смогъ отстоять свою національность. Такія братства православныя, уніатскія, а также и протестантскія давали возможность общими усиліями бороться съ латинствомъ, служившимъ въ рукахъ поляковъ орудіемъ полонизаціи. Эти братства въ противовѣсъ іезуитамъ имѣли свои школы, типографіи, имѣли у себя на услугахъ кадры художниковъ и архитектеровъ, собственныхъ публицистовъ и проповѣдниковъ, своихъ меценатовъ и ученыхъ; они смотрѣли за дѣйствіями духовенства, занимались благотворительностью, устраивали съѣзды, избирали и поставляли епископовъ, благодаря чему авторитетъ послѣднихъ стоялъ очень высоко. Такимъ было и кіевское братство (1588 г.); хотя оно появилось позже другихъ, за то сразу сумѣло привлечь къ себѣ всѣ украинскія силы; въ члены его записалось все Запорожское казачество съ гетманомъ Петромъ Сагайдачнымъ

и православное панство. Монастырь кіевскаго братства, основанный на землѣ, подаренной Гальшкой Гулевичъ, получилъ отъ Царьградскаго патріарха право ставропигіи (независимость отъ мѣстной дух. власти); учрежденная же при немъ школа стала центромъ украинскаго просвѣщенія.

Братскій монастырь нынѣ занимаетъ цѣлый кварталъ между Александровскою площадью, Набережно - Николаевскою, Ильинскою и Волошскою улицами; главный входъ въ него теперь обращенъ на Александровскую площадь, но первоначально онъ находился сбоку у нынѣшняго академическаго корпуса. Павелъ Алеппскій говоритъ, что эти ворота были украшены деревянными столбами съ рѣзьбою и на верху имѣли колокольню. За воротами стояла Благовѣщенская церковь (традиція, идущая отъ Золотыхъ воротъ), въ серединѣ монастыря—глазная церковь Богоявленія и въ—сѣверо-восточной части находилась трапеза съ мраморными колоннами.

Благовѣщенскую церковь Павелъ Алеппскій изображаетъ, какъ весьма просторную и высокую съ тремя куполами, столькими же входами и съ тремя галлереями. Очевилно, это былъ храмъ украинской архитектуры съ „опасанемъ". Внутри церковь имѣла „ambelon" со ступеньками для всхода на него (амвонъ посреди храма) и въ пресбитеріумѣ—прекрасное сѣдалище для главы духовенства. Храмъ этотъ вмѣстѣ съ другими изображенъ на видѣ Кіево-Подола 1651 года; онъ сгорѣлъ въ 1665 г. Соборная Богоявленская церковь была заложена въ 1620 году гетманомъ Сагайдачнымъ. Она находилась на мѣстѣ нынѣшней.

Соборная церковь. Сюда можно попасть черезъ ворота подъ колокольней; колокольня трехъярусная съ курантами. Нижніе этажи четырехугольные; верхній въ видѣ ампирнаго барабана съ куполомъ. Сооружена колокольня при митрополитѣ Щербацкомъ въ 1756 г. кіевскимъ архитекторомъ Стефаномъ Ковниромъ, строившимъ также колокольню на дальнихъ пещерахъ, по которой можно судить и

о первоначальномъ видѣ Братской колокольни, ибо она послѣ пожара 1811 г. сильно перестроена. Гетманы были главными покротителями Кіевскаго Братства и возобновителями кіевской старины. Соборъ Богоявленія, построенный въ 1695 г. гетманомъИ. Мазепой съ великолѣпіемъ, достойнымъ украсить богатѣйшій городъ, очень близокъ по архитектурѣ къ другому Мазепинскому собору св. Николая. Онъ огромный и массивный, какъ крѣпость—способный выдержать осаду. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ архитектурныхъ линіяхъ его запечатлѣнъ истинный характеръ барокко; чувствуется дыханіе могущественнаго и богатаго вѣка, — неукротимой энергіи, вызвавшей расцвѣтъ не только кіевской архитектуры, но и живописи и всѣхъ другихъ отраслей искусства. Украинскій художникъ составныя формы искусства барокко лишилъ экстаза, упростилъ и приблизилъ къ величавой красотѣ ренессанса. Богоявленскій храмъ имѣетъ въ планѣ форму вытянутаго креста, съ тремя апсидами на востокѣ и двумя фасадными башнями съ ходами на хоры, которымъ соотвѣтствуютъ еще 2 купола надъ боковыми апсидами; въ центрѣ храма возвышается пятый куполъ; всѣ перекрытія этихъ башенъ послѣ пожара 1811 г. были передѣланы, Внѣшнія стѣны храма вверху имѣютъ фронтоны; поверхность стѣнъ декорирована мощными пилястрами очень сложнаго красиваго рисунка съ замысловатыми капителями и лѣпкой, брошенной очень удачно, надъ порталами. Мотивомъ украшеній служатъ разорванные фронтоны на колоннахъ, испещренныхъ рѣзьбой въ видѣ виноградной лозы; надъ ними ангелы, держащіе корону—особенно пышный видъ они имѣютъ надъ западнымъ входомъ. Въ лѣпныхъ узорахъ этого портала нѣтъ ни одной прямой линіи; всѣ онѣ изогнуты и волнуются. Фронтоны на западной и боковыхъ стѣнахъ собора, кромѣ лѣпки, въ которой до 1709 г. красовался гербъ Мазепы, украшены также живописью.

Внутри храмъ полонъ воспоминаній о казацкой эпохѣ. Здѣсь подъ поломъ у южной стѣны на половинѣ ея протя-

женія указываютъ мѣсто погребенія гетмана Сагайдачнаго, который первый далъ прочную организацію казачеству; онъ прославился своими походами въ Турцію, Крымъ и въ Москву во время смутъ. Этотъ гетманъ заботился о просвѣщеніи; онъ же возстановилъ въ Кіевѣ православную іерархію послѣ того, какъ вся она отпала въ унію. Онъ поставилъ на ноги и кіевское братство, привлекши къ нему всѣ сознательные украинскіе элементы. Смерть Сагайдачнаго въ 1622 г. оплакивалась всѣми, а особенно облагодѣтельствованными имъ студентами братской школы. Надъ гробомъ его 20 студентовъ произносили стихи, а студентъ Саковичъ составилъ эпитафію къ портрету покойнаго, помѣщенному въ рѣдкой книжкѣ „На жалостный погребъ Его милости Гетмана Сагайдачного“ (Кіевъ 1622 г.). Надо думать, что портретъ этотъ висѣлъ по обычаю того времени на знамени надъ могилою гетмана въ основанной имъ первой Богоявленской церкви. Иконостасъ Богоявленской церкви послѣ пожара 1811 г. сдѣланъ новый, въ стилѣ имперіи; стройная линейность и симметрія его неспособны слиться съ буйной архитектурой храма; въ немъ сохраняется надъ царскими вратами тотъ самый кипарисный крестъ, которымъ Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ утвердилъ ставропигію кіевскаго братства. Этотъ крестъ молдавской работы 1600 г. Онъ имѣетъ 6-конечную обычную для украинскаго и зависѣвшаго отъ него молдаво-валашскаго искусства форму, но съ двумя развѣтвленіями у рукоятки, означающими процвѣтеніе; въ немъ 32 рѣзныхъ изображенія Страстей и праздниковъ. Страсти—это сюжетъ въ XVI в., распространенный въ нѣмецкомъ искусствѣ, гдѣ цвѣла и рѣзьба по дереву.

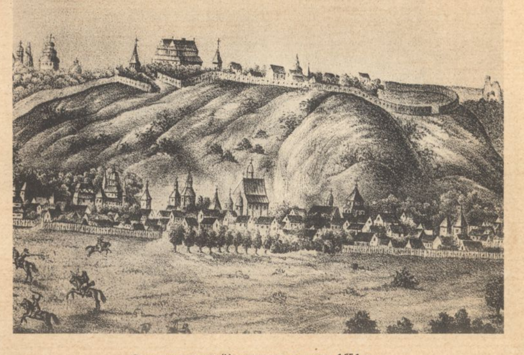
Посрединѣ храма у средняго праваго столба находится чудотворный, очень популярный въ XVII—XVIII в. образъ Братской Божіей Матери. Онъ украинскаго письма XVII в. въ обычномъ типѣ намѣстныхъ иконъ и происходитъ изъ иконостаса Вышгородскаго храма, разрушеннаго польско-литовскими войсками въ 1651 г. Исторія прибытія этой

иконы изъ Вышгорода разсказана на интересномъ гравированномъ изображеніи ея, сдѣланномъ извѣстнымъ кіевскимъ граверомъ XVII—XVIII в. Илларіономъ Мигурою, который годъ появленія иконы въ Братскомъ монастырѣ считаетъ 1654 г. Икона приплыла по Днѣпру и была извлечена оттуда монахами, поспѣшившими на зовъ татарина, ухватившагося за икону, чтобы переплыть Днѣпръ. Икона нынѣ сильно переписана, но старыя гравюры даютъ понять, что черты рисунка неизмѣнены. У столба съ лѣвой стороны такая же испорченная реставраціей старая икона св. Николая. Въ ризницѣ храма можно видѣть 8-конечный серебряный съ гравированными Распятіемъ и Крещеніемъ крестъ съ надписью о томъ, что онъ принадлежалъ гетману Сагайдачному („Дал сей крест 1622 року Петръ Конашевичъ Сагайдачный до церкви Св. Богоявления Господня въ дом Братской за отпущеніе гріховъ своїхъ"). Крестъ кромѣ священныхъ изображеній имѣетъ орнаментные разводы въ стилѣ ренессансъ, свидѣтельствующіе о томъ, что украинское искусство не сразу перешло къ стилю барокко, но пережило и вліянія возрожденія.

При выходѣ изъ храма у праваго столба стоитъ серебряная гробница съ частицами мощей разныхъ святыхъ. Эта гробница является памятникомъ кіевскаго ювелирнаго искусства XYIII в.; она замѣчательна рельефными украшеніями передней доски, изображающими виды Лавры и какое то событіе изъ исторіи.

Богослужебные обряды. Службы въ Богоявленской церкви очень благолѣпны и торжественны. Особенно интересна учрежденная митрополитомъ Петромъ Могилой служба пассій (passio — страданіе) въ честь страстей Господнихъ, совершаемая по пятницамъ Великаго поста въ эффектной обстановкѣ. Обрядъ этотъ совершается во всѣхъ кіевскихъ храмахъ, но не вечеромъ, какъ въ Братскомъ монастырѣ, а утромъ передъ литургіей. Онъ состоитъ въ чтеніи страстныхъ Евангелій на амвонѣ и пѣніи стихиръ страст-

ной седмицы и—проповѣди. Петръ Могила ввелъ въ обиходъ украинской церкви много другихъ обрядовъ, уничтоженныхъ по недоразумѣнію, какъ неправославные (вмѣстѣ съ украинскимъ языкомъ), послѣ возсоединенія украинской церкви съ московской патріархіей; обряды эти во многихъ случаяхъ еще соблюдаются духовенствомъ и народомъ, несмотря на то, что помѣщеніе ихъ въ новыхъ богослужебныхъ книгахъ воспрещено. Таковы особый чинъ исповѣди передъ Богомъ, Пресвятой Дѣвой, Ангеломъ хранителемъ и всѣми святыми, крещеніе черезъ обливаніе, елеосвященіе, какъ напутствіе въ загробную жизнь, выводъ невѣстъ, вводъ священнослужителя въ „посіданіе" храмомъ, чинъ братотворенія и мн. др. — на всякую потребу; кромѣ того, совершеніе литургіи и другихъ службъ имѣло свои особенности: на литургіи на маломъ входѣ и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ іерей, показывая Евангеліе народу, говоритъ: „Христосъ среди насъ", на что ему отвѣчаютъ: „былъ, есть и будетъ"; на великомъ входѣ и послѣ причастія св. Дары полагаются на головы вѣрующихъ; при совершеніи Евхаристіи въ Вел. постъ звонятъ въ колокольчикъ; во время пѣнія причастнаго предстоящіе испрашиваютъ другъ у друга прощенія; молящіеся въ разные моменты службы держатъ въ рукахъ огромныя свѣчи. На всенощной во время „Хвалите имя Господне" въ храмѣ движется процессія, возглавляемая священникомъ съ преднесеніемъ впереди трикирія; начальныя слова всенощной „востаните" произносятся старшимъ церковнымъ братомъ, а „слава тебѣ показавшему свѣтъ"—діакономъ; послѣ отпустовъ преподается благословеніе. На панихидѣ совершается поднесеніе хлѣба (а въ старину существовалъ обрядъ вознесенія св. Даровъ на вечернѣ). Въ великіе праздники кажденіе всего храма совершается такимъ образомъ, что іерей выходитъ лѣвой стороной изъ алтаря и окадивъ лѣвую половину иконостаса идетъ на середину храма до входныхъ дверей и по пути кадитъ народъ, потомъ, возвращаясь къ алтарю, кадитъ народъ справа и правую

Замковая гора (Киселевка) по рис. 1651 г.

Порталъ Собора въ Братскомъ монастырѣ.

половину иконостаса; звонъ къ службамъ бываетъ обыкновенно въ одинъ колоколъ, кромѣ свѣтлой седмицы, когда звонятъ только во всѣ звоны: на литургіи и на всенощной звонятъ къ шестопсалмію, къ „Величитъ душа моя", къ „Вѣрую", къ страстнымъ и пасхальнымъ Евангеліямъ (послѣднимъ послѣ каждаго стиха); въ траурныхъ случаяхъ и въ Великій постъ одѣваются черныя ризы и кладутся страстныя иконы въ иконостасъ, а равно подвѣшиваются, мѣдныя лампады и зеленыя свѣчи; на Страстной седмицѣ обносятъ плащаницу въ пятницу на вечернѣ; ее несутъ и въ крестномъ ходѣ въ день св. Пасхи; въ день Воздвиженія совершается во всѣхъ храмахъ полный обрядъ воздвиженія креста; въ недѣлю Вай — шествіе съ ваіами въ храмъ и мног. друг. обряды. Въ Братскомъ монастырѣ шествіе съ ваіями бываетъ особенно торжественнымъ: передъ вечерней субботы воспитанники всѣхъ духовныхъ учебныхъ заведеній собираются въ духовную семинарію, гдѣ совершается освященіе вербъ и оттуда съ ваіами и святыми иконами вмѣстѣ съ духовенствомъ идутъ въ Братскій монастырь съ пѣніемъ „Днѣсь благодать". Потомъ послѣ пѣнія „Воспойте людіе благолѣпно въ Сіонѣ" совершаютъ вечерню.

Академія. По выходѣ изъ соборнаго храма Богоявленія останавливаемся у сѣверной стороны его и осматриваемъ старый Мазепинскій корпусъ Кіевской академіи, на мѣстѣ котораго до 1695 г. стояла маленькая церковь. Исторія этого учрежденія и значеніе его велики. Сначала это была просто братская школа съ преобладаніемъ греческаго образованія, которое стояло въ ту пору неособенно высоко, но со времени Петра Могилы школа была преобразована въ коллегію по образцу піарскихъ и іезуитскихъ школъ. Могила хотѣлъ поставить православіе подъ защиту западной науки, что вызвало на первыхъ порахъ (за приверженность къ социніанству) недовольство кіевскаго общества и казаковъ, но потомъ, когда Могила, сдѣлавшись митрополитомъ, поставилъ школу на твердую почву и снабдилъ ее

подходящими наставниками, за его коллегіей упрочилась добрая слава. Коллегію Могила думалъ было переименовать въ академію, но польское правительство не разрѣшило. Тѣмъ не менѣе коллегія и въ такомъ видѣ сдѣлалась разсадникомъ просвѣщенія на всемъ Востокѣ. Послѣ Богдана Хмельницкаго гетманъ Иванъ Выговскій, разорвавшій союзъ съ Москвой, исходатайствовалъ Кіевской коллегіи равныя права съ краковскимъ университетомъ, а въ 1701 году русское правительство признало ее академіей. Во время казацкихъ войнъ академія не разъ испытывала разрушенія. Такъ было въ 1648, 1658, 1665 г. и др. Варлаамъ Ясинскій и гетманъ Мазепа подняли зданія академіи и монастыря изъ упадка и положили начало періоду процвѣтанія кіевскаго просвѣщенія. Эпоха митрополита Заборовскаго (половина XVIII в.) особенно была славной въ исторіи академіи; онъ надстроилъ корпусъ Мазепы, улучшилъ положеніе учащихъ и учащихся, ввелъ новые предметы, устроилъ огромный конгрегаціонный залъ и конгрегаціонную церковь. Въ 1763 г. гетманъ Розумовскій думалъ преобразовать ее въ университетъ, однако, съ ограниченіемъ украинской гражданской и церковной автономіи, академія стала приходить въ упадокъ, свобода преподаванія была стѣснена; имущество академіи было отчуждено, а частью погибло въ пожарѣ 1780 г. Наконецъ, въ 1786 г. Екатерина II предписала академіи быть при Лаврѣ, а помѣщенія академіи обратить въ госпиталь; заступничество гр. А. Румянцева и митрополита Самуила Миславскаго спасло академію, но не надолго; въ 1817 г. она таки была упразднена — и только черезъ два года, когда были введены новые штаты и уставы для духовныхъ школъ, была учреждена въ Кіевѣ вмѣсто общеобразовательной и общесословной „духовная академія", влачащая и нынѣ свое жалкое существованіе. Старая академія была очагомъ самой разносторонней образованности; ей подчинены были во всей Украйнѣ болѣе низкія школы и во всѣхъ большихъ городахъ она имѣла свои филіи (въ Черниговѣ, Винницѣ и

т. д.). Число ея студентовъ исчислялось тысячами; въ стѣнахъ ея воспиталось много просвѣщенныхъ и великихъ людей—гетмановъ, іерарховъ, дипломатовъ, полководцевъ, ученыхъ, писателей, художниковъ.

Служа самымъ разнообразнымъ интересамъ, академія въ теченіе всего XVII—XVIII в. доставляла Русскому Государству необходимыхъ дѣятелей, благодаря чему великорусская культура впитала въ себя много украинскихъ чертъ, начиная съ церковно-богослужебнаго языка, который даже въ столицахъ имѣлъ украинское произношеніе, и кончая пѣніемъ, музыкой, театромъ, живописью; грамматика, богословіе, формы шатровой архитектуры, одежда архіерейскихъ пѣвчихъ, развлеченія придворной жизни, литературный языкъ и научная терминологія, легшіе въ основу русской науки и культуры,—все это въ значительной мѣрѣ было принесено украинскими дѣятелями—воспитанниками кіевской академіи. Но особенно велико было значеніе академіи для украинской культуры; здѣсь получилъ свое начало національный украинскій театръ; школярамъ приписывается созданіе казацкаго эпоса (думы), украинской музыки, развитіе и направленіе по опредѣленному пути украинской живописи и другихъ искусствъ – а главное, популяризація этого искусства (странствующими бакалярами) и наукъ въ широкихъ массахъ, бывшихъ назадъ тому 300—200 лѣтъ несравненно культурнѣе теперешняго забитаго и невѣжественнаго, благодаря обрусѣнію, населенія Украйны. Правда, просвѣщеніе велось въ религіозномъ духѣ, но иначе и быть не могло:—вся національная жизнь сосредоточивалась около церкви, около защиты своего (православнаго и уніатскаго) обряда отъ латинства; за то самый этотъ обрядъ получилъ выработанныя законченныя формы, имѣвшія прочное богословское обоснованіе. Богословскія системы укладывались по западному образцу; было взято многое отъ протестантства, (пригодное для борьбы съ католичествомъ) и отъ католичества, напр., ученіе о таинствахъ (православные первоначально имѣли только прича-

щеніе, священство и крещеніе), ученіе о пресуществленіи даровъ, о чистилищѣ, о непорочномъ зачатіи. — Студенческое братство посвящено было непорочному зачатію Богородицы.

Въ академіи обучались не только православные, но и уніаты; въ одномъ только Кіевѣ число студентовъ было не меньше 1000 чел. Въ спискахъ студентовъ XVIII в. можно найти представителей множества нынѣ существующихъ на Украйнѣ дворянскихъ и недворянскихъ фамилій. Для довершенія образованія многіе отправлялись за границу, иногда безъ всякихъ средствъ умудрялись исходить всю Европу и побывать въ нѣсколькихъ университетахъ (таковы были Давидъ Сухозагнитъ, Барскій, Сковорода и др.), пополняя познанія, полученныя въ академическихъ классахъ грамматики, инѳимы, піитики, риторики, философіи, богословія.

Организація академіи. Студенты академіи имѣли своеобразную организацію. Они были объединены въ братства или конгрегаціи. Петръ Могила раздѣлилъ студентовъ на двѣ конгрегаціи высшую (Sodales majoris Congregationis) изъ богослововъ и философовъ и низшую (Sodales minoris Congregationis) и устроилъ для нихъ особую церковь Бориса и Глѣба, которыхъ студенты считали своими покровителями (учебники начинались обращеніемъ къ Борису и Глѣбу). Кроковскій далъ конгрегаціямъ новое названіе „Общества Маріи“ (Sodales Mariana), раздѣленнаго на братство зачатія Богородицы и братство Благовѣщенія; обѣ конгрегаціи съ особой торжественностью избирали себѣ префектовъ; префектъ ходилъ со своими секретарями; студенты имѣли свой судъ и управленіе; каждый содалистъ вступалъ въ общество по особому обѣщанію (текстъ его сохранился въ Софійской библіотекѣ). Содалисты выступали солидарно въ религіозныхъ процессіяхъ, канонизаціяхъ святыхъ, на отпустахъ и т. п. съ рѣчами, знаменами (съ изображеніемъ Минервы съ совой), носилками. Учебная жизнь налаживалась самими студентами—для побужденія къ занятіямъ у

нихъ были свои сенаторы, сеньоры, цензоры (смотрѣли за поведеніемъ), декуріоны (слѣдили за тишиной), авдиторы (выслушивали товарищей), авдиторы авдиторовъ (выслушивали самихъ авдиторовъ), императоры (лучшіе студенты; ихъ остальные привѣтствовали), диктаторы (выдающіеся въ своихъ занятіяхъ — сидѣли у каѳедры профессора). Студенты носили однообразный уборъ, описанный у Тимковскаго и изображенный на гравюрахъ Щирскаго 1691 г. и Левицкаго 1737 г. Этотъ уборъ частію сохранился въ костюмахъ нынѣшнихъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Въ будничные дни онъ состоялъ изъ жупана желтаго или голубого цвѣта, а въ праздничные дни поверхъ жупана одѣвалась бѣлая керея (мантія), застегнутая фибулой. Въ 1804 г. былъ узаконенъ иной костюмъ — кирпичный козакинъ съ малиновымъ воротникомъ, тотъ самый, который фигурируетъ у бурсаковъ Гоголя.

Студенчество жило бѣдно. Одни изъ нихъ помѣщались въ бурсѣ (общежитіе), которая находилась на Крещатицкой набережной на углу Никольско-Набережной улицы, другіе же добывали себѣ средства для существованія, нанимаясь на нѣкоторое время учителями и дьяками, а то просто составляли оркестры, хоры и подвижныя труппы и тѣмъ зарабатывали себѣ пропитаніе. Путешественниковъ не разъ поражало пѣніе псалмовъ, раздававшееся по Кіеву послѣ захода солнца—то пѣли студенты, зарабатывая себѣ пропитаніе; часто ихъ приглашали пѣть во время банкетовъ (см. у Контарини) и магистратскихъ церемоній. Студенты занимались также писаніемъ портретовъ и иконъ и давали театральныя представленія. Въ классахъ піитики и риторики такія представленія были обязательны такъ же, какъ публичные диспуты у „философовъ“ и „богослововъ“. Давались обычно драмы несложнаго религіознаго характера изъ трехъ актовъ—причемъ нѣкоторыя дѣйствія не изображались, а разсказывались, вводились хоръ и танцы. Послѣ изданія учебника Ѳеофана Прокоповича такія драмы имѣли уже 5 дѣйствій. Драмы эти, какъ доказано проф. Петро-

вымъ, не были переводными; постановками вѣдали спеціальные мастера (напр., Чижинскій въ 1675 г.), придумывавшіе декораціи и т. п. Въ иныхъ случаяхъ сказывается зависимость отъ этихъ театральныхъ постановокъ украинскихъ иконъ и особенно свѣтскихъ картинъ въ родѣ изображеній казака Мамая и др., имѣющихъ подписи, взятыя изъ драмъ (Довгалевскаго и т. п.).

Празднества. Печать особой прелести и хитроумности лежитъ въ описаніяхъ разныхъ празднествъ, какія придумывали кіевскіе студенты по случаю посѣщенія Кіева знатными людьми, напр., къ пріѣзду Елизаветы Петровны ими были устроены машины, при посредствѣ которыхъ удивительныя явленія потѣшали императрицу: за городъ выѣзжалъ важный старикъ въ коронѣ; колесницей его былъ божескій фаэтонъ, запряженный двумя пегасами. Старикъ, олицетворявшій Кія — основателя города, привѣтствовалъ государыню у Днѣпра и просилъ ее въ свое наслѣдіе („Исторія Руссовъ"). Устраивались разныя диковинныя зрѣлища, арки, фейерверки, автоматы, произносились ораціи (рѣчи). Ораціи, подъ вліяніемъ академіи въ XVII в., вошли въ обычай у кіевлянъ, а черезъ нѣкоторое время стали раздаваться въ Москвѣ. На этой почвѣ возникла въ Кіевѣ спеціальная панегирическая литература, достигшая въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. необычайнаго богатства. Панегирики, приправленные классицизмомъ, нарочно преподававшимся въ академіи (подъ видомъ миѳологіи), усердно подносились извѣстнымъ и малоизвѣстнымъ людямъ. Знатность рода, древность, дѣянія предковъ и самого восхваляемаго составляли содержаніе панегириковъ, а въ основу клался, главнымъ образомъ, фамильный гербъ, эмблемы котораго (клейноды) прославлялись риторическими хитросплетеніями съ греческими и римскими миѳологическими прикрасами. Составлялись цѣлые сборники похвальныхъ виршей и словъ (Εὐχαριστήριον Петру Могилѣ, Phenix redvivius въ честь Барановича и др.), дававшіе ихъ авторамъ доходъ и славу.

Диспуты. Одной изъ особенностей академическаго быта являются публичные студенческіе диспуты. Въ назначенный день важнѣйшіе кіевскіе сановники и окрестные державцы, получившіе приглашеніе на диспутъ рано утромъ, отправлялись въ Лавру, гдѣ еще съ вечера находился митрополитъ. Каждый посѣтитель выискивалъ себѣ лучшій экипажъ и выѣзжалъ на столькихъ лошадяхъ, сколько было присвоено его рангу. Поѣздъ трогался по направленію къ Подолу и такъ растягивался, что, когда голова его показывалась на нынѣшней Александровской горѣ, конецъ еще находился въ Лаврѣ. Въ эту минуту во всѣхъ церквахъ на Подолѣ начинался звонъ. Братскій монастырь былъ разукрашенъ цеховыми знаками и окруженъ массами народа. Громкій гимнъ 2-хъ академическихъ хоровъ встрѣчалъ подъѣзжавшаго къ воротамъ митрополита, а одинъ изъ студентовъ привѣтствовалъ его рѣчью; въ залѣ, куда входилъ митрополитъ и посѣтители, оркестръ игралъ маршъ и начинались привѣтствія на разныхъ языкахъ въ стихахъ и прозѣ и только послѣ окончанія ихъ посѣтители усаживались; знатнымъ гостямъ вручали разрисованные листы съ „конклюзіей" (программой) диспута; такіе же огромные листы вывѣшивались на воротахъ академіи для оповѣщенія интересующихся обывателей, и жители, съ особымъ уваженіемъ смотрѣвшіе на своихъ ученыхъ, толпами спѣшили внимать имъ. Во всемъ блескѣ диспуты существовали до 1783 г., но были въ практикѣ еще и въ началѣ XIX вѣка (Измайловъ). Разрисованные тезисы, вручавшіеся посѣтителямъ, дошедшіе до насъ въ довольно значительномъ количествѣ, представляли собою родъ огромныхъ афишъ, печатанныхъ большею частью на дорогихъ матеріяхъ. Обычное содержаніе ихъ рисунковъ миѳологическое: студенты предводительствуемые Аѳиной Палладой (Минервой) съ знаменемъ, имѣющимъ изображеніе совы (тезисъ Щирскаго 1691 г.), Pater Patriae гетманъ Мазепа среди добродѣтелей (тезисъ Мигуры 1705 г.). или среди добраго и худого правленія (тезисъ Галаховскаго);

портреты ректоровъ и митрополитовъ (тезисы Левицкаго 1738 г., Зубрицкаго), академическія зданія (Щирскій) и др.

Въ 1693 г. Варлаамъ Ясинскій ходатайствовалъ объ открытіи въ академіи типографіи для печатанія книгъ школьныхъ и тезисовъ „въ нихъ же юность любомудренная разумъ свой изощряетъ". Такая типографія, дѣйствительно, была учреждена позже при Лаврской печатнѣ, но вопросъ о томъ, дѣйствительно ли она помѣщалась въ Лаврѣ не рѣшенъ. Остаются не рѣшенными и многіе другіе вопросы, напр., объ отношеніи студентовъ къ выполненію своего воинскаго долга передъ отечествомъ, къ монашеству и т. п. Ясно только, что подъ студенческимъ кунтушемъ всегда билось горячее казацкое сердце, которое влекло на Запорожье, къ браннымъ подвигамъ: Многіе находили, что лучше „подъ Марсовымъ, нежели подъ Минервы знаменіемъ работати".

Художественная сторона образованія. Не разработанъ также вопросъ объ эстетической сторонѣ образованія въ Кіевской академіи: множество данныхъ, начиная съ разрисованныхъ и гравированныхъ тезисовъ и кончая живописными картинами академическаго музея, писанными студентами, свидѣтельствуютъ о томъ, что на эту сторону воспитанія обращалось большое вниманіе и, дѣйствительно, даже сохранившіяся до насъ школьныя пособія сплошь разрисованы орнаментами и разными изображеніями; цѣлый рядъ выдающихся художниковъ и граверовъ (Левицкій, Головачевскій, Антроповъ, Мигура, Зарудный, Галаховскій, Щирскій, Тарасевичъ...) отсюда вынесли свои художественныя познанія; правда, оффиціальное преподаваніе рисованія и архитектуры было введено въ академіи только во второй половинѣ XVIII вѣка, но въ академіи велось частное обученіе и была художественная лавка, которой вѣдали итальянцы изъ Ломбардіи (продавались матеріалы и руководства для живописи и рисованія и эстампы). Основаніе первыхъ

художественныхъ школъ на сѣверѣ было поручено бывшимъ воспитанникамъ академіи (въ Троице-Сергіевской Лаврѣ).

Въ академіи также давалось систематическое музыкальное образованіе: съ начала XVII вѣка тамъ процвѣтало партесное пѣніе на 4, 5, 6 и 8-голосовъ, съ цѣлью противодѣйствія „солодкимъ звонамъ музычныхъ органовъ" католиковъ. Въ XVIII вѣкѣ это воспитаніе зиждилось на Бахѣ и Палестринѣ. Академическій оркестръ былъ самый лучшій въ Кіевѣ. Многіе изъ студентовъ въ качествѣ пѣвчихъ, оперныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ нерѣдко попадали ко двору и дѣлали большую карьеру. (Разумовскій, Бортнянскій, Ведель и др.).

Ноты, книги, художественные матеріалы доставались здѣсь же на Подолѣ въ самой академіи (имѣлись связи съ Лейпцигомъ) и у торговцевъ. Библіотека академіи представляла выдающееся по выбору собраніе книгъ. Для выписки книгъ находился при академіи комиссіонеръ, а въ торговыхъ рядахъ вблизи академіи помѣщался антикваръ, скупавшій и продававшій рѣдкія книги. Любители книгъ, какъ напр., протоіерей Леванда, охотно платили за книги въ академію и частнымъ торговцамъ, которыхъ въ Кіевѣ было нѣсколько изъ иностранцевъ (Гарбутъ, Глюксбергъ) и изъ мѣстныхъ купцовъ (Щепанскій, Лапицкій—его торговля потомъ перешла къ извѣстному Литову, нынѣ Оглоблину). Одна изъ книжныхъ лавокъ въ XVIII в. имѣла надпись: „Cabinete de lecture".

Академическій корпусъ. Сохранившееся старое зданіе академіи построено Мазепой, а нѣкоторые думаютъ, что въ альбомѣ Вестерфельда (1651 г.) сохранился видъ и первоначальнаго, т. е. Могилянскаго зданія. Зданіе Мазепы первоначально было одноэтажное, массивное съ 2-мъ деревяннымъ этажомъ (уцѣлѣлъ проектъ). Раф. Заборовскій задумалъ перестройку зданія въ томъ видѣ, въ какомъ оно изображено на тезисѣ Щирскаго 1713 г., но дѣйствительная перестройка, сдѣланная Шеделемъ, была выполнена по дру-

гому проекту (тезисъ 1731 и 1739 г.) Шедель изъ зданія Мазепы въ 1735 г. создалъ прекрасный дворецъ съ арками и галлереями внизу, ложами й башней на верху; въ высоту обоихъ этажей зданіе имѣло тосканскую колоннаду, которая объединяла оба этажа. Колоннада эта типична для творчества Шеделя, пріѣхавшаго изъ Гамбурга и кончившаго жизнь украинскимъ помѣщикомъ. Она была уничтожена въ 1863 г. вмѣстѣ съ башней; двойныя кровли были перестроены. Слѣды галлереи замѣтны и теперь. Весь первый этажъ зданія былъ занятъ въ академіи низшими классами и аудиторіями, а во второмъ этажѣ въ западномъ концѣ корпуса помѣщалась „философія" и въ восточномъ—„богословіе" и конгрегаціонная церковь Благовѣщенія; между ними конгрегаціонный залъ. Стѣны внутри имѣли роспись (кн. Долгоруковъ): залъ былъ наполненъ портретами благотворителей академіи и бюстами древнихъ „языческихъ мудрецовъ". Въ другихъ мѣстахъ были размѣщены аллегорическія картины—надъ дверьми философскаго класса миѳъ о Фаэтонѣ, низвергнутомъ на землю за то, что хотѣлъ поревновать солнцу (образъ философіи падающей въ своихъ пытливыхъ системахъ); надъ дверьми Богословія—Аполлонъ съ лирой и двое юношей, изъ коихъ одинъ глядитъ на солнце и взоръ его темнѣетъ (такъ глядитъ язычникъ и атеистъ на Бога), а другой рядомъ съ нимъ наводитъ на солнце трубу и видитъ его безъ помѣхи—(вѣра).

Въ настоящее время старый корпусъ занятъ музеемъ церковно-археологическаго общества (нижній этажъ) и академической библіотекой.

Музей Академіи основанъ изъ картинъ, книгъ и предметовъ, оставшихся отъ старой Академіи, начало собиранію которыхъ было положено еще въ XVII ст. Счастливая мысль объ устройствѣ нынѣйшняго музея принадлежитъ проф. Н. И. Петрову, трудами коего старое собраніе было упорядочено и расширено до размѣровъ огромнаго учрежденія, хранящаго въ себѣ безцѣнные памятники древностей и искусствъ

разныхъ эпохъ, но, главнымъ образомъ,—стараго искусства Украины (XVII—XVIII в.).

Въ I-мъ залѣ музея собраны древности первобытныя и историческія изъ Россіи и Востока. Египетская мумія, фигурки Египетскихъ боговъ (Озирисъ, Изида съ младенцемъ Горомъ, символы Гора—копчики, свящ. быкъ Аписъ, свящ. змѣя—Урей, сфинксы и друг.), статуэтки фараоновъ и мумій. Нѣкоторыя изъ нихъ эллинистическія, т. е. носятъ на себѣ черты классическаго искусства (№ 47. 49. 50); витр. II. Моавитскія и финійскія древности (надписи, идольчики); витр. IV — Кипрскія древности (фиг. Изиды съ младенцемъ, венера Кипрская, женщины въ неприкровенныхъ позахъ, сосуды...); витр. V: греческіе архаическіе черепки, обломки мраморн. архаич. статуй, оттиски камней, куски мозаикъ и надписей, фаллы...; витр. VII: древности греческихъ колоній на югѣ Россіи (сосуды, черепки, надписи, статуэтки эпохи около Рожд. Христова) и скиѳскія (предметы вооруженія, черепки); витр. VIII—X первобытныя древности бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, остатки костей допотопныхъ животныхъ; XII - козацкое знамя XVIII в. съ изображеніемъ козака и арматуры на одной сторонѣ и руки съ крестомъ на другой. XIII. Древности г. Кіева: бляха съ изображен. Петра В. отъ герба, висѣвшаго на старой Кіевской ратушѣ, рукописные планы Кіева 1713—1745 г.г., гравированные планы 1638 г., черепки изъ разныхъ концовъ Кіева, глинян. кафли, обломки стекла, чертежи погребовъ по Срѣтенской ул., панцыръ XV в. (Литовской эпохи), зеркало XVII в. XIV—кресло (к. XVIII в.) изъ Старой Академіи; XVI—Еврейскія древности и принадлежности современн. еврейскаго культа (стеклян. флаконы, свѣтильни, свитки Торы, Мизрока и молитвъ, портреты раввиновъ, трубка и пальма, употребляемыя въ праздники кущей и трубокъ и т. п.): XVII—XX—предметы культа ламаитовъ: гравированныя изображенія Будды, Брамы (№ 1903), Рамъ (1905—6), демоновъ (1907—8), бурханы (1915), оракулъ (1937), изваянія Будды и др. божествъ,

свящ. колесо, изображающее міръ (№ 1979), свящ. книги, шаманская одежда. XXII. Китайскія и японскія принадлежности культа (статуэтки боговъ, модели божницъ, свящ. изображенія); XXIII—разныя рѣдкости изъ Азіи и Африки. XXI—профессорская каѳедра старой Академіи нач. XIX в. на ней рѣзное изображеніе птицы пеликана, кормящаго своей грудью птенцовъ—это старый символъ Евхаристіи.

Залъ II. I. Гипсовые слѣпки и модели Крымскихъ и Кавказкихъ пещерныхъ храмовъ имѣющихъ отношеніе и къ Кіевскимъ пещерамъ, модели надземныхъ церквей оттуда же и—надгробныхъ памятниковъ. II—строительные матеріалы древнихъ храмовъ г. Кіева. III—IV—шифирная гробница XV в., указывающая, что въ то время жили еще княжескія традиціи,—обломки шиферныхъ плитъ карнизовъ, колоннъ, поливныхъ плитокъ, фресокъ, глинян. орнаментовъ; V—акварели, изображающія портреты дѣятелей старообрядчества и нѣкоторые древніе храмы VI—XII вв., деревянныя и мѣдныя гравированныя доски изъ Аѳона, Почаева (среди послѣднихъ гравюры Гошемскаго, Стрѣльбецкаго, Голоты, Филипповича, Масевскаго, Раковецкаго) и Кіева. VIII—кіевскія гравюры и снимки съ нихъ; гравировальное искусство въ Кіевѣ въ XVII—XVIII в.в. стояло очень высоко: Кіевскіе граверы проходили Европейскія школы, часто работали за границей и вызывались ко двору Московскихъ царей; Кіевъ въ XVII—XVIII в. былъ главнымъ центромъ этого искусства для всей восточной Европы. Очень интересны гравюры Тарасевича, Щирскаго, Мигуры, Зубрицкаго, Козачковскаго, Г. Левицкаго, особенно панегирическія посвященія гетманамъ, митрополитамъ и царямъ, (напр. гетману Мазепѣ № 2367, изображенному въ видѣ рыцаря, окруженнаго добродѣтелями среди сооруженныхъ имъ храмовъ.) Священныя изображенія, имѣющіяся на гравюрахъ, очень часто копируютъ картины зап. Европейскихъ художниковъ; они служили проводникомъ западныхъ началъ въ мѣстную иконопись. X—XI—новѣйшія гравюры и литографіи русскія и иностранныя.

Залъ III. Коллекція древностей и святынь извѣстнаго путешественника по св. мѣстамъ В. Муравьева: модель іерусалимскаго храма, готическій кіотъ съ очень древними византійскими и синайскими иконами (№ 2488 св. Антоній Вел. IX—X в., Ап. Павелъ XI в., мозаичный Николай, Вм. Георгій XI—XII в. святцы XII—XIII в., Преображеніе XIII в., Ап. Петръ и Павелъ XIV в., Арх. Михаилъ и Гавріилъ XV—XVI в.); чѣмъ древнѣе икона, тѣмъ изящнѣе ея величавая красота, приближающаяся къ стѣннымъ мозаикамъ и фрескамъ и къ древнимъ эллинистическимъ оригиналамъ, чѣмъ позднѣе —тѣмъ больше она теряетъ благородной простоты, тѣмъ мельче становятся черты ея ликовъ и тѣмъ цвѣтистѣе, пріятнѣе ея колоритъ и общая живость. Икона № 2493 приписывается кисти извѣстнаго Аѳонск. художника Панселина. Между иконами пальмовая вѣтвь, внушившая Лермонтову стихи „Вѣтка Палестины". IV—V, складни, Евангелія и иконы греческой и сѣв. русской работы XV—XVII в.в. въ оригиналахъ и въ копіяхъ; VI—иконы, эскизы и гравюры русск. художниковъ—Уткина, Шебуева, Лосенка и др.; VII—VIII—изваянія, иконы и гравюры съ духовныхъ картинъ зап. художниковъ, среди нихъ работы Проперція Росси, Моргена, Вольпатто, Фиха.

Залъ IV. Принадлежности христ. храмовъ и христіанскаго богослуженія: На стѣнахъ картины Страшнаго суда (№ 2661 XVI в. кіевской школы, хранящей преданіе, но проникнутой уже новшествами). II—хоругви съ изображеніями любимыхъ на Украинѣ святыхъ—Параскевы, Маріи Египетской, Почаевской Богородицы и др. III—Плащаницы (большею частью позднія, писанныя красками, а не шитыя, иногда съ изображеніемъ одного только тѣла Христова, а иногда съ фигурами плачущей Богородицы предстоящихъ и съ орудіями страстей—сюжетъ взятый изъ западн. искусства, гдѣ хранятся синдоны, которыми было обвито тѣло Христа, и извѣстный въ русскомъ искусствѣ XVI—XVII в. подъ именемъ „Не рыдай мене мати"). Среди плащаницъ Академическаго

музея достойна особаго вниманія (№ 2696) писанная извѣстн. худ. Боровиковскимъ. IV—VII Антиминсы или свящ. платы съ мощами, замѣнившіе въ христіанскомъ культѣ гробницы мучениковъ (анти—mensa), на которыхъ совершалась литургія. На антиминсахъ имѣются изображенія аналогичныя плащаницамъ, большею частью гравированныя. Среди имѣющихся здѣсь антиминсовъ греческихъ, румыскихъ и южнославянскихъ наиболѣе художественными являются южнорусскіе православные и уніатскіе антиминсы, иногда расцвѣченные отъ руки красками. IX—XI дарохранительницы (въ видѣ гробницъ, киворіевъ, апсидъ, трехкупольныхъ украинскихъ церквей), чаши изъ разнаго матеріала и различной въ художественномъ отношеніи работы съ гравировкой и съ крышками по мѣстному обычаю, реликваріи съ частицами мощей, лжицы, копья, дароносицы, монстранціи. XII—воздухи или покровы для св. даровъ, украшенные великолѣпнымъ шитьемъ XVII—XVIII в. XIII—XV—священныя облаченія съ такимъ же пышнымъ шитьемъ фигурнымъ и орнаментальнымъ. XVI—церковная утварь мѣстной и иностранной работы (№ 3186 чеканное блюдо въ стилѣ возрожденія); среди нихъ много предметовъ очень интересныхъ по формамъ съ характерными для украинскаго искусства украшеніями. XIX—XX—Кресты разныхъ формъ и матеріала, большею частію, воздвизальные деревянные шестиконечной или семиконечной формы съ рѣзными изображеніями распятій и Богородицы

Залъ V, I. Коллекція иконъ, завѣщанная преосвящ. Порфиріемъ Успенскимъ, много путешествовавшимъ по Востоку—человѣкомъ обладавшимъ обширными ученными познаніями, большими художественными интересами, и еще большимъ безпристрастіемъ позволявшимъ ему смотрѣть на вещи вполнѣ объективно при собираніи его замѣчательной коллекціи древностей, раскиданной теперь по многимъ музеямъ Россіи. Здѣсь, между прочимъ, имѣются рѣдчайшія и единственныя въ мірѣ, писанныя восковыми красками (въ IV—VI в.) иконы: мученикъ съ мученицей, Богородица съ

Младенцемъ, Ив. Предтеча, св. Сергій и Вакхъ. Икона Богородицы имѣетъ 6 конечную форму, что указываетъ на ея надгробное происхожденіе; типъ этой Богородицы вышелъ изъ сцены поклоненія волхвовъ; она выполнена въ Сиро-Египетскихъ темныхъ колерахъ, какъ Фаюмскіе портреты и большинство катакомбныхъ орантъ. Моленныя иконы появились впервые на Востокѣ: въ ту эпоху – въ Палестинѣ особ. -- почитали св. женъ и существовали уже культы отдѣльныхъ мучениковъ; иконографія ихъ, конечно, имѣла характеръ эллинистическихъ портретовъ, какъ то можно видѣть изъ сравненія писанныхъ воскомъ иконъ съ античными Фаюскими портретами, отличающимися силою моделировки, свѣжестью красокъ, выразительностью, какая въ Европейскомъ искусствѣ появилась только съ XVII в. Въ этомъ отношеніи особенно выдается икона Сергія и Вакха; на шеяхъ ихъ заслуживаетъ вниманіе украшеніе въ видѣ обруча; это, такъ назыв., гривна замѣнившая часть шкуры (или гривы) на шеѣ въ качествѣ воротника. Изъ Византіи эти уборы перешли на Русь. Въ собр. Успенскаго имѣется также нѣкоторое количество болѣе позднихъ иконъ тоже рѣдкостныхъ для своего времени (№ 3323 –XIII в. 3324 - XIV в. и на обор. XI—XII в.; 3325, 28, 32—XII—XIII в. 3321, 41—XV—XVI в. др.) здѣсь тоже имѣются произведенія Панселина (№ 3344) и извѣстнаго Николая Критянина (№ 3351). II. Иконы новгородскихъ писемъ XVI в. (№ 3356—60), отличающіяся красотою колорита, цвѣтными рефлексами, благородными типами, красными фонами, и Московскія письма XVI в. (№ 3361 — 3673), вышедшія изъ тѣхъ же писемъ Новгородскихъ. III. Русскія иконы позднѣйшаго времени — Московскихъ царскихъ иконописцевъ (№ 3376—91) отличающіяся сложностью композиціи, обиліемъ золота, графичностью и проникновеніемъ западныхъ чертъ, — Строгановскихъ писемъ (№ 3392—98) съ тѣми же чертами, что новгородскія, но съ сильными вліяніями русскаго вкуса и быта, — Сибир-

скихъ писемъ (№ 3399—400),—Костромскихъ (№ 3401),—фряжскихъ (3403—421), названныхъ такъ за свою манеру заимствованую отъ Западно Европ. искусства, а также писемъ Мстерскихъ, Холуйскихъ, Борисоглѣбскихъ (слободы, поставляющія иконы для всей Россіи), и Кіевскихъ (№ 3422) IV. Украинскія иконы (№ 3520 - 3624) преимущественно XVII – XVIII в.в.; онѣ достойны вниманія, если не по исполненію, то по своимъ крайне интереснымъ сюжетамъ и композиціямъ, сочетавшимъ традиціонныя черты византійской иконописи съ вліяніями Западно Европейскими. Эти иконы имѣютъ очень часто 6 угольную форму столь любимую въ украинской архитектурѣ, разукрашены на фонахъ лѣпными, рѣзными или живописными орнаментами и представляютъ святыхъ въ живыхъ позахъ и лицахъ далекихъ отъ византійскаго аскетизма, но взятыхъ съ натуры, благодаря чему здѣсь можно видѣть національныя прически, одежды и обстановку; здѣсь кромѣ изображеній Христа и Богородицы видимъ св. Никиту, избивающаго діавола, св. Николая (мягкое старческое лицо), св. Варвару, Архангеловъ, Коронованіе Богородицы, св. Тройцу съ 3-мя носами и 4 глазами, на одномъ лицѣ, живоносный источникъ (№ 3621), страсти и раны Христовы (№ 3622) и т. д. Сюжеты украинскихъ иконъ, заимствованные изъ св. писанія, легендъ, житій, сказаній о животныхъ, аллегорическихъ и символическихъ представленій имѣли своею главною цѣлью не нравиться, а поучать; въ художественномъ отношеніи,— они часто очаровательны (колоритъ): это была особая красота иная, чѣмъ наша, но въ своемъ родѣ такая же законченная и такая же утонченная; — писанныя обычно въ желтыхъ и красныхъ и зеленыхъ тонахъ эти иконы источаютъ теплоту и успокоеніе, соединяя возвышенное съ низменнымъ, человѣческое съ божественнымъ; бросаются въ глаза сочетанія противоположныхъ тоновъ, какъ въ искусствѣ итальянскихъ и нѣмецкихъ примитивовъ. На колоннѣ сводная коллекція иконъ разныхъ школъ греческихъ, рус-

скихъ монастырскихъ, суздальскихъ VII. Въ витринѣ — коллекція старины, собранная франц. Траншеромъ и потомъ пріобрѣтенная у него передавшими ее въ музей кн, Демидовыми Санъ Донато. VIII. Сводная коллекція крестиковъ, медальоновъ и проч. Среди нихъ большое количество крестовъ великокняжеской эпохи съ рельефными и гравированными распятіями и др изображеніями, очень часто растворчатыхъ — для помѣщенія внутри ихъ мощей (энколпіоны), а также — много украинскихъ круглыхъ дукачей XVII—XVIII в. съ портретами и священными изображеніями литой работы. IX—витрина съ металлическими образками большею частью мѣстной работы (чеканка, литье, рѣзьба, гравировка) XVIII в., но есть и болѣе древнія, напр. змѣевики великокняжеской эпохи—съ изображеніями змѣй и текстами заклятій отъ болѣзни, дурного глаза и т. п. X—витрина съ металлич. образками (есть интересные по своей прорѣзной техникѣ) и подвѣсками къ иконамъ; послѣднія въ видѣ разныхъ членовъ человѣческаго тѣла представляли собою дары въ благодарность за исцѣленія отъ болѣзней.

Залъ VI-й. Филаретовская коллекція иконъ русскихъ писемъ разныхъ школъ, начиная съ XV в. Среди нихъ имѣются и старыя Кіевскія письма (XVI в.), являющіяся, вообще, большою рѣдкостью. Лучшія иконы этой коллекціи изданы проф. Н Петровымъ.

Длинный корридоръ, занимающій мѣсто прежней галлереи, занятъ произведеніями свѣтскаго искусства; въ немъ картины, портреты, собр. статуй, монеты. Среди картинъ имѣются принадлежащія кисти студентовъ старой Академіи (№ 4676 78, 4686—88), копіи картинъ Зап. Европ. художниковъ и произведенія мѣстныхъ художниковъ: здѣсь любимыя въ старой Украинѣ сцены благословенія Ноемъ своихъ сыновей, казака бандуриста, пеликана, кормящаго грудью своихъ дѣтей, портреты украинскихъ дѣятелей и т. д. Статуи (на полу и на окнахъ) представляютъ собою тоже продуктъ вліянія Западно-Европ. искусства (стиля барокко).

Вліянія эти почему то принято относить къ польскимъ; на самомъ же дѣлѣ они объясняются непосредственными святыми Украины съ Западомъ, куда украинскіе художники и ученые ѣздили получать образованіе: Польша вовсе не стояла на томъ высокомъ культурномъ уровнѣ, о которомъ широкая публика знаетъ только изъ романовъ Сенкевича. Статуарное искусство на Украинѣ примѣнялось очень широко для украшенія зданій, иконостасовъ, источниковъ; статуи часто были раскрашены, въ чемъ сказалось вліяніе нѣмецкой скульптуры, а также имѣли искусственные волосы и настоящія одежды; рѣзьба проникла также въ область иконографіи, гдѣ рѣзною техникою выполнялись ризы святыхъ; так. обр.; разныя искусства тѣсно переплетались одно съ другимъ—живопись, рѣзьба, ювелирное дѣло, Въ витринахъ въ корридорѣ расположено собраніе монетъ и медалей--греко-римскихъ (4895—6114), въ числѣ которыхъ множество колоніальныхъ (съ юга Россіи то-же № 5777-6114), римскихъ (№ 6114—7516), зап. Европейскихъ (7944—9168), византійскихъ (7517—7943), сербскихъ, болгарскихъ, русскихъ (9884—12594), русско-литовскихъ (9873—83), среди послѣднихъ имѣются кіевскія съ изображ. Золотыхъ воротъ и татарскія съ штемпелями литовскихъ князей, завоевавшихъ Кіевъ (№ 9881). Въ витринѣ XIV медали и жетоны, печати, пломбы и т. п. Въ витринѣ XV—XXI памятники письма и печати. Здѣсь только образцы; главное собраніе ихъ въ библіотекѣ, гдѣ имѣются многочислен, древнія рукописи (Оршанское Евангеліе XIII в. — предшествующее своими украшеніями Пиресопницкой рукописи XVI в., кодексъ Козмы Индикоплова XVI в., Ирмологій нач. XVII в. съ миніатюрами, Никомидійское Евангеліе XI в.), альбомы акварельныхъ рисунковъ и фотографій, гравюры, и рѣдкія изданія.

Библіотека академіи накоплялась отъ времени основанія ея, но она пострадала отъ пожара въ 1811 г. Незначительное количество уцѣлѣвшихъ отъ XVII—XVIII в. книгъ доказываетъ большую разностороннюю образованность пред-

ставителей старой академіи. Въ нач. XIX в. она была пополнена архивами и библіотеками Почаевской лавры и Кіевск. монастырей. Теперь это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ библіотекъ въ Россіи.

Трапезная и дворъ монастыря. Направо отъ академическаго стараго корпуса во дворѣ Братскаго монастыря находится церковь Сошествія Св. Духа съ монастырской трапезной; это зданія Петра Могилы, перестроенныя послѣ пожара 1811 г., когда первоначальная Борисоглѣбская церковь была переименована въ Свято-Духовскую. Въ этой церкви при Петрѣ Могилѣ совершались конгрегаціи или засѣданія членовъ академіи. Пав. Алеппскій на фасадѣ ея упоминаетъ мраморныя колонны, вѣроятно, взятыя изъ какихъ либо древнихъ развалинъ. Нынѣшняя церковь барочной архитектуры съ такимъ же иконостасомъ. Въ XVIII в. она была украшена коврами и вообще роскошно обставлена. Вѣ день Св. Духа и въ день кончины Могилы здѣсь совершается торжественный „парастасъ" по благотворителямъ Братства и Академіи.

Дальше расположены жилыя помѣщенія, ворота, выходящія на Набережно Никольскую улицу и во внутреннемъ, усаженномъ деревьями дворѣ, гдѣ располагаются группами богомольцы, устроены солнечные часы. Это одинъ изъ памятниковъ ученой дѣятельности старой академіи: часы имѣютъ видъ колонны въ стилѣ ампиръ (нач. XIX в.). Устройство подобныхъ часовъ въ XVII—XVIII в. въ Кіевѣ практиковалось довольно часто (въ Лаврѣ, а также на ротондѣ Сампсоніевскаго фонтана). Подобныя сооруженія переносятъ насъ въ эпоху среднихъ вѣковъ, когда иныхъ часовъ не было кромѣ солнечныхъ, песочныхъ или водяныхъ. Въ XVII—XVIII вѣкѣ появились въ Кіевѣ башенные часы, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Могила Василія Барскаго. Отъ солнечныхъ часовъ пройдемъ по двору Братства къ алтарямъ Богоявленскаго собора. Здѣсь у сѣверо-восточной апсиды вросла

въ землю гробница замѣчательнаго кіевлянина—воспитанника академіи Василія Барскаго, всю жизнь свою проведшаго въ путешествіяхъ по чужимъ землямъ для „повиданія світу“. Пѣшкомъ, безъ всякихъ средствъ онъ исходилъ много странъ, съ поразительнымъ усердіемъ записывая въ своемъ дневникѣ слышанное и видѣнное на пути и дорисовывая перомъ то, что было имъ не дописано. Въ 1745 году онъ вернулся въ Кіевъ больнымъ и изнуреннымъ; родственники его не узнали и не приняли; когда онъ умеръ, академія устроила своему питомцу пышные похороны. Дневникъ Барскаго хотѣлъ издать вмѣстѣ съ гравюрами гетманъ Разумовскій, но это удалось сдѣлать только спустя 30 лѣтъ Рубану и то безъ рисунковъ съ сокращеніями, а главное въ русскомъ переводѣ (Барскій, какъ и всѣ южноруссы писали на украинскомъ языкѣ). Рисунки Барскаго разсѣялись по всему свѣту. Большинство ихъ пропало, а часть находится въ Казанскомъ университетѣ и въ Одесскомъ музеѣ Общества Исторіи и Древностей. Надгробіе Барскаго имѣетъ видъ каменнаго саркофага, украшеннаго скульптурной орнаментаціей и надписями. Саркофагъ вошелъ въ землю, не огороженъ и прямо на него льется вода изъ водосточной трубы. Надписи уже исчезли. Въ стѣну алтаря вдѣлана чугунная доска съ виршами въ честь Барскаго, тоже составленными въ XVIII в. Рубаномъ. Во дворѣ монастыря были и другія погребенія. На стершихся гробовыхъ плитахъ мирно отдыхаютъ теперь паломники и прогуливаются монахи.

Новая академія. Напротивъ южной стороны собора расположено зданіе новой „Духовной Академіи“, учрежденной въ 1819 г. Это высшая специально богословская школа. Ректоры академіи имѣютъ епископскій санъ и управляютъ также Братскимъ монастыремъ. Новая академія претендуетъ на роль продолжательницы традицій старой академіи, хотя и не имѣетъ на это права, такъ какъ духъ ея науки чуждъ старой академіи, гдѣ не замыкались въ узкія

рамки богословской схоластики, но служили жизненнымъ итересамъ. На протяженіи своего вѣкового существованія эта академія не дала никакихъ общественныхъ дѣятелей, ни выдающихся ученыхъ; смѣльчаки, старавшіеся отойти отъ академической косности, подвергались гоненіямъ; къ таковымъ принадлежитъ и маститый основатель академическаго музея изслѣдователь кіевской старины и типографіи проф. Н. И. Петровъ. Зданіе академіи построено въ 1822 году; оно не выдается въ архитектурномъ отношеніи; фронтонъ его украшенъ изображеніемъ развернутой въ сіяніи св. Библіи.

Церковь пророка Иліи. Отъ Академіи и Братства, выйдя изъ главныхъ воротъ пройдемъ влѣво по Ильинской ул. до Днѣпра, гдѣ между Почаевской ул. и Набережной расположена церковь пророка Иліи. Нѣкоторые (Закревскій) склонны думать, что она стоитъ на мѣстѣ того древнѣйшаго Ильинскаго собора, въ которомъ присягали русскіе христіане на вѣрность договору, заключенному Игоремъ съ греками въ 945 году, однако, доказать это невозможно. При Несторѣ она стояла „надъ ручаемъ (Почайной) конецъ Пасынчѣ бесѣды и Козаре", т. е. въ наиболѣе бсйкомъ торговомъ пунктѣ, гдѣ приставали греческіе купцы, могшіе занесть сюда культъ прор. Иліи изъ Византіи (тамъ въ IX — X в. Илія почитался наравнѣ съ арх. Михаиломъ). Почайна, дѣйствительно, протекала здѣсь поблизости, по направленію Почаевской ул., но Максимовичъ и Остромыслинскій помѣщали эту церковь у подножія или на склонѣ Старокіевской горы. Нынѣшній храмъ построенъ между 1613—1632 г. По „Вѣдомости К. Подольской протопопіи 1784 г." строителемъ его былъ кіевскій мѣщанинъ Петръ Гудыма. Въ 1718 г. церковь была опустошена пожаромъ и въ 1755 г. возобновлена полковымъ эсауломъ Павломъ Гудымою, когда была устроена колокольня и придѣлъ Ив. Предтечи (на планѣ Кіева 1695 г. Ильинская церковь изображена безъ колокольни и безъ придѣла). Церковь дошла до насъ въ перестройкѣ послѣ пожара

1811 г.; колокольня ея имѣетъ видъ московской шатровой башни, ворота сдѣланы въ стилѣ ампиръ, но единственная глава храма хранитъ барочныя черты. Планъ церкви крестообразный; интересны крестовидныя окна, обычныя въ украинской архитектурѣ (идутъ изъ готики) и украшенія барабана карнизомъ и звѣздами. Встарину храмъ этотъ стоялъ на виду. Въ 1770 г. во время моровой язвы, когда умирали тысячи людей, здѣсь, какъ и въ другихъ храмахъ, была выставлена мѣстной гражанской властью молитва Магомету: такъ совѣтывалъ сдѣлать одинъ плѣнный турокъ и этотъ совѣтъ былъ принятъ растерявшеюся властью къ неудовольствію духовенства. Вокругъ храма стояли деревянные домики, крытые черепицей и деревомъ, около коихъ на улицѣ во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ куреніе было строжайше запрещено,

Набережная. Пройдя до Днѣпра, останавливаемся на набережной, существующей здѣсь съ самаго начала XVIII в. Въ сторонѣ налѣво отъ Ильинской ул. на берегу расположены старыя Николаевской эпохи зданія бань Бугаева, очень интересные по своему общему строенію и украшеніямъ, а вправо, на углу Набережно-Никольской улицы,— мѣсто старой академической „бурсы“ (общежитія), основанной здѣсь въ XVIII в. митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ. Нынѣшнее зданіе построено въ 1838 г. архитекторомъ Станзапи, но потомъ передѣлано; послѣ упраздненія академіи въ немъ были поселены ученики духовной семинаріи. Дальше по набережной въ 1777 г. былъ построенъ обширный каменный магазинъ для зерна, на мѣстѣ котораго, на самомъ углу Никольско-Набережной улицы, въ началѣ XIX в. былъ устроенъ новый грандіозный магазинъ по проекту архитектора Меленскаго въ стилѣ имперіи и по сосѣдству съ нимъ тюремный замокъ, а также обширные хлѣбные склады Браницкаго. Всѣ эти учрежденія указываютъ на торговое значеніе набережной, служившей складочнымъ мѣстомъ для продуктовъ вывоза и ввоза всего Днѣп-

ровскаго бассейна. Набережная устроена изъ фашинъ и туровъ въ 1840 г., но и до того времени она имѣла благоустроенный видъ: документы знаютъ деревянную набережную и „притыкъ“ (срубы для причалки судовъ) въ 1710 г.

Набережно-Никольская улица. Отъ „бурсы“ повернемъ на западъ по Набережно-Никольской улицѣ, къ углу Почаевской улицы, чтобы осмотрѣть церковь св. Николая Набережнаго. Къ церкви этой, по „Синопсису“, кіевскіе князья, будто бы, имѣли особое расположеніе; въ XVI вѣкѣ она существовала доподлинно (деревянная); въ 1677 г. послѣ пожара коштомъ кіевскаго войта Ждана Федоровича была построена новая деревянная церковь, изображенная на планѣ 1695 г.; ее замѣнила послѣ пожара 1811 г., возникшая рядомъ съ нею въ 1772—75 г.г. нынѣшняя каменная Никольская церковь. Церковь эта прекрасной архитектуры, съ классическими деталями—четырьмя портиками и колоннадой вокругъ барабана. Иконостасъ того же стиля. Колокольня—(1862 г.) обычнаго казеннаго шаблона.

Дальше по Набережно-Никольской улицѣ въ XVIII в. помѣщался Кіевскій почтамтъ.

Почайна. Дойдя до угла Почаевской ул., направляемся на сѣверъ по этой послѣдней. Она идетъ до „Канавы“ (обсажена деревьями), отдѣляющей Подолъ отъ Оболони (Плосскаго участка) и дальше до конца города. Названіе улицы происходитъ отъ древней рѣки Почайны. Почайна изъ Іорданскаго озера на Оболони текла параллельно Днѣпру, приблизительно по теперешней Почаевской ул., мимо Ильинской церкви къ церкви Рождества и противъ Крещатицкаго источника впадала въ Днѣпръ, отдѣляясь отъ него узкой полосой. Древній городъ, такимъ образомъ, стоялъ надъ Почайной. На Почайнѣ была пристань, соединенная съ Днѣпромъ посредствомъ канала; сюда въ 1712 г. хлынула Днѣпровская вода и поглотила устье Почайны, которая нашла себѣ новое устье въ Оболоньскомъ заливѣ. Кіевская гавань была обширна и защищена горами: княгиня

Ольга сравнивала ее съ Константинопольскою гаванью Судомъ („Золотой Рогъ"). Во время переговоровъ съ греческими послами она говорила императору: „Аще ты такоже постоиши у мене въ Почайнѣ, яко же азъ въ Суду, то тогда ти вдамъ". На Почайнѣ въ древности останавливались чужеземные купцы Херсонесскіе (до X в.) и Царьградскіе (договоры Олега, Игоря, Святослава...), арабы, хозары (кварталъ ихъ „подлѣ пасынчъ бесѣды т. е. у храма Иліи), ляхи, „латина", купцы придунайскихъ странъ, варяги.

Спасская улица. Недалеко Почаевской улицы, около Спассой улицы, въ XVI в. была церковь Спаса Преображенія. На мѣстѣ ея въ усадьбѣ Гусева стоитъ часовенка; на планѣ Кіева 1695 года эта церковь изображена съ 3 апсидами и 5 куполами. Въ 1669 году она была замѣнена новой, которая сгорѣла въ 1811 г. и больше не возстановлялась. Спасская улица выходитъ къ Днѣпру къ тому мѣсту, гдѣ долго былъ перевозъ черезъ Днѣпръ и гдѣ при Владимірѣ Мономахѣ (?) былъ устроенъ первый кіевскій мостъ. Въ противоположномъ направленіи на этой улицѣ расположена старая Воскресенская церковь. Не доходя до нея къ востоку въ XVII — XVIII вв. находилось подворье межигорскаго монастыря, съ запорожской церковью св. Пантелеимона. Монашествующіе въ этомъ подворьи были изъ запорожцевъ, у которыхъ межигорскій Спасскій монастырь послѣ Трахтемировскаго считался патрональнымъ; запорожскіе монастыри подчинялись кіевскому митрополиту, несмотря на то, что само Запорожье очень часто не признавало никакого политическаго подчиненія, отлагаясь то къ Москвѣ, то къ Крыму, то къ Турціи, то существуя самостоятельно. По близости здѣсь находился домъ Іова Борецкаго. На Спасской улицѣ были сдѣланы также нѣкоторыя важныя для исторіи Кіева находки—греческая амфора (въ музеѣ академіи) и византійскія монеты времени Ив. Цимисхія (въ ус. Иванишева), доказывающія, что Подолъ былъ

обитаемъ въ очень отдаленныя времена и велъ широкія сношенія съ разными странами.

Церковь Воскресенія. Что касается церкви Воскресенія, распоhelp расположенной на углу Спасской и Межигорской ул., то она построена въ XVII в. на мѣстѣ болѣе древней церкви, извѣстной въ XVI в., гдѣ священствовалъ одно время Іовъ Борецкій—будущій кіевскій митрополитъ. Эта первоначальная деревянная церковь съ придѣломъ св. Евстафія была построена гетманомъ Остапомъ Дашкевичемъ (около 1508 г.), который въ 1504 г. перешелъ на сторону Москвы, а потомъ предался Польшѣ и былъ главнымъ распорядителемъ казачества и первымъ организаторомъ Запорожья. Послѣ Дашкевича церкви этой покровительствовали его родственники князья Ружинскіе, изъ коихъ одинъ - Богданъ Ружный, тоже былъ гетманомъ Украйны. Въ 1653 г. Воскресенскую церковь описалъ Павелъ Алеппскій. Нынѣ существующая церковь построена въ 1670 г. или въ 1698 г. (по однимъ свѣдѣніямъ Михаиломъ Грекомъ, а по другимъ Михаиломъ Рудзинскимъ), вѣрнѣе въ 1670 г., такъ какъ она изображена уже на планѣ Кіева 1695 г. съ 5 куполами и 3 апсидами. Въ 1732 г. церковь эта была обновлена казацкимъ есауломъ Павломъ Гудымою; колокольня ея сооружена въ 1809 г. Въ пожарѣ 1811 г. Воскресенская церковь сильно пострадала; но всѣ пять куполовъ ея были цѣлы еще до 1886 г., когда они были сняты (оставленъ одинъ средній, съ новой полусферической главой); нынѣшній храмъ, такимъ образомъ, не дошелъ до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Уцѣлѣли только очень красивые карнизы конца XVII в., наличники оконъ и пилястры съ лѣпными капителями. Иконостасъ новый и не заслуживаетъ вниманія. Изъ древней утвари интересна плащаница XVII в. Противъ Воскресенской церкви съ 1718 по 1737 г. временно помѣщался Кіевскій магистратъ.

Контракты. Отъ церкви Воскресенія выходимъ на уголъ Спасской и Межигорской ул., гдѣ снова открывается

видъ на Александровскую площадь. Здѣсь на самомъ углу помѣщается предназначенное уже для сломки двухъэтажное длинное бѣлое зданіе съ портикомъ на фасадѣ — это контрактовый домъ — одна изъ достопримѣчательностей Кіева, связанная съ развитіемъ здѣшней торговли. Домъ этотъ построенъ въ 1817 г. по проекту Геста и Меленскаго, но не былъ выполненъ цѣликомъ (построили только одинъ флигель безъ двора), вслѣдствіе чего зданіе нѣсколько тяжелое и неуклюжее. Въ былое время въ немъ съѣзжались украинскіе и польскіе помѣщики, дворяне и купцы для заключенія продажъ, размѣна, арендъ, коммерческихъ сдѣлокъ и контрактовъ. Эти контрактовые съѣзды перенесены въ Кіевъ въ 1797 г. изъ Дубно, куда въ свою очередь они были переведены въ 1774 г. изъ Львова. Вмѣстѣ съ контрактами на Подолѣ устраивалась большая ярмарка, во время которой весь Кіевъ становился шумнымъ и многолюднымъ. Значеніе контрактовой ярмарки теперь упало; но наплывъ помѣщиковъ и захаро-заводчиковъ бываетъ и теперь. Время, когда контракты только учреждались, было и временемъ процвѣтанія ихъ; то была эпоха крѣпостного права, породившаго особыя общественныя привычки и особую культуру, создавшуюся даровымъ трудомъ. Контракты поэтому являлись мѣстомъ проявленія помѣщичьихъ чудачествъ, веселаго времяпровожденія... Разсказываютъ, что „паны" привозили съ собой на контракты по нѣсколько бочекъ золота и серебра; въ магазинахъ они не задумывались заплатить баснословную цѣну за всякую понравившуюся вещь; покупателя сопровождалъ человѣкъ съ мѣшкомъ и по его приказанію отсчитывалъ купцу, сколько тотъ запрашивалъ. Контракты считались школой свѣтскости; здѣсь устраивались матримоніальныя дѣла, спускались въ карты цѣлыя имѣнія, лилось рѣкой вино. Для веселой компаніи при контрактовомъ домѣ имѣлся ресторанъ Белло, гдѣ арфистки услаждали гостей пѣніемъ; одно время здѣсь подвизался знаменитый піанистъ Листъ. На контрактовыхъ ба-

лахъ побывалъ Гоголь, Шевченко, Мицкевичъ, Крашевскій, Бальзакъ. Гости являлись въ національныхъ костюмахъ и во время танцевъ (можно было видѣть и украинскую метелицу и гопакъ) происходили столкновенія между русскими и поляками. Путешественники (Гуннъ въ 1806 г.), упоминая о контрактахъ, сравнивали ихъ съ знаменитѣйшей въ Европѣ Лейпцигской ярмаркой — такой огромный бывалъ здѣсь наплывъ народа. Въ Успенскій постъ и во время контрактовъ не совѣтывали ѣздить для осмотра Кіева. Цѣны на квартиры тогда очень поднимались; деревянный домикъ шелъ за время контрактовъ (2 недѣли) до 4000 руб. (Долгоруковъ). Квартиры расхватывались, такъ какъ желающихъ пріобрѣсть на ярмаркѣ наряды, драгоцѣнности, моды, книги, картины, дорогое стекло и хрусталь, мѣстный и привозный фаянсъ и фарфоръ, заморскія вина и фрукты, бакалею, галантерею... было очень велико. Тѣмъ болѣе, что здѣсь можно было развлечься—увидѣть незамысловатую пьесу, послушать концертъ, провести время въ пріятномъ обществѣ, встрѣтиться съ знакомыми, а иногда и поучиться, побывать на выставкахъ (сельско-хозяйственныхъ, фабричныхъ, художественныхъ), которыя устраивались въ контрактовомъ домѣ, начиная съ 1837 г.

Теперь контракты сопровождаются только незначительной ярмаркой печеній, конфектъ, мармеладовъ и вареній; акціонеры собственники сахарныхъ заводовъ и промышленники попрежнему устраиваютъ свои дѣла. Во время контрактовъ оживляется прилегающая къ контрактовому зданію Александровская площадь и весь Подолъ.

Александровская площадь. Площадь эта въ качествѣ торговаго мѣста извѣстна съ глубокой древности; въ княжескую эпоху она называлась „Торговищемъ", въ отличіе отъ другого торга на Подолѣ – Житняго и—Бабина торжка на старомъ городѣ. Это торговище было связано съ пристанью на Почайнѣ и свой оживленный съ нѣсколько восточнымъ колоритомъ торговый характеръ сохраняло и въ

послѣдующія времена. Нынѣ здѣсь идетъ бойкая торговля разными товарами въ рундукахъ и переносныхъ ларяхъ, выносятся въ большомъ количествѣ антики, рыщутъ собиратели рѣдкостей, старьевщики,—течетъ южная бойкая жизнь. Мастеровые работаютъ на открытомъ воздухѣ, толпа вокругъ продавцевъ оживленная; слоняются оборванцы. Въ эпоху процвѣтанія контрактовыхъ ярмарокъ публика была нѣсколько иная: толкались паны, шляхта, евреи, купцы, чиновники, духовенство, ксендзы, военные, „балагулы" (извощики); слышался разнообразный говоръ — украинцевъ, русскихъ, поляковъ, армянъ, турокъ; колонны контрактоваго дома, рундуки были обклеены объявленіями о душистыхъ мылахъ и краскахъ, парфюмеріи, концертахъ, операхъ (Вебера), водевиляхъ (Скриба); въ балаганахъ показывались ученые звѣри; въ кухмистерской Чока продавались анчоусы, устрицы; Фраже и фирма Норблинъ и бр. Вернеръ выставляли серебро; Морсикани — раскрашенныя литографіи, Миклашевскій — фарфоръ, итальянцы — цѣнныя картины и эстампы. Еще иную картину представляла площадь въ эпоху казачества и Магдебургіи: большое количество людей съѣзжалось сюда на торгъ къ Братству, къ родной академіи, къ Межигорскому подворью, къ недалеко стоящему чудодѣйственному Фелиціалу (фонтанъ Сампсона); на торгѣ раздавались вольныя рѣчи, звенѣло оружіе; польскіе и итальянскіе купцы продавали сукна, бархатъ и шелка; греки и армяне восточные товары; здѣсь же въ сторонѣ бандуристъ игралъ свои мотивы, звучали цымбалы, и лихой запорожецъ вертѣлся въ безумномъ танцѣ: пыль густой тучей поднималась надъ колоритной толпой, но это ее не безпокоило, такъ какъ ей было интересно смотрѣть на гульбу своихъ кумировъ, купавшихся въ бочкахъ съ напитками, закупавшихъ весь торгъ, угощавшихъ встрѣчныхъ, вызывая завистъ у „голой школы", т. е. у студентовъ академіи. Площадь эта тогда не была внутри застроена; рундуки на срединѣ ея появились только въ 1839 г., когда въ пролетахъ между

рундуками были устроены художественныя деревянныя ворота, образецъ которыхъ далъ архитекторъ Станзапи. У рундуковъ и домовъ, выходившихъ на площадь, были прицѣплены вывѣски, долженствовавшія указывать безграмотнымъ, что продавалось и дѣлалось въ томъ или иномъ помѣщеніи. У мясника былъ выставленъ доморощенный Поттеръ, у табачника — экзотическое видѣніе турчанки, у брадобрея — сценка а ля Мирисъ. Иногда попадались забавныя надписи, вродѣ Magasin de Moschko Bilk, Magasin de Ryfka и др. Вывѣски помѣщались на особыхъ висячихъ щитахъ, которые въ XVIII в. и раньше были украшены просто торговыми знаками и гербами торговцевъ, какъ и всѣ вообще дома въ городахъ старой Украйны и Зап. Европы, различавшіеся не по надписямъ и номерамъ, а по своимъ знакамъ (подъ лебедемъ, подъ медвѣдемъ, подъ ключемъ, подъ квочкою...), а особенно гостиницы (остеріи,) и трактиры, которые тоже были расположены по сторонамъ торговой Братской площади, вмѣстѣ съ конторой дилижансовъ и транспортовъ, (заїзди), учрежденной здѣсь войтомъ Киселевскимъ (въ началѣ XIX в.) для правильнаго сообщенія съ важнѣйшими городами Россіи. Трактиры служили притонами карточной игры; Тимковскій въ XVIII в. видѣлъ щеголей, выходившихъ изъ трактировъ полумертвыми, въ одной рубахѣ. Для пріѣзжихъ купцовъ имѣлся особый „гостинный домъ“, который предоставлялся также и знатнымъ гостямъ.

Гостинный дворъ. „Гостинный дворъ“ помѣщается въ юго-западной части Александровской площади въ большомъ одноэтажномъ зданіи, съ внутреннимъ дворомъ и галлереей. Зданіе это построено въ 1809 г. и перестроено въ 1828 г. Въ гостинномъ дворѣ 53 магазина. Онъ двухъ этажный четырехугольный, нѣкоторые купцы имѣютъ въ немъ собственныя лавки и городъ поэтому ихъ не перестраивалъ. Со стороны Александровской площади и сквера идетъ шелковый рядъ, отъ Братской церкви—желѣзный рядъ, отъ площади до фонтана Сампсона—рядъ пушной и холщевой,

отъ церкви Успенія — рядъ овощный. Въ свое время ничто такъ не удивляло пріѣзжихъ какъ магазинъ Губарева, который могъ обворожить самаго равнодушнаго къ прелестямъ роскоши скупца: стекло, фарфоръ, бронза, мелочи. Несмотря на перестройку большиства лавокъ, гостинный дворъ сохранилъ черты архитектуры начала XIX в. въ стилѣ ампиръ съ колоннами и соотвѣтствующими украшеніями оконъ, фронтоновъ и т. п.

Фонтанъ Сампсона, Въ западномъ углу Александровской площади находится извѣстный въ Кіевѣ фонтанъ Льва или Сампсонія (тоже Фелиціалъ). Онъ представляетъ собою бетонную, а прежде деревянную, расцвѣченную масляными красками скульптурную группу Сампсона, раздирающаго пасть льву; изъ пасти вытекаетъ струя воды въ обширный каменный резервуаръ, изъ котораго богомольцы пьютъ воду, считая ее чудодѣйственной; о скульптурномъ изображеній на Сампсоніевскомъ источникѣ ходятъ разныя легенды (это древній окаменѣвшій герой и т. п.) и на шею Сампсону нерѣдко вѣшаютъ крестики. Устройство статуи надъ этимъ источникомъ было вызвано общимъ художественнымъ развитіемъ стараго Кіева, гдѣ по примѣру западныхъ городовъ площади украшались фонтанами, статуями, крестами и т. д. Въ старину на Украинѣ ставились статуи — въ храмахъ и въ домахъ, на дорогахъ; на источникахъ ставили изображенія Пресвятой Дѣвы, Предтечи, св. ангеловъ. Такой ангелъ съ кружкой въ рукѣ, откуда лилась вода, до 1808 г., стоялъ и на мѣстѣ Сампсоніевскаго источника. Источникъ этотъ пользовался давней репутаціей; по привилегіи короля Владислава IV въ XVII в. онъ получалъ воду, отведенную по трубамъ изъ стараго города (Андреевской горы). Тогда онъ былъ покрытъ павильономъ съ крестомъ на крышѣ и обнесенъ палисадникомъ, какъ то изображено на планѣ Кіева 1695 г. Гильденштедтъ въ 1774 г. уже описываетъ надъ этимъ источникомъ каменный куполъ, а въ 1784 г. Новгородцевъ видѣлъ на немъ статую апостола Андрея (вода текла

изъ Андреевской горы), держащаго въ рукѣ крестъ и внутри — упомянутаго выше — ангела, держащаго сосудъ съ струящейся водой, которою „черезъ трубы прочіе колодцы для употребленія обывателей наполнялись". Изображеніе св. Андрея на верху Сампсоніевскаго источника имѣется и теперь, но оно новое, какъ и само зданіе, покрывающее источникъ. До перестройки его послѣ пожара 1811 г, на верху павильона стояли солнечные часы, устроенные въ концѣ XVIII в. преподавателемъ академіи, французомъ Брульономъ. Нынѣшнее ампирное сооруженіе, въ видѣ ротонды на четырехъ устояхъ съ колоннами и пилястрами, несущими аттикъ и куполъ вверху, очень декоративно и въ свое время среди сооруженій Александровской площади должно было производить большое впечатлѣніе.

Историческія дааныя объ этомъ источникѣ подтверждаютъ то, что старый Кіевъ имѣлъ водопроводныя подземныя трубы. На планѣ Кіева 1695 г. видна цѣлая система колодцевъ у подошвы кіевскихъ горъ для доставленія жителямъ ключевой воды и для предотвращенія размыва подпочвенными водами кіевскихъ горъ.

Магистратъ. Главнымъ украшеніемъ и центромъ нынѣшней Александровской площади передъ Братствомъ до 1811 г. служило величественное зданіе кіевскаго магистрата, въ которомъ сосредоточивалось самоуправленіе города Кіева. Еще въ 1499 г. Кіевъ получилъ Магдебургское право, и мѣщане были изъяты изъ подъ власти кіевскаго воеводы. Они были подсудны только своему выборному магистрату, были свободны отъ „ мыта", но должны были помогать воеводѣ въ караульной стражѣ, въ содержаніи кіевскихъ укрѣпленій, нести пожарную повинностъ и заботиться о благоустройствѣ города. магистратъ смотрѣлъ, чтобы жители заблаговременно дѣлали духовныя завѣщанія, прокладывалъ „ руры" (водопроводныя трубы), заводилъ соляные, кожевенные, пушные и хлѣбные магазины, устанавливалъ таксу, наблюдалъ за убоемъ скота, имѣлъ исключительное право шинкованія и

шротарства (Wein-Bier ausschröten — держаніе меда и вина въ погребахъ), слѣдилъ за тѣмъ, чтобы застройка города производилась по заведеннымъ правиламъ. Магистратъ имѣлъ свои значительные доходы. Городской казной вѣдали шафари (Schaffner); еще былъ писарь, инстигаторъ (для взиманія пощлинъ), экзакторъ (для взиманія податей), индукторъ (взималъ пошлины съ ярмарокъ и мельницъ), эвекторъ (пошлины съ товаровъ), люнаръ (архиваріусъ, нотаріусъ), возный (вводилъ во владѣнія, объявлялъ предписанія магистрата путемъ „воланія", т. е. выкрикиванія съ ратуши), канцеляристъ (писецъ); главный начальникъ магистрата назывался войтомъ, при немъ были бурмистры, лавники и ратманы (радці); они вѣдали судомъ и управляли городскими дѣлами. Отдѣленіе лавниковъ вѣдало уголовными дѣлами, — радцевъ — гражданскими (это высшее присутственное мѣсто имѣло свою печать съ изображеніемъ лука). Члены магистрата служили пожизненно и пополнялись кооптаціей.

Все городское населеніе должно было принадлежать къ той или иной корпораціи; ремесленники организовались по цехамъ, которые давали своимъ членамъ экономическую прочность и защиту. Въ такой организаціи Кіевъ черпалъ свое благосостояніе. Коммерческіе интересы соединялись въ цехахъ съ эстетическими потребностями, сословное самолюбіе съ личнымъ; цехи строго слѣдили даже за семейной жизнію своихъ членовъ. Въ цехахъ имѣлись свои знамена, цеховые значки (ціхи), архивы, сборныя избы, казна, особые погребальные покровы („покліти на мари").

Зданіе Магистрата. Всѣ организаціи были объединены въ городскомъ магистратѣ, который помѣщался въ собственномъ магистратскомъ домѣ или „ратушѣ" передъ Братствомъ, посрединѣ нынѣшней Александровской площади. Нѣмецкіе города, жившіе по Магдебургскому праву, а за ними и украинскіе города свои ратуши (Rathaus) переняли отъ итальянскихъ „Palazzo publico", „Palazzo di podesta". На ратушѣ находился Erker (нарожникъ) для оглашенія поста-

новленій магистрата, каланча или наблюдательная „вежа“ съ часами, залъ для суда, канцелярія и торговыя помѣщенія. Кіевская ратуша фигурируетъ на всѣхъ старыхъ видахъ Кіево-Подола. Развалины древнѣйшей ратуши нѣкоторые (Петровъ) видятъ въ одномъ изъ рисунковъ 1651 г., можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ скопированномъ съ болѣе древняго изображенія. Ратуша узнается сдѣсь по башнѣ надъ выступающей среднею частью зданія и по гербу кіевскаго магистрата, изображающему генія, натягивающаго лукъ; впрочемъ, другіе изслѣдователи считаютъ это зданіе однимъ изъ сооруженій Печерскаго игумена Никифора Тура, имѣвшаго такой же гербъ. Болѣе надежнымъ должно считать изображеніе ратуши на общемъ видѣ Подола въ 1651 г.: она имѣетъ высокую башню со срѣзаннымъ плоскимъ верхомъ и площадкою на немъ съ перилами (по Смирнову это дворецъ Епископа); на планѣ 1695 г. тоже показано высокое зданіе, повидимому, деревянное. Въ 1697 г. было построенно каменное зданіе (по другимъ источникамъ оно 1737 г.), сгорѣвшее въ 1718 г., и, наконецъ, въ 1737 г. была построена послѣдняя ратуша, существовавшая до 1811 г; въ промежуткѣ, пока она строилась, магистратъ помѣшался около Воскресенской церкви.

Это зданіе изображено на фасадѣ Подола 1765 въ Кіевскомъ городскомъ музеѣ—въ видѣ типичнаго барочнаго сооруженія: Надъ двойной крышей и фронтовыми выступами съ разными украшеніями возвышается высокая и широкая четвероугольная башня съ грушевиднымъ куполомъ украшеннымъ вмѣсто креста большимъ геральдическимъ орломъ. Путешественники отмѣчаютъ на этой башнѣ балконъ для оркестра, галлерейку для стражи и увидительные часы съ автоматической группой арх. Михаила, поражавшаго змѣя: „Михаилъ во время пробитія часовъ змѣя во уста билъ столько, сколько часовъ ударяло“; изъ пасти змѣя сыпались по числу часовъ снопы искръ (пасть была устроена изъ особаго воспламеняющагося состава). Часы эти были испорчены однимъ

изъ пожаровъ XVIII в. и замѣнены новыми; остатки этихъ послѣднихъ находятся въ кіевскомъ городскомъ музеѣ, а именно — фигура арх. Михаила — очень хорошей чеканной работы изъ мѣди и серебра, но уже не автоматическая. Тамъ же хранится мѣдная литая статуя Ѳемиды — древней богини Справедливости, которая находилась въ XVIII в. на одномъ изъ выступовъ магистратской башни, указывая на справедливость творившуюся здѣсь лавниками и радцами; въ правой рукѣ Ѳемида держала вѣсы, а въ лѣвой высоко поднятый мечъ — символъ наказанія. Въ 1811 г., когда магистратское зданіе снова сгорѣло, былъ составленъ проектъ перестройки его, но былъ ли онъ выполненъ — неизвѣстно, такъ какъ магистратъ, будучи переведенъ послѣ этого въ домъ Сухоты, гдѣ нынѣ 3-я Кіевская гимназія, приходилъ въ упадокъ; во всякомъ случаѣ, упомянутый проектъ, повидимому, принадлежащій Меленскому или Станзапи (въ кіевскомъ музеѣ), не можетъ быть отнесенъ къ XVIII в., ибо это типичное сооруженіе въ стилѣ ампиръ съ карнизомъ изъ киматія, съ дугообразнымъ сжатымъ фронтономъ, выступающими замковыми камнями надъ дугами оконъ, приземистой башней съ неуклюжимъ купольнымъ перекрытіемъ и такими же неуклюжими фигурами Ѳемиды надъ фронтономъ, и группой арх. Михаила, поражающаго змѣя наверху башни; при томъ общія массы зданія слишкомъ малы, непропорціональны и совершенно не соотвѣтствуютъ потребностямъ магистратской жизни. Вѣрнѣе всего — это даже не проектъ перестройки стараго зданія, а просто попытка реконструкціи его кѣмъ либо изъ кіевскихъ патріотовъ, сдѣланная въ 40-хъ — 50-хъ годахъ на основаніи описаній старой ратуши.

Боевые часы на ратушахъ въ старину играли важную роль; къ нимъ приставлялись на опредѣленномъ жалованіи спеціальные „зекгамистры", каковые обычно избирались изъ войсковыхъ гармашей (пушкарей). Вездѣ устанавливались также гербы и статуи, указывавшіе на назначеніе агистрат-

скихъ помѣщеній: въ „залѣ скарба“ по обычаю долженъ былъ находиться столъ съ фигурою льва, на площади — фонтанъ (ср. въ Кіевѣ фонтанъ Сампсона), въ залѣ суда — картина страшнаго суда, въ залѣ засѣданій — портреты выдающихся гражданъ въ кунтушахъ или въ нѣмецкихъ уборахъ съ бритымъ лицомъ, какъ это можно видѣть на портретахъ кіевскихъ мѣщанъ въ городскомъ музеѣ или въ музеѣ академіи.

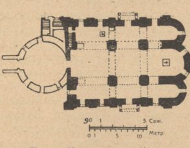
Золотая корогва. Кіевскій магистратъ, какъ и всѣ города, жившіе по Магдебургскому праву, имѣлъ свою муниципальную кавалерію — называвшуюся „Золотою корогвою“; она предназначалась для парадовъ, и иногда и для „вооруженной защиты города“ (въ XIX в. во время польскаго возстанія). „Корогва“ составлялась изъ знатныхъ гражданъ подъ начальствомъ ратмановъ и лавниковъ. Прочіе граждане имѣли свой вооруженный мѣщанскій корпусъ, раздѣленный по цехамъ. При участіи городской кавалеріи и вооруженнаго корпуса въ Кіевѣ устраивались иногда пышныя празднества, описанія коихъ даютъ возможность судитъ о богатствѣ Кіева, объ изобрѣтательности магистратскихъ художниковъ и значительномъ развитіи эстетическаго вкуса у кіевскихъ гражданъ. Къ пріѣзду знатныхъ гостей магистратъ отдѣлялъ почетные конвои, выдавалъ шумные банкеты, выставляя въ своемъ помѣщеніи розкошные транспоранты, устраивая шествія факелоносцевъ, при участіи хора воспитанниковъ магистратскаго пѣвчевскаго корпуса (существовалъ еще въ началѣ XIX в.) и магистратскаго оркестра, содержавшагося здѣсь „для игранія“ утренней и вечерней зари, а также — полуденнаго 12 часа. Магистратъ обнаружилъ большую щедрость въ пріемѣ гостей: колокольни горѣли огнями, улицы тоже; устраивались арки, на холстахъ выставлялись прозрачныя изображенія классическихъ божествъ съ символическими знаками; въ магистратѣ стояла почетная стража и знатные посѣтители интересовались ея живописными (національными) уборами.

Своимъ умершимъ членамъ магистратъ и цехи устраивали пышные похороны, при участіи той же золотой корогвы, и несеніи цеховыхъ знаменъ, и „поклітовъ“ или „гробовъ“ по числу корпорацій, принимавшихъ участіе въ этой церемоніи. Такіе обычаи соблюдались до упраздненія Магдебургскаго права, въ 1835 г.

Уничтоженіе Магдебургскаго права въ Кіевѣ было вызвано общимъ стремленіемъ правительства къ централизаціи и къ уничтоженію автономіи Украйны; тѣмъ болѣе что магистратъ постоянно враждовалъ съ губернаторской канцеляріей, и улицы Кіева нерѣдко обращались въ мѣста ожесточенныхъ схватокъ гетманскихъ и городскихъ чиновниковъ. Постоянныя поѣздки магистратскихъ депутатовъ въ Петербургъ для улаживанія разныхъ недоразумѣній и для заявленія протестовъ противъ нарушителя своихъ свободъ лишній разъ напоминали о существованіи магистрата и о необходимости уничтоженія кіевскаго самоуправленія, которое, дѣйствительно, постепенно сокращалось; въ 1785 г. обращено рѣшительное вниманіе на обрусѣніе города и въ губернаторствѣ дано преобладаніе полякамъ. Мѣщане были противъ обрусѣнія и противъ польскихъ стремленій, вспоминали времена козачества и гетманства; въ 1835 г. магистратъ былъ уничтоженъ совсѣмъ и отмѣнено дѣйствіе Магдебугрскаго права и Литовскаго статута. Сожалѣніе и плачъ по магистратскимъ обычаямъ и правамъ выразились въ стихотворныхъ произведеніяхъ неизвѣстныхъ авторовъ, тосковавшихъ по поводу „засилія Москаля“ и по поводу утери историческихъ правъ. Гербъ съ изображ. арх. Михаила и магистраторское имущество были проданы, а артиллерія передана въ Петербургскій артеллерійскій музей. Городская Дума, занявшая мѣсто стараго магистрата, была перенесена съ Подола на новое мѣсто.

Успенскій Соборъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ къ западу отъ Сампсоніевскаго фонтана и бывшаго магистрата находится церковь „Пречистой“, посвященная Успенію Бо-

городицы. При ней устраивались кіевскимъ магистратомъ и ремесленными цехами въ торжественныхъ случаяхъ парады, съ пальбою изъ пушекъ, ружей и пистолетовъ. Церковь эта на Подолѣ считалась соборною; она имѣетъ свою многовѣковую исторію. Мнѣніе, будто она была когда то костеломъ, не имѣетъ подъ собою никакой почвы, ибо формы церкви обнаруживаютъ въ ней православный храмъ, очень древняго происхожденія, и, въ самомъ дѣлѣ, она заложена въ 1131-32 гг. великимъ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ. Вѣроятно, это лѣтописная „церковь св. Богородицы, рекомой Пирогощи", названная такъ по иконѣ того же названія, принесенной изъ Царьграда нѣкіимъ Пирогостемъ (Соболевскій); ее указываютъ нынѣ въ Моск. Успенск. соборѣ. Названіе Пирогощей производятъ также отъ греческаго πύρος — пшеница и русскаго „гость" — купецъ, въ чемъ находятъ указаніе на сосѣдство храма съ „житнимъ" зерновымъ торгомъ, но вѣрнѣе будетъ вмѣстѣ съ проф. Завитневичемъ и Кондаковымъ думать, что это русская форма эпитета πυργῶτισσα (столбовая, башенная), означавшаго въ Константинополѣ Влахернскую церковь, заключенную въ концѣ императорской эпохи въ стѣны съ башнею (въ церк. пѣснѣ: „Б. М.—церкви непоколебимый столпъ"...) и въ Кіевѣ, слѣдовательно, отразившуюся на иконѣ съ изображеніемъ Влахернской святыни. Мѣстоположеніе церкви Пирогощи именно на этомъ мѣстѣ указывается „Словомъ о полку Игоревѣ": „Игорь ѣдетъ въ 1187 г. по Боричеву къ св. Богородицѣ Пирогощей". Здѣсь вблизи и начинается Андреевскій, прежде Боричевъ, ввозъ. Церковь была посвящена Успенію Богородицы также, какъ церковь Десятинная и церковь

Планъ Успенскаго собора.

Печерская, въ чемъ проявилось вліяніе, можетъ быть, того же Влахернскаго храма. Изъ Патерика Печ. узнаемъ, что Успенскимъ былъ и тотъ храмъ на Подолѣ, куда иконоп. Алимпій по заказу писалъ Деисусъ. По способу кладки стѣнъ, по формѣ кирпича и плана Пречистенская церковь — древняя. Въ XIV вѣкѣ она была перестроена кіевскимъ княземъ Симеономъ Олельковичемъ, но въ 1482 г. была „изнищена и ободрана" татарами Менгли Гирея. Въ XVI в. церковь Пречистой сдѣлалась соборной, а послѣ перехода Софійскаго собора къ уніатамъ — каѳедральной, по каковому поводу въ 1613 г. была основательно перестроена итальянцемъ Себастьяно Брачи, вѣроятно, впервые положившимъ основаніе кіевскому барокко. Брачи къ первоначальному единственному куполу храма прибавилъ еще четыре; онъ же перестроилъ своды церкви, измѣнивъ ихъ первоначальную волнистую визатійскую форму. Перейстройки дѣлались здѣсь и въ позднѣйшее время, усложняя или упрощая первоначальныя формы храма, пока первоначальная красота его не исчезла подъ этими измѣненіями. Судьбы церкви были многосложны: при церкви Успенія впервые съорганизовалось Кіевское Братство, на каѳедрѣ этого храма выступали Іовъ Борецкій, Петръ Могила. Здѣсь въ 1620 г. совершалъ „значное набоженство" патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ и позже Макарій, патріархъ Антіохійскій. Павелъ Алеппскій, спутникъ послѣдняго, оставилъ описаніе собора, какъ онъ выглядывалъ въ 1653 г.—съ 5 куполами и наружными папертями съ сѣверной, южной и западной сторонъ („опасаня"?) При храмѣ находились школа, богадѣльня и другія постройки. Въ 1718 г. все это было уничтожено пожаромъ и церковь была возобновлена лишь въ 1770 году (ср. планъ Кіева 1695 г.). Послѣ 1811 г. храмъ перестроенъ въ нынѣшнемъ видѣ съ чертами стиля имперіи. Къ западному фасаду церкви въ 1835 г. пристроена ампирная колокольня съ высокимъ шпилемъ, окна коей указываютъ, что первоначально это зданіе было барочное; это все, что осталось отъ нѣкогда 5-этажной колоколни. Южный и сѣ-

верный фасады храма имѣютъ портики съ трехугольными фронтонами на 4 хъ пилястрахъ. Они образуютъ нынѣшнее восмискатное покрытіе храма вмѣсто древняго посводчатаго, о которомъ сохранилось только воспоминаніе въ тимпанахъ арки между средними пилястрами портиковъ. Барабанъ ампирнаго купола непомѣрно высокъ и узокъ, покрытіе его полусферическое; отъ древности, такимъ образомъ, сохранились только стѣны въ видѣ основного четыреугольника и апсиды; внутри храма уцѣлѣли древніе пилястры; противъ нихъ, подъ куполомъ, поставлены крестовидные въ планѣ столбы. Храмъ, слѣдовательно, принадлежитъ къ разряду 3-нефныхъ, на 4 хъ столбахъ; форма его удлинена, апсиды мало выступаютъ и нефы узки, что указываетъ на XII вѣкъ; туда же ведетъ и отсутствіе симметріи въ боковыхъ фасадахъ (Новгородъ въ XII в.); хоры вѣроятно стояли на деревянныхъ столбахъ какъ въ Новгор. Нередицкомъ храмѣ; на стѣнахъ храма живопись отсутствуетъ, но подъ новой штукатуркой должны находиться остатки древнихъ фресокъ, если только время не стерло ихъ безслѣдно: по крайней мѣрѣ фрагменты живописи вмѣстѣ съ поливными плитками находили здѣсь при ремонтахъ. Иконостасъ храма 1778 г. въ стилѣ рококо, хорошей рѣзьбы, но переписанъ; праздничный ярусъ помѣщенъ черезчуръ высоко, горнее мѣсто украшено роскошными кіотами того же стиля съ изображеніями Царя Славы и святителей. Надъ жертвенникомъ по обычаю украинскихъ храмовъ сооруженъ особый шкафъ. На царскихъ вратахъ иконостаса сохранилась дарственная запись запорожца Василя Бѣлаго.

Около юго восточнаго угла Успенскаго храма находилась въ древности Новгородская божница или Михайловская церковь, построенная новгородскими купцами. Она упоминается въ лѣтописи подъ 1147 г. въ разсказѣ объ убіеніи князя Игоря Ольговича, хотя, правда, о Пирогощѣ тамъ ни слова. Воспоминаніе объ этой церкви, если только она была не у Кудрявца, кажется, жило здѣ ь въ XVII вѣкѣ: на планѣ Кіева около юго-восточнаго угла гостиннаго двора изображена

рядомъ съ фонтаномъ капличка съ крестомъ на крышѣ (Петровъ).

Дальше отъ храма Успенія и Александровской площади расходились улицы города; онѣ, по описанію Боплана, имѣли неправильное расположеніе, въ видѣ лабиринта, дома были обсажены садами, ворота имѣли разныя украшенія и надписи, о чемъ сообщаетъ Тимковскій, описывая, напр., домъ преподавателя французскаго языка въ академіи—Лапкевича. Въ иныхъ домахъ, гдѣ стояли постоемъ военные, висѣли надъ воротами соломенныя хоругви.

Домъ Сухоты. Старыхъ мѣщанскихъ домовъ осталось немного и то передѣланныхъ въ XIX в. Въ одномъ изъ нихъ принадлежавшемъ Сухотѣ помѣщается 3-я Кіевская гимназія. Это зданіе находится въ южномъ углу Александровской площади за скверомъ у гостиннаго двора при выходѣ на площадь Покровской ул.; послѣ пожара 1811 г. оно было отведено подъ кіевскій магистратъ, потомъ подъ городскую Думу (до постройки новаго зданія на Крещатикѣ въ 1877 г.) и, гимназію, переведенную сюда изъ зданія нынѣшняго приходскаго училища. Зданіе это имѣетъ нынѣ три этажа съ 4-мъ полуподвальнымъ, а въ XVIII в. оно было двухэтажное и безъ боковыхъ крыльевъ. Первоначальный видъ дома Сухоты сохранился въ чертежѣ 1804 г. въ городскомъ музеѣ. Тамъ же въ „Книгѣ плановъ и фасадовъ Кіева" и въ рисункахъ Мартыновича можно видѣть другіе несуществующія нынѣ зданія Кіево-Подола.

Налѣво отъ 3-й гимназіи сохранился простой старенькій домикъ Николаевской эпохи съ ампирнымъ фризомъ и интересной аркой надъ воротами; стѣны на углахъ и въ мѣстахъ, гдѣ должны быть пилястры, украшенны рустами, во второмъ этажѣ сохранились пилястры съ канелюрами. Дальше, за угломъ идетъ Покровская улица съ нѣсколькими старыми храмами и домами.

Церковь Николы Добраго. Первый храмъ въ томъ же ряду, гдѣ гимназія, названъ — Николы Добраго:

такъ потому, что при немъ находился „шпиталь"; храмъ этотъ своей архитектурой напоминаетъ старый кіевскій костелъ. Онъ построенъ въ 1807 г. на мѣстѣ храма XVIII в. въ ктиторство упомянутаго уже купца Сухоты. Стиль храма — ампиръ: на фасадѣ портикъ и двѣ башни, въ центрѣ широкій мощный куполъ; болѣе поздняя колокольня стоитъ отдѣльно; она увѣнчана московскимъ шатромъ. Внутри — благородный ампирный иконостасъ и въ немъ храмовая чудотворная икона св. Николая, именуемая Николаемъ Добрымъ. На стѣнахъ роспись 1855 г., исполненная возобновителемъ Кіево-Софійской росписи Сухобрусовымъ, пріурочившимъ къ этой церкви и переданіе о чудѣ св. Николая съ половчиномъ, бывшемъ въ дѣйствительности не здѣсь, а въ Іорданскомъ монастырѣ. Нѣкоторые склонны и самый храмовой образъ считать древнимъ, но это только списокъ съ подлинника (?), находящагося въ Новосильскомъ монастырѣ, Тульской епархіи. Плѣнный половчинъ обѣщалъ передъ иконой св. Николая пригнать кіевлянину, отпустившему его на свободу, табунъ коней, но не сдѣлалъ этого; тогда св. Николай поразилъ его болѣзнью и во снѣ напомнилъ данное кіевлянину обѣщаніе; половчинъ поспѣшилъ пригнать въ Кіевъ два табуна, изъ коихъ одинъ назначался къ церкви св. Николая; значитъ, церковь этого святого была въ Кіевѣ въ XI-XII в. Но нынѣшнее мѣсто до XVI в. было занято другимъ храмомъ, какъ думаютъ, Аѳанасіевскимъ. Впервые построилъ нынѣшнюю Добро-Николаевскую церковь запорожскій гетманъ Самойло Кушка, въ память своего избавленія отъ турецкаго плѣна, воспѣтаго въ извѣстной думѣ. Тогда же былъ устроенъ при ней шпиталь, т. е. домъ для призрѣнія престарѣлыхъ и бѣдныхъ (въ 1713 г. его захватили бернардины). Въ 1651 г. эта церковь была опустошена пожаромъ и вновь возстановлена около 1662 г. Какъ показано на планѣ Кіева 1695 г., она имѣла тогда 5 куполовъ и 3 алтарнымъ апсиды. Въ 1716 г. этотъ деревянныи храмъ былъ замѣненъ каменнымъ, разобраннымъ въ

1799 г. Вновь начатый храмъ въ 1811 году потерпѣлъ отъ пожара, послѣ котораго пріобрѣлъ нынѣшній свой обликъ.

Добро-Никольская улица. Напротивъ Доброниколаевской церкви и 3-й гимназіи стоятъ три домика Николаевскаго классицизма, которые заслуживаютъ вниманія, какъ типы отходящіе въ область прошлаго; дальше за церковью Николая находится двухэтажное зданіе женской Подольской гимназіи, построенное въ 1737 г.; верхній этажъ его первоначально былъ деревянный. Въ XVIII в. здѣсь происходили первыя контрактовыя сдѣлки и помѣщалась ремесленная управа, объединявшая ремесленные цехи; видъ зданія до перестройки имѣется въ городскомъ музеѣ. Въ 1819 г. оно было передѣлано Меленскимъ. За женской гимназіей, на углу, находился домъ Лакерды (разрушенный очень недавно) — отпрыска старой мѣщанской фамиліи. Во дворѣ Лакерды былъ устроенъ фонтанъ въ видѣ Сампсона, раздирающаго льва. За угломъ проходитъ Андреевская улица, идущая въ виду Андреевской церкви; эта послѣдняя, являясь неожиданно на пути, виситъ на вершинѣ холма, вся воздушная на небесномъ голубомъ фонѣ.

Церковь Покрова Божіей Матери. Видно, красота Андреевскаго храма давала себя чувствовать. По крайней мѣрѣ, если взглянемъ на лежащую противъ женской гимназіи церковь Покрова 1772 г., то сразу это станетъ яснымъ. Фронтоны этой церкви, а равно и сравнительная легкость ея несомнѣнно имѣютъ связь съ строительствомъ эпохи рококо. Но по конструкціи храмъ этотъ стоитъ особо. Это типичная украинская церковь съ 3 мя куполами, знаменующими Св. Троицу; они расположены по направленію съ запада на востокъ; (формы ихъ передѣланы послѣ 1811 г.); двухэтажныя паперти церкви имѣютъ родство съ лоджіями свѣтскихъ домовъ стараго Кіева; западная пристройка позднѣйшая. Внутри храма приличный иконостасъ, отдѣланный въ 1861 г. На мѣстѣ Покровской церкви въ XV вѣкѣ стояла армянская церковь Рождества Богородицы и,

слѣдовательно, здѣсь находился центръ торговаго армянскаго поселеленія, образовавшаго въ Кіевѣ приходъ, подчиненный Львовскому армянскому костелу, можетъ быть, способному нынѣ дать представленіе о приблизительномъ видѣ Кіевской армянской церкви. Въ 1651 г. эта церковь сгорѣла и на ея фундаментахъ была построена Н. Тернавіотомъ православная деревянная церковь Покрова, изображенная на планѣ 1695 г.; въ 1772 г. на ея мѣстѣ воздвигнутъ нынѣшній храмъ. Рядомъ съ храмомъ Покрова двухэтажное зданіе — богадѣльня для престарѣлыхъ им. Дехтярева. Оно относится къ 1 половинѣ прошлаго столѣтія. Стиль классическій; на фасадѣ фальшивый, но красивый портикъ.

Окресности Покровской церкви. Церковь Покрова находится въ мѣстности, бывшей въ XVII в во владѣніи іезуитовъ, явившихся въ Кіевъ въ 1620 г. Іезуиты, рядомъ съ Доброниколаевской церковью, построили кляшторъ и коллегію, куда переманивали студентовъ изъ братской школы. Ректоръ послѣдней Гизель неразъ вызывалъ іезуитовъ на религіозные диспуты; одинъ такой диспутъ съ іезуитомъ Николаемъ Чеховскимъ длился три дня (въ 1648 г.). Напротивъ „іезуитовъ" съ 1624 года находился кляшторъ бернардиновъ. Какъ тотъ, такъ и другой были упразднены во время войнъ Богдана Хмельницкаго. Въ XVIII в. на ихъ мѣстѣ между Михайловскимъ монастыремъ и Андреевскимъ спускомъ былъ разведенъ аптекарскій садъ и устроенъ запасный могазинъ аптекарскихъ вещей (основанный извѣстнымъ Кіевскимъ мемуаристомъ Лерхе въ 1770 г.); одно время имъ завѣдывалъ провизоръ Ведель, изъ семьи коего вышелъ знаменитыи духовный композиторъ. Аптекарскій садъ и складъ доставляли необходимые матеріалы для Кіевскихъ аптекъ, находившихся въ XVIII и въ началѣ XIX в. вмѣстѣ съ врачебнымъ дѣломъ вообще въ рукахъ нѣмцевъ. Здѣсь умѣстно замѣтить, что Кіевъ съ XVIII в. сдѣлался лѣчебнымъ мѣстомъ, куда пріѣзжали издалека. Для нуждъ больныхъ было устроено заведеніе минеральныхъ водъ.

У подножья „Горы“ нынѣ раскинулись кучи домишекъ, изъ коихъ иные сохраняютъ еще отпечатокъ старины; въ XVIII в. тамъ помѣщался типографскій дворъ, а теперь проходитъ улица Боричевъ токъ, указывающая приблизительно мѣсто, гдѣ жилъ Боричъ, давшій имя древнему Боричеву взвозу (нынѣшній Андреевскій спускъ). При соединеніи Боричева тока и Андреевскаго спуска начинается небольшая улица Черная Грязь: за нею, къ западу, расположено урочище Кожемяки, гдѣ въ XVII-XVIII в. существовала Васильевская казацкая церковь. Черная Грязь упирается въ ворота златоверхаго Флоровскаго монастыря, у ограды коего съ южной стороны находится скромная, старообрядческая церковь (до 1905 г. молельня), построенная въ 1817 г. Она скрыта за зданіями, что свидѣтельствуетъ о недавнемъ времени гоненій на старообрячество.

Притиско-Никольская церковь. Съ Черной Грязи поворачиваемъ на Притиско-Никольскую улицу и противъ входа во Флоровскій монастырь останавливаемся у церкви св. Николая Притиска. Эта церковь названа такъ по храмовой иконѣ св. Николая, о которой преданіе говоритъ, что она „притиснула“ вора, забравшагося въ храмъ. Церковь существовала уже въ XVI в., такъ какъ въ началѣ XVII в. извѣстны „притискіе“ священники. Въ 1631 г. была построена нынѣшняя церковь (Петромъ по фамиліи Желѣзный Грошъ); а находившаяся на ея мѣстѣ деревянная перенесена въ старый городъ и переименована въ Златоустовскую. На видѣ Кіева 1651 г. храмъ этотъ имѣетъ двускатную крышу и одинъ куполъ безъ колокольни, которая появляется уже на планѣ 1695 г. Поврежденный въ 1750 г. пожаромъ, Притиско-Николаевскій храмъ въ 1718 г. былъ отстроенъ; въ 1811 г. отъ него остались однѣ стѣны; глава его удержала нынѣ грушевидную барочную форму, на ампирной колокольнѣ сохранилась барочная лѣпка. Внутреннее убранство церкви выдержано въ стилѣ имперіи.

Напротивъ Притиской церкви въ XVII в. находился домъ кіевскаго сотника Саввы Туптала (сподвижника Богдана Хмельницкаго), который поселился здѣсь въ 1660 г., купивъ дворъ у кіевлянина Солтановскаго. Сынъ Саввы Димитрій былъ впослѣдствіи знаменитымъ митрополитомъ Ростовскимъ: онъ канонизованъ въ половинѣ XVIII в. за свою святость и за труды по составленію житій святыхъ, изданныхъ впервые въ Кіево-Печерской типографіи въ 1744 г. Теперь на мѣстѣ этого дома площадь; черезъ нее входятъ въ Флоровскій монастырь.

Флоровскій монастырь. Высокая колокольня на вратахъ Флоровскаго („св. Хорла") монастыря построена въ началѣ XIX в. Отъ нея узкая дорожка ведетъ къ златоверхому храму Вознесенія. На планѣ Кальнофойскаго первоначальный монастырскій храмъ изображенъ деревяннымъ съ 3 куполами. Въ 1639 г. онъ сгорѣлъ и былъ возстановленъ игум. Агаѳіей Гуменецкой; въ 1651 г. опять сгорѣлъ. Въ „Росписи Кіеву" 1682 г. въ Флоровскомъ монастырѣ показаны уже двѣ церкви; онѣ изображены и на планѣ 1695 г. одна — деревянная, другая — каменная (трапезная). Первая сгорѣла въ 1718 г. и вмѣсто нея въ 1722 г. была заложена нынѣшняя трехкупольная церковь Вознесенія. Она типичной украинской архитектуры имѣетъ фасады, (что необычно для украинск. архитектуры), купола расположены съ запада на востокъ, средній выше и больше другихъ, верхнія части куполовъ грушевидныя, изогнутыя; внутри храма прекрасный барочный иконостасъ, но живопись иконостаса и стѣнопись храма испорчены поновленіями. Въ храмѣ находится старинный списокъ съ Теребовельской иконы Божіей Матери, находящейся въ церкви св. Юра во Львовѣ, образъ нерукотвореннаго Спаса XVII в. и икона Богородицы „Призри на смиреніе" к. XVII в.

Противъ входа въ соборный храмъ сохранилась старая трепезная съ придѣломъ св. Флора и Лавра, устроеннымъ въ 1757 г. (2-й придѣлъ Ив. Богослова болѣе поздній).

Церковь эта перестроена послѣ пожара 1811 г. Тогда же построенъ и сосѣднiй теплый храмъ въ псевдорусскомъ стилѣ съ мраморными колоннами. Въ саду, на отлогости горы, возвышающейся въ западной части монастыря, находится больничная церковь Воскресенiя. Она круглая, какъ церковь на Аскольдовой могилѣ или какъ ротонда на фонтанѣ Сампсона, но только съ глухими стѣнами. Такiя же ротонды построены надъ монастырскимъ колодцемъ и по угламъ монастырскаго корпуса; онѣ относятся ко времени господства стиля Имперiи: корпусъ довольно изященъ съ закругленными углами, украшенными рустами, портикомъ съ колоннами и трехугольными фронтонами.

Въ XVII-XVIII вв. въ Флоровскомъ монастырѣ постригались женщины, принадлежавшiя къ высшему кругу, поэтому здѣсь почти не бывало неграмотныхъ. Теперь инокини бѣдны; онѣ пользуются только даровымъ помѣщенiемъ; главнымъ источникомъ содержанiя ихъ является личный трудъ: тканье ковровъ, шитье золотомъ, отдѣлыванiе иконъ фольгою и т. д. О золотошвейномъ искусствѣ, существовавшемъ здѣсь въ старину, говоритъ въ XVII в. Бопланъ. Тогда шитье было болѣе изящнымъ и соотвѣтствовало духу времени, когда одежда, утварь, даже наметы и конская збруя покрывались дорогимъ шитьемъ. Дворъ Флоровскаго монастыря окруженъ каменной оградой 1757 г. Тремя сторонами онъ выходитъ на „Житнiй" базаръ, Притиско-Николаевскую и Флоровскую улицы, а четвертою поднимается на, такъ называемую, Замковую Гору или Кисилевку.

Замковая Гора. Замковая Гора или гора Киселевка, на которой раскинулось кладбище Флоровской обители нѣкогда была мѣстомъ грознаго Литовскаго замка, а въ княжеское время — мѣстомъ загородныхъ дворцовъ. Почва этой горы представляетъ собою мусоръ съ остатками шиферныхъ обломковъ и кирпичей княжеской и литовской эпохи; шиферныя плиты — вѣроятно, отъ саркофага — вставлена въ помостъ передъ церковью. Въ томъ мѣстѣ,

гдѣ на рис. 1651 г. на Кисилевкѣ изображена главная церковь, въ 1897 г. была найдена обрушившаяся великокняжеская постройка, а въ 1894 г. эмалевая мастерская. Когда Кіевомъ овладѣли литовцы, то они возвели здѣсь укрѣпленія, чтобы повелѣвать Подоломъ, ибо Подолъ былъ центромъ торговой и общественной жизни Кіева; подобнымъ же образомъ послѣ 1654 г. поступили московскіе воеводы по отношенію къ самой Киселевкѣ, возобновивъ надъ нею укрѣпленія стараго города.

Кіевъ въ Литовскую эпоху своимъ видомъ значительно отличался отъ Кіева великокняжескаго. „Гора" и Подолъ имѣли тогда особый архитектурный обликъ съ чертами западныхъ стилей — романскаго и готики; въ то смутное время храмамъ и домамъ придавали видъ крѣпостей съ выдающимися верхними этажами, башнями, узкими окнами и углубленіями для пристройки оборонительныхъ галлерей. На сохранившемся изображеніи Киселевки 1651 г. (копія съ болѣе стараго?) зданія увѣнчаны шпицами на высокомъ шпицѣ посреди замка, большой шестиконечный крестъ (той же формы, что крестъ патр. Ѳеофана и др.) Это не тотъ первоначальный замокъ, опись котораго была составлена въ 1545 г.: Гваньини, посѣтившій первоначальный замокъ на Киселевкѣ, сообщалъ, что онъ вдвое больше краковскаго, былъ оштукатуренъ и выбѣленъ, какъ современные западно-европейскіе замки и города. На Руси въ XV—XVI в. строили замки по способу „крыжацкому" (какъ у крестоносцевъ) и по способу „руському". По какому изъ двухъ способовъ былъ выстроенъ кіевскій замокъ — неизвѣстно; строителемъ его называютъ кіевскаго „городника" Ив. Слушку, который скорѣе всего могъ примѣнить рыцарскій способъ. Рыцарство очень рано перебралось на Украйну, о чемъ говорятъ находки рыцарскаго вооруженія въ Кіевѣ (музей духовной академіи), рыцарскіе обычаи въ Запорожьи и самое названіе рыцарями кіевской милиціи и казачества. По словамъ Михаила Литвина, слава о кіевскомъ замкѣ шла очень да-

леко. Иноземцамъ нравилось выгодное положеніе его, обиліе растительности и звѣрей въ окрестностяхъ Кіева (олени, дикіе волы, ослы, газели, бобры... Орлятъ выращивали для перьевъ къ стрѣламъ). Литовскіе князья, утвердившіеся на Киселевкѣ, были сторонниками независимости Кіева: Михаилъ внукъ Владиміра Ольгердовича поплатился за это своей головой. (Мечъ, которымъ казнили преступниковъ, въ началѣ XIX в. хранился въ магистратскомъ складѣ). Въ замкѣ помѣщались въ XIV вѣкѣ судъ, монетный дворъ (монеты Вдадиміра Ольгердовича имѣютъ изображеніе Золотыхъ воротъ, другія—„колюмны" и сѣкиры), сюда созывались сеймики, отсюда издавались распоряженія власти. Замокъ этотъ видалъ караваны иностраныхъ купцовъ и знатныхъ путешественниковъ — между прочимъ, митр. Исидора, возвращавшагося въ 1441 г. съ Флорентійскаго собора: „отъ всѣхъ дальнихъ странъ стицахуся всякіе чоловѣцы и всякихъ благъ отъ всѣхъ странъ бываше въ немъ". Подолъ подъ покровомъ замковой горы составлялъ главную часть города. Его, какъ и другія части древняго города, реставрировали въ XV. в. князья Олельковичи, но татарскія нападенія снова приводили въ разрушеніе: ханъ Эдигей не могъ одолѣть замка, но Менгли-Гирей взялъ и его и впервые опустошилъ Кіевъ, что по недоразумѣнію приписываютъ Батыю. Благодаря бдительности замка, въ XV—XVI в. въ Кіевѣ усилилось строительство храмовъ (казацкій — Васильевскій, Богоявленскій, Флоровскій, Притиско-Никольскій и др.). Въ самомъ замкѣ въ XVI в, тоже было три церкви, подворья Никольскаго и Печерскаго монастырей и католическая каплица. Главная церковь была Покровская: Покровительство Божіей Матери надъ Русью еще до монголовъ становится фактомъ общепризнаннымъ; а позже вся Украйна покрывается храмами Покрова и изображенія Покрова становятся патрональными у казачества. Самый праздникъ Покрова имѣетъ, повидимому, кіевское происхожденіе, такъ какъ Византія никогдане его не знала; только во Влахернахъ показывали ризу (маѳорій)

фигурирующую въ сказанiи о Покровѣ Богородицы. Другiя замковыя церкви были посвящены св. Николаю, имѣвшему тоже большую популярность на Руси, и св. Василiю. Всѣ эти церкви въ XVI - XVII в.видимъ также на Подолѣ и это едва ли является случайнымъ.

Въ XVII в. съ усиленiемъ католичества и польскаго влiянiя въ Кiевѣ, число православныхъ замковыхъ церквей уменьшилось, особенно послѣ пожара замка въ 1608 г. До 1608 г. замокъ состоялъ изъ 133 участковъ съ 15 шестиугольными башнями въ 3 этажа каждая, съ бойницами; въ 2-хъ башняхъ были ворота — на сѣверѣ Воеводская брама и на югѣ — „Драбская (солдатская) брама"; передъ нею лобное мѣсто для казней. Замокъ былъ вооруженъ 11 сарпентинами, 82 „гаковницами" и 8 „кiями" (длинные самопалы). Описанiе замка 1545 г. упоминаетъ въ немъ „шпихлири" для пороха, склады камней, колодъ, ядеръ, пуль и свинца, „шопу" для артиллерiи, присутственные и частные дома (клѣти) и „зекгаръ на вежи съ колы, со всѣми приправами и при немъ зегмистра Якуба Пушкара". Архитектурные остатки литовской эпохи не разслѣдованы. Извѣстно только, что квадратные кирпичи тогда уже не употреблялись; они были незначительныхъ размѣровъ, продолговатые съ желобковатыми углубленiями; кладка шла тѣсными рядами съ незначителными прослойками, что можно видѣть въ празныхъ отъ поры до времени проваливающихся въ Кiевѣ подземелiяхъ – (льохи). Послѣ пожара 1608 г. замокъ былъ отстроенъ въ болѣе жалкомъ видѣ, но и тогда производилъ внушительное впечатлѣнiе. На планѣ Кальнофойскаго 1638 г. и на видѣ Кiева 1651 г. здѣсь виднѣются уже только двѣ церкви. Польскiе воеводы новыхъ храмовъ не разрѣшали строить, что въ 1649 г. послужило для кiевлянъ и казаковъ поводомъ требовать воеводу изъ украйнцевъ — былъ назначенъ Адамъ Кисель, по имени котораго Замковая гора названа Киселевкой. Въ 1651 г. этотъ замокъ былъ истребленъ тѣми же казаками, въ виду напавшихъ на

Кіевъ польско-литовскихъ войскъ. Съ тѣхъ поръ развалины замка успѣли сгладиться съ землей; въ 1819 г. замчище было отдано Флоровскому монастырю подъ кладбище, гдѣ теперь вѣтеръ среди могилъ напѣваетъ объ исчезшихъ временахъ свой скорбный псаломъ.

По выходѣ изъ Флоровскаго моластыря на Притиско-Никольскую улицу налѣво отъ монастырской колокольни обратимъ вниманіе на старый домъ, въ коемъ помѣщается фабрика. Онъ существовалъ еще до пожара 1811 г. и, какъ видно изъ „Книги плановъ и фасадовъ", въ XVIII в. имѣлъ зигзагообразные фронтоны, соотвѣтствовавшіе двойной барочной крышѣ, съ лѣпкой и низкими окнами. Въ 1838 г. домъ этотъ перестроенъ по проекту Станзапи.

Церковь Петра и Павла. Направо отъ Флоровскаго монастыря черезъ улицу саженяхъ въ 40 находится церковь Петра и Павла, которую легко узнать по барочнымъ фронтонамъ и главѣ, а также по остроконечнымъ готическимъ окнамъ и по высокой ампирной колокольнѣ. Смѣшеніе готическихъ, барочныхъ и классическихъ формъ объясняется исторіей этого храма. Первоначально онъ былъ католическимъ доминиканскимъ костеломъ, воздвигнутымъ въ XVI в. изъ матеріаловъ древней Борисоглѣбской церкви въ Вышгородѣ (произошло смѣшеніе Вышгорода на Вислѣ съ Вышгородомъ въ Кіевѣ). При Богданѣ Хмельницкомъ костелъ этотъ былъ разоренъ и нѣсколько позже отданъ Братскому монастырю; въ немъ подольскіе мѣщане содержали нѣкоторое время шинокъ, а въ 1691 г. Варлаамъ Ясинскій помѣстилъ здѣсь церковь св. Петра и Павла, приписавъ ее къ св. Софіи. Рафаилъ Заборовскій въ 1733 г. хотѣлъ передать ее грекамъ, но мѣщане не дали: въ 1786 г. она все таки очутилась ръ рукахъ грековъ, которые удалились отсюда только послѣ пожара 1811 г. Фронтоны Петро-Павловскаго храма намъ знакомы: они типичны для времени Мазепы и Ясинскаго — украшены лѣпкою — волютами, канеллрованными пилястрами и живописью. Стѣна западнаго фасада

тоже раздѣлана пилястрами и характерными для украинскаго барокко круглыми и крестообразными окнами; надъ оградой съ запада у самаго храма позже устроенъ навѣсъ, образующій родъ галлерейки, закрывшей красивый порталъ. Все зданіе имѣетъ четвероугольный продолговатый видъ и въ восточной своей части кончается какъ бы тремя несимметричными пристройками, изъ коихъ средняя увѣнчана высокой барочной главой. Пристройки имѣютъ неодинаковый планъ и не одни и тѣже украшенія, что указываетъ на разновременное ихъ происхожденіе. Согласно ритуальнымъ требованіямъ католической церкви въ этомъ мѣстѣ должны были находиться входы въ церковь, а алтарь былъ на западѣ. Видно по всему, что нынѣшняя алтарная часть имѣла первоначально только средній выступъ, о чемъ свидѣтельствуютъ готическія окна, возвышающіяся надъ боковыми пристройками, равно какъ и окна надъ входами въ эти пристройки изъ внутри церкви; если же сѣверо - восточный алтарный выступъ первоначальный, то тогда выступъ подобный этому надо допустить и въ юго - восточномъ концѣ. Въ такомъ случаѣ надъ обоими этими выступами, какъ о томъ сообщаетъ въ XVII в. Розвидовскій, должно предположить фасадныя башни по образцу готическихъ храмовъ запада, средняя же часть служила для входа въ храмъ и для помѣщенія органа (здѣсь въ сѣверной стѣнѣ уцѣлѣла готическая арка двери); оба боковые выступа образовали поперечный восточный трансептъ, которому, должно быть, соот-

Планъ церкви Петра и Павла.

вѣтствовалъ такой самый трансептъ въ западной алтарной части, сообщая плану храма форму шестиконечнаго креста. Этотъ второй трансептъ, какъ и восточный, можно только предполагать, такъ какъ оба они нынѣ отсутствуютъ, а разслѣдованій не производилось. Выступы трансепта были украшены башенками, примыкавшими къ нимъ въ углахъ при соединеніи съ стѣнами храма, прорѣзаны высокими стрѣльчатыми окнами съ витражами и полуколонками. Одна такая башенка съ дверью частію сохранилась въ углу между сѣверо-восточнымъ выступомъ и сѣверною стѣною, а надъ нею уцѣлѣла капителька декоративной полуколонки или пилястра.

Уцѣлѣвшая до нынѣ средняя часть храма имѣетъ внутри три продолговатыхъ нефа, раздѣленныхъ крестовидными въ планѣ столбами; на нихъ и на соотвѣтствующихъ имъ стѣнныхъ пилястрахъ лежатъ крестовые своды, которые едва ли являются первоначальными, такъ какъ, судя по основанію подпружныхъ арокъ у нѣкоторыхъ столбовъ, дуги ихъ первоначально направлялись одна къ другой подъ острымъ угломъ; такія стрѣльчатыя арки имѣются на стѣнахъ алтаря (одна заложена со стороны церкви надъ иконостасомъ). Подпружныя арки въ алтарѣ держатся на особыхъ консоляхъ. Окна въ иныхъ мѣстахъ сохранили свою первоначальную форму, а въ другихъ нѣсколько измѣнены; куполъ надъ нынѣшнимъ алтаремъ, гдѣ первоначально находились входы въ храмъ, увѣнчанъ грушевидной главой на восмеричномъ барабанѣ, а этотъ стоитъ на четвероугольномъ пространствѣ, образованномъ подпружными готическими арками, несшими первоначально готическій стрѣльчатый сводъ, что было и въ остальномъ пространствѣ храма. Готика, такимъ образомъ, до нашего времени потерпѣла здѣсь значительныя измѣненія, лишившись кружевной рѣзьбы, колючихъ украшеній, паутинныхъ розъ, пучковыхъ столбовъ, и стрѣльчатыхъ сводовъ, изгибающихся гримасничающихъ статуй. Иконостасъ храма имѣетъ всѣ черты стиля рококо:

онъ испещренъ изящной рѣзьбой; иконы его искажены перепискою, но интересны по своему содержанію, характерному для украинской религіозной живописи XVIII в. —особенно нижній ярусъ — гдѣ изображены 12 библейскихъ источниковъ, 70 пальмъ, лоза истинная, источникъ водъ живыхъ и др. прообразы, знаменующіе новозавѣтныя откровенія. Въ Великороссии на мѣстѣ этихъ изображеній помѣщаются обычно фигуры древнихъ мудрецовъ и сивиллъ, пророчествовавшихъ о Христѣ.

Колокольня Петро-Павловской церкви построена въ 1744 году. Она двухэтажная; нижній этажъ массивный съ рустованными пилястрами, верхній болѣе легкій съ полуколоннами и карнизомъ. Верхъ ея, имѣвшій ту-же форму, что и куполъ храма послѣ пожара 1811 г. получилъ видъ полусферы съ фонарикомъ и иглой.

Во дворѣ церкви на мѣстѣ каѳедральнаго костела, построеннаго въ XVI в. и разрушеннаго Богданомъ Хмельницкимъ, помѣщаются зданія бывшей духовной семинаріи — нынѣ Кіево-Подольскаго духовнаго училища; главный корпусъ его построенъ въ 1832 г. (2-й этажъ надстроенъ въ 1874 г.); фасадомъ своимъ онъ выходитъ на Константиновскую улицу, получившую свое названіе отъ близъ лежащей церкви св. Константина и Елены.

Константиновская ул. — На эту улицу можно попасть, пройдя со двора Петропавловской церкви черезъ парадный ходъ духовнаго училища. Напротивъ училища черезъ улицу уцѣлѣло отъ Николаевской эпохи розовое зданіе съ интересными дугами надъ окнами и дверями, въ нижнемъ этажѣ въ углахъ розетки.

Дальше по Константиновской ул., при пересѣченіи ея съ Хоревой, находится торговая школа. Въ двухэтажномъ ея зданіи въ нач. XIX в. помѣщалось дворянское училище, которое впослѣдствіи было переименовано въ гимназію, переведенную въ 1878 году въ домъ Сухоты. Напротивъ торговой школы черезъ улицу двухэтажный домикъ 1704 г., въ

которомъ въ 1706 г. останавливался Петръ Великій. Этотъ домъ, нынѣ занятый пріютомъ, первоначально принадлежалъ частному лицу, съ 1787 г. въ немъ помѣщалось приходское училище, открытіе котораго происходило при весьма торжественной обстановкѣ — салютахъ изъ пушекъ и рѣчахъ Софійскаго витіи Леванды. Однимъ изъ первыхъ его преподавателей былъ Максимъ Берлинскій, положившій начало изученію топографіи и исторіи древняго Кіева. Прежній домъ училища нынѣ перестроенъ; судя по рисунку у Фундуклея и П. Мартыновича, онъ былъ прекрасной украинской архитектуры, имѣлъ открытыя лоджи во 2 мъ этажѣ и двѣ фасадныя башни по бокамъ; нижній этажъ былъ украшенъ четырехугольными столбами, верхній — колоннами. Открытая галлерея была также и на задней сторонѣ. Слѣды галлереи можно видѣть теперь въ новой закладкѣ между арками. Боковыя части и покрытія теперь искажены. По этому дому видно, какъ жили въ старину, въ козацкомъ и въ мѣщанскомъ сословіяхъ. Въ виду постоянныхъ кровавыхъ столкновеній, при постройкѣ приходилось заботиться объ обезпеченіи безопасности, поэтому дома имѣли какъ бы видъ укрѣпленій съ башнями, массивными стѣнами и узкими окнами, но искусство барокко смягчало ихъ суровый видъ; открытыя лоджіи въ домѣ приходскаго училища ведутъ свое происхожденіе изъ Италіи. Ничего особеннаго нельзя сказать о другихъ зданіяхъ Подола; все это новыя безвкусныя коробки съ просвѣтами для оконъ и дверей; старые же дома давали почти тѣ самыя впечатлѣнія, что и домъ приходскаго училища: одна и таже жизнь порождала одни и тѣ же вкусы. Такимъ, по крайней мѣрѣ, былъ сосѣдній не такъ давно сломанный домъ XVII—XVIII в., слывшій подъ названіемъ дома Артемихи; онъ имѣлъ интересные барочные фронтоны, украшенные лѣпными волютами, филенками и фестонами, богатые порталы и оконные наличники.

Церковь Константина и Елены. По Хоревской улицѣ, недавно получившей свое имя отъ Хорива, одного изъ

трехъ миѳическихъ братьевъ — основателей Кіева, пройдя вверхъ черезъ Константиновскую, очутимся на площади Житняго базара, передъ которою стоитъ церковь св. Константина и Елены. Эта церковь находится на землѣ, составлявшей въ началѣ XVII в, загородную часть владѣній Кіевской католической епископіи. Богданомъ Хмельницкимъ земля эта была возвращена мѣщанамъ, которые и поставили здѣсь Цареконстантиновскую церковь, сгорѣвшую въ 1726 году. Нынѣшняя каменная церковь построена въ 1734 г. бурмистромъ Минцевичемъ; въ 1747—57 г. вокругъ нея по обычаю украинской архитектуры была придѣлана каменная галлерея и построена колокольня съ церковью въ честь св. Димитрія Ростовскаго. Церковь имѣетъ восьмискатныя перекрытія и до сихъ поръ хранитъ неприкосновеннымъ свой первоначальный красивый куполъ, по карнизу украшенный звѣздами; внутри старинный барочный иконостасъ хорошей рѣзьбы и иконописи.

Житній торгъ. Дальше открывается площадъ Житняго (ржаного) торга, гдѣ въ XVII в. находился бискупскій дворецъ. Житній торгъ существовалъ здѣсь еще въ XI в.; это было мѣсто собраній враждебно настроеннаго къ князю вѣча. Изяславъ Ярославовичъ послѣ крупнаго разногласія съ кіевлянами перенесъ было торговище съ Подола на „Гору“ („изагна торгъ на гору“), чтобы оказывать давленіе на вѣче, но впослѣдствіи торговля опять перешла на старое мѣсто. Въ то далекое время торгъ, вѣроятно, напоминалъ восточные базары. Это было мѣсто, гдѣ рѣшались важныя дѣла, узнавались новости, давались объявленія князя и частныхъ лицъ, что видно изъ русскаго дополненія къ описанію чудесъ св. Николая, гдѣ сообщается, какъ послѣ извѣстнаго чуда на Днѣпрѣ — митрополитъ „посла проповѣдника на соборъ торгу“ — спросить чье дитя находится въ св. Софіи. На торгу стоялъ шумъ и крикъ, располагались продавцы съ товарами и стояли лавки („затворы“) съ разными товарами, о чемъ можно узнать изъ житія св. Ѳеодосія. Въ XVII в. передъ дворцомъ бискупа посреди площади стояла высокая

„фігура“ крестъ. Въ настоящее время это преимущественно крестьянскій базаръ, куда жители окрестныхъ селъ привозятъ свои продукты. Здѣсь можно еще наблюдать національные украинскіе уборы, а также разукрашенные рѣзьбой и живописью возы и сани, запряженные волами; упряжка лошади въ кіевскихъ пригородахъ уже утеряла свой мѣстный характеръ. Здѣсъ же нерѣдко появляются исчезающіе уже типы нищихъ лирниковъ и даже бандуристовъ.

Кожемяки. Къ западу отъ Житняго базара, за Замковой горой, возвышающейся съ юга, раскинулись „Кожемяки“, черезъ которыя можно попасть на старый городъ. Здѣсь, начиная съ X—XI в. (о XVII в. см. записки Развидовскаго), живутъ кожевники. На самомъ сѣверо-западномъ склонѣ Киселевки на Кожемякахъ стоитъ каменная Крестовоздвиженская церковь, построенная въ 1825 г. на мѣстѣ сгорѣвшей въ 1811 г. деревянной трехкупольной церковки. Нѣкоторые полагаютъ здѣсь мѣсто древней Новгородской Михайловской божницы, что дало поводъ къ устройству въ этой перкви Михайловскаго придѣла. Воздвиженская церковь имѣетъ черты стиля имперіи. Колокольня ея съ 4 открытыми пролетами. Въ приходѣ этой церкви въ XVIII в. жилъ сапожникъ Василій Сікачка — отецъ знаменитаго кіевскаго проповѣдника Леванды. Въ этой части города нѣкоторые помѣщаютъ и Копыревъ конецъ древняго Кіева. Черезъ Кожемяки къ Житнему торгу течетъ ручей Глубочица и тамъ, соединяясь съ Кіянкой, протекаетъ по каналу между Подоломъ и Плоской частью. Не на этомъ ли ручьѣ была древняя гавань и церк. пр. Иліи?

III.

Плоское, Щекавица и Оболонь.

Подолъ кончается на сѣверѣ канавой, проведенной на мѣстѣ древней рѣченки Кіянки, за которой начинаются Плоская часть и Оболонь съ возвышающейся надъ ними Щекавицкой группой холмовъ. Канава идетъ отъ Житняго торга до Днѣпра; по бокамъ ея на томъ мѣстѣ, гдѣ проходили высшій (со стороны Подола) и низшій (на Плоской сторонѣ) валы, разведенъ бульваръ. На общемъ видѣ Кіева въ 1651 г. на этихъ валахъ показанъ частоколъ; другіе валы защищали проходы и спуски на Плоскую часть со стороны верхняго города „(пробитый валъ" на Львовской ул.) и отъ Лысой горы, что надъ Іорданской церковью до Днѣпра— со стороны сѣверной. Валы эти упоминаются подъ 1161 г. и позже въ актахъ XVI—XVII вв.; они чуть ли не доисторическаго происхожденія, что свидѣтельствуетъ о древности Плоской части и, дѣйствительно, здѣсь сдѣлано множество археологическихъ находокъ, открыты стоянки первобытнаго человѣка, пещерныя жилища, землянки. Очевидно, древнѣйшее кіевское поселеніе было именно здѣсь. О торговыхъ и иныхъ сношеніяхъ этого древнѣйшаго Кіева свидѣтельствуютъ находимые здѣсь клады монетъ (греко-римскія монеты I—IV в., византійскія IV—VI в., арабскія VIII в. и др., восточныя различныхъ мѣстностей и династій того же времени, варяжскія); причемъ сѣверная половина Плоской части оказы-

вается болѣе древнею со слѣдами сношеній съ востокомъ, а южная часть болѣе поздней, относящейся къ варягорусскому періоду. Какъ думаютъ, жизнь съ Плоской части окончательно отхлынула только со времени нападенія на Кіевъ Менгли-Гирея въ 1482 г. Доказательствомъ древности „Плоскаго" служатъ существовавшія здѣсь въ дотатарскую эпоху церкви Введенія, Николая, Кирилла и др. Изъ нихъ Введенская церковь является центромъ южной половины Плоскаго, а Никольская Іорданская — сѣверной.

Церковь Введенія. Къ церкви Введенія отъ Житняго торга удобнѣе всего попасть пройдя по бульвару вдоль каваны до Почаевской удицы и по Почаевской до Ярославской улицы. Здѣсь на углу и расположена эта церковь; мимо нея въ XVII в. проходила р. Глубочица, отведенная позже въ канаву; Волошская улица, на которой нынѣ стоитъ эта церковь, въ старину называлась „быдлогонною" (скотопрогонною), что соотвѣствуетъ лѣтописному сказанію, помѣщающему на мѣстѣ церкви Введенія — истуканъ скотья бога Волоса (отсюда названіе Волошской улицы). Передъ Волосомъ и Перуномъ древняя Русь клялась, „полагая на землю щиты своя, обручи (гривны) и мечи обнаженны". Въ христіанскія времена на мѣстѣ требища Волоса была построена церковь св. Власія, принятаго за покровителя скота вмѣсто бога Волоса. Она существовала до 1650 г., а потомъ была построена новая церковь, замѣненная въ 1792 г. нынѣшней Введенской; часть мощей св. Власія въ ней находится и теперь. Въ окрестностяхъ церкви были находимы византійскія и другія монеты. За церковью Введенія вверхъ по набережной расположенъ Оболоньскій заливъ съ портомъ и дальше бульваръ; въ портъ впадаетъ Почайна; мѣсто между Почайной и Днѣпромъ, занятое городскимъ выгономъ, въ древности называлось „Сѣтомлею".

Отъ церкви Введенія поворачиваемъ по Ярославской улицѣ обратно къ Житнему торгу, пересѣкая улицы Волошскую, Межигорскую и Константиновскую. Въ самомъ концѣ

Ярославской ул., при выходѣ ея на Кирилловскую, были открыты погреба съ грудами костей — слѣды казацкихъ опустошеній, сдѣланныхъ въ „Бискупщинѣ". Дальше, останавливаясь на пути у возвышающейся здѣсь же противъ Щекавицкой ул. горы Щекавики (съ кладбищемъ) и у смежнаго съ нею Іорданскаго монастыря, направляемся къ древней обители св. Кирилла.

Щекавика. Щекавика это только одна изъ горъ въ цѣлой группѣ возвышенностей, расположенныхъ на юго-западъ и сѣверъ отъ Оболони (сюда входили Жидовскій городъ, Олегова могила, Кудрявецъ, Щекавика и Дорогожичи). До XV в., Щекавика, какъ совокупность всѣхъ связанныхъ съ нею холмовъ, будучи укрѣплена, господствовала надъ Оболонью; — что было и въ глубокой древности: Англійскій ученый Вигфюссонъ находитъ даже возможнымъ видѣть здѣсь центръ столицы обширнаго готскаго царства короля Эрманариха (IV в.). Лѣтописецъ изображаетъ Щекавику, какъ крѣпость (защита Кіева отъ Юрія Долгорукаго); въ Литовскую эпоху Щекавика опустѣла и на ней росъ виноградъ; въ 1658 г. вслѣдствіе отпаденія гетмана І. Выговскаго отъ Москвы и шатости кіевлянъ, бояринъ Шереметьевъ осадилъ на Щекавикѣ и разбилъ брата Выговскаго — Даніила. Въ 1663 г. ее осаждали поляки, въ 1667 и въ 1678 г. — татары, наконецъ, въ 1772 г. здѣсь устроено кладбище для подольскихъ жителей на томъ основаніи, что на Шекавикѣ въ 912 г., по сказанію лѣтиписи, былъ погребенъ Олегъ (одинъ изъ Олеговъ?); тогда же была построена кладбищенская церковь всѣхъ святыхъ. Это и теперь еще прелестное сооруженіе Елизаветинской эпохи въ 1809 г. было грубо обезображено перестройкою. Иконостасъ церкви и утварь хранятъ въ себѣ черты эпохи рококо. Видъ церкви до перестройки имѣется въ кіевскомъ музеѣ.

За кладбищемъ улица, ведущая на гору отъ предполагаемой могилы Олега названа Олеговою, дальше къ западу вдоль Кирилловской ул. идетъ горная гряда, называемая

Карпиловкой, за нею расположилась возвышенность Дорогожицкая, а къ сѣверу за Щекавикой надъ Днѣпромъ возвышается гора Хоревица (?) съ Вышгородомъ, гдѣ у кн. Владиміра былъ дворъ и 200 наложницъ, а впослѣдствіи стояла знаменитая Борисоглѣбская церковь съ мощами этихъ святыхъ. У самаго подножья Щекавики у Цыганскаго переулка въ 1870 г. на усадьбѣ товарищества пивовареннаго завода былъ найденъ склепъ съ 4.000 человѣческихъ скелетовъ, представлявшихъ вѣроятно результатъ опустошенія Плоской части и смежныхъ съ нею урочищъ Менгли-Гиреемъ. Здѣсь же въ окрестностяхъ вездѣ раскиданы въ изобиліи славянскія погребенія языческ. періода (VIII—IX в.).

Іорданская церковь. Рядомъ, къ сѣверу, расположена небольшая гора со слѣдами древняго вала, называвшаяся въ старину Лысой горой; на ней кладбище, а подъ горою Іорданская церковь. Это именно и есть центръ древнѣйшаго Кіева до великокняжеской поры. Нынѣшняя церковь (1866 г.) — оффиціальной архитектуры съ высокой шатровой колокольней; она посвящена св. Дмитрію, — въ древности она была Николаевской; находившійся при ней Іорданскій монастырь назывался такъ въ память чуда съ однимъ кіевскимъ паломникомъ въ святую землю, нашедшимъ здѣсь свой сосудъ, уроненный въ рѣкѣ Іорданѣ. Въ этотъ монастырь были переведены въ XVII в. инокини изъ женской обители при Михайловскомъ монастырѣ. Развалины древней Николаевской церкви XI в. до сихъ поръ существуютъ близъ нынѣшней церкви въ усадьбѣ Марра, гдѣ виденъ также слѣдъ древняго Никольскаго подъема на гору. Къ этой церкви надо пріурочивать сказаніе о чудѣ съ Половчиномъ, отнесенное въ XIX в. къ церкви Николая Добраго, въ XI в. еще не существовавшей. Икона Николая, отъ которой, будто бы, совершилось чудо, (сомнительный оригиналъ ея покрытый множествомъ красочныхъ наслоеній находится нынѣ въ Новосильскомъ монастырѣ Тульской епархіи), не древняя, но культъ св. Николая на Руси извѣстенъ съ первыхъ

временъ и, вѣроятно былъ принесенъ сюда съ Запада, варягами: еще Аскольдъ строитъ церковь св. Николая и въ XI — XII в. совершаются чудеса при иконахъ этого святого; въ 1096 98 г. митрополитъ Ефремъ, по соглашенію съ папой Николаемъ, установилъ на Руси празднованіе перенесенія мощей св. Николая въ Баръ. Развалины княжеской церкви въ усадьбѣ Марра (открыты въ 1832 г. Лохвицкимъ), кажется, не безосновательно принимались иногда за древнюю церковь пророка Иліи, въ которой въ 945 г. присягали грекамъ русскіе христіане и каковую, дѣйствительно, можно помѣщать нѣсколько въ сторонѣ надъ Глубочицей при поворотѣ ея отъ Щекавицы къ Днѣпру.

Оболонь. Отъ Іорданской церкви еще въ XVIII в. шла стѣна и валъ по направленію Кирилловской ул. и въ сторону Днѣпра. За нимъ находится мѣстность, извѣстная подъ названіемъ Оболонь или Болонь, упоминаемая еще въ 1096 г. по случаю нападенія на Кіевъ хана Боняка. Болонье простирается до самаго Вышгорода вдоль Плоскаго. Мѣстность эта весной страдаетъ отъ наводненій, почему въ прибережныхъ частяхъ дома строятся на сваяхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Оболонь покрыта зарослями лозы, которую Карамзинъ принялъ за виноградную лозу, написавъ, что въ княжескую эпоху здѣсь были придворные виноградники. Во всякомъ случаѣ, жизнь на Оболони замѣтна очень рано, (въ 1876 г. найдены греко - римскія монеты III в. въ усадьбѣ Мигурина). Во времена Магдебургскаго права на Оболони производились „экзерциціи“ (упражненія) вооруженнаго мѣщанскаго корпуса. Посрединѣ Оболони проходитъ Оболоньская улица, на которой уцѣлѣло нѣсколько домиковъ Николаевской эпохи, а за нею высшая и низшая Юрковская ул., проходящія на мѣстѣ ручья Юрковицы или Сверховицы, по которому Андрей Боголюбскій проникъ на Подолъ; дальше Кирилловскую ул. пересѣкаетъ Мыльный переулокъ, получившій свое названіе отъ мыловарень; за

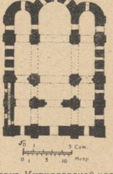
нимъ на горѣ Богоугодныя заведенія съ древней церковью св. Кирилла.

Дорогожичи. Все взгорье вплоть до Кирилловскаго монастыря обслѣдовано Армашевскимъ, Феофилактовымъ, Антоновичемъ и Хвойкой; оно усѣяно пещерами и земными жилищами первобытнаго человѣка, появившагося здѣсь въ послѣледниковую эпоху, когда сѣверъ Россіи находился еще подъ льдами. Въ лёсѣ первобытный человѣкъ имѣлъ прочныя и сухія жилища, но они были разграблены кладоискателями, искавшими въ этихъ пещерахъ царственныхъ богатствъ гетмана Мазепы. Такъ пропало много памятниковъ, которые по опредѣленію Хв. Вовка относятся къ Мадленской эпохѣ, современной мамонту и сѣверному оленю. Находки, добытыя здѣсь изслѣдователями, частью хранятся въ археологическомъ музеѣ при кіевскомъ университетѣ.

Въ народномъ воображеніи Кирилловская улица и ея пещеры слывутъ, какъ мѣсто подвиговъ какого то подвижника Кирилла и богатыря Кирилла Кожемяки, олицетворившаго въ себѣ богатырскую бдительность и усилія древняго Кіева, постоянно поджидавшаго съ этого мѣста враговъ. Мѣстность эта называется еще Дорогожичи („Дорожница"), такъ какъ здѣсь сходились нѣсколько путей къ Кіеву; они были напоены кровью и трупами. Кто овладѣлъ этимъ мѣстомъ, для того Подолъ былъ уже беззащитенъ. Отсюда пришелъ къ Кіеву въ 1140 г. и князь Всеволодъ II Ольговичъ. Овладѣвъ Кіевомъ, онъ построилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, можетъ быть, уже (въ пещерахъ) подвизались иноки, Кирилловскій монастырь (извѣстенъ съ 1231 г.), сдѣлавъ его „отнимъ" для рода Ольговичей, отчего онъ и носилъ названіе черниговскаго (Кальнофойскій).

Кирилловская церковь. Къ Кирилловской церкви можно попасть съ Подола трамваемъ по Кирилловской ул., или съ Крещатика отъ Городской Думы черезъ старый городъ и Лукьяновку. Мѣстность древняго Кирилловскаго монастыря и окрестности его очень живо-

писны: Древніе отшельники умѣли цѣнить красоту природы, видя въ ней отраженіе красоты Божіей. Кирилловская церковь была построена такъ, какъ строились всѣ храмы XI-XII в. Тонкій квадратный кирпичъ и его кладка на розовомъ растворѣ въ перемежку съ булыжникомъ имѣетъ форму и размѣры обычные для кіевской архитектуры. О передѣлкахъ и о разрушеніяхъ этого храма неизвѣстно ничего, такъ какъ свѣдѣнія о немъ послѣ XIII в. прерываются до 1530 г., когда былъ составленъ межевой актъ владѣній этого монастыря; въ 1555 г. Сигизмундъ II предоставилъ нѣкоему Богдану Шавулѣ „тую церковь на собѣ до живота своего держати“ (на правахъ патрона), потомъ захватилъ ее Филонъ Стрибылъ, а послѣ она находилась во владѣніи Константина Острожскаго, который поручилъ храмъ игумену Василю Красовскому Чорнобривцу (въ 1605 г.). Этотъ послѣдній „запустѣлые и заваленные отъ давнихъ часовъ муры и верхъ диравый оправилъ“, т. е. починилъ стѣны, купола, а также подправилъ роспись. Нѣкоторое время здѣсь были архимандритами Иннокентій Гизель, авторъ „Синопсиса“ и св. Димитрій (Туптало) Ростовскій.

Планъ Кирилловской цер.

Нынѣ это единственный въ Кіевѣ древній храмъ, не имѣющій пристроекъ; весь первоначальный остовъ его сохранился отъ древности цѣликомъ; измѣнены только перекрытія и своды, которые въ древности были выше. Въ планѣ храмъ имѣетъ форму удлиненнаго четвереугольника, раздѣленнаго на 3 высокихъ нефа 6 ю крестовидными столбами, которымъ съ логической необходимостью соотвѣтствуютъ снаружи и внутри пилястры стѣнъ, какъ скелетъ несшіе своды и куполъ. Древнюю кладку стѣнъ и главнаго купола можно видѣть на чердакахъ, гдѣ имѣются также слѣды древнихъ сводовъ,

напр., надъ западнымъ коробовымъ сводомъ въ юго-западномъ направленіи отъ купольнаго пилона. Подъ крышей можно видѣть карнизъ купола, выходившій раньше наружу, а также древнія купольныя окна. Малые купола, расположенные вокругъ главнаго купола, новые — барочные; они имѣютъ 8-мигранные барабаны, тогда какъ средній древній куполъ цилиндрическій; надъ западнымъ фасадомъ выступаетъ пышный укранскій фронтонъ, напоминающій фронтонъ Петропавловской церкви на Подолѣ. Въ его карнизѣ, нишахъ и лѣпныхъ узорахъ большинство линій изогнуто, онѣ волнуются и дразнятъ глазъ безпокойной красотой. Церковь благодаря фронтону напоминаетъ свѣтское сооруженіе: судя по всему, это эпоха Мазепы и Варлаама Ясинскаго. Внутри храма имѣются хоры, столбы у хоръ выпускаютъ изъ себя вмѣстѣ съ обращенными къ нимъ пилястрами 2-хъ слѣдующихъ столбовъ полуколонки на подобіе столбовъ на хорахъ Спасскаго собора въ Черниговѣ и Кіево-Софійскаго собора. Проходъ на хоры устроенъ въ сѣверо-западной стѣнѣ, гдѣ видна древняя кладка; такой же узкій проходъ имѣется внутри южной стѣны у алтаря Кирилловскаго придѣла, будучи предназначенъ для новопристриженныхъ монаховъ, проводившихъ нѣкоторое время въ храмѣ или для какого либо хранилища, не исключая и погребальнаго назначенія, такъ какъ погребеніе въ подобномъ помѣщеніи въ 1909 г. было найдено худ. Святославскимъ внутри стѣны главной алтарной апсиды. Одинъ актъ XVII в. (1609 г). упоминаетъ также „склепикъ" у жертвенника (ниша?) На хорахъ и подкупольныхъ пилонахъ сохранились древніе шиферные карнизы; внутри своды коробовые; такими они были и въ древности—только поднимались тогда нѣсколько выше.

Стѣны Кирилловской церкви сохранили древнюю фресковую живопись. Стѣнопись храмовъ въ XII в. въ Кіевѣ, какъ и въ Византіи играла важную роль, давая мастеру широкое поле для творческой работы. Въ Византіи въ области стѣнописей въ X—XII в. наблюдалось возрожденіе:

Церковь Св. Кирилла Александрійскаго.

Кирилловскій Соборъ. Видъ на ю.-в. часть съ хоръ.

художники пользовались композиціями мелкихъ иллюстрацій къ рукописямъ, внося въ нихъ различныя прикрасы и натуралистическія подробности, что мы видѣли и въ Кіевѣ; это самое замѣчаемъ въ Кирилловскихъ фрескахъ. Всѣ надписи сдѣланы здѣсь по славянски (въ Михайловскомъ монастырѣ частію по гречески, а частію по славянски), что даетъ возможность предполагать въ фрескахъ работу мѣстныхъ мастеровъ. Въ томъ убѣждаетъ насъ и значительное уклоненіе Кирилловской росписи отъ схематичности отмѣченной выше въ Софійскомъ соборѣ — въ сторону большей стилистической рѣзкости и аскетической сухости, однако соединенной съ утонченной жизненностью, начало чему положено въ мозаикахъ Михайловскихъ. Но въ общемъ система Кирилловской росписи имѣетъ много общаго съ росписью кіевской Софіи: и, м. б., была близка къ стѣнописямъ черниговскаго собора: въ главномъ алтарѣ повторено все, что въ свое время было помѣщено въ Софіи; въ лѣвомъ придѣлѣ и внутри храма — много единоличныхъ фигуръ въ рамахъ и медальонахъ во весь ростъ или по грудь (портреты, какъ въ Софійскомъ соборѣ, среди нихъ ср. св. солунянъ), тѣ же орнаменты между священными изображеніями и такія же полуколонны на нѣкоторыхъ столбахъ. Но на тріумфальной аркѣ кромѣ обычной сцены Благовѣщенія представлено Срѣтеніе (налѣво Божія Матерь съ Іосифомъ и направо Симеонъ съ Анной) и подъ нимъ фигуры апостоловъ Петра (налѣво) и Павла (направо). Въ сѣверномъ древнемъ придѣлѣ св. Бориса и Глѣба, (указ. на дворцовое назначеніе церкви), а нынѣ Михайловскомъ — среди единоличныхъ изображеній имѣемъ весьма интересный подборъ святыхъ македонянъ и солунянъ, указывающихъ на связь кіевскаго искусства съ южнославянскими странами. Здѣсь величественные св. Константинъ (Кириллъ?), Климентъ (Болгарскій), Іоаннъ Македонянинъ, Іосифъ Солуньскій, Евменій, Анфимъ, Киріакъ. Лучшее изображеніе — молодой мученикъ въ княжеской одеждѣ (по грудь). На столпѣ портретъ игумена Красовскаго Чер-

нобривца-—драгоцѣнный памятникъ столь мало сохранившейся въ Кіевѣ живописи XVI в. Онъ хранитъ обликъ человѣка, которому храмъ Кирилловскаго монастыря обязанъ своимъ спасеніемъ.

Въ средн. части храма между окнами изображены св. столпники, а ниже оконъ огромныя композиціи Рождества Христова (на южной стѣнѣ) и Успенія (на сѣверной); на столпахъ святые, въ парусахъ Евангелисты, въ барабанѣ и въ куполѣ Апостолы и Вседержитель. Композиціи Рождества и Успенія весьма интересны: въ нихъ введены бытовыя подробности и пейзажъ; таковыми въ сценѣ Рождества является сцена омовенія младенца, явившаяся въ искусствѣ подъ вліяніемъ обычныхъ представленій объ обстановкѣ рожденія; здѣсь же вверху сіяющая звѣзда и славословящіе ангелы, шествіе и поклоненіе волхвовъ; значительное мѣсто отведено горамъ, очертанія коихъ соотвѣтствуютъ движеніямъ человѣческихъ группъ, какъ въ декораціяхъ Кахріе Джамми и Мистры. Въ сценѣ Успенія представлены группы апостоловъ, несущихся на облакахъ къ гробу Богородицы. Обѣ эти фрески не ранѣе XIV - XV в. Онѣ писаны клеевыми красками по сухой штукатуркѣ и имѣютъ характерныя для этого времени черты стиля (цвѣтные рефлексы и т. п.).

Въ росписи южной апсиды подъ видомъ событій изъ жизни св. Кирилла Александрійскаго представлены русскія бытовыя сцены XII в. Св. Кириллъ жилъ въ V в., боролся съ представительницей языческой философіи — Ипатіей и на 3-мъ вселенскомъ соборѣ выступалъ противъ Несторія. Въ фрески, изображающія его житіе, вторглась русская жизнь: здѣсь изображены въ центрѣ Богородица, благословляющая Кирилла и Аѳанасія, и дальше—исцѣленіе Кирилломъ бѣсноватаго, проповѣдь Кирилла среди народа составленіе имъ своихъ сочиненій въ присутствіи двухъ учениковъ (они стоятъ спустивъ рукава по древнему обычаю), наставленіе царю, поученіе въ соборѣ и споры съ еретиками („проповѣдуетъ правую вѣру"), проклятіе еретиковъ (стоятъ взяв-

шись за бороды) и погребеніе св. Кирилла въ розовомъ гробѣ (съ крестомъ), напоминающемъ шиферные саркофаги. Въ сценѣ, гдѣ Кириллъ поучаетъ царя, на императорѣ русскія бармы и одежда: онъ въ стеммѣ съ драгоцѣнными камнями и иконками, въ нараменникѣ съ камнями и въ національномъ короткомъ кафтанѣ, подъ которымъ видна вышитая рубаха, въ широкихъ шароварахъ и въ низанныхъ жемчугомъ красныхъ сапогахъ; Св. Кириллъ безъ шапочки, хотя по Вальсамону онъ и получилъ лоръ на голову отъ папы Целестина за то, что замѣщалъ его на Эфесскомъ соборѣ. Въ сценѣ учительства на соборѣ императоръ, держащій свитокъ соборныхъ постановленій, одѣтъ въ византійскую одежду (шапочка съ свисающими препендулами на вискахъ, далматикъ и лоронъ), что наводитъ на мысль, не изображенъ ли въ первой сценѣ самъ строитель храма Святополкъ Ольговичъ, носившій въ крещеніи имя Кирилла или его преемникъ (онъ окончилъ храмъ) Святославъ? Надписи на этихъ изображеніяхъ весьма важны для исторіи языка. Въ Кирилловскомъ придѣлѣ изображены еще св. Іоаннъ, Прохоръ и Евлогій.

Въ папертии храма уцѣлѣли остатки Страшнаго Суда: 12 судей, которые, по Евангелію, сядутъ по числу колѣнъ Израильскихъ судить живыхъ и мертвыхъ и подъ ними толпы праведныхъ, колѣнопреклоненныя фигуры, ангелы и врата ада; на выступающемъ плоскомъ лѣвомъ столбѣ — группа праведниковъ; на правомъ столбѣ — ангелы, свивающіе небо въ видѣ свитка съ звѣздами (по античному представленію, попавшему въ Евангеліе), надъ сѣверо-западнымъ аркосоліемъ—лоно Авраама, (за пазухой покоятся праведныя души). Сцена Страшнаго Суда въ Кирилловскомъ храмѣ одна изъ древнѣйшихъ, но она цѣликомъ не сохранилась; судя по современнымъ страшнымъ судамъ въ Торчелло, въ S. Angelo in Formis въ Капуѣ, въ церкви Спаса на Нередицѣ въ Новгородѣ, — въ ней недостаетъ мученій, воскресенія мертвыхъ, праведнаго разбойника и т. п. Страшный Судъ всегда по-

мѣщался въ западной части храма, чтобы напомнить выходящему изъ церкви объ имѣющемъ когда то наступить послѣ заката жизни праведномъ воздаяніи. Такія изображенія должны были производить особое дѣйствіе на воображеніе христіанъ, что видно изъ лѣтописнаго сказанія о греческомъ философѣ Кириллѣ, привлекшемъ Владиміра къ христіанству посредствомъ картины Страшнаго Суда. Помѣщеніе Страшнаго Суда при выходѣ изъ храма тѣмъ болѣе было умѣстно, что въ древности передъ храмами и въ папертяхъ погребались умершіе и въ самой Кирилловской церкви въ 2-хъ аркосоліяхъ притвора указываютъ мѣста гробницъ фундаторовъ и ктиторовъ этого храма. Однако, извѣстно, что Святополкъ былъ погребенъ въ Вышгородѣ, поэтому здѣсь надо предполагать гробницу его супруги Маріи и другихъ членовъ его семьи. Мраморные саркофаги ихъ въ XVII в. были выломлены какимъ-то кіевскимъ шляхтичемъ и употреблены для ваннъ. Тогда же подъ порогомъ Кирилловской паперти были погребены родители св. Дмитрія Ростовскаго, поставившаго надъ ихъ могилой образъ Богородицы (подновленъ), который считается чудотворнымъ.

Фрески Кирилловской церкви при Екатеринѣ II были забѣлены известью; открыты онѣ въ 1860 г. священникомъ П. Орловскимъ, но по недосмотру арх. Беретти во время отчистки были частію уничтожены и испорчены; послѣднія работы по промывкѣ этихъ фресокъ принадлежатъ проф. А. Прахову, который снова ихъ подписалъ. Въ техническомъ отношеніи въ Кирилловской росписи бросаются въ глаза толстые густые контуры фигуръ. Эти контуры въ малыхъ сценахъ и въ фигурахъ покрываютъ вдавленныя линіи, прежде сдѣланныя въ свѣжей штукатуркѣ. При высыханіи сырая фреска блѣднѣла, благодаря чему она отличается отъ сухой болѣе легкими тонами, но, въ общемъ, колоритъ всей Кирилловской росписи яркій—преобладаютъ тона красно-кирпичные, желтые и свѣтло-голубые; на ликахъ положены силь-

ныя оживки по основному желтому тону, типы святыхъ блѣдны, широкій лобъ, плоская линія насупленыхъ бровей, крючковатый носъ, опущенные углы рта, уравновѣшенныя драпировки; фоны свѣтло-синіе. Отдѣльныя части фигуръ имѣютъ рѣзкую шаттировку, подготовляющую переходъ отъ одной яркой краски къ другой, но рельефъ не достигнутъ и въ общемъ въ техникѣ замѣтно явное паденіе; однако по сравненію съ Михайловскими фресками фигуры живѣе, имѣютъ больше свободы, и частію сродны мозаикамъ въ Дафни и Сицилійскимъ. Отъ мозаикъ эта живопись удержала простоту композиціи, неподвижность и фронтальность фигуръ. Благодаря искаженіямъ фрески эти не годятся для точнаго опредѣленія намѣчающихся здѣсь двухъ манеръ, но все же отъ нихъ можно вести начало русской художественной школы, перешедшей на сѣверъ и оставившей фрески въ Нередицкой церкви въ Новгородѣ, въ Мирожскомъ монастырѣ во Псковѣ и во Владимірѣ.

При реставраціи Кирилловской росписи въ 1884 г. надъ фресками не мало потрудился знаменитый декораторъ, проникновенный знатокъ византійской живописи художникъ Врубель, оставившій нѣсколько собственныхъ композицій на хорахъ храма въ крещальнѣ и въ паперти, а также иконы иконостаса. Врубель на коробовомъ сводѣ хоръ написалъ колоссальное Сошествіе Св. Духа, для котораго использовалъ композицію Евангелія Гелатскаго монастыря: Посрединѣ стоитъ Богородица и по сторонамъ ея апостолы—всѣ въ спокойныхъ индивидуальныхъ положеніяхъ, сидящіе или привставшіе въ недоумѣніи, что это съ ними случилось; состояніе покоя и созерцанія подчеркивается отяжелѣвшими руками и ногами; подъ апостолами олицетвореніе міра („Космосъ" въ образѣ старца), по которому апостолы разнесутъ свою проповѣдь. Изображеніе переливается серебристо-радужными тонами. Подъ Сошествіемъ Св. Духа прекрасная фигура пророка Моисея не старика, какъ обычно его изображаютъ, а совсѣмъ юнаго съ загадочными глазами

и пышной шевелюрой. Онъ имѣетъ родство съ такой же Нередицкой фреской: Это властный мятущійся пророческій духъ, какъ и знаменитый всѣмъ извѣстный Врубелевскій Демонъ. На хорахъ въ крестильнѣ надъ закрытымъ ходомъ, откуда раньше спускалась лѣстница въ алтарь бокового нефа, —два летящихъ ангела въ видѣ грозныхъ воиновъ съ лабарумами, подобные тѣмъ, которые фигирируютъ въ сценѣ Страшнаго Суда въ Торчелло; надъ входомъ въ крещальню въ полукругѣ Христосъ и въ паперти въ аркасоліи для гробницы—надгробный плачъ, представляющій скорбь 2-хъ ангеловъ надъ почившимъ Христомъ; сцена эта находится подъ вліяніемъ древней фрески въ Псковскомъ Мирожскомъ монастырѣ. Всѣ изображенія Врубеля по стилю близки къ древнимъ фрескамъ, хотя и превосходятъ ихъ сверкающимъ колоритомъ, прелестью чувства и глубокимъ синтетическимъ проникновеніемъ въ тайны художественныхъ формъ. Иллюзію византійскаго искусства, но въ иномъ духѣ даютъ и образа иконостаса, писанные Врубелемъ въ Венеціи среди дивныхъ памятниковъ византинизирующаго сѣверно-итальянскаго искусства, благодаря чему они проникнуты настроеніемъ раннихъ венеціанцевъ (Чимы да Конельяно, Карпаччіо, Джов. Беллини и др.). Здѣсь изображены дивно прекрасный Христосъ въ полумракѣ тоновъ, Приснодѣва благоухающая женственностью, Кириллъ и Аѳанасій по схемамъ, взятымъ изъ фресокъ Кирилловскаго придѣла: Они стоятъ на землѣ, усѣянной цвѣтами; въ глазахъ ихъ скрыта тайна. Иконостасу Врубеля предшествовалъ старинный барочный иконостасъ, который пришлось замѣнить новымъ низкимъ, дабы открыть видъ на роспись алтаря. Въ старомъ иконостасѣ находились замѣчательныя по своей рѣзьбѣ царскія врата. Все это въ 1892 г. было передано въ с. Бартничи, Кіевскаго уѣзда,

Колокольня. При Кирилловской церкви находится прекрасной архитектуры каменная колокольня, верхніе этажи которой въ 1849 г. потерпѣли отъ пожара, благодаря чему

колокольня получила новое перекрытіе. Въ колокольнѣ очень хороши барочныя детали оконъ и дверей въ видѣ фронтоновъ, волютъ вѣнковъ и крестообразныхъ розетъ. Нижніе 2 этажа колокольни имѣютъ видъ украинской церкви: къ ней съ западной и восточной стороны сдѣланы симметричныя пристройки. Надписи надъ дверьми, дѣйствительно, указываютъ, что здѣсь была церковь Благовѣщенія (по традиціи надъ вратами), сооруженная въ 1760 г. игуменомъ Ѳеоф. Желтовскимъ. Нижній этажъ декорированъ пилястрами и колоннами, 2-й только пилястрами; третій этажъ, возвышающійся надъ башней колокольни, украшенъ полуколонками и лѣпкой, (около круглыхъ и арочныхъ оконныхъ пролетовъ). Въ колокольню ведетъ крыльцо съ галлерейкой во 2-мъ этажѣ.

Богоугодныя заведенія. Кирилловскій монастырь упраздненъ въ 1787 г.; его корпуса отведены для инвалидовъ и умалишенныхъ, помѣщающихся здѣсь и нынѣ въ зданіяхъ сооруженныхъ въ 1830 г. О томъ, какъ содержались здѣсь назадъ тому 100 лѣтъ умалишенные, свидѣтельствуютъ записки митр. Серапіона, сообщающія, что во многихъ комнатахъ имѣлись на стѣнахъ желѣзныя кольца для привязыванія больныхъ; это напоминаетъ нравы XVII в., отразившіеся въ старыхъ Кіевскихъ гравюрахъ, изображающихъ отсчитываніе бѣсноватыхъ, прикованныхъ къ столбу.

Окресности Кириллова монастыря. На Дорогожичахъ въ X—XII в. были возведены валы, въ которыхъ Владиміръ осаждалъ затворившагося въ Кіевѣ Ярополка. Здѣсь же у монастыря лѣтописи упоминаютъ „Новый дворъ“, принадлежавшій Ольговичамъ. Къ западу отъ Кирилловскаго монастыря расположена мѣстность, называемая Сырецъ (отъ ручья того же имени), гдѣ находятся лагери стоящихъ въ Кіевѣ войскъ и дачи съ извѣстной среди нихъ дачею Кинь Грусть, (XVI.I в.), принадлежавшею послѣдовательно Бѣгичамъ, Лукашевичу, Гинцамъ, Кушелеву-Безбородку и, наконецъ, Бобринскому. За Кинь-Грустью—

Пуща Водица съ обширнымъ прудомъ и рѣчкою, а на сѣверѣ окраины Куреневка и Пріорка. На Куреневкѣ въ XVII—XVIII в. стояли сторожевые козацкіе курени; Пріорка принадлежала Кіевскимъ католическимъ пріорамъ. На Куреневкѣ нынѣ центръ продукціи кирпича, изготовляющагося въ Кіевѣ съ древнѣйшихъ поръ. Этотъ кирпичъ желтовато-бѣлаго цвѣта, каковымъ отличаются всѣ дома современнаго Кіева. Число кирпичныхъ заводовъ здѣсь особенно возросло въ 30-хъ годахъ, когда строилась крѣпость, университетъ и др. зданія; до той поры была извѣстна „цегольня" Гудимы Левковича. До 1870 г. на Куреневкѣ былъ также сахарный заводъ гр. Браницкаго (сгорѣлъ). Среди Куреневскихъ зданій заслуживаетъ вниманія школа имени Грушевскаго, какъ опытъ украинскаго архитектурнаго модерна. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія здѣсь стояло еще деревянное зданіе сельскаго правленія съ „расправой", построенное въ въ 1826 г. по проекту арх. Меленскаго; это былъ рѣдкій примѣръ присутственнаго мѣста, удовлетворявшаго художественнымъ требованіямъ; фасадъ его сохранился въ книгѣ плановъ и проектовъ, находящейся въ городскомъ музеѣ.

Отъ Кирилловской церкви можно вернуться снова на Подолъ по Александровскому спуску или просто черезъ Лукьяновку и старый городъ, проѣхать къ Городской Думѣ и Царской площади, гдѣ въ тѣни купеческаго сада можно насладиться отдыхомъ, полюбоваться видами на Днѣпръ и подкрѣпиться пищею.

IV.

Сады и Печерскъ.

Дорога на Печерскъ отъ Царской площади, лежа щей посрединѣ между Старымъ городомъ, Подоломъ и Новымъ городомъ, идетъ по Александровской ул. мимо роскошныхъ садовъ, составляющихъ главное украшеніе Кіева. Одинъ изъ этихъ садовъ на Андреевской горѣ, тоже выходящій къ Царской площади и Александровскому спуску мы уже видѣли. Кіевъ издревле славился своими садами. Въ эпоху князей по берегамъ Днѣпра устраивались загородные дворы съ роскошными парадизами; одинъ изъ нихъ носилъ названіе „Рая" за свою красоту. Загородныя виллы знаетъ здѣсь и Литовская эпоха. Въ періодъ XVII — XVIII вв. на склонахъ Андреевской горы, на Щекавикѣ, на Печерскѣ и Крещатикѣ были извѣстны сады Кучовскаго, Дикаго, Аптекарскій садъ, Шелковичный, Виноградный. Сады эти упоминаются почти у всѣхъ путешественниковъ и писателей побывавшихъ въ Кіевѣ. Такіе парки просто именовались „гаями"; дороги ихъ были высажены сиренью, шиповникомъ, боярышникомъ—по здѣшнему кратегусомъ. съ деревьевъ падали гроздья яраго хмѣля, производя романти-

ческое впечатлѣніе: садъ Кучовскаго въ XVI—XVII в. на Подолѣ былъ населенъ вѣдьмами и др. таинственными существами. Для ухода за фруктовыми деревьями въ Кіевскихъ монастыряхъ, владѣвшихъ большинствомъ нынѣшнихъ городскихъ земель, имѣлись спеціальные садовники, которые нерѣдко вызывались въ Москву (въ XVII—XVIII в.).

Купеческій садъ. Съ Царской площади прежде всего попадаемъ въ Купеческій садъ, находящійся въ вѣдѣніи купеческаго собранія, помѣщающагося здѣсь же противъ Андреевской горы, гдѣ кончается Александровскій спускъ. Слѣва отъ него ходъ къ лѣтнему театру Купеческаго сада и еще ниже спускъ съ Крещатицкому источнику (подъ портикомъ). Направо на фонѣ зелени и цвѣтовъ между двумя сходящимися вверху подъ угломъ дорогами — памятникъ Императору Александру II, поставленный въ 1911 г. въ память освобожденія крестьянъ по проекту скульптора Ксименеса. На каменномъ постаментѣ представлена фигура царя, къ которой стремится съ обѣихъ сторонъ группа крестьянъ — дѣтей и взрослыхъ — и монахъ; барельефъ на постаментѣ изображаетъ аллегорическія женскія фигуры и стоящаго передъ ними мальчика и колѣнопреклоненнаго старца. Памятникъ шаблонный; онъ мало чѣмъ разнится отъ другихъ памятниковъ раскиданныхъ вездѣ по Россіи, но выигриваетъ отъ зелени сада и вообще отъ удачно выбраннаго мѣста.

Поднявшись отъ памятника въ садъ при желаніи можемъ чувствовать себя, находясь въ центрѣ города, въ полномъ уединеніи и тишинѣ. Съ главной цвѣточной аллеи и площади съ курзаломъ и эстрадой для оркерстра (по вечерамъ даются здѣсь симфоническіе концерты) видны памятникъ Крещенія, барочное зданіе электрической станціи, заведеніе минеральныхъ водъ,—днѣпровскія дали и Подолъ, сіяющій по вечерамъ тысячами огней; на рѣкѣ мелькаютъ огненныя точки пароходовъ, видна Владимірская гора, оцѣпленная огнями словно ожерельемъ; съ нея на Днѣпръ и на городъ посылаетъ свое благословеніе убранный огнями

крестъ. Именно здѣсь поэты (Козловъ, Гребенка, Шевченко, Хомяковъ, Гоголь, Фетъ, Рылѣевъ, Тютчевъ, Апухтинъ...) устремляли свои взоры къ Днѣпру и Кіеву.... Вокругъ движется нарядная толпа; она поглощена мыслью объ удовольствіяхъ и нарядахъ. Демократическаго элемента здѣсь нѣтъ; его можно видѣть ниже, спустившись къ купеческому клубу и къ лѣтнему театру, гдѣ играетъ украинская труппа. Въ XVIII в. въ томъ мѣстѣ протекалъ къ памятнику Крещенія ручеекъ и садъ надъ этимъ „священнымъ Геліономъ" оглашался шумомъ учащихся студентовъ академіи. Въ провальяхъ ручья можно было набрести на кувшинъ съ древними монетами (Тимковскій).

Царская площадь. Изъ сада снова выходимъ на Царскую площадь и направляемся вверхъ по Александровской улицѣ вдоль уединеннаго трамвайнаго пути, ведущаго на Печерскъ. Здѣсь весною и осенью тянутся вереницы богомольцевъ—направляясь изъ стараго города и Подола въ Лавру. На Царской площади они останавливались раньше освѣжить себя водой изъ бившаго здѣсь Ивановскаго фонтана (замѣненъ цвѣтникомъ), сообщая площади и безъ того шумной—особое оживленіе. Продавцы газетъ и фруктовъ, оборванные гуляки даютъ понять, что мы находимся въ большомъ городѣ—недалеко отъ главной его артеріи Крещатика, который начинается у площади и идетъ прямо къ западу перпендикулярно теченію Днѣпра, но мы вернемся къ нему въ другой разъ, а теперь направимся вверхъ по Александровской улицѣ, названной такъ въ память временнаго возвращенія Кіеву Александромъ I Магдебургскаго права. Эта улица огибаетъ садъ съ запада и юга и тянется вдоль Днѣпровской возвышенности.

Алексадровская улица. На углу Крещатика и Александровской помѣщается военное собраніе и за нимъ вверхъ, недалеко въ красивомъ старомъ домѣ, станція Виндаво-Рыбинской ж. д, напротивъ на фонѣ сада выдѣляется бѣлое зданіе съ колоннадой,- -это кіевская публичная библіо

тека, основанная нѣкогда съ специальною цѣлью насаждать въ Кіевѣ русское дѣло; раньше она помѣщалась на Кловской ул. За библіотекой улица съ перекиднымъ мостикомъ, соединяющимъ Купеческій садъ съ Царскимъ и дальше налѣво театръ Бергонье съ увеселительнымъ заведеніемъ „Château des fleurs", построеннымъ архитекторомъ Сомоновымъ въ 1868 г. на мѣстѣ прежняго пруда; заведеніе это носитъ характеръ кафе-шантана. Рядомъ находятся городскія оранжереи, устроенныя въ XVIII в. Христіани Вессеромъ и входъ въ Царскій садъ, названный такъ отъ находящагося выше бывш. царскаго дворца.

Царскій садъ. Царскій садъ расположенъ еще въ болѣе живописной мѣстности, чѣмъ садъ Купеческаго собранія. Онъ упорядоченъ въ 1753 г., но существовалъ еще со времени посѣщенія Кіева Петромъ І-мъ, когда въ верхней его ровной части были разбиты тѣнистыя аллеи въ французскомъ вкусѣ съ статуями, павильонами, бесѣдками, фонтанами, гротами. Въ такомъ видѣ этотъ садъ описалъ въ 1770 г. Лерхе; ступени, усаженные цвѣтами, вели къ оранжереямъ и къ пруду, который окружала „долина розъ"—нынѣшній Château des fleurs. Судя по всему, здѣсь имѣло свое мѣсто подражаніе французскимъ садамъ царствованія Людовика XV, когда возникла особая садовая архитектура съ фигурными прудами, гротами, фонтанами и особыми садовыми скульптурами, ведущими свое начало отъ классическаго искусства и скульптуръ ренессанса (Давидъ Микель Анджело, Нептунъ Джов. Болонья и др. были предназначены для садовъ). Украинское дворянство, казачество, духовенство привлекали къ себѣ для устройства французскихъ и англійскихъ садовъ иностранцевъ (Лангаузъ въ XVII в. и др.), разбивавшихъ рядомъ съ стильными дворцами парки (гаи) съ подстриженными аллеями, съ нишами, въ которыхъ устанавливались статуи (Разумовскій въ Кіевѣ и въ Батуринѣ). Надъ Днѣпромъ въ Царскомъ саду въ XVIII в. и въ началѣ XIX в. существовала для отдыха большая гал-

лерея, откуда открывались роскошные виды и къ услугамъ публики была постоянная музыка и пѣсенники. Роговая музыка принадлежала зятю Безбородка кн. Лобанову, выдававшему праздники народу. По случаю торжествъ губернаторы устраивали фейрверки съ пушечной пальбой и давали угошенiе народу; графъ де-Лагардъ, бывшій на балу у губ. Милорадовича въ 1811 г., говоритъ: „Сады были илюминованы до самаго низу горъ и въ чащахъ деревьевъ спрятаны были хоры музыки, которые сообщали прекрасной ночи волшебный колоритъ". Пышный Царскій садъ послѣ пожара 1817 г. былъ запущенъ, но все таки въ немъ продолжали устраиваться увеселенія; въ лѣтнемъ театрѣ (съ 1830 г.) давались представленія польскихъ и украинско-русскихъ труппъ. Въ 50-хъ годахъ сюда съѣжался весь beau monde Кіева: среди модныхъ уборовъ красавицъ можно было видѣть убійцу Лермонтова, являвшагося въ садъ въ синемъ халатѣ съ золотыми звѣздами. Въ 1866-71 гг. на окраинѣ сада была устроена, такъ называемая „желѣзная часовня" въ память спасенія жизни Александра II-го.

Музей. Напротивъ Царскаго сада на искусственной возвышенности, гдѣ еще недавно протекалъ ручеекъ и была сажавка расположено одно изъ лучшихъ зданіи Кіева — городской переименованный нынѣ въ національный украинскій музей, сооруженный по проекту архитекторовъ Бойцова и Городецкаго въ 1897-99 г. Зданіе построено въ классическомъ (дорическомъ) стилѣ; къ возвышенной терассѣ музея словно къ Акрополю ведетъ обширная лѣстница. Два льва стерегутъ главный входъ, скрытый подъ гекзастильной колоннадой; на фасадѣ музея триглифный фризъ съ метопами копирующими метопы Селинутскихъ храмовъ и фронтонъ съ аллегорической группой, изображающей искусства. Съ лѣвой боковой стороны (Александровской ул.) зданіе это тоже украшено колоннами; задній фасадъ, обращенный къ институту благородныхъ дѣвицъ безъ украшеній. Музей построенъ археологическо-художественнымъ обществомъ вмѣстѣ съ об-

ществомъ охраны искусствъ при участіи города. Потребность въ музеѣ чувствовалась въ Кіевѣ давно: Еще въ началѣ прошлаго столѣтія здѣсь были частныя собранія южно-русскихъ и Кіевскихъ древностей (напр., собр. Ширяевскаго, Домбровскаго, или Шодуара, проданное въ Парижъ), а также существовало учрежденіе, вѣдавшее раскопками и охраной старины, имѣвшее свое собраніе, переданное университету. Митрополиты (Евгеній, Іероѳей) тоже интересовались церковными древностями и при академіи, въ св. Софіи и въ Лаврѣ существовали богатыя хранилища церковной утвари и древностей. Въ 1871 г. проф. Петровъ положилъ начало церковному музею при академіи. Параллельно съ этимъ Терещенко и Ханенко собрали большую коллекцію кіевскихъ и др. художественныхъ памятниковъ. Не доставало только, чтобы еще и городъ проявилъ уваженіе къ своей многовѣковой старинѣ съ ея своеобразной культурой. Какъ бы то ни было, довольно поздній починъ города въ этомъ направленіи оказался все же крайне многоплоднымъ. Уже въ 1899 году въ зданіи музея открылся XI й археологическій съѣздъ съ выставкой картинъ, и самъ музей, стараніями директора Бѣляшевскаго, при незначительномъ бюджетѣ сталъ необыкновенно быстро расти, представляя нынѣ богатѣйшее собраніе разнородныхъ предметовъ древности, исторіи, быта, промысловъ и художествъ. Въ нижнемъ этажѣ музея помѣщаются, главнымъ образомъ, археологія.

Въ первомъ залѣ внизу (на лѣво) хранятся предметы палеолитической эпохи, когда человѣкъ только начиналъ свои культурныя выступленія, овладѣвъ умѣніемъ изготовлять кремневыя орудія. Здѣсь имѣются кремневыя осколки и кости современниковъ этого человѣка — первобытнаго слона, носорога, пещернаго медвѣдя, льва, гіены; борьба съ суровой первобытной природой заставила первобытныхъ людей жить обществами, чѣмъ объясняется обширность ихъ стоянокъ (напр. въ Кіевѣ). Главное занятіе палеолитич. населенія — была охота, мясо уже жарили на огнѣ,

для костровъ служили кости, которыми человѣкъ пользовался также въ качествѣ орудій, украшая ихъ незамысловатымъ рисункомъ; выдающійся интересъ въ этомъ отношеніи имѣетъ бивень орнаментированный изображеніемъ птицы и какого-то щитоноснаго животнаго. Палеолитическая культура кромѣ южной Руси имѣется въ Зап. Европѣ. Тождественность нѣкоторыхъ подѣлокъ показываетъ, что уже въ то время существовало общеніе между людьми отдаленныхъ мѣстностей.

Въ томъ-же залѣ у стѣны противъ входа, какъ и въ слѣдующемъ залѣ, представлены памятники слѣдующей за палеолитомъ—эпохи неолита.

Неолитъ характеризуется умѣніемъ человѣка полировать каменныя орудія, сверлить въ нихъ отверстія, знакомствомъ съ гончарствомъ, судоходствомъ, рыболовствомъ, примитивнымъ скотоводствомъ и земледѣліемъ. Сосуды неолитической эпохи сдѣланы отъ руки, имѣютъ круглое дно и украшены шнуровымъ, зубчатымъ или крестовиднымъ орнаментомъ. Человѣкъ этотъ уже жилъ въ землянкахъ укрѣпленныхъ деревомъ. Орудія его не только изъ кремня, но изъ другихъ каменныхъ породъ, а также изъ костей лося и оленя.

Къ неолиту относится очень богато представленная въ музеѣ, такъ назыв , Трипольская или домикенская культура, которая была занесена изъ южн. Россіи на берега Архипелага и тамъ расцвѣла подъ именемъ эгейской, легши въ основу культуры классической. Эта культура характеризуется глинобитными жилищами въ видѣ обожженныхъ куполообразныхъ шалашей на утрамбованныхъ глиной площадкахъ, а также необыкновенно красивой и прочной посудой двухъ типовъ— одного представляющаго угловатые профили съ несложнымъ орнаментомъ изъ черточекъ, полукруговъ и волнистыхъ линій и рельефныхъ головокъ домашнихъ животныхъ, (иногда покрыты свѣтлокоричневой краской и орнаментированы

въ верхнихъ своихъ частяхъ черными геометрическ. разводами); 2-я группа сосудовъ отличается округлыми формами причудливаго вида; орнаментація ихъ состоитъ изъ тисненыхъ спиралей, линій и завитковъ, концентрическихъ круговъ и рельефныхъ человѣческихъ головъ, пуговкообразныхъ выпуклостей и ушекъ; сюда относятся и тѣ сосуды, которые покрыты по бѣлому фону темнокрасными узорами, рѣзко обведенными по контурамъ черной краской, а также сосуды, украшенные орнаментомъ изъ бороздокъ или точечныхъ линій заполненныхъ бѣлой массой. Эта группа сосудовъ покрыта орнаментомъ по всей своей поверхности. Съ сосудами I-й группы металлическихъ вещей не попадается, тогда какъ при 2 й группѣ наряду съ каменными полированными и просверленными предметами встрѣчаются уже мѣдные топорики, что указываетъ на начало мѣднаго вѣка. Человѣкъ этой культуры имѣлъ религіозныя вѣрованія, на что указываютъ погребальный обрядъ и фигурки божковъ.

Въ концѣ неолитич. эпохи къ намъ пришли люди оставившіе грунтовыя могилы, покрытыя куполообразными курганами, въ которыхъ покойникъ находится въ скорченномъ положеніи и при этомъ засыпанъ красной краской; котелкообразная посуда этихъ пришельцевъ пористая, непрочная, орудія—кремневыя и рѣдко мѣдныя. Думаютъ, что это Киммерійцы, пришедшіе въ мѣстности ю. Руси во 2-мъ тысячел. до Р. Хр. Къ тому же времени кажется относятся и, такъ называемыя, поля погребеній съ урнами, наполненными сожженными костями людей; они, какъ думаютъ, принадлежатъ мѣстнымъ обитателямъ, ибо посуда ихъ имѣетъ много общаго съ трипольскою — болѣе ранняя покрыта коричневатой или красноватой краской, а болѣе поздняя — черновато-краснымъ или сѣровато чернымъ. Рядомъ съ ними находятся мѣдныя издѣлія (топорики, копья, серпы, долота, бритвы, браслеты со спиральнымъ орнаментомъ), которыя доставлялись сюда изъ зап. Европы (Венгріи или Седми-

Кирилловская церковь. Сошествіе Св. Духа (Врубеля).

Св. Кириллъ учитъ въ Соборѣ.

Фреска Кирилловской церкви.

градія), хотя формочки для отливки мѣдныхъ предметовъ находились и у насъ.

2-й залъ почти весь заполненъ древностями скиѳскими и современными имъ, характеризующимися употребленіемъ желѣза. Скиѳы пришли въ южно-русск. степи на смѣну Киммерійцамъ въ нач. I тысячел. до Р. Хр. Судя по моделямъ скиѳскихъ похороновъ, ихъ покойники погребались въ вытянутомъ положеніи подъ курганами въ склепахъ;—сначала съ незначительнымъ инвентаремъ, а съ VI в. до Р. Хр. въ очень богатой обстановкѣ; практиковалось и трупосожженіе. Многочисленные образцы скиѳскихъ сосудовъ показываютъ, что пришельцы скиѳы переняли многое отъ мѣстныхъ жителей, такъ какъ формы (бомбовидныя и вазообразныя) сосудовъ, ихъ лоснящаяся поверхность и орнаментація имѣютъ много общаго съ Трипольской керамикой; среди нихъ очень распространены миски и черпаки съ ручкой. Скиѳы употребляли также желѣзное оружіе очень похожее по формамъ на мѣдныя издѣлія предыдущаго времени (ножи, топорики, копья, кинжалы), но большинство вооруженія еще мѣдное (стрѣлы). Съ VI в. скиѳы вошли въ соприкосновеніе съ греческими колонистами на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря; съ этого времени ихъ культура носитъ на себѣ слѣды вліяній Греціи и Малой Азіи. Архаическая Скиѳія имѣетъ много общаго съ іоническимъ искусствомъ: Генезисъ звѣриннаго стиля, который характеризуетъ скиѳскія издѣлія, приходится вести изъ Малой Азіи (пояса, зеркала и т. п.). Относительно предметовъ съ слѣдами зрѣлыхъ классическихъ вліяній документально извѣстно, что они выдѣлывались греками въ Ольвіи, а также привозились изъ Аѳинъ—особенно въ V в. и въ эпоху войнъ Александра Вел. и его наслѣдниковъ, когда Скифія сдѣлалась главной поставщицей хлѣба въ южныя и западныя страны. Тогда у скиѳовъ появились роскошныя произведенія классическаго искусства, извѣстныя хотя бы по находкамъ въ курганахъ Куль-Обы, Солохѣ, Воронежскомъ, Чертомлыцкомъ. Въ Кіев-

скомъ музеѣ, къ сожалѣнію, этихъ великолѣпныхъ образцовъ скиѳско-греческаго искусства не имѣется, они взяты въ императорскія хранилища. Среди скиѳскихъ предметовъ въ музеѣ можно указать много бусъ, зеркала, пряжки, подвѣски, золотыя ножны меча, наконецъ, бронзовое вооруженіе всадника, которое нѣкоторые склонны считать вооруженіемъ амазонки. Вооруженіе это имѣетъ аналогіи въ античномъ искусствѣ V в.

Рядомъ съ скиѳскими предметами во 2 мъ залѣ выставлены и вещи изъ греческихъ колоній на Черномъ морѣ—Херсонеса, Ольвіи, Керчи. Здѣсь образцы мозаикъ, посуды, терракотъ, вазъ—главнымъ образомъ позднихъ чернолаковыхъ безъ росписи,—а также акварельныя вазы, обломки надписей, архитектурныя части и т. п.

Около предметовъ изъ греческихъ колоній расположены сосуды изъ полей погребальныхъ урнъ и по стѣнамъ противъ оконъ—древности эпохи до переселенія народовъ и эпохи великаго переселенія. Эпоха полей погребальныхъ урнъ (въ видѣ мисокъ на подставкѣ) относится къ II—V в.в. по Р. Хр., она связана съ скиѳскимъ періодомъ, но имѣетъ бронзовыя вещи, такъ назыв., Латенскаго ѵипа (II—I в. до Р. Хр.) и римскаго происхожденія (фибулы, пряжки, браслеты, кольца, стекло).

Вслѣдъ за симъ наступила эпоха переселенія народовъ, которые шли на западъ, двигаясь по нашимъ степямъ—готы первые изъ нихъ усвоили себѣ и переработали культуру скиѳовъ; они занесли въ Европу черты своего стиля и сообщили свое имя великому архитектурному стилю готики. Среди предметовъ времени переселенія народовъ обращаютъ на себя вниманіе золотыя вещи съ гранатами и альмандинами, бронзовые предметы, украшенные выемчатою эмалью и цвѣтнымъ стекломъ въ перегородкахъ. Древности эпохи переселенія идутъ до VII в.; они здѣсь тѣ же, что въ южной Европѣ — особенно въ Испаніи, гдѣ отношеніе ихъ къ искусству классическому особенно ясно.

Готовъ въ нашихъ мѣстахъ смѣняли послѣдовательно гунны, хазары, печенѣги, половцы, наконецъ, выступило исконное мѣстное (славянское) населеніе, древности коего изданы въ большомъ количествѣ Б. Ханенко. Эти древности собраны въ 3 мъ залѣ музея.

Здѣсь памятники славянскихъ городищъ, остатки и модели жилищъ (деревянныхъ, иногда въ 2 этажа), инвентари погребеній и клады. Въ нихъ разнообразные черепки съ волнистымъ орнаментомъ, мѣдные котлы, стекло, ножи оружіе (мечи, кольчуги, кистени, шлемы съ золотой и серебряной инкрустаціей), топоры, молотки, долота, косы, серпы, замки, ключи, сбруя, костяныя подѣлки часто съ рѣзьбой, украшенія изъ серебра (вѣнчики), мѣди и цвѣтной смальты, стекла (браслеты), обрывки парчевыхъ тканей, глиняныя игрушки, яйца изъ глины въ видѣ украинскихъ писанокъ, игральныя шашки, гребни. Обрядъ погребенія—двоякій съ сожженіемъ (у сѣверянъ) и съ трупоположеніемъ. Среди славянскихъ древностей живутъ еще скиѳскіе типы, но есть и новые: Многіе изъ нихъ (VIII—IX в.) отражаютъ на себѣ арабское вліяніе, а также и скандинавское. Звѣриные мотивы орнаментаціи извѣстные въ скиѳскомъ искусствѣ и у готовъ здѣсь расцвѣтаютъ снова. У сѣверянъ восточное вліяніе замѣтно болѣе чѣмъ у другихъ племенъ; наиболѣе красивыя вещи у радимичей; поляне ничѣмъ не выдѣляются и, повидимому, они являются фикціей. Въ 2-хъ витринахъ 3-го зала помѣщены головы изъ женскихъ погребеній, на которыхъ видны серебр. вѣнчики съ раковинками (шли вмѣсто денегъ), проволочныя гривны, височныя кольца съ завиткомъ въ видѣ буквы S, спиральныя ушныя привѣски, бусы изъ золоченаго стекла съ бубенчиками, спиральныя кольца, браслеты, лунницы (потомъ они перешли къ святымъ на иконахъ).

Въ X в. появились византійскія вліянія. Русь приняла христіанство, и Кіевъ, выросшій до положенія значительнаго и единственнаго центра цивилизаціи во всей восточной

Европѣ, поражалъ иноземцевъ своей роскошью; въ музеѣ имѣются незначительные фрагменты, доказывающіе эту роскошь. Въ витринахъ собраны образцы всевозможныхъ крестовъ византійскихъ формъ, предметы украшеній (византійскія эмали и прирейнскія, стеклянные браслеты и бусы, получавшіеся отъ хазаръ, генуэзцевъ, венеціанцевъ и византійцевъ), шестиугольные слитки металла, ходившіе вмѣсто денегъ (такъ назыв. гривны, имѣющія иногда форму баржи въ Кіевѣ, лодки въ Новгородѣ и ромба—въ Черниговѣ), куски тканей, образцы строительныхъ матеріаловъ, взятыхъ изъ дворцовъ и храмовъ X—XII в., куски фресокъ (среди нихъ замѣчательные обломки золотыхъ фресокъ, на другихъ видны черты придворной царьградск. школы), мозаичныя смальты, поливныя плитки разныхъ тоновъ и узоровъ, образцы миніатюръ модели гробницъ и т. д., и т. д. Достойно сожалѣнія то, что кіевскій музей обладаетъ наименьшимъ количествомъ показныхъ предметовъ, кіевской культуры; это произошло вслѣдствіе централизма, сосредоточивающаго всѣ наиболѣе цѣнные памятники не въ мѣстахъ ихъ нахожденія, а въ политическихъ центрахъ. Благодаря этому, Кіевъ лишенъ, напр., замѣчательныхъ кладовъ съ удивительными перегородчатыми и выемчатыми эмалями, сканью, чернью. Перегородчатыя эмали теперь не изготовляются; онѣ составлялись изъ тончайшихъ золотыхъ нитокъ, которыми дѣлался контуръ рисунка и между ними насыпались расплавлявшіеся потомъ эмалевые порошки. Интересное соединеніе перегородчатой эмали съ выемчатой имѣется въ кіевскомъ музеѣ на одномъ крестѣ, но крестъ этотъ грубой, ремесленной работы.

Послѣ обозрѣнія археологическаго отдѣла направляемся во 2-й этажъ музея, гдѣ собраны наиболѣе интересные памятники украинской этнографіи и искусства. Въ залѣ передъ лѣстницей во 2-й этажъ, расположены образцы украинской печати—книги Печерской, Черниговской, Новгородъ-Сѣверской, Львовской и Почаевской печати съ гравюрами—

часто весьма интереснаго содержанія, замысловатой композиціи (титулы) и выполненія. Лучше другихъ гравюры Кіевскія и Львовскія: онѣ имѣютъ между собою много общаго; часто это копіи картинъ Дюрера — даже Рафаэля. Почаевскія—отличаются своимъ пристрастіемъ къ западнымъ гравюрамъ. Среди выставленныхъ въ витринахъ книгъ стоитъ отмѣтить одну, на которой чудомъ уцѣлѣло имя гетм. Мазепы. Среди гравюръ лучшія по работѣ Иліи Тарасевича, Козачковскаго, Левицкаго. Въ концѣ XVII и въ нач. XVIII в. украинскіе граверы были увлечены древне-христіанскими сюжетами; въ XVIII в. на нихъ отразился итальянскій академизмъ. Гравюры рѣзались на деревѣ и мѣди; знали также травленіе водкой („Форты" Тарасевича); искусство это было весьма распространено, но до сихъ поръ еще не собраны свѣдѣнія ни о всѣхъ вышедшихъ въ XVII—XVIII в. гравюрахъ, — ни о ихъ авторахъ. Гравюры вліяли на иконопись, украшенія рукописей (кое что выставлено здѣсь же), на ювелирное дѣло, рѣзьбу и т. д. У стѣны противъ лѣстницы выставлены двѣ рѣзныя балки („сволоки") изъ старинныхъ казацкихъ домовъ—одна изъ нихъ, какъ указываетъ надпись, относится къ временамъ гетм. Мазепы и находилась въ домѣ писаря кіевскаго полка Соз. Грабовецкаго. Мотивы рѣзныхъ украшеній на обоихъ „сволокахъ" восходятъ къ классическому искусству черезъ искусство Возрожденія. На сволокахъ, какъ на основѣ потолка,—надпись объ основаніи дома. Надъ сволоками виситъ коверъ съ изображеніемъ „Почаевскаго чуда". Это украинская работа XVIII в.; одна подобная ткань съ тѣмъ же сюжетомъ имѣется въ Нюрнбергскомъ музеѣ, что даетъ поводъ проводить аналогіи между коврами Украйны и подобными же издѣліями на западѣ (Гобелены). Дѣйствительно, образцы ковровъ кіевскаго музея, развѣшанные вдоль лѣстницы, показываютъ, что въ нихъ имѣются орнаменты, сходные съ французскими тканями XVIII в., но съ другой стороны здѣсь еще больше элементовъ восточнаго искусства (Пер-

сіи) — особенно въ коврахъ съ геометрическимъ рисункомъ, что вполнѣ понятно, такъ какъ настоящіе ковры больше нигдѣ и неизвѣстны какъ только на берегахъ Чернаго и Каспійскаго морей, почему восточныя черты въ нихъ болѣе умѣстны чѣмъ западныя. Тѣмъ не менѣе украинскіе ковры имѣютъ въ своемъ золотистомъ тепломъ и нѣжномъ колоритѣ и въ своеобразно переработанной орнаментикѣ и ея расположеніи на плоскости много оригинальнаго, не даромъ они съ такимъ увлеченіемъ скупаются собирателями. Надъ лѣстницей виситъ огромная и великолѣпная серебр. люстра кіевской работы нач. XVIII в. Подъ потолкомъ овальные портреты украинскихъ гетмановъ, происходящіе изъ Вишневецкаго замка.

Дальше входимъ въ I залъ 2-го этажа, занятый — украинскимъ стекломъ, фаянсомъ, тканями, и ювелирнымъ производствомъ.

Украинское стекло замѣчательно своими художественными формами, цвѣтами стекла и украшеніями его живописными, рельефными и — составными изъ разноцвѣтныхъ стекл. смальтъ. Многія формы и украшенія идутъ еще изъ искусства египетскаго и искусства грековъ и римлянъ, въ чемъ можно видѣть слѣды связей Руси съ Византіей, а скорѣе всего, вліяніе Ренессанса. Фигурное стекло на Украйнѣ часто подражало фигурному серебру, будучи вызвано къ тому (медвѣди, куры..) обрядами, которыми сопровождались пирушки, свадьбы и поминки у казаковъ и у „панства“. У окна рядомъ съ стекломъ стоятъ образцы серебрянаго и золотаго дѣла на Украйнѣ: это большею частью церковная и домашняя (казацкая) утварь, украшенная чеканнымъ или рѣзнымъ орнаментомъ въ томъ же духѣ, что въ книжныхъ гравированныхъ украшеніяхъ. Формы этихъ украшеній и сосудовъ обычныя Европейскія стиля барокко. На противоположной стѣнѣ подъ стекломъ развѣшены запорожскіе пояса и разныя ткани XVII—XVIII в. Пояса 2-хъ родовъ — гладкіе изъ персидскаго краснаго сырца съ золочеными концами и слуц-

кіе, затканые богатымъ узоромъ восточнаго характера; это дѣйствительныя произведенія искусства по блеску узоровъ и переливу красокъ. Поясъ всегда составлялъ важную принадлежность украинскаго костюма; для выдѣлки поясовъ существовали особыя фабрики (пасярні) въ Львовѣ, Слуцкѣ, Бродахъ, издѣлія ихъ шли далеко за границу и ихъ находимъ даже въ Ліонѣ — центрѣ шелковаго производства. Въ углу по сторонамъ двери расположены образцы украинской керамики—кафлей и посуды—среди коей поражаетъ своимъ богатствомъ коллекція фаянса фабрики, существовавшей въ нынѣшнемъ Межигорскомъ монастырѣ до полов. прошл. столѣтія. На время войны коллекція эта вмѣстѣ съ фаянсовыми издѣліями фабрики Миклашевскаго, Листовской и др. убрана. Межигорскія издѣлія были расчитаны на прихотливость богатаго покупателя, но по своему художественному облику они связаны съ народнымъ украинскимъ гончарствомъ. Рядомъ съ произведеніями ювелирнаго мастерства расположена коллекція монетъ, начинающаяся гривной кіевскаго типа и арабскими диргемами; главные предметы этого собранія „Владимірово злато" — и три сребренника того же времени. Здѣсь же монеты удѣльнаго времени и Московскія. До Петра I онѣ грубыя, послѣ Петра изящныя и разнообразныя.

Слѣдующій залъ музея отведенъ подъ этнографическій отдѣлъ, куда попадаемъ пройдя небольшой корридорчикъ, заставленный японскими и китайскими вещами. Главный гвоздь этнографическаго собранія — это рѣзьба по дереву. Еще недавно существовалъ взглядъ, что на Украйнѣ не было этой рѣзьбы—между тѣмъ здѣсь собраны и выставлены и рѣзная мебель и утварь, сани и возы, рѣзныя двери и окна. Мотивы рѣзьбы—звѣзда, крестъ, трехугольникъ— тѣ же что у скандинавовъ и вездѣ, гдѣ только существуютъ эти украшенія, но въ особой комбинаціи; нѣкоторыя формы очень любопытны: „скрині" напоминаютъ др. саркофаги. Кромѣ рѣзьбы выставлены образцы современнаго гончар-

ства тоже довольно богатаго формами и орнаментацiей; интересны фигурные водолеи, подсвѣчники, дѣтскiя игрушки, кафли. Подставки, на которыхъ разставлена посуда, задрапированы народнымъ шитьемъ; въ витринахъ вдоль оконъ расположены нѣкоторыя принадлежности головного убора (намiтка, кибалка—памятникъ сношенiй съ Кавказомъ въ древности), мѣдныя головныя украшенiя (чiльце напоминающее древнерусскiя дiадемы) гуцульскiе топiрцi (идутъ изъ очень глубокой древности), пасхальныя писанки (расписываются воскомъ по очень древнему близкому къ енкаустическому способу); въ концѣ зала направо на стѣнѣ развѣшано нѣсколько десятковъ старинныхъ кафелей съ рельефнымъ орнаментомъ; ихъ почему то считаютъ происходящими изъ дома Богд. Хмельницкаго въ Субботовѣ, но орнаменты ихъ болѣе поздние (XVIII в.).

На крайней стѣнѣ развѣшаны иконы, вывезенныя изъ Галичины, являющiяся важнымъ этапомъ въ развитiи украинской иконописи; среди нихъ на ряду съ очень древними переводами (Велмуч. Димитрiи XVI в. въ правильномъ античномъ типѣ болѣе ранняго времени) видимъ примѣры, несомнѣнно связанные съ нѣмецкой живописью XV-XVI в. (Воскресенiе Христово по грав Вольгемута; интересна форма готическ. саркофага, и композицiя выходящаго изъ гроба Христа въ плащѣ; позади высоко поднятый холмистый пейзажъ) и съ итальянскимъ Возрожденiемъ (Христосъ на херувимахъ окрашенныхъ въ тона ореола Христа). Очень интересна икона Страстей (влiянiе Альтдорфера и Дюрера), Сошествiя Св. Духа (колоритъ; фигура Космоса) и Покрова Богородицы, гдѣ два ангела поднимаютъ Влахернскую ризу Богоматери надъ ея изображенiемъ въ апсидѣ (древнѣйшая варiацiя Покрова, изображающая обрядъ, послужившiй поводомъ для созданiя легендъ и позднѣйшихъ изображенiй Покрова). Большинство этихъ иконъ XVII в. На нихъ видимъ рельефные фоны, цвѣтныя, покрытыя орнаментомъ одежды, цвѣтущую почву подъ ногами и живые пейзажи,

равно какъ и взятыя съ натуры лица — все, что разовьется съ большей пышностью въ казацкой Украйнѣ, иконописи коей отведенъ слѣдующій залъ.

Залъ украинской иконописи: Здѣсь много интереснаго и поучительнаго. Первое впечатлѣніе, какое производитъ этотъ залъ на человѣка, знакомаго съ общей исторіей искусствъ, таково, — какъ будто попадаешь въ собраніе итальянскихъ картинъ ранняго Возрожденія въ музеяхъ Венеціи, Флоренціи, Сіенны, Рима. Это тоже ренессансъ, но не достигшій полнаго своего развитія по причинѣ наступившихъ политическихъ лихолѣтій, онъ начался еще въ XIV в. одновременно съ послѣднимъ оживленіемъ византійскаго искусства, позже онъ впиталъ въ себя черты западнаго искусства, но всегда справлялся съ мѣстной традиціей. Сюжетъ въ украинской иконописи преобладаетъ надъ формой, но всегда имѣетъ реалистич. черты, приноровленъ къ данной мѣстности и этническому типу. Здѣсь видимъ Христа, одѣтаго въ казацкую свиту и подпоясаннаго поясомъ Авраама, угощающаго 3 хъ странниковъ въ привычной украинской обстановкѣ, Богородицу, покрывающую своимъ покровомъ казаковъ, Распятіе съ предстоящимъ передъ нимъ казацкимъ полковникомъ, Рождество Христово съ пришедшими поклониться Младенцу полѣсскими чабанами, Бориса, Глѣба и св. Владиміра въ типичныхъ украинскихъ уборахъ (жупаны и кунтуши съ вылетами и сабли) съ 6 конечными крестами въ рукахъ, рядъ страшныхъ судовъ съ бытовыми подробностями (сцены въ шинкѣ и т. д. и т. д.). Украинская иконопись имѣла свои излюбленные (б. ч. символическіе) сюжеты — Сонъ отрока Іисуса (младенецъ спитъ на крестѣ созерцая орудія страданій), птицу пеликана, раздирающаго свою грудь, чтобы накормить птенцовъ (образъ Евхаристіи), Живоносный источникъ (Христосъ истекающій кровью въ бассейнъ или чашу), Христа — Виноградаря (выжимаетъ сокъ изъ лозы выростающей изъ прободеннаго ребра), часы и плоды страданій Христа (двѣ огромныя картины въ лѣвомъ

углу противъ входа; на одной изъ нихъ внизу представленъ священникъ передъ престоломъ, какіе были въ старину на Украйнѣ, созерцающій плоды крестной смерти Христа), Покрова Богородицы какъ покровительства Б. М. (Покрываетъ людей ризой, а не омофоромъ — при томъ стоя на землѣ), Деиуса (молитва Богородицы и Предтечи передъ Христомъ на страшн. судѣ) и т. п. Всѣмъ этимъ композиціямъ могутъ быть указаны аналогіи въ ранне-итальянскомъ и въ нѣмецкомъ искусствѣ; онѣ симметричны, изящны, фигуры и лица святыхъ чужды суровости и часто помѣщены среди мраморныхъ руинъ и пейзажа (Рожд. Христово, Страшные Суды), въ небѣ звѣзды и облака, данъ опредѣленный источникъ свѣта, соблюдена перспектива, (напр. перспективное строеніе церкви въ сценѣ Воздвиженія – съ скрещиваніемъ сводовъ позади переднихъ арокъ). Краски этихъ иконъ всегда отличаются смѣлыми сочетаніями—на одеждахъ часто переливаются; фоны большею частью золоченые, украшенные лѣпнымъ или рѣзнымъ орнаментомъ – это дань Византіи, но также и искусству ранняго Возрожденія. На нѣкоторыхъ иконахъ имѣются подписи мастеровъ, напр. Стеф. Граковича подъ изображ. отрока Іоанна, цѣлующаго ногу младенца Іисуса (вымышленная сцена изъ дѣтства Христа и Іоанна, которые. согласно апокриѳу, спасшись отъ Ирода, встрѣтились въ пустынѣ). Но такихъ подписей мало. Отсутствіе ихъ объясняется тѣмъ, что художественные заказы въ старину выполнялись сообща цехами, гдѣ индивидуальность мастера терялась.

Вмѣстѣ съ иконами въ томъ же залѣ выставлены произведенія украинской рѣзьбы въ видѣ статуй, кіотовъ и декоративныхъ ангельчиковъ; главное вниманіе въ этихъ позирующихъ статуяхъ обращено на драматизацію, доходящую часто до гримасы и каррикатуры; декоративные ангельчики—это тѣ же итальянскіе путты (мальчики, идущіе изъ антика), которые съ XV в. украшаютъ кіоты, окружаютъ статуи и т. п.; среди орнаментальной рѣзьбы обращаетъ

на себя вниманіе мотивъ винограда. Здѣсь же находится оловянная и серебряная церковная утварь очень богатой мѣстной работы, оклады Евангелій, подвѣски къ образамъ, вѣнцы, деревянные кресты типичной 6 и 7 конечной формы, а также модели церквей украинской архитектуры; одна изъ нихъ изображаетъ церковь-замокъ XV—XVI в. въ с. Сутковцахъ Под. губ. Полуготическія формы этого зданія соединены съ византійскимъ крестовымъ планомъ. Другая копія сдѣлана съ церкви, построенной въ Ромнахъ послѣднимъ запорожскимъ кошевымъ Кальнышевскимъ. Это типичное по своей стройности и уравновѣшенности произведеніе деревянной украинской архитектуры, въ которомъ основной элементъ этой архитектуры—башня повторенъ 5 разъ, образуя 5 купольную систему. Для Бога, по понятіямъ казачества, нужны были великолѣпные храмы, чѣмъ и объясняется пышность этой архитектуры уже знакомой намъ по храмамъ Кіева; это то-же самое, что въ украинской живописи, расцвѣченныя одежды и остальное великолѣпіе. При выходѣ изъ зала развѣшены раскрашенныя почаевскія гравюры, оправленныя въ расцвѣченныя стекляныя рамы. Это черта того же цвѣтистаго стиля, который увидимъ въ свѣтскомъ украинскомъ искусствѣ, показанномъ въ слѣдующемъ залѣ за этнографическимъ отдѣломъ.

Одна стѣна здѣсь заставлена народными картинами казака-гультяя, занятаго игрой на бандурѣ, или уничтожающаго насѣкомыхъ въ своей сорочкѣ, занимающагося избіеніемъ „ляховъ и жидовъ" или развлекающагося съ паномъ и женщинами. Это типъ, живущій въ народномъ искусствѣ до сихъ поръ, начиная, вѣроятно, съ XVI ст. Здѣсь же видимъ сцены семейной жизни, судную раду въ селѣ (по гравюрѣ Шевченка — произведенія коего широко проникли въ народъ), портреты мѣщанъ, дверь XVIII в., украшенную изображеніемъ нѣкоего Карпократа съ пальцемъ на устахъ, приглашающаго посѣтителя къ молчанію (древній Гарпократъ или Горъ—богъ молчанія), расписные крышки

сундуковъ, тарелки, кафли XVIII в. съ сценами изъ военнаго и домашняго быта и изъ жизни животныхъ Въ этомъ же залѣ расположены украинскіе портреты. Это все копіи XVIII и XIX в.; изъ автентичныхъ портретовъ наиболѣе замѣчателенъ очень хорошій портр. гетм. Мазепы, кажется, наиболѣе достовѣрный изъ числа приписываемыхъ ему (портреты Мазепы были истреблены по приказанію Петра Вел.), портреты Сулимъ прекрасной работы XVIII в, а также портретъ Антона Головатаго, основателя черноморскаго казачества и другой такой же портретъ, изображающій въ одеждѣ запорожца какого то (по преданію) испанскаго гранда, жившаго при дворѣ Екатерины II, портретъ этотъ является памятникомъ украинскихъ модъ въ столицахъ въ XVIII в., когда было въ ходу украинское платье, пѣніе, музыка и языкъ (даже въ придворныхъ храмахъ). Цѣлая стѣна того же зала занята украинскимъ шитьемъ XVIII в., напоминающимъ украинскіе ковры и тѣ орнаменты, которые покрываютъ на памятникахъ живописи одежды святыхъ, казаковъ и гетмановъ. Въ шкафу между этими витринами развѣшано казацкое оружіе, конскій уборъ и шапка Б. Хмельницкаго (?): Казачество одѣвалось въ бархаты и шелка; такъ же одѣвалась и „челядь". Богатѣйшіе конскіе уборы казаковъ, украшенные золотомъ и драгоцѣн. камнями, имѣются въ музеѣ Тарновскаго въ Черниговѣ. Уборы эти пришли съ востока; до XVII в. украинское панство одѣвалось въ тѣ же одежды (нѣмецкія), которыя нынѣ носятъ евреи въ Галиціи и въ зап. краѣ; такой уборъ видимъ здѣсь на портр. К. Острожскаго, ко временамъ коего (можетъ быть и раньше), кажется, относятся и длинные мечи, висящіе на стѣнѣ при выходѣ изъ зала.

Слѣдующій залъ посвященъ живописи XIX в. и современной. Первоначально безъименные мастера воодушевляются старымъ искусствомъ, это искусство дало Трутовскаго, Шевченка (большое собраніе акварелей и гравюръ) и др., но рѣшительное предпочтеніе какихъ-либо опредѣленныхъ ти-

повъ здѣсь уже отсутствуетъ; искусство должно было измѣниться въ силу постояннаго измѣняющагося обновляющаго опыта и наблюденія. Акварели и гравюры Шевченка, бывшаго по существу продолжателемъ старой украинской гравировальной традиціи, являются искусствомъ новаго времени, хотя и носящимъ черты академизма, господствовавшаго въ укр. гравюрѣ XVIII в. Таковъ же Штернбергъ и Трутовскій. Не ушелъ далеко и Мартиновичъ, оставившій удивительные карандашные рисунки. Къ старому направленію можно причислить частію Соколова и Микѣшина. Здѣсь же рядъ картинъ Сластьона, Рѣпина, Верещагина, Васнецова, Ге и др. представителей русской и украинской живописи 2-й полов. прошл. столѣтія. Эскизы Ге выдѣляются среди нихъ—они вырвались изъ плѣна условныхъ каноновъ композиціи и даже рисунка, но они не сравнимы по силѣ съ эскизами Врубеля колоритными и грандіозными по замыслу, его Надгробный плачъ и Воскресеніе сильны нервностью линій, ужасомъ непостижимой божественности, проглядывающей въ недоумѣнно раскрытыхъ глазахъ и въ темныхъ фіолетовыхъ сочетаніяхъ красокъ. Кромѣ этихъ картинъ имѣется не мало другихъ со слѣдами новыхъ вѣяній: Пейзажи съ воздухомъ и водой, проникнутые вибраціями безчисленныхъ переходящихъ одинъ въ другой тоновъ и колоритомъ пятенъ и др.; одноцвѣтность поборена, условность пріемовъ заброшена— однако, мимо большинства этихъ случайныхъ картинъ безъ ущерба можно пройти, ибо далеко не всѣмъ имъ хватаетъ страсти огня, свободы и знаній.

Наконецъ, послѣдній залъ посвященъ исключительно Кіеву. Это собраніе, состоящее изъ плановъ, чертежей и видовъ стараго Кіева, кіевскихъ гравюръ, реликвій, изданій и т. п. еще недостаточно полно и не устроено, но въ будущемъ обѣщаетъ быть исключительно интереснымъ. Достойны вниманія въ немъ виды старыхъ кіевскихъ храмовъ и др. памятниковъ въ разные періоды ихъ существованія, знамена и значки кіевскихъ цеховъ, виды стараго магистрата, фигуры

Арх. Михаила, и Ѳемиды съ ратуши, портреты кіевскихъ воеводъ, иконы кіевскихъ святыхъ, проекты и фотографіи исчезнувшихъ уже зданій, виды Кіева, дающіе представленіе объ обликѣ города въ прежнее и нынѣшнее время и т. д. Какъ и въ самомъ городѣ, здѣсь больше всего памятниковъ искусства барокко и имперіи.

При музеѣ имѣется библіотека и въ ней громадное собраніе рисунковъ и фотографій украинскихъ древностей и старины.

Дворцовая часть. Выше музея идетъ дворцовая часть Кіева или Липки, называемая такъ отъ садовъ, которые покрывали все это пространство въ XVIII в. и въ началѣ XIX в., а частію и теперь сохранились между частными домами во дворахъ. Здѣсь, между прочимъ, существовалъ шелковичный садъ, вырубленный въ 1786 г. На существованіе садовъ теперь указываютъ здѣсь названія нѣкоторыхъ улицъ—Садовая, Виноградная и др. Въ началѣ XIX в. эта часть только начинала застраиваться. На углу Садовой улицы въ усадьбѣ Леонтовича находится (теперь перестроенный) домикъ, въ которомъ собиралась кіевская массонская ложа*), основанная въ 1818 г. для объединенія здѣшнихъ славянскихъ элементовъ (Общество соединенныхъ славянъ, т. е. украинцевъ, поляковъ и великоруссовъ). На почвѣ этой ложи позже завязалось болѣе широкое общество Кирилла и Меѳодія, извѣстное по участію въ немъ Шевченка, Костомарова, Кулиша... (Начало масонства въ Кіевѣ относится къ XVIII в.—„Ложа безсмертія“ и „Ложа трехъ колоннъ“. Изъ масоновъ XVIII можно указать И. Мартоса, бывшаго секретаря гетмана Разумовскаго). Знакомъ кіевскихъ масоновъ былъ крестъ съ кругомъ и двѣ соединенныя руки съ надписью „jednosć słowiańska“. Мастеромъ этой ложи былъ малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Н. Репнинъ (настоящая его фамилія—Волконскій), братъ

*) Въ этомъ домѣ, кажется, имѣли совѣщанія и декабристы.

декабриста С. Волконскаго, а намѣстнымъ мастеромъ ложи одно время былъ Дубельтъ, сдѣлавшійся позже начальникомъ III Отдѣленія департамента полиціи и руководившій слѣдствіемъ надъ Кирилло-Меѳодіевскимъ братствомъ. Кіевская ложа была закрыта въ 1822 году.

Недалеко отсюда въ сторону Институтской ул., въ концѣ XVIII в. находился домъ Сперанскаго—потомъ Потоцкой, въ которомъ помѣщалась открытая въ 1812 г. 1-я кіевская гимназія. Это было общеобразовательное учебное заведеніе, гдѣ обучали языкамъ, римскому и русскому праву, технологіи, архитектурѣ, хозяйству, философіи, эстетикѣ, рисованію, музыкѣ, фехтованію... Улицы здѣсь были пустынныя деревянныя; на нихъ еще въ 60-хъ годахъ висѣли объявленія, воспрещавшія куреніе.

Дворецъ. За Садовой ул. идетъ Левашовская ул. и за ней влѣво за Царскимъ садомъ уличка, ведущая къ бывш. императорскому дворцу, расположенному въ глубинѣ сада. Дворецъ начатъ постройкою въ 1750 г. архит. Растрелли. Онъ имѣлъ нижній каменный и верхній—деревянный этажи извнутри и извнѣ отдѣланные въ стилѣ рококо—роскошною лѣпкою; внутри комнаты были покрыты бумажными („бавелной") и шелковыми матеріями, зеркалами, обставленны драгоцѣнной мебелью — все убранство и утварь были мѣстнаго издѣлія. Съ 1744 г. во дворцѣ имѣли пребываніе Елисавета Петровна, Екатерина II и многіе знатные иностранцы. Въ 1819 году верхній этажъ дворца со всею обстановкою сгорѣлъ и былъ отданъ подъ заведеніе минеральныхъ водъ, которое въ 1868 г. перенесено на Подолъ къ подножію Купеческаго сада, а въ 1870 г, арх. Маевскимъ начата постройка нынѣшняго дворца на старомъ основаніи. Онъ въ стилѣ Людовика XVI в. Къ главному корпусу по сторонамъ примыкаютъ соединенные съ нимъ посредствомъ галлерей 2 боковыхъ флигеля. Внутри комнаты украшены декоративною лѣпкою и живописью въ стилѣ Людовика XVI-го; позолота на стѣнахъ и потолкахъ почти отсутствуетъ; вмѣсто

роскошныхъ большихъ картинъ развѣшаны гравюры и фотографіи — все благородно, просто — только парадныя залы отдѣланы въ стилѣ ренессансъ. Со стороны сада устроенъ открытый балконъ, откуда открывается видъ на старый городъ. Обширный переднiй дворъ обсаженъ тополями и отгороженъ отъ площади красивой рѣшеткой съ каменными столбами, которые сохранились отъ временъ Растрелли.

Передъ Дворцомъ, гдѣ нынѣ раскинулся роскошный садъ, находилось зданіе присутственныхъ мѣстъ, воздвигнутое въ нач. XIX в. и срытое по случаю Севастопольской войны. Долгоруковъ описываетъ его, какъ большое, каменное съ колоннами — „по новѣйшей архитектурѣ"; здѣсь же находился домъ Д. Оболенскаго, въ которомъ останавливался Александръ I-й; это былъ типичный барскій домъ того времени съ громаднымъ штатомъ крѣпостной дворни, актеровъ, музыкантовъ; вѣчныя празднества привели Оболенскаго къ разоренію и на мѣсто его дворца образовался пустырь, гдѣ обучались солдаты, взрывая своимъ маршемъ облака пыли. Такъ какъ окна дворца выходили сюда, то въ 1874 г. на мѣстѣ пустыря былъ разбитъ нынѣшній Александровскій паркъ, лучшимъ мѣстомъ въ которомъ является круглая каштановая аллея и терасса съ видомъ на Днѣпръ.

Здѣсь же на углу Александровской и переулка, идущаго отъ дворца построена церковь Александра Невскаго, авторомъ которой былъ арх. Николаевъ; она сдѣлалась приходской Печерской церковью вмѣсто ц. Спаса на Берестовѣ; сюда перенесены изъ Спасской церкви крестъ П. Могилы, чаша 1642 г., Евангеліе 1631 г. и ризы П. Могилы.

Направо, противъ парка заслуживаетъ вниманія зданіе пожарной стражи съ башенкой. Дальше на углу на самомъ краю Александровской ул. — ворота Печерской крѣпости и на углу дворецъ управляющаго войсками Украинскаго округа. За воротами начинается Печерскъ, получившій свое названіе отъ Кіево-Печерской Лавры.

Печерская Лавра съ Юга.

Великая Печерская Церковь.

Печерскъ. Печерскъ очень древнее поселеніе. Здѣсь находились клады еще классическихъ монетъ, Въ эпоху переселенія народовъ на Печерскѣ были оставлены неизвѣстными кочевниками каменныя „бабы", находящіяся нынѣ въ Ботаническомъ саду и также монеты византійскія, арабскія и др. Одинъ изъ кладовъ, найденныхъ здѣсь гетманомъ Мазепой, послужилъ основаніемъ нумизматическаго кабинета Азіатскаго музея Петрогр. Академіи Наукъ. Въ эпоху образованія Руси на Печерскѣ былъ центръ, откуда владѣли Кіевомъ варяги. Въ лѣтописи и въ болѣе позднихъ памятникахъ здѣсь указываются варяжскія пещеры и колодцы (планы 1713-15 г.), и здѣсь же находится могила перваго русско-варяжскаго князя Аскольда. Когда Олегъ центръ управленія перенесъ отсюда на „Гору", на Печерскѣ остались иноки и „угры" („ворота и мѣсто угорское"), давшіе, какъ думаетъ Петровъ, поводъ къ созданію легенды о Хоривѣ, имя коего созвучно съ наименованіемъ угровъ — почему и Хоревицу онъ склоненъ помѣщать именно здѣсь на Печерскѣ. Мѣстность эта въ древности была укрѣплена: въ нее вели угорскія ворота; здѣсь же находились загородные дворцы кіевскихъ князей и село Берестово. То же самое было въ эпоху послѣ татарскаго нашествія. Въ XVI в. на Печерскѣ существовало двѣ слободы Лаврская и Никольская. Но послѣ 1654 г., когда состоялась политическая унія Украйны съ Москвой, Московское правительство рѣшило обратить Печерскъ въ крѣпость. Правительству Кіевъ былъ нуженъ не какъ древняя столица, а какъ оплотъ противъ козачества, Польши и татаръ. Обѣ печерскія слободы поэтому постепенно сносились и вмѣсто нихъ, къ неудовольствію разорившихся жителей, возводились валы; сооруженіемъ завѣдывалъ преданный Москвѣ гетманъ Ив. Самойловичъ. Эти валы показаны на планѣ 1695 г.; строителями ихъ были инж. Ванъ-Зеленъ и Патрикъ Гордонъ, изъ нихъ послѣдній оставилъ о Кіевѣ очень интересныя записки. Петръ I-й пожелалъ усилить кіевсхую крѣпость (1706), которую снова строили казаки

подъ руководствомъ Мазепы при участіи Ламота де Шанпіа. Мазепа возводилъ эти укрѣпленія, надѣясь, что они ему пригодятся для столицы будущей независимой Украйны. Послѣ Полтавской побѣды дальнѣйшія работы поручались иностранцамъ (Бреклику въ 1713 г.); сюда же переведенъ былъ великорусскій гарнизонъ и чиновники изъ стараго города. Въ половинѣ XVIII в. постройки на Печерскѣ представляли курныя избы безъ трубъ и печей, среди которыхъ выдѣлялись только около 10 казенныхъ каменныхъ зданій (Новгородцевъ). Екатерина II, поразившаяся невзрачнымъ видомъ этого великорусскаго квартала рѣшила упразднить Подолъ, а центромъ города сдѣлать Печерскъ, для чего велѣла строить каменные дома, но этотъ планъ Павломъ I былъ отмѣненъ. Изъ домовъ были построены только упомянутыя присутственныя мѣста съ домомъ Оболенскаго, домъ Дворянской Коммиссіи и — генералъ-губернатора. Нынѣшній свой видъ Печерскъ сталъ пріобрѣтать только со времени Николая I, расширившаго крѣпость и распланировавшаго нынѣшнюю Дворцовую и Лыбедскую части.

Крѣпость. Крѣпость начинается Николаевскими воротами; отъ города ее отдѣляетъ глубокій ровъ; ворота построены въ духѣ готической крѣпостной архитектуры. Вся крѣпость сооружена изъ кіевскаго кирпича и состоитъ изъ нѣсколькихъ цитаделей. Зданія Печерска всѣ почти имѣютъ сѣрый казенный видъ, какъ и самая крѣпость, и ворота, и недавно поставленный въ нихъ никому ненужный уродливый памятникъ Искрѣ и Кочубею работы Самонова. Кочубей и Искра люди ничѣмъ не замѣчательные и къ Кіеву никакого отношенія не имѣющіе; они подали доносъ на гетмана, да еще попали въ поэму Пушкина. Памятникъ ихъ безцвѣтенъ; подъ фигурами самихъ Искры и Кочубея, авторъ коихъ даже не справился съ портретами своихъ героевъ, помѣщено рельефное изображеніе св. воротъ Печерской Лавры и надъ ними ни къ селу—ни къ городу 8-конечный великорусскій крестъ.

Отъ крѣпостныхъ воротъ идутъ двѣ главныя Печерскія улицы: Московская направо и Никольская налѣво, выходящія на Эспланадную площадь. Въ началѣ XIX в. тамъ были большія пустыри, казармы, частные дома гр. Безбородка, кн. Прозоровскаго, Вигеля, гр. Самойлова, Бѣгича, ген. Бухгольца и Корта (въ этихъ домахъ помѣщались аудиторіи, архивъ, библіотека и канцелярія новооснованнаго университета св. Владиміра), а также двѣ синагоги и лавки. На Московской ул. было много кабаковъ, доходомъ съ которыхъ Лавра старалась вознаградить себя за взятыя у нея подъ крѣпость владѣнія: на каждой изъ 14 улицъ Печерска она держала шинки, въ которыхъ продовалось за годъ 240 „куфъ" (до 10.000 ведеръ) водки; съ Лаврой соперничалъ сосѣдній монастырь св. Николая.

Слупскій Николаевскій монастырь. Никольскій Столбовой Пустынный монастырь или „Слупъ" (т. е. столбъ) находится въ сторонѣ отъ Московской ул. на лѣво за Николаевскими воротами и названъ такъ по причинѣ столбообразной архитектуры своего храма, воздвигнутаго въ 1711 г. на мѣстѣ древней тоже столбообразной часовни съ образомъ св. Николая. Объ этомъ столбѣ упоминаетъ роспись Кіеву 1682 г., указывая его посреди поля, въ сторонѣ отъ монастыря, находившагося на нынѣшней Аскольдовой могилѣ. Такъ оно и должно было быть, ибо церковь св. Николая тамъ существовала еще въ эпоху князей. По сказанію лѣтописи на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Аскольдъ, носившій христіанское имя Николая, нѣкто Олма поставилъ церковь св. Николая. Іоакимовская лѣтопись (позднѣйшая) говоритъ, что эта церковь была разрушена Святополкомъ I Игоровичемъ, но Олминъ дворъ существовалъ еще при лѣтописцѣ въ 1110 г., слѣдовательно, онъ былъ недавно передъ тѣмъ построенъ. Сюда же относится и другое древнее сказаніе, по которому Мстиславъ Владиміровичъ во время охоты въ 1113 г. набрелъ въ лѣсу на свѣтящуюся икону на деревѣ а, можетъ быть, на ка-

менный столбъ съ свящ. изображеніемъ и въ память этого учредилъ на Аскольдовой могилѣ монастырь, который, дѣйствительно, какъ можно полагать, по открытой вблизи пещерѣ въ XI-XII в. здѣсь существовалъ. То былъ мужской пещерный монастырь, а выше надъ нимъ тамъ, гдѣ нынѣ военный соборъ, былъ женскій Николаевскій монастырь, тоже XI в.; его фундаменты въ XVII в. видѣлъ Коссовъ. Мужской Николаевскій монастырь на Аскольдовой могилѣ просуществовалъ до 1715 г., когда былъ воздвигнутъ нынѣшній храмъ на мѣстѣ столба съ иконой, которая и была перенесена въ эту церковь. Церковь имѣла видъ башни, но въ 1831 г. была расширена боковыми притворами, что въ планѣ сообщило ей характеръ церкви сѣверно-русской архитектуры. На дѣлѣ же это образецъ украинскаго барокко. Основной элементъ украинской архитектуры башни здѣсь примѣненъ самостоятельно; другіе храмы развиваютъ эту систему путемъ умноженія башенъ, вслѣдствіе чего получились храмы трехкупольные, пятикупольные и девятикупольные. Надъ входомъ въ Столбовой монастырь заслуживаетъ вниманія зигзагообразный фронтонъ. Внутри храма нѣтъ ничего замѣчательнаго; иконостасъ и живопись въ немъ новые. Въ иконостасѣ указываютъ три будто бы древнихъ иконы св. Николая; одну—направо отъ царскихъ вратъ (съ Аскольдовой могилы), другую—направо отъ южныхъ дверей (со спуска) и третью—надъ царскими вратами (наиболѣе старая). Среди монастырской утвари имѣется рукописное Евангеліе 1411 г.;—единственная выдающаяся южно русская рукопись послѣ Остромирова Евангелія; писалъ его инокъ Макарій. Здѣсь же хранится серебряный 8-конечный крестъ, похожій на крестъ Сагайдачнаго съ филигранью и изображеніемъ Распятія и св. Николая и другой крестъ съ частицами мощей, пожертвованный сюда Стефаномъ Яворскимъ въ 1701 г., служившимъ здѣсь игуменомъ. Монастырь въ свое былъ время очень богатъ, владѣя пространствомъ отъ Подола до Берестова и всѣмъ „угорскимъ мѣстомъ“ (до Кре-

щатика), гдѣ стояли княжескіе терема (дворъ Ольги за Перевѣсищемъ на Угорскомъ), а также и загородные дворцы кіевскихъ владѣтелей въ литовскую эпоху.

Замокъ Симеона Олельковича. Развалины княжескаго литовскаго дворца, можетъ быть, замка Семена Олельковича, обозначены на планѣ Кальнофойскаго 1638 г., на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ входъ въ Мало-Никольскій монастырь. Этотъ дворецъ или замокъ, на крышѣ котораго тогда уже росли деревья, имѣлъ видъ готическаго зданія съ масивными стѣнами и двускатнымъ покрытіемъ между двумя ступеньчатыми фронтонами. Такіе фронтоны, встрѣчающіеся и на нѣкоторыхъ южно-русскихъ храмахъ XV в., являются переходомъ къ позднѣйшимъ барочнымъ фронтонамъ, гдѣ ступеньки замѣнятъ падающія волюты.

Кресты, Аскольдова могила. По направленію къ Крещатику, Николаевскому монастырю принадлежала слобода Никольскій Поликъ, населенная гончарами; тамъ было урочище Кресты на мѣстѣ кладбища или колодца съ крестомъ и Московская крѣпостца, построенная послѣ 1654 г. (недалеко отъ конторы Государственнаго банка). Нынѣ монастырю принадлежитъ только Аскольдова могила, куда можно спуститься по проходу между оградой монастыря и сосѣднеи усадьбой, приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ сливались древнія дороги въ Берестово и на Печерскъ и гдѣ въ XII в. былъ погребенъ въ курганѣ княземъ Святополкомъ Изяславичемъ павшій въ битвѣ съ нимъ его тесть половецкій ханъ Тугорханъ.

Аскольдова могила занимаетъ крутой выступъ Приднѣпровскихъ возвышенностей противъ впаденія Чертороя въ Днѣпръ. Черторой—это рукавъ Днѣпра, омывающій Трухановъ островъ; дальше виднѣется рукавъ Старикъ—бывшее старое русло Днѣпра. Съ Аскольдовой могилы открываются виды на степь за Днѣпромъ, зеленые луга, далекія села; сама она усѣяна надгробными памятниками, среди которыхъ возвышается купольный храмикъ; смѣшеніе запустѣнія и

культуры. Мѣсто это священное, оно обагрено кровью 1-го князя, обвѣяно легендами; Олма построилъ здѣсь христіанскую церковь, въ которой тайно собирались христіане въ то время, когда Владиміръ возрождалъ національные языческіе культы. Иноки основаннаго здѣсь впервые монастыря спасались въ пещерахъ; въ 1853 г. ниже Аскольдовой могилы на Панкратьевскомъ спускѣ открыта была пещера, состоящая изъ двухъ длинныхъ корридоровъ съ лежанками, нишами, съ надписями и фресками (XI-XIII в. по Срезневскому). Монастырь этотъ существовалъ на Аскольдовой могилѣ до 1715 года, когда былъ перенесенъ на мѣсто, гдѣ стояла часовня надъ столбомъ съ иконой Николая. Старая деревянная церковь на Аскольдовой могилѣ стояла до 1810 г., когда была устроена нынѣшняя каменная ротондообразная съ круглымъ периптеромъ ампирная церковь. Въ подвалѣ храма имѣется древняя гробница, приписываемая Аскольду, въ ризницѣ замѣчательна старинная пелена. Кругомъ расположены могилы кіевской аристократіи. Заслуживаетъ вниманіе гробъ извѣстнаго собирателя украинской старины Василія Тарновскаго.

Панкратіевская дорога. Отъ Аскольдовой могилы Панкратіевскій спускъ или Николаевское шоссе, начинающееся вверху за военнымъ соборомъ, ведетъ къ Николаевскому цѣпному мосту. Панкратіевская дорога — это любимое мѣсто прогулокъ кіевлянъ; она открыта въ 1809 г., на мѣстѣ Спасской дороги, устланной (XVI-XVII) деревомъ, на коей стоялъ домъ фельдмаршала кн. Прозоровскаго. Дорога, эта въ 1852-60 г. была расширена, вымощена и частію проложена вновь. Карнизомъ извивается она по берегу Днѣпра, громадные холмы висятъ сбоку и подъ ногами, изрѣзанные неровными выемками оползней, по откосамъ тѣсно посажены деревья. При прокладкѣ шоссе у Аскольдовой могилы, нѣсколько ниже, были найдены упомянутыя выше двѣ пещеры, которыя, будучи обслѣдованы проф. Иванишевымъ, оказались жилищами каменнаго вѣка,

использованными впослѣдствіи пустынножителями. Пещеры эти засыпаны.

Цѣпной мостъ. Древняя Спасская дорога (называвшаяся такъ отъ близъ лежащей церкви Спаса на Берестовѣ), а нынѣшній—Панкратіевскій (Никольскій) спускъ въ старину велъ къ Днѣпровской пристани и перевозу черезъ Днѣпръ. Перевозъ этотъ назывался Неводницкимъ. Здѣсь недалеко находился дворецъ митрополита Петра Могилы и торговая площадь—необходимая принадлежность всѣхъ мѣстъ, гдѣ проходитъ много людей. Шлецеръ даже склоненъ былъ думать, что самый городъ Кіевъ возникъ у перевоза. Въ этомъ мѣстѣ въ XVII в. существовалъ пловучій мостъ (мостъ на байдакахъ „Синопсисъ"), называвшійся Спасскимъ; съ 1702 г. онъ устраивался ежегодно. Въ 1848 53 гг. англичаниномъ Виньолемъ былъ построенъ нынѣшній мостъ, одинъ изъ величайшихъ въ свѣтѣ. Мостъ утвержденъ на 6 быкахъ изъ кіевскаго бѣлаго кирпича съ гранитной облицовкой; на 5 быкахъ сооружено по 2 устоя съ перекинутыми арками и, такимъ образомъ, получается 5 величественныхъ порталовъ красивой отдѣлки; по верху опоръ порталовъ проходятъ цѣпи, на которыхъ держится вся висячая система моста. Дуги цѣпей очень хорошо гармонируютъ со стройными порталами. У самаго моста подъ горой устроена часовня св. Николая съ московскими луковичными главками. На противоположной сторонѣ продолженіе моста составляетъ шоссейная дамба, регулирующая теченіе Днѣпра и его рукавовъ.

Никольская Слободка. Во время постройки моста образовался поселокъ Никольская Слободка; жители ея содержатъ небольшіе садики, куда бѣдные кіевляне съѣзжаются погулять. Въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка тамъ существовали для путешественниковъ трактиры, шинки и гостинный домъ, куда иногда отправлялась кіевская знать повеселиться на гнущихся половицахъ кабака. Одинъ такой трактиръ былъ выстроенъ въ началѣ XIX вѣка по фасаду

Меленскаго. За Слободкой находится Лысая гора, гдѣ находятъ орудія неолитической эпохи.

На мѣстѣ второй древней переправы черезъ Днѣпръ, находится желѣзнодорожный мостъ. Онъ на 13 каменныхъ устояхъ. Рельсы положены между двумя фермами многораскосной системы, состоящими изъ рѣшетчатыхъ, сжимаемыхъ и растягиваемыхъ раскосовъ. Это одинъ изъ длиннѣйшихъ мостовъ въ Россіи. Панкратіевское шоссе отъ Аскольдовой могилы поднимается до самой Никольской улицы къ военному Николаевскому собору.

Военный Николаевскій соборъ. Николаевскій соборъ сравнительно поздняго происхожденія. Нѣкогда въ XI в. на его мѣстѣ былъ женскій Николаевскій монастырь, въ которомъ постриглась мать препод. Өеодосія Печерскаго, а позже въ XVI в. это мѣсто служило пахатнымъ полемъ и виноградникомъ. Мѣстонахожденіе древняго женскаго монастыря именно здѣсь Коссовъ въ своемъ „Paterikoнѣ", опредѣляетъ по этому винограднику: „Гдѣ виноградъ при монастырѣ св. Николы, фундаменты видать". Можно думать, что руины эти зарисованы на нѣкотор. рисункахъ 1651 г.

Въ 1690-93 г. на мѣстѣ виноградника гетманомъ Мазепой былъ воздвигнутъ нынѣшній каменный храмъ съ колокольней и дворовыми постройками, куда и переведена была большая часть Пустынно-никольскихъ монаховъ, а старый Никольскій монастырь сдѣлался при немъ приписнымъ (до 1732 г.), но въ 1831 г. по случаю расширенія крѣпости, Мазепинскій монастырь былъ переданъ инженерному вѣдомству, а церковь отведена подъ военный соборъ. Въ ограду собора входятъ черезъ высокую колокольню современную собору, но перестроенную въ верхней своей части: глава ея утверждена на глухомъ восмерикѣ, декорированномъ московскими килевидными арками, что совершенно не идетъ къ другимъ деталямъ и общему замыслу этого красиваго сооруженія, требующаго барочныхъ фронтоновъ, волютъ, лѣпки, какъ это увидимъ на самомъ соборѣ.

Соборъ стоитъ одинъ среди просторнаго двора — огромный, массивный, какъ крѣпость. Онъ строился въ великую эпоху кіевскаго строительства и запечатлѣлъ на себѣ истинный характеръ барокко. Въ соборѣ имѣется надпись объ основаніи его „на виноградѣ Николаевскомъ и на мощахъ св. Мартирія и Иларіона Печерскихъ въ лѣто 1690“ Извѣстенъ одинъ изъ строителей собора—москвичъ Ив. Стар.

Порталъ Николаевскаго собора.

цевъ, участвовавшій также и въ построеніи Братскаго собора. Однако, стиль собора не имѣетъ въ себѣ ничего московскаго, планы и фасады его стремятся къ созданію особыхъ отъ московской архитектуры формъ. Планъ собора тотъ же, что въ Братскомъ монастырѣ съ поперечнымъ трансептомъ и двумя фасадными башнями, ведущими на хоры. Общее

строеніе плана симметрично, замыселъ простой, члененія немногочисленны; въ общемъ, планъ не похожъ ни на московскіе, ни на украинскіе храмы, имѣющіе въ основѣ своей симметричную комбинацію башенъ или срубовъ,—онъ западный. Профиля и основныя формы храма своеобразны: если надъ выступами передняго трансепта поднимаются башни, то надъ вторымъ трансептомъ только фронтоны; стѣны кромѣ архитектурныхъ выступовъ оживлены двумя рядами оконъ, выступающіе углы отдѣланы колоннами, большое вниманіе обращено на обработку входовъ. Эта отдѣлка поражаетъ вычурностью. Колонны занимаютъ всю высоту зданія, они только украшаютъ фасады, но не имѣютъ конструктивнаго значенія; стержни ихъ у порталовъ одѣты виноградными плетеніями, припоминающими нѣкоторыя произведенія Венеціанскаго, а затѣмъ Львовскаго ренессанса—тоже и на порталахъ Братской церкви. Окна имѣютъ не особенно большіе размѣры; верхи ихъ полуциркульные или горизонтальные, а на фасадѣ есть также круглыя и крестовидныя окна. Окна разныхъ свѣтовъ находятся на однѣхъ вертикальныхъ и горизонтальныхъ линіяхъ. Наличинки оконъ выступаютъ изъ поля стѣны профилеванной рамкой, украшенной рѣзьбой въ видѣ фронтончика (изъ волютъ). Перекрытія собора двухъ родовъ—купольныя и скатныя: низкая крыша не дала зодчему возможности поднять куполъ, и только фасадныя башни въ полномъ смыслѣ слова господствуютъ надъ зданіемъ; они 8-угольной конструкціи. Слуховыя окна и двойныя крыши здѣсь уступили свое мѣсто фронтонамъ и обширному карнизу, украшенному звѣздами, какъ въ цѣломъ рядѣ другихъ кіевскихъ церквей. Фронтонами и декоровкой художникъ достигаетъ удивительныхъ эффектовъ. Чарующе красивъ главный фасадъ, имѣющій высокій фронтонъ между башнями на крышѣ и надъ папертью; если верхній фронтонъ имѣетъ пилястры, волюты и шатровидныя главки съ солнцами, то нижній—образованъ сжатыми арочками, которыя увѣнчаны такими же главками съ шатровымъ перекрытіемъ;

онъ залѣпленъ также узорами и живописными изображеніями въ стилѣ украинской иконописи (кн. Владиміръ въ казацкомъ кунтушѣ и др.). Живопись какъ и лѣпка стремится къ эффектности, даетъ просторъ фантазіи, поражаетъ зрѣніе великолѣпіемъ. Общая композиція фронтоновъ та же, что въ Михайловскомъ монастырѣ, въ Братствѣ, въ Лаврѣ и др. кіевскихъ храмахъ. По характеру обработки она напоминаетъ фронтоны нѣмецкихъ и голландскихъ построекъ. Кіевскія улицы, благодаря такимъ фронтонамъ, имѣютъ особый характеръ и въ общемъ производятъ живописное впечатлѣніе. Очень красиво декорированы сѣверный и южный порталы собора: здѣсь въ разорванныхъ фронтонахъ помѣщены фигуры летящихъ ангеловъ, идущихъ отъ античныхъ викторій, держащихъ корону, подъ которой, надо полагать, находился гербъ Мазепы; тѣ же ангелы надъ главнымъ входомъ держали щитъ съ короной, нынѣ гербовъ нѣтъ — но они показаны на гравюрѣ Мигуры, изображающей апоѳеозъ Мазепы съ видомъ обновленныхъ и сооруженныхъ имъ храмовъ.

Всѣ формы Николаевскаго собора, все великолѣпіе, глядящее съ его стѣнъ, является памятникомъ жизни слишкомъ роскошной, невольно заставляющимъ перенестись къ привольнымъ нравамъ XVII в.—То было время расцвѣта украинской культуры, науки, искусствъ, благосостоянія народнаго и общаго довольства жизнью послѣ нѣсколькихъ вѣковъ военной жизни. Тогда нравилась суровая мужественная красота, выраженная въ линіяхъ плана, въ толщинѣ и гладкости стѣнъ, но смягченная выступами угловъ, вереницами оконъ, лѣпкой. Идея силы сочеталась съ идеей красоты—стиль барокко болѣе всего подходилъ къ этой импозантной и богатой жизни, онъ сталъ достояніемъ народа, сдѣлался выраженіемъ народной культуры. Барочныя формы вязались съ сельской обстановкой стараго Кіева, ибо господствующая въ нихъ живописность допускала обработку зданія со всѣхъ сторонъ. Формы барокко черезъ Украйну про-

никли въ Москву, черпавшую изъ Кіева свою несложную образованность. Московскіе зодчіе приспособляли заимствованное къ собственнымъ формамъ и сами, очутившись на Украйнѣ, испытывали свои силы въ умѣніи владѣть новыми формами. Такимъ былъ и одинъ изъ строителей собора І., Старцевъ, фамилія коего, впрочемъ, и пріѣздъ изъ Москвы еще не доказываетъ его великорусскаго происхожденія, ибо въ Москвѣ жило не мало украинцевъ, фамиліи коихъ передѣлывались на великорусскій ладъ, тѣмъ болѣе, что въ Кіевѣ въ это время извѣстны зодчіе съ фамиліей Старченко.

Соборъ внутри. Войдя въ храмъ, чувствуешь еще живѣе всю его красоту. Своды поддерживаются двумя рядами пилоновъ; они простые, стѣны покрыты лѣпкой, но не въ чрезмѣрномъ количествѣ, дабы не отвлекать взоровъ отъ главнаго украшенія храма — иконостаса будто сотканнаго изъ тончайшихъ узоровъ — листьевъ, цвѣтовъ, гроздей винограда, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ, что и наружныя декораціи стѣнъ. Прямыя спокойныя линіи здѣсь отсутствуютъ даже въ колоннахъ, которыя извиваются и тоже покрыты рѣзьбой. Царскія врата имѣютъ утомительную для глаза узорную запутанность. Иконы покрыты чеканными роскошными ризами, но живопись ихъ не избѣгла поновленій. Въ композиціяхъ видно вліяніе итальянскаго искусства: здѣсь, напр., встрѣчается копія тайной вечери Леонарди де-Винчи. На верху иконостаса прорѣзные ангелы съ палитрами и хартіями, на которыхъ обозначены даты сооруженія иконостаса: „1660 року за благословеніемъ Алексія Тура"; подпись „С. Б. М. К. означаетъ: Созонтъ Балыка мѣщанинъ кіевскій. У пилоновъ въ храмѣ поставлены роскошные кіоты болѣе поздней работы; орнаментика ихъ болѣе сдержана и значительно тоньше, что указываетъ на половину XVIII вѣка.

Въ оградѣ Николаевскаго собора находится еще одно зданіе конца XVII в., въ которомъ помѣщаются провіантскіе

склады, а раньше была монастырская трапеза. Оно барочное съ прекрасными и очень интересными наличниками; покрытія зданія раньше были подняты, имѣли высокія слуховыя окна и фронтоны.

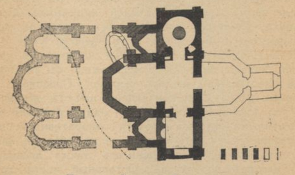
Соборная площадь. По выходѣ изъ ограды поражаетъ контрастъ собора съ окружающими лачужками, лавочками и сѣрыми солдатами на улицѣ: позолота, царственное великолѣпіе и хижины; настоящее и прошедшее —все это такъ мало связано одно съ другимъ. Грязныя развалившіяся лавочки еще года два тому назадъ примыкали къ самой колокольнѣ собора. Это остатокъ торговыхъ рядовъ (деревянныя гиллереи) 30-хъ, 40-хъ годовъ, когда стараніемъ администраціи Печерскъ сдѣлался было центромъ торговымъ и административнымъ въ ущербъ Подолу и Старому городу. Торговля сосредоточена была, главнымъ образомъ, между Николаевскимъ соборомъ и Лаврой. Нѣкоторыя лавки и здѣсь были очень богаты въ свое время: наприм., большая торговля товарами Востока и Сибири, извѣстная книготорговля Литовыхъ, перешедшая къ нимъ отъ Лапицкаго, мануфактурный магазинъ Быльцова; здѣсь же помѣщалась лучшая въ Кіевѣ гостиница „Лондонъ" (потомъ Англійская), рядъ „заѣздовъ", а также Печерское приходское училище, называвшееся Ланкастерскимъ, такъ какъ преподаваніе въ немъ велось по методу Белла, Гаммеля и Ланкастера. Въ 20-хъ годахъ Ланкастерскихъ школъ, давшихъ въ одно время и названіе Печерской части Ланкастерской было нѣсколько. Ихъ основывало „Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія", существовавшее въ 1816 г. въ Петербургѣ, но пребывавшее въ Кіевѣ. Оно имѣло цѣлью учредить школы даже среди кочевниковъ,— „къ вьюку верблюда присовокупивъ снаряды кочевого училища". „Изъ Кіева дѣятели ланкастерскихъ школъ, дѣйствительно, разсылались по всей Россіи.

Наискось отъ Никольскаго собора помѣщается 5-я или Печерская гимназія (противъ Панкратіевскаго спуска передъ

нею среди клумбъ установленъ памятникъ Пушкину). Примыкающая къ гимназіи, Эспланадная площадь частію занята городскимъ гипподромомъ; напротивъ нея садъ и валы крѣпости воздвигнутой гетманомъ Мазепой Здѣсь изъ болѣе или менѣе шумной оживленной мѣстности у военнаго собора вы идете въ тихой прохладѣ засаженной деревомъ улицы, кончающейся влѣво бѣлымъ домикомъ съ аркадой на фасадѣ; это зданіе гауптвахты, у ея бѣлой стѣны стоятъ часовые; черезъ дорогу отъ нея поросшая мхомъ стѣна Лавры, изъ за которой выглядываютъ нарядныя церкви словно невѣсты, улыбающіяся среди роскошной лазури неба и зелени деревьевъ; сзади пыльная площадь, занятая валомъ, провіантскими складами и 5 купольною церковью Спаса на Берестовѣ.

Берестово. Когда то все это мѣсто было покрыто берестовымъ лѣсомъ, въ коемъ было расположено село Берестово. Здѣсь св. Владиміръ имѣлъ свой загородный теремъ (м. б. на мѣстѣ двора русско - варяжскихъ князей) съ 200 наложницами. гдѣ онъ и скончался въ 1015 г. При Ярославѣ на Берестовѣ извѣстна уже Петро-Павловская церковь, священникъ которой Илларіонъ, подвизавшійся въ нынѣшней Антоніевской пещерѣ, былъ поставленъ въ кіевскіе митрополиты. Въ 1072 г. лѣтопись здѣсь упоминаетъ „монастырь, Германечъ", каковое названіе проф. Соколовскій склоненъ объяснять отъ мѣста, въ которомъ жили германцы, но скорѣе всего онъ названъ такъ по имени своего основателя игумена Германа, участвовавшаго въ 1072 г. въ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба изъ старой Вышгородской церкви въ новую. Монастырь, былъ сожженъ въ 1096 г. ханомъ Бонякомъ; возстановилъ его, повидимому, Владиміръ Мономахъ, такъ какъ, здѣсь была устроена усыпальница его дочери, сына и внука. Здѣсь же Мономахъ построилъ „новый дворъ", въ которомъ въ 1113 г. былъ изданъ актъ объ изгнаніи евреевъ изъ Кіева.

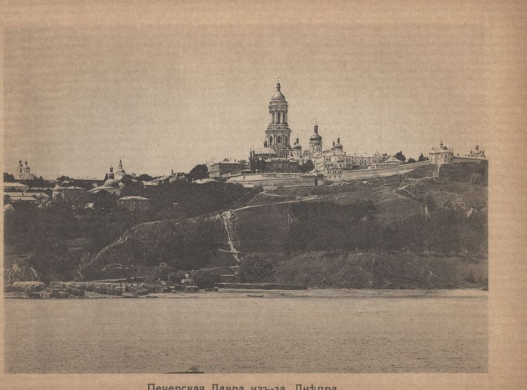
Нынѣшнюю Спасскую церковь нѣкоторые изслѣдователи склонны считать храмомъ, построеннымъ св. Владиміромъ въ воспоминаніе, будто бы, о своемъ крещеніи въ церкви Спасса въ Корсуни, но скорѣе этотъ храмъ связанъ съ горой Аѳономъ, посвященной Преображенію Господню и послужившей монашеской школой для основателей близъ—лежащей Печерской обители. (XI в.) кладка стѣнъ храма (на деревян. лежняхъ, образовавшихъ пустые каналы) указываетъ на XI стол. Крестообразный планъ этого храма тоже хотѣли объяснить Корсунскимъ вліяніемъ, но на самомъ дѣлѣ такая особенность его есть результатъ пере-

Планъ ц. Спаса на Берестовѣ.

стройки, сдѣланной Петромъ Могилой, воздвигшимъ этотъ храмъ изъ руинъ въ видѣ пятибашенной украинской церкви. Обслѣдованіе кладокъ и плана храма произведенное П. Покрышкинымъ въ 1909-10 г. показало, что онъ представлялъ собою удлиненный четырехугольникъ съ западною папертью, выступающею въ стороны своими краями, на одномъ изъ нихъ возвышалась первоначально 4 угольная, а потомъ круглая башня съ такимъ же столбомъ посерединѣ для винтов. лѣстницы, въ другомъ—была устроена церковь усы-

пальница съ нишей для саркофага и съ 3-мя апсидками въ толщѣ стѣны на подобіе пещерныхъ храмовъ пять арочекъ, идущія отъ нихъ на зрителя, по мнѣнію П. Покрышкина — остатокъ кивороя. Сюда велъ отдѣльный входъ. Входы имѣлись также на сѣв. и южн. сторонѣ, гдѣ къ храму, какъ и въ западной части, примыкали паперти (на планѣ не указаны) имѣвшія, какъ то видно, внутри нынѣшняго притвора на древней наружной стѣнѣ, трехлопастные фронтоны и такіе же своды. Храмъ внутри имѣлъ 4 пилона и 3 апсиды. Отъ этого древняго сооруженія уцѣлѣлъ только притворъ съ башнею, своды, покрывающіе середину притвора, два западныхъ внутреннихъ пилона, вошедшія въ углы средней апсиды и части сѣверной и южной наружныхъ стѣнъ въ нынѣшнихъ боковыхъ апсидахъ, все остальное сооруженіе къ востоку было срыто и въ началѣ XVIII в. засыпано валомъ. Сохранившіяся древнія части легко узнаются по своей кладкѣ, которая тождественна съ кладкой Ириненской, Десятинной, и друг. церквей. Подобно ц. Трехъ Святителей стѣны Спасской церкви имѣютъ декоративные кресты изъ кирпича. Подъ крышей надъ тройными окнами, расположенными въ два ряда и декоративными нишами, идетъ изящн. фризъ изъ меандра и на обломкѣ наружной южной стѣны частью сохранилось также древнее фресковое изображеніе ангела. Остальныя части храма — архитектура и ея украшенія болѣе новыя — времени Петра Могилы и начала XIX в. (колокольня въ томъ же духѣ, что и колокольни на Подолѣ). По своей наружной формѣ нынѣ это единственная въ Кіевѣ церковь, построенная Могилой и оставленная послѣ него безъ передѣлокъ. Помимо характернаго украинскаго плана она имѣетъ интересную форму куполовъ — широкую сдавленную со слабымъ перехватомъ — иную чѣмъ купола временъ Ясинскаго, Заборовскаго и др, т. е. подражающую не позднему нѣмецкому ренессансу, а мѣстнымъ деревяннымъ храмамъ. До 1809-10 г. храмъ этотъ былъ покрытъ гонтомъ; въ такомъ видѣ онъ

Печерская Лавра изъ-за Днѣпра.

Св. Врата Печерской Лавры.

изображенъ на рисункѣ Иванова, гдѣ нынѣшняя колокольня еще отсутствуетъ.

Внутри церкви въ древнихъ частяхъ сохранились шиферные карнизы и деревянныя связи, ниши (выведены путемъ установки корпичей подъ угломъ) и аркасоліи, въ которыхъ стояли гробницы Мономаховичей. Тамъ же по стѣнамъ находится замѣчательная роспись 1644 г.—единственная сохранившаяся отъ Могилянской эпохи. На наружной сторонѣ за-

Церк. Спаса съ южной стороны.

падной древней стѣны надъ входомъ въ храмъ изъ притвора подъ изображеніемъ Христа Первосвященника представленъ припадающій къ стопамъ его Пертъ Могила (онъ же стоитъ сбоку трона Христа рандантивно къ фиг. Богородицы). По свидѣтельству помѣщенной рядомъ надписи роспись храма была сдѣлана „перстами грековъ (γραικῶν δακτύλοις)“, изобразившими здѣсь славу Господу (δόξαν γράφας). Стѣнопись эта послѣ Могилы реставрировалась въ 1813-15 гг., въ1830-хъ г.

(Оробьевскимъ) и въ 1863-67 г. (свящ. Желтоножкимъ), когда еще считалось, что весь храмъ, а слѣдовательно, и роспись относятся ко времени св. Владиміра, хотя проф. Лашкаревъ уже высказывался противъ этого. Въ 1915 г. роспись была расчищена отъ невѣжественныхъ реставраціонныхъ добавленій и приведена въ нынѣшній видъ. Надъ дверьми внутри храма помѣщена 2-я (славянская) надпись о возобновленіи церкви Могилой, а дальше въ ключѣ большой арки изображенъ Саваоѳъ Ветхій денми; по обѣимъ стѣнамъ арки изображенъ Мелхиседекъ съ хлѣбами и Ааронъ съ жезломъ и въ нижнемъ ряду арх. Гавріилъ и Михаилъ, попирающій павшую денницу; въ центрѣ звѣзчатаго свода съ нервюрами Господь Вседержитель (въ кругѣ будто въ куполѣ), а по сторонамъ круга Богородица, Предтеча, и въ распалубкахъ—девять чиновъ ангельскихъ (иногда въ очень живыхъ схемахъ); на южныхъ и западныхъ стѣнахъ—соборъ арх. Михаила и соборъ арх. Гавріила; подъ ними по восточной, западной и сѣверной сторонамъ идутъ фигуры ветхозавѣтныхъ праотцевъ и пророковъ, а на южной сторонѣ представлена сложная композиція, т. н., „Недреманнаго ока": Христосъ младенецъ лежитъ съ открыми глазами на гроздяхъ винограда въ бѣлой сорочкѣ; у ногъ его стоятъ ангелы съ орудіями страданій, въ головахъ Богородица съ опахаломъ и по сторонамъ прор. Исаія и праотецъ Іаковъ. Такая сцена имѣетъ въ виду представить Богомланденца будущимъ страдальцемъ (орудія страстей) и Искупителемъ (виноградныя гроздья): Онъ спитъ подобно льву (древнее вѣрованіе, выраженное и въ надписи на хартіи у Іакова) съ открытыми глазами, провидя свои страданія. Сюжетъ этотъ, извѣстный еще съ XIV в., сдѣлался въ украинской иконописи XVII—XVIII вв. весьма популярнымъ, отличаясь отъ Буковинскихъ, Аѳонскихъ и др. изображеній подобнаго рода тѣмъ, что тамъ изображался просто Эммануилъ, а здѣсь будущій страдалецъ. Надъ южными и сѣверными дверьми въ боковые придѣлы изображено по нерукотворному образу—

св. Чрепіе (Κεραμίον), и св. Обрусъ (Μαντῦλιον). Въ тимпанѣ надъ южными дверьми изображено Распятіе и по сторонамъ Моисей и Илія съ пророчествами и надъ сѣверными дверьми въ такой же аркѣ—Успеніе съ св. Космой и Іоанномъ Дамаскинымъ, въ нижнихъ рядахъ стѣнописи изображены Евангельскія событія, избранные святые и преподобные—Антоній Великій, Савва Освященный, Ефремъ Сиринъ и др., въ алтарѣ на мѣстѣ древней оранты изображено знаменіе Богородицы; здѣсь же очень живыя сцены Вознесенія, Благовѣщенія, Рожд. Христова и др. Сцена Преображенія на зап. стѣнѣ принадлежитъ, кажется, времени болѣе раннему, чѣмъ XVII в. Система росписи выдержана согласно предписаніямъ, такъ называемой „Эрминеи" или „Подлинника", т. е. наставленія иконописцамъ, которое составлено было въ XVI—XVII в. на Аѳонѣ Діонисіемъ Фурнааграфіотомъ, гдѣ по примѣру западныхъ руководствъ живописи (Ченнино Ченнини и др.) давались указанія, какъ приготовлять краски, писать священныя лица и событія и какъ размѣщать ихъ на стѣнахъ храма. Изъ этого подлинника заимствованы надписи въ Берестовской росписи частію—содержаніе ея и вообще она отражаетъ въ себѣ манеру извѣстнаго Аѳонск живописца Панселика. Авторами росписи были, вѣроятно, Аѳонскіе художники, уже побывавшіе на Украйнѣ и усвоившіе здѣшніе художественные вкусы, еще съ XV-XVI в. обращенные къ западному искусству. Такіе греческіе художники, жившіе среди казаковъ, даже не видавшіе Греціи, въ XVII в. извѣстны на Украйнѣ (Житоміръ). Они останавливаются на пріятныхъ и глубокихъ тонахъ, фигуры даютъ мелкія, рука ихъ искусна, рисунокъ правильный, композиція свободна. Умирающій отблескъ древнихъ преданій въ ихъ росписяхъ еще имѣется, но общее впечатлѣніе стѣнописи новое—и удивительнаго въ томъ нѣтъ ничего, такъ какъ византійское искусство не было складомъ мертвыхъ древне-христіанскихъ образцовъ, но имѣло въ своей исторіи и періоды расцвѣта; (въ XVI-XVII в. расцвѣтъ на Аѳонѣ, Критѣ и на Украйнѣ). Роспись Берестовская очень

архитектурна: группы расположены соотвѣтственно высотѣ,— однѣ, склоненныя или дѣтскія на вершинѣ арки, другія — прямыя стоятъ по сторонамъ, какъ бы дополняя архитектуру. Самъ по себѣ фактъ обращенія Могилы къ грекамъ является показателемъ сознательной реакціи противъ западныхъ стремленій уніатовъ. Однако, это было не долго и греческая авторитетность уже въ концѣ XVII в., какъ это увидимъ въ церкви на св. вратахъ Лавры, исчезла. Древне-византійская эпоха оставила въ Берестовской церкви свой слѣдъ только въ упомянутомъ выше фресковомъ изображеніи ангела съ сферою, безкровнаго съ огромными, остановившимися глазами и неподвижнаго на ровномъ блѣдносинемъ фонѣ стѣны. Иконостасъ храма ампирный намѣстные образа въ немъ старые греческой работы; подъ иконой св. Владиміра и его сыновей Бориса и Глѣба—гербъ Могилы. Въ алтарѣ, кромѣ того, должно отмѣтить два великолѣпныхъ креста XVII в., вылѣпленныхъ въ стѣнѣ у боковыхъ оконъ и чудные орнаментные пояса въ стилѣ поздняго возрожденія изъ разводовъ аканѳа растущихъ изъ кронштейновъ и переплетающихся съ масками людей. Въ церкви хранятся нѣкоторые древніе предметы, найденные въ землѣ во время послѣднихъ раскопокъ. Таковы архитектурныя обломки, — прекрасный украинскій уборъ XVII в. изъ погребенія и др. Серебряный восьми-конечный крестъ Могилы, дарованный храму по случаю обновленія его и др. предметы переведены въ Александро-Невскую церковь.

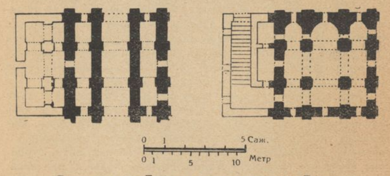
Противъ церкви Спаса помѣщается нарядная пятикупольная церковь украинской архитектуры, подъ которой устроены ворота въ Лавру. Это Мазепинская церковь всѣхъ святыхъ на экономическихъ вратахъ св. Лавры. Но мы оставимъ ее и вернемся обратно на Никольскую улицу, что-бы войти въ Печерскую обитель черезъ ея главныя „Святыя ворота“, противъ которыхъ раскинулось безобразное зданіе арсенала, узнаваемое по разставленнымъ на его фасадѣ пушкамъ и ядрамъ.

Арсеналъ и Вознесенскій монастырь. Это зданіе построено въ 1784 г. французомъ Карломъ де Шардономъ изъ кіевскаго бѣлаго кирпича, который, по выраженію одного путешественника, „не стыдливъ и даже отъ огня не краснѣетъ" (Долгоруковъ). Имя строителя достойно упоминанія, потому что въ близъ лежавшемъ его собственномъ домѣ въ XVIII в. ставились маленькія пьески и пантомимы. Здѣсь же рядомъ, въ началѣ XIX в. находилась „зеленая гостиница", а до 1712 г. все это пространство было занято Вознесенскимъ женскимъ монастыремъ, считавшимся аристократическимъ, а потому пользовавшимся разными льготами; монахини имѣли свободу, могли выходить куда имъ угодно и когда угодно. Они одѣвались подобно католическимъ монахинямъ и ходили попарно (Бопланъ). Послѣдней игуменьею ихъ была Магдалина Мазепина—мать гетмана Мазепы. Монастырь былъ упраздненъ Петромъ I послѣ Полтавской битвы. Инокини его были переведены въ Флоровскій монастырь, куда занесли и процвѣтавшее въ Вознесенской обители золотошвейное искусство.

Лавра. Отъ арсенала направляемся въ Лавру—центръ кіевскаго паломничества. Весной въ концѣ лѣта сюда стягивается множество народа. Чѣмъ то не современнымъ вѣетъ отъ этихъ людей, приходящихъ сюда за многія сотни верстъ. Въ старину было тоже самое; приходили поклониться лаврскимъ святынямъ князья и бояре, старшины и казачество— но тогда эта толпа имѣла иной видъ; въ дни праздниковъ изъ Лавры тянулись, по направленію къ Подолу, вереницы любознательныхъ и честолюбивыхъ посѣтителей академическихъ диспутовъ, блистали красочные кортежи знатныхъ путешественниковъ и золотые поѣзда кіевскихъ митрополитовъ, великолѣпіе которыхъ особенно выигрывало среди зелени тутовыхъ, миндальныхъ и виноградныхъ садовъ, описанныхъ Пав. Алеппскимъ. Писатели стараго времени и историческіе документы сообщаютъ о глубокой любви и ува-

женіи къ Печерской обители древ. князей, казачества и знати. Сюда не только пріѣзжали молиться, но дарили большія состоянія и завѣщали, чтобы тѣла ихъ были схоронены въ Лаврѣ. Лавра издревне была центромъ религіозной культурной жизни. Она была не просто твердыней аскетизма, но и культурнымъ центромъ, очень рано получившимъ аристократическую закраску, гдѣ подобно студійскому монастырю въ Царьградѣ (уставъ Лавры студійскій съ 1051 г.) иноки занимались переводами и литературой, изучали каллиграфію, иконопись и друг. искусства. Звѣзда Лавры подобно огненому столпу „Патерика“ ярко сіяла; въ смутное время разореній и междоусобій здѣсь собирались лучшіе представители украинскаго народа, пробуждали національное сознаніе, поддерживали просвѣщеніе („училище свободныхъ наукъ“, типографія и „книгохранилище“), древніе обряды, религію, искусство. Появлялись святые, нужно было учреждать праздества, создавать житія, службы, иконографію, храмы. Громадныя богатства Лавры въ козацкую эпоху нашли себѣ благородное примѣненіе для поддержанія родной культуры, а притокъ посѣтителей и иночествующихъ—дѣлать возможнымъ вооруженное сопротивленіе врагамъ. Лавра перестала быть перворазрядной культурной силой только съ конца XVIII в., когда было упразднено выборное начало въ управленіи Лавры и наложена рука на свободу Кіевскаго вѣроученія, а братія сдѣлалась орудіемъ централизма и редакціи; конецъ XVIII вѣка вообще измѣнилъ обликъ Кіева и Украйны; были упразднены костюмы монаховъ, (нынѣшніе взяты у грековъ, заимствовавшихъ ихъ у мусульманъ), обиходный языкъ братіи и даже обстановка. Но все же Лавра и теперь въ своемъ быту удерживаетъ не мало завѣтовъ старины, вмѣстѣ со своими храмами и ихъ украшеніями, являясь неоцѣнимой сокровищницей старой культуры. На слѣды этой культуры натыкаемся на каждомъ шагу, на всемъ огромномъ пространствѣ объединенныхъ въ Лаврѣ шести монастырей.

Святыя ворота Лавры. Главныя „святыя“ ворота Лавры расположены между двумя выступами Мазепинской стѣны. Кованыя изъ мѣди и желѣза звѣзды украшаютъ акротеріи фасаднаго фронтона воротъ; сами фронтоны, грушевидная изящная глава, пышная лѣпка и живопись полны радости; это конецъ XVII в., однако, подъ одеждами барокко здѣсь таятся болѣе древнія формы: врата сооружены (Кальнофойскій, Гизель) еще въ 1106 г. св. княземъ Николою Святошей (Святославомъ) Черниговскимъ, постригшимся въ иноки и служившимъ въ Печерской обители привратникомъ.

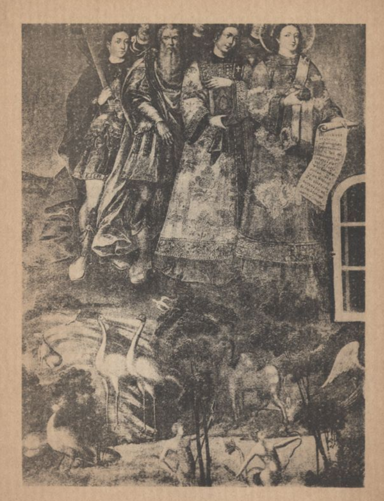

Планъ церк. св. Троицы на вратахъ печерск. Лавры.

никомъ. Св. Никола построилъ надъ вратами церковь св. Троицы, сохранившуюся цѣликомъ. Это та церковь на вратахъ, которую Кальнофойскій въ 1638 г. сравнивалъ съ церковью надъ Золотыми вратами. Сооруженіе Н. Святоши теперь нѣсколько видоизмѣнено, а именно—въ нижнемъ этажѣ первоначально было три пролета; средними вратами входили знатныя лица, князья, гетманы, цари, а боковыми—народъ и выносили умершихъ; боковые пролеты заложены въ XVIII в. (слѣды закладки видны). Въ верхнемъ этажѣ помѣщается церковь. Лашкаревъ полагаетъ, что верхній этажъ былъ

устроенъ спустя нѣкоторое время послѣ устройства воротъ, но крестъ, положенный въ закладку храма (найденъ въ 1880 г.), и строительный матеріалъ этого не подтверждаютъ. На западной и южной, а также и на восточной сторонѣ ея еще видны слѣды древнихъ полукружій, образуемыхъ наружными пилястрами для поддержанія посводныхъ покрытій, состоявшихъ изъ кирпичныхъ плитъ; эти покрытія даны на планѣ Кіева 1695 г., слѣдовательно, перестройка сдѣлана послѣ этого года. Древнія конструкціи лучше всего видны на южной стѣнѣ, оставленной безъ облицовокъ (видны слѣды древняго свода и древнія окна). Барабанъ купола, получившій въ XVII в. осмигранную обработку, древній, но только до половины; первоначальныя его окна заложены, а нынѣшнія окна сдѣланы надъ ними въ новой надстройкѣ; древнія окна были окаймлены зубчатыми арочками. Оригинальную особенность восточной части этого храма составляютъ своды, сложеные изъ горшковъ (для резонанса и для облегченія тяжести) и отсутствіе алтарныхъ выступовъ: алтари образованы внутри въ толщѣ восточной стѣны; въ этомъ отношеніи церковь близко идетъ къ западно-русскимъ храмамъ (Полоцкъ, Витебскъ), но въ остальныхъ своихъ частяхъ она ближе къ храмамъ Суздальской области—четвероугольная, очень стройная на 4 внутреннихъ столбахъ—безъ хоръ и притвора. Отсутствіе апсидъ въ этомъ храмѣ подчеркиваетъ во всемъ сооруженіи идею воротъ. Въ этомъ видѣ св. ворота Лавры приводятъ на память надвратныя постройки позднихъ римскихъ городовъ, гдѣ надъ тріумфальными воротами крѣпостей устраивались храмы. Св. врата Лавры по своей архитектурѣ въ нижнемъ этажѣ собственно тоже тріумфальныя.

Сѣверная сторона зданія въ XVII в. обезображена пристройкой, въ которой устроенъ входъ въ церковь. Въ середину храма можно попасть только въ тѣ дни, когда въ немъ совершается служба, въ противномъ случаѣ необходимо обращаться къ о. экклезіарху Лавры. До той поры въ храмъ поднимались по деревянной лѣстницѣ (Кальнофойскій).

Роспись церкви Св. Тройцы.

Слупскій Николаевскій монастырь.

Аскольдова могила.

Николаевскій Военный соборъ.

Роспись. Внутри церковь св. Троицы имѣетъ замѣчательную роспись конца XVII в., далеко ушедшую впередъ отъ стѣнописи берестовской. Въ 1896 г. росписи этой грозило уничтоженіе, но она какимъ то чудомъ была пощажена и только благодаря ей мы можемъ теперь составить настоящее представленіе о томъ искусствѣ, какое процвѣтало въ XVII в. въ Кіевѣ и вездѣ на Украйнѣ. Содержаніе этой росписи даетъ возможность понять также систему уничтоженной росписи въ великой Печерской церкви. Здѣсь трактуются сюжеты библейскіе, церковныя пѣсни и молитвы все, что имѣетъ въ виду прославленіе вѣры, т. е. въ росписи проведена литературная мысль, соединенная съ художественнымъ замысломъ. Древніе пріемы монументальности были оставлены и стѣны разбиты на мелкія поля съ небольшими картинами; декоративность достигнута роскошью красокъ и композиціи. Краски искрятся на ликахъ и пухлыхъ тѣлахъ будто у Рубенса, пышныя одежды горятъ цвѣтистыми узорами, будто на иконахъ Сіеннцевъ и Флорентійцевъ и только разнятся отъ нихъ орнаментами, линіи которыхъ встрѣчаемъ на современныхъ украинскихъ тканяхъ и вышивкахъ; въ архитектурныхъ планахъ, въ пышныхъ пейзажахъ, въ типахъ выдержаны мѣстныя традиціонныя черты вмѣстѣ съ чѣмъ то заноснымъ; традиціонной кажется сцена Никейскаго собора на западной стѣнѣ съ индивидуальными украинскими типами святителей и царя, или изображеніе литургіи въ алтарѣ на запрестольной стѣнѣ: — Изображенъ св. Іоан. Златоустый, совершающій Евхаристію въ присутствіи молодыхъ діаконовъ и епископа съ тонзурами на головѣ (обычай брить макушку украинское духовенство сохраняло до к. XVIII в.). Помѣщеніе Евхартстіи за престоломъ напоминаетъ традиціонныя запрестольныя композиціи въ св. Софіи, въ Михайловскомъ и Кирилловскомъ монастыряхъ, но здѣсь это таинство дано не въ догматической, а въ реальной обстановкѣ. Такой же реальный характеръ имѣютъ и всѣ остальныя сцены росписи, изображающія событія Еван-

гелія и апостольскихъ дѣяній, кромѣ развѣ символическихъ сценъ, изображающихъ молитву Господню. Въ нихъ обращаетъ вниманіе пейзажъ съ горами, деревьями, потоками, руинами, мостами,—оживленный путешественниками,—то итальянизированный (классическія руины въ сценѣ призванія апостоловъ), то въ духѣ галландскаго искусства (рѣки, долины, зданія), то опять съ мѣстными особенностями—какъ напр., въ преддверіи храма, гдѣ изображено шествіе въ рай св. женъ, преподобныхъ, дѣвственниковъ, группами ступающихъ среди холмовъ, покрытыхъ цвѣтами, деревьями и всякими звѣрями—тамъ слоны, обезьяны, верблюды, раки, страусы, павлины и даже въ водѣ плещутся русалки—созданіе украинской миѳологіи. Всѣ эти подробности пейзажа найдемъ и на отдѣльныхъ кіевскихъ иконахъ того времени, и на картинахъ Іах. Патинира, Гертгена фонъ-Янса, Криспина ванъ деръ-Брека, М. Гемекерка, Г. Мостарта, Яна Пискатора, которыми пользовались авторы этой стѣнописи, прилаживая ихъ для мѣстнаго примѣненія, какъ то требовалось готовыми уже правилами своего родного искусства съ его любовью къ холмистому высокому пейзажу, къ реальности типовъ, къ пышной декоративности одеждъ, къ аллегоріи и символамъ, къ возвеличенію Творца и наставленію людей. Такимъ образомъ, византійскія горы съ расщелинами превратились въ натуральную холмистую почву, схематическія похожія на метлы деревья—въ живую растительность, сухія аскетическія фигуры святыхъ—въ полныя жизни великолѣпныя группы праведниковъ, прежній линейный и только раскрашенный рисунокъ—въ живопись со свѣтотѣнью, открытою Европейскимъ искусствомъ. Авторы этой стѣнописи неизвѣстны, но ясно, что то были мѣстные художники, вѣроятно, питомцы и учителя Лаврской живописной школы. Заслуживаетъ вниманія и иконостасъ этой церкви—прекрасной рѣзьбы, похожей на нѣкоторые иконостасы Софійскаго собора и великой Лаврской церкви.

Больничный монастырь. Дворъ, на который вы-

ходитъ дверь церкви на св. вратахъ какъ и сама эта церковь, принадлежитъ Лаврскому больничному монастырю, основанному тѣмъ же св. княземъ Николаемъ Святошею; трапезный храмъ нынѣшняго больничнаго монастыря (посвящ. св. Николаю) XVIII вѣка, барочный, съ низкими сводами той же конструкціи, что въ церкви св. Георгія; въ немъ старинный иконостасъ и на стѣнахъ много картинъ изъ Евангелія (XVIII в.) въ прекрасныхъ барочныхъ рамахъ. Богомольцы въ этой церкви любятъ творить поминовенія умершихъ. Въ примыкающихъ къ храму зданіяхъ помѣщаются келліи и больница съ церковью, куда женщинамъ доступъ возбраненъ, кромѣ трехъ разъ въ году.

Великая Печерская церковь. Отъ больничнаго монастыря выходимъ въ главный дворъ Лавры и идемъ къ перкви, расположенной на самой его серединѣ. Это и есть лѣтописная „небеси подобная“ великая Печерская церковь.

Построеніе великой Печерской церкви связано съ именами преп. Антонія и Өеодосія Печерскихъ. Первый построилъ деревянную церковь Успенія, а 2-й замѣнилъ ее каменной, о чемъ было создано удивительной красоты сказаніе, равнаго которому не знаетъ ни одна литература средневѣковой эпохи. Это была уже 2-я Успенская церковь въ Кіевѣ (I-я Десятинная). Она имѣла крайне важное значеніе для послѣдующаго русскаго искусства. Вслѣдъ за ней (и поподобію ея) были устроены успенскіе храмы въ Черниговѣ (Елецкій), въ Ростовѣ, Суздалѣ, Боголюбовѣ, Владимірѣ, въ Звенигородѣ и Москвѣ, архитектура и рельефныя украшенія которыхъ съ своими романскими особенностями въ прототипѣ тоже восходятъ къ Печерской церкви. Основаніе Печерской церкви сопровождали особыя обстоятельства—ближайшимъ образомъ она связана съ Царьградскимъ Влахернскимъ храмомъ: Богородица Влахернская, избавившая нѣкогда Царьградъ отъ дружинъ Аскольда и Дира, послала теперь мастеровъ въ Кіевъ и избавила отъ потопленія на

морѣ и въ битвѣ варяжскаго князя Шимона, чтобы онъ шелъ въ Кіевъ и принялъ участіе въ построеніи Печерскаго храма. Влахернскій храмъ не былъ посвященъ Успенію, но въ немъ хранился гробъ Богородицы (ἄγιος δωρός) и это, по мнѣнію проф. Айналова, послужило къ наименованію церкви надъ пещерами съ тѣлами подвижниковъ, Успенскою, что случилось съ Десятинной церковью тоже, возникшею на гробахъ святыхъ. Недаромъ позже Печерскій игуменъ Стефанъ основываетъ Влахернскій храмъ въ Кіевѣ на Кловѣ и недаромъ св. Θеодосій происходилъ изъ Василькова: тамъ Успенскій храмъ существовалъ еще со времени св. Владиміра, дружина котораго крестилась въ Херсонесѣ именно во Влахернскомъ храмѣ. На Влахерны указываетъ, и позднѣйшая традиція, отожествившая икону Печерской Божіей Матери съ Влахернской.

Планъ Великой Печерской церкви.

Печерская церковь была основана въ 1073 г., а вскорѣ рядомъ съ нею у сѣверо-западнаго угла „у туже на палати восходятъ“ была построена церковь Іоанна Предтечи. Думали, что отъ этихъ обѣихъ церквей не осталось и слѣда, но проф. Лашкаревъ, обслѣдовавъ древнія части обоихъ храмовъ, отнесъ ихъ къ XI в. Нынѣ вся древняя церковь застроена, фасадъ церкви густо расцвѣлъ барочными формами; онъ нѣ-

сколько похожъ на фасадъ Николаевскаго собора, такъ какъ имѣетъ выступы по сторонамъ входа, но здѣсь эти выступы увѣнчаны не башнями, а фронтонами, похожими на фронтоны Кирилловской Флоровской и др. церквей; окна и двери декорированы подраженіемъ матерчатымъ драпировкамъ. Собственно древнихъ частей снаружи почти не видно; онѣ застроены, съ сѣвера придѣломъ архид. Стефана, соединившимся съ древней церковью Предтечи, на югѣ — Богословскимъ придѣломъ и на западѣ—новой папертью съ ходами на хоры.

Церковь Іоанна Предтечи. На сѣверной наружной стѣнѣ древними являются только части, находящіяся подъ сѣверо-западнымъ угловымъ куполомъ, т. е пространство отъ 3-го — до 7-го пилястра (начиная съ запада); это сѣверная стѣна Предтеченской церкви, вошедшей въ XVII в. въ общую массу храма. На ея стѣнѣ между пилястрами сохранились древнія щелевидныя окна въ два свѣта, въ пилястрахъ слѣды загибовъ для арокъ и выемокъ, на которыя они опирались, внизу декоративная ниша, имѣющая форму двери; вдоль стѣны видно углубленіе отъ трещины, образовавшейся здѣсь отъ землятресенія въ 1230 г. Куполъ надъ этой частью храма древній. Выше оконъ онъ какъ будто суживается и затѣмъ идетъ вверхъ — мѣсто суженія это слѣдъ древняго перекрытія, выше идетъ новая надстройка; въ барабанѣ шиферный карнизъ и зубчатая арочка надъ окнами. Своды церковки тоже древніе; апсиды ея выходятъ въ придѣлъ св. Стефана, выступая незначительными закругленіями и декорированы полуколонками, между коими имѣются слѣды древнихъ узкихъ оконъ. Отъ сѣверной стѣны главнаго храма Предтеченскую церковь отдѣляетъ узкій проходъ; въ XVII в. этотъ храмъ былъ разбитъ на два этажа, и верхняя его часть присоединена къ хорамъ вел. церкви; въ верхней части апсидъ (на хорахъ) пробита дверь. По своимъ размѣрамъ и ясной простой конструкціи церк. Предтечи должна быть отнесена къ типу „божницъ“, она имѣла наз-

наченіе усыпальницы либо крещальни (Предтеча — Креститель).

Древнія части великой церкви. Изъ древнихъ частей самой великой церкви наружу выступаютъ только алтарныя апсиды; онѣ сохранились цѣликомъ кромѣ южной, которая была передѣлана въ литовское время, вѣроятно княз. Симеономъ Олельковичемъ (кирпичъ ея съ желобками продолговатый). Въ средней апсидѣ замѣтно углубленіе— тоже слѣдъ трещины отъ землетрясеній 1230 г. или 1662 г. (Гербиній); боковыя апсиды первоначально были нѣсколько ниже, а теперь надстроены до высоты средней апсиды; подъ крышей сѣв. апсиды сохранился слѣдъ древней конхи, надъ которой замѣтна также зубчатая арка, что надъ окнами купола; апсиды украшены теперь богатыми карнизами, лѣпными орнаментальными фризами и сплошь залѣплены узорами. Карнизъ въ видѣ полки съ двумя рядами квадратовъ и узкою полоскою въ видѣ капель, и линіи меандра подъ карнизомъ возстановлены по древнимъ частямъ, сохранившимся здѣсь же: главная апсида въ древности имѣла рельефныя изображенія Богородицы и стоящихъ по ея сторонамъ архангеловъ: части этихъ рельефовъ хранятся въ Лаврской ризницѣ; нынѣ на алтарной стѣнѣ отъ древности уцѣлѣлъ (подъ стекломъ) крестикъ съ буквами IC. XC. НИ. КА. Остальныя части храма, выступающія наружу (кромѣ 3-хъ средн. апсидъ) и ихъ украшенія, сдѣланы въ XVII в. въ эпоху господства барокко;—въ верху древніе—средняя глава и куполъ надъ Предтеченскимъ придѣломъ; купольныя окна украшены зубчатыми арочками (по этому образцу, декорированы и остальные купола, воздвигнутые въ концѣ XVII в.). Первоначально Лаврская церковь надъ серединой архитектурн. креста имѣла одинъ полусферическій куполъ, къ которому поднимались посводныя трехлопастыя перекрытія, какъ въ Овручѣ и въ позднѣйшихъ Новгородскихъ храмахъ. Такую форму фасадамъ частью придавали тройныя окна (окно и теперь еще сохранилось со стороны Предтеч. церкви, гдѣ лѣ

стница съ хоръ на крышу). Предтеченскій храмикъ, стоявшій отдѣльно, тоже имѣлъ куполъ приплюснутой полусферической формы, какъ это показано на древнѣйшемъ изображеніи Лавры у Кальнофойскаго и въ книгѣ Бесѣдъ Іоанна Златоустаго (Кіевъ) 1623 г., гдѣ оба храма уже соединены и гдѣ надъ алтаремъ вел. церкви показанъ небольшой куполъ, вѣроятно воздвигнутый въ Литовскую эпоху. Эти 3 купола видѣлъ и Пав. Алеппскій. На мѣстѣ нынѣшнихъ боковыхъ придѣловъ и паперти находилось нѣсколько каплицъ, пристроенныхъ въ XIII—XVI в.: передъ церковью Предтечи была каплица Ельцовъ, къ фамиліи которыхъ принадлежалъ и основатель церкви, преп. Антоній; за Предтеченской церковью каплица 3-хъ святителей, за нею ближе къ алтарю часовня Іоанна Богослова, а въ юго-восточномъ углу часовня кн. Корецкихъ (во имя арх. Стефана). Такія часовни въ эту пору извѣстны на западѣ вокругъ готическихъ храмовъ, отъ которыхъ кое-что было заимствовано и въ тогдашнихъ формахъ великой Печерской церкви, а именно надъ посводными перекрытіями были устроены остроугольные и ступенчатые фронтоны. Такою Лаврская церковь выглядитъ на рис., въ книжкѣ Гербинія и др. Главки на южномъ и восточномъ фронтонахъ, изображенныя тамъ, были устроены П. Могилой. Могила пристроилъ на южной сторонѣ еще 2 часовенки для симметріи съ сѣверной стороны и поставилъ новые 4 купола (надъ главныхъ входомъ, одинъ въ сѣверовосточномъ углу и два на южной сторонѣ). Въ этомъ видѣ церковь изображена въ „Панагіаріонѣ" 1655 г. и въ Акадистахъ 1677 г. Въ к. XVII в. боковыя часовни были объединены во едино и образовали нынѣшніе придѣлы съ двумя алтарями (на планѣ 1695 г. они уже указаны); въ составъ сѣвернаго придѣла, посвященнаго Стефану, вошла и древняя Предтеченская церковь; западныя часовни были замѣнены папертью съ 4-мя входными дверьми, и на краяхъ ея помѣщены барочные фронтоны (изображенные въ „Евхологіонѣ" 1708 г.). Купола и крыши, судя по намѣстной ико-

нѣ въ Ант. Ѳеодосіевскомъ придѣлѣ Софійскаго собора, были выкрашены въ красный цвѣтъ и позолочены; такая окраска была обычной для сооруженій стараго Кіева; нынѣшнія зеленыя крыши—являются плодомъ великорусскаго вліянія. Въ 1718 г. послѣ пожара Лавры средняя часть западной паперти была поднята до высоты стѣнъ и въ этомъ видѣ существуетъ до нынѣ.

Великая церковь внутри. Входимъ во внутрь храма. Древнія части начинаются сейчасъ же за новой папертью, гдѣ устроены ходы на хоры, на этихъ лѣстницахъ во время ремонта 1880 - 81 гг. была видна древняя кладка западной стѣны. Пройдя 2-ю дверь, мы находимся уже въ древней великой церкви. Своды ея поддерживаютъ 6 столбовъ, изъ коихъ 4 видны на серединѣ храма, а 2 за иконостасомъ; древнія сѣверныя и южныя нѣкогда наружныя стѣны узнаются по дверямъ, ведущимъ въ боковые придѣлы и по окнамъ. На сѣверной стѣнѣ подъ кровлею видна древняя средняя комара кладки XI в. и прилегающія къ ней посторонамъ боковыя болѣе низкія комары. Такимъ образомъ, своды и перекрытія на каждомъ фасадѣ поднимались къ серединѣ, образуя своеобразную архитектурную форму, ставшую прототипомъ новгородскихъ храмовъ XII—XIV в.; въ такомъ видѣ Печерская церковь изображена на рис. 1651 г. Древнюю кладку южной стѣны тоже можно видѣть съ крыши южнаго придѣла. На сѣверной стѣнѣ подъ поломъ хоръ, гдѣ арка, въ серединѣ храма сохранились окна византійской формы—теперь они задѣланы. Въ куполѣ карнизъ изъ краснаго шифера. Въ сѣверо западномъ придѣлѣ всю древнюю церковь Предтечи теперь занимаетъ одинъ алтарь; въ немъ 4 столба (не крестообразные) и три апсидки, почти совсѣмъ не выступающія изъ толщи восточной стѣны; но онѣ раздѣланы полуколонками, каковыя можно видѣть со стороны придѣла св. архид. Стефана; съ хоръ великой церкви сюда ведетъ древняя дверь; въ восточной стѣнѣ въ верхнихъ частяхъ апсидъ пробиты входы въ придѣлъ Прео-

браженія; снизу вела сюда лѣстница, нынѣ находящаяся подъ поломъ; на западной и южной стѣнахъ видны задѣланныя окна; въ парусахъ — голосники, — т. е. кувшины для лучшаго резонанса и для облегченія тяжести купола.

Въ бывшемъ храмѣ св. Іоанна Предтечи иконостасъ той же работы, что и въ церкви Троицы на св. вратахъ и въ боковыхъ нижнихъ придѣлахъ св. Лавры; надъ намѣ-

Видъ Лавры по рис. 1651 г.

стнымъ ярусомъ въ рѣзьбѣ помѣщены сцены изъ житія Предтечи. Интересно изображеніе „гласа вопіющаго въ пустынѣ"; это работа мѣстныхъ живописцевъ и „сницеровъ" половины XVIII в. Передъ иконостасомъ Петромъ Могилою были положены мощи св. княжны Іуліаніи Ольшанской, которыя почивали открытыми, такъ что можно было видѣть ея бѣлое благообразное лицо, адамашковыя нижнія и верх-

нія одѣянія, золотую шейную гривну и наушницы. Мощи эти сгорѣли въ пожарѣ 1718 г. Древней стѣнописи въ церкви не сохранилось, но она была здѣсь, равно какъ и въ великой церкви, что вмѣстѣ съ другими украшеніями и дало поводъ къ названію послѣдней небеси-подобной.

Бывшія украшенія церкви. Печерскій „Патерикъ", лѣтописи, „Синопсисъ" и путешественники описываютъ мозаики этой церкви изъ позлащенныхъ камней, фрески и мраморныя облицовки стѣнъ и пола. Отъ послѣднихъ уцѣлѣли двѣ мраморныя колонны и антабленменты въ ближнихъ пещерахъ. Что же касается росписи, то ни древнѣйшихъ росписей, ни позднѣйшихъ не осталось. Первоначально церковь была „мусіею (мозаикою) сложена не токмо по стѣнамъ, но и по землѣ"; авторами росписи были греки, и среди нихъ русскій мастеръ Алимпій, житіе котораго въ Патерикѣ даетъ возможность уразумѣть содержаніе росписи: Алимпій видѣлъ, какъ чудесно изобразился ликъ Богородицы на образѣ и изъ него вылетѣлъ голубь и леталъ „къ образу Спасову" (это изображеніе въ куполѣ и дало поводъ къ назв. храма небесиподобномъ) и къ изображеніямъ святыхъ, имена коихъ можно возстановить по наименованію мощей, положенныхъ подъ стѣнами храма, гдѣ же (святые) и сами написаны суть надъ мощами по стѣнамъ (Артемій, Поліевктъ, Леонтій, Ареѳа, Іаковъ, Ѳеодоръ и др.); мощи эти были привезены изъ Влахернъ. Впослѣдствіи Печерска роспись въ точности была воспроизведена въ Успенской церкви въ Ростовѣ. Павелъ Алеппскій, видѣвшій мозаики великой церкви въ XVII в., указываетъ въ алтарѣ изображеніе Богородицы подобное Кіево-Софійскому, подъ нею изображеніе Христа, окруженнаго апостолами (Евхаристія), а на западной стѣнѣ церкви Пав. Алеппскій видѣлъ изображеніе Успенія (какъ въ Дафни)?; въ алтарѣ мозаичный полъ и мраморный мозаичный цоколь вокругъ каѳедры. Эта каѳедра, вѣроятно, была похожа на Кіево-Софійскую; въ Лаврской ризницѣ имѣются ея куски изъ шифера съ мозаичными украшеніями въ узорныхъ

выемкахъ. О томъ же сообщаетъ Гизель въ „Синопсисѣ". Послѣ Петра Могилы мозаики были сбиты и замѣнены росписью, нѣсколько разъ возобновлявшеюся; идетъ споръ — вести ли послѣднюю роспись отъ литовской и могилянской эпохи или отъ возобновленія Лавры послѣ пожара 1718 г.; видно, что большой надобности въ передѣлкѣ росписи послѣ 1718 г. не было, такъ какъ гетманъ Скоропадскій всѣми силами тормозилъ ея возобновленіе; даже присланный изъ Москвы реставраторъ Васильевъ, по приказанію гетмана, удалился изъ Кіева; — все же обновленіе было сдѣлано въ 1729 г., и роспись, можетъ быть восходившая въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ къ Литовской эпохѣ, необходимо должна была потерпѣть измѣненія, что видно было изъ существовавшихъ до 1793 г. портретовъ литовско-русскихъ князей. Они были написаны въ алтарѣ среди благодѣтелей Лавры. Изъ сохранившагося въ Лаврской библіотекѣ проекта новой росписи съ перечисленіемъ композицій, которыя предполагалось въ 1729 г. помѣстить на стѣнахъ храма, видно, что въ росписи было отражено все богословіе, начиная съ догматовъ церковныхъ и библейскихъ событій и кончая изображеніями службъ, блаженствъ, таинствъ, молитвъ. Собственно въ каждомъ изъ многочисленныхъ придѣловъ Лавры роспись придерживалась общаго расположенія, указаннаго преданіемъ, но съ видоизмѣненіями XVII—XVIII вв., такъ что въ цѣломъ мы имѣетъ необыкновенно сложную систему, которую можно разбить на рядъ мелкихъ стѣнописныхъ системъ. Въ главномъ куполѣ предполагалось изображеніе св. Троицы среди ангеловъ, въ барабанѣ апостоловъ на камняхъ вѣры, въ парусахъ Евангелистовъ, въ алтарѣ портретовъ храмоздателей и ктиторовъ, святителей, тайной вечери, 7 даровъ св. Духа и 7 таинствъ, Евхаристическихъ символовъ; въ жертвенникѣ были помѣщены 12 страстей съ ихъ прообразами (Каинъ и Авель, Жертва Авраама, страждущій Іосифъ, Іона, агнецъ, ведомый на закланіе, мѣдный змій); въ средней части храма — вселенскіе соборы, виды

Аѳона, св. земли, Кіева, Синая. Въ придѣлѣ арх. Михаила въ сводѣ — слава Саваоѳу, въ алтарѣ — явленія ангеловъ (масса композицій), отче нашъ, блаженства, „Словеса яже на крестѣ“, 7 добродѣтелей, 9 степеней клиричества, 7 образовъ покаянія, врата Рувимовы, Іудины и Левіины. Удивительно, что вездѣ, несмотря на изданныя въ 1722 г. запрещенія изображать символическія картины въ иконописи, здѣсь таковыя изобилуютъ. За престоломъ среди другихъ сюжетовъ былъ изображенъ Христосъ, распятый на вѣтвяхъ дуба, около жертвенника, — Агнецъ, Пеликанъ, — все въ духѣ тогдашней украинской иконописи, часто искавшей вдохновенія въ сюжетахъ древне-христіанскаго искусства. Авторы этой стѣнописи, изъ коихъ извѣстенъ С. Каменскій, высказали большую ученость — большое знаніе св. Писанія и богословія. Въ 1772 г. роспись была передѣлана. Портреты въ алтарѣ были записаны и вновь помѣщены подъ хорами, были перемѣщены нѣкоторыя группы святыхъ, а все остальное подписано. Реставрація эта производилась Захаромъ Голубовскимъ, который съ 1763 г. звѣдывалъ иконописной лаврской школой; тогда же работалъ, кажется, и итальянецъ Фридеричи. Эти работы возобновлялъ опять въ 1843 г. акад. Солнцевъ. Въ 1893 г. онѣ были уничтожены художникомъ Верещагинымъ и замѣнены новомодной безцвѣтной и безсодержательной росписью, не гармонирующею ни съ блескомъ стараго Лаврскаго иконостаса, ни съ духомъ исторіи и посѣтителей Лавры. Отъ нѣсколькихъ сотъ фигуръ и композицій старой лаврской росписи въ придѣлѣ св. Стефана уцѣлѣла часть притчи о богатомъ и Лазарѣ и въ духѣ тѣхъ композицій, которыя встрѣчаются въ Лаврской библіотекѣ среди ученическихъ „кунштовъ“, и изображеніе скиніи, грубо подновленное въ XIX вѣкѣ.

Иконостасъ. Иконостасъ въ Лаврѣ, времени гетмана Скоропадскаго, прекрасной работы. До 1896 г. онъ былъ пяти-ярусный, но въ 1896 г. верхніе ярусы были сняты какъ бы въ подражаніе первоначальной низкой алтарной

преградѣ, которой, кажется, принадлежатъ мраморныя колонны и антаблементъ въ двухъ подземныхъ храмахъ ближнихъ пещеръ. Въ этой преградѣ находился и тотъ чудесный образъ, съ которымъ совершилось чудо на глазахъ преп. Алимпія. Здѣсь же, повидимому, со стороны алтаря былъ повѣшенъ золотой вѣнецъ и золотой поясъ варяга Шимона, увезенные Вл. Мономахомъ въ Суздаль. Какъ долго существовалъ первоначальный иконостасъ неизвѣстно, вѣроятно, до 1482 г., а можетъ быть и до XVI в., когда былъ устроенъ новый иконостасъ кн. Константиномъ Острожскимъ, извѣстный по копіи его, отлитой по приказанію московскаго патріарха Никона. На этой копіи можно видѣть шесть рядовъ иконъ, окруженныхъ рѣзьбою въ стилѣ барокко. Нынѣшній иконостасъ тоже барочной—большой художественной цѣнности. Оставшаяся нынѣшняя часть его украшена роскошной рѣзьбой и весьма интересными по сюжетамъ и композиціи иконами (напр., Успенія и Печерскихъ святыхъ). Иконы эти прикрыты роскошными ризами, такъ что живопись можно видѣть только на боковыхъ вратахъ и въ клеймахъ царскихъ вратъ. Особенность этой живописи составляетъ звучность красокъ; онѣ прозрачныя, въ очень смѣлыхъ сочетаніяхъ, не допускающихъ большаго числа переходныхъ тоновъ; царскія врата иконостаса кованы изъ серебра съ позолотой: чеканка ризъ на образахъ—парчевая; полированныя части чередуются съ матовымъ полемъ матеріи, представляя взору пріятные переливы тѣней. На головахъ святыхъ короны. Такія короны въ старину возлагались на иконы особымъ образомъ, для чего существовалъ обрядъ коронованія иконъ. Вокругъ иконъ сдѣланы рамы изъ звѣздъ; это все издѣлія лаврскихъ ювелировъ, которые славились на Украйнѣ вмѣстѣ съ живописцами и рѣзчиками, конкурируя съ кіевскимъ золотарскимъ цехомъ.

Въ иконостасѣ надъ царскими вратами въ драгоцѣннѣйшей рамѣ помѣщается важнѣйшая лаврская святыня—образъ Успенія по преданію тотъ самый, который получили

изъ рукъ Богородицы зодчіе, строившіе великую церковь, (XI в.), съ чѣмъ однако нельзя согласиться, ибо композиція его болѣе поздняя, хотя въ общемъ она болѣе извѣстна по копіямъ, чѣмъ по самой иконѣ, гдѣ живописи уже почти не сохранилось. Весьма странно, что популярность свою лаврскій образъ пріобрѣлъ только въ концѣ XVII в.; даже лаврскія гравюры того времени воспроизводятъ сцену Успенія не по образу великой церкви, а по гравюрамъ венеціанскихъ изданій XV—XVI в. в. Передъ поздней литургіей и въ концѣ ея образъ спускается для поклоненія и тогда передъ нимъ въ совокупности двухъ хоровъ поется кондакъ. По примѣру Лавры другіе кіевскіе храмы тоже помѣщаютъ свои святыни надъ царскими вратами для спусканія ихъ народу (Екатериненскій монастырь, Пустынскій монастырь, церковь всѣхъ Скорбящихъ)... Престолъ Лавры древній изъ кирпича; въ 1744 г. онъ обложенъ серебромъ, а первоначально былъ покрытъ мраморной доской, которая была изготовлена здѣсь же въ Кіевѣ (Патерикъ). На жертвенникѣ золотой крестъ съ частицами крови Христа, столба бичеванія и вервія отъ столба бичеванія — отсюда иконостасъ этой части храма—„страстной“, т. е. имѣетъ образа, изображающіе Страданія Христа.

Передъ царскими вратами виситъ серебряное паникадило кіевской работы половины XVIII в., сдѣланное на средства Императрицы Елисаветы Петровны; большое паникадило—тоже мѣстной работы XVIII в.,—сдѣлано по заказу донского атамана Ефремова. Лампады передъ иконостасомъ всѣ XVIII ст. прекрасной работы. Въ концѣ иконостаса на правой сторонѣ хранится ковчегъ съ главой св. Владиміра, а въ лѣвомъ концѣ—мощи I-го митрополита Кіевскаго (если такой былъ) Михаила, крестившаго всѣхъ кіевлянъ и сыновей кн. Владиміра. Въ юго-западномъ углу храма помѣщается гробъ преп. Ѳеодосія (мощи въ 1240 г. были скрыты въ стѣнѣ), а напротивъ него въ сѣверо-западномъ углу въ кіотѣ частицы мощей всѣхъ Печерскихъ святыхъ.

Памятникъ Константина Острожскаго. Этотъ кіотъ прикрываетъ нишу въ стѣнѣ, въ которой находится надгробный памятникъ Константина Острожскаго, замѣчательнаго защитника южно-русскаго православія и народности (1579 г.). Будучи кіевскимъ воеводой, онъ поднялъ и самую Лавру изъ руинъ послѣ татарскаго опустошенія 1482 года; объ иконостасѣ Константина Острожскаго уже упоминалось. Надгробіе его представляетъ собою рѣдкое произведеніе ренессанса на Украйнѣ. Изображена фигура князя, лежащаго во снѣ на крышкѣ гроба въ желѣзныхъ доспѣхахъ съ закинутой за голову рукой и согнутыми въ колѣнахъ ногами—худая съ трагическимъ выраженіемъ смерти; на головѣ его корона, на шеѣ цѣпь. Надъ этой фигурой выведена арка, поддерживаемая двумя колоннами, стоящими на фигурахъ львовъ, а сверху спускается занавѣсъ, который приподымаютъ два амура, чтобы взглянуть на умершаго. Фигура князя положена такъ, что напоминаетъ поздне-готическихъ рыцарей и королей въ нѣмецкихъ соборахъ. Обычай помѣщать портреты на могилахъ удержался тамъ еще отъ античной древности, перешедшей въ средніе вѣка, но первый, кто создалъ типъ надгробія съ лежащей на ложѣ фигурой, надъ которой ангелы приподымаютъ занавѣсъ, былъ венеціанецъ Арнольди ди Камбіо (XIV в.), такъ что оттуда идетъ и типъ памятника Острожскаго; однако, здѣсь ангелы идутъ уже къ категоріи, такъ называемыхъ, „путтовъ" (впервые у Донателло)—декоративныхъ дѣтскихъ фигурокъ, (отсюда они идутъ въ украинскую барочную рѣзьбу, равно какъ надгробный портретъ переходитъ въ живопись и становится господствующимъ типомъ портрета), получившихъ популярность въ работахъ Лукки делля Роббіа и др.; въ рукахъ они имѣютъ свитки, ибо ангелы смотрятъ за жизнью человѣка и записываютъ его дѣла; львы подъ гробницей служатъ какъ бы для охраны ея, что тоже извѣстно въ среднихъ вѣкахъ, въ классическомъ мірѣ (Галикарнасскій мовзолей) и даже раньше (фригійск. гробницы) пам.

Хетовъ. Матеріалъ памятника—стуккъ, въ XVI в. употреблявшійся въ Италіи, на основаніи чего авторомъ памятника можно считать какого либо итальянскаго художника изъ числа тѣхъ, которые въ XVI в. работали во Львовѣ, на Волыни и, вѣроятно, въ Кіевѣ (ср. Себаст. Брачи). Верхняя часть этого памятника въ XVIII в. реставрирована (арматура и колонны).

Усыпальницы. Интересно, что Ласотта въ XVI в. и П. Алеппскій въ XVII в. видѣли въ Лаврѣ и другія подобныя надгробія (мраморн., а можетъ быть и живописн.) съ многочисленными фигурами людей, коней, битвъ, возовъ, пушекъ изящной работы. Древній притворъ, въ которомъ находится гробница Константина Острожскаго, вообще служилъ мѣстомъ усыпальницы. Здѣсь, начиная съ св. Ѳеодосія, погребались древніе князья, представители литовскихъ фамилій и многіе мужи, славные своими религіозными и національными подвигами (Могила, Гизель, Плетенецкій, Берында...). Въ старину ихъ гробницы, имѣвшія сверху надгробія съ эпитафіями (приведены въ Тератургемѣ), были прикрыты покровами съ вышитыми на нихъ портретами умершихъ и въ дни поминовеній вокругъ этихъ покрововъ будто вокругъ плащаницы ставали священнослужители, творя поминальный обрядъ съ мѣстнымъ обычаемъ возношенія хлѣба и др., да и самые похороны совершались при соблюденіи особыхъ церемоній: несли за гробомъ портретъ умершаго, который поставляли потомъ въ храмѣ въ видѣ хоругви; вокругъ гроба при отпѣваніи разставляли статуи, изображавшія грѣхи и добродѣтели, сопровождающіе жизнь человѣка, произносили печальныя слова, корпораціи, къ которымъ умершій принадлежалъ, отдавали ему честь.

Особенности Лаврскаго богослуженія. Вообще кіевскій обрядъ сильно отличался отъ теперешняго исправленнаго по московскому образцу. Лавра же имѣла и имѣетъ еще свои отличія, выражающіяся въ особой торжественности, въ особомъ пѣніи, въ особомъ способѣ при-

зыванія къ богослуженію (биломъ). Наиболѣе торжественныя службы бываютъ въ день св. Антонія и Өеодосія (служба имъ составлена св. Димитріемъ Ростовскимъ), въ день св. Владиміра, св. Михаила, митрополита кіевскаго, и на соборъ печерскихъ святыхъ, особенно же въ праздникъ Успенія, когда совершаются ночныя службы съ крестнымъ ходомъ. Въ дни попразднествъ вмѣсто задостойника въ Лаврѣ поютъ девятую пѣснь канона; въ похвальную субботу совершается особый акаѳистъ Богородицѣ; въ великій постъ ежедневно совершается преждеосвященная литургія, кромѣ субботъ и воскресеній; на свѣтлой седмицѣ на великомъ входѣ несутъ плащаницу и т. п; къ лаврскимъ особенностямъ можно отнести обычай въ извѣстные дни употреблять и извѣстнаго цвѣта облаченія: въ Господскіе праздники—алыя, въ Богородичные и ангельскіе—бѣлыя, въ апостольскіе —желтаго цвѣта, въ святительскіе голубого, въ мученическіе – краснаго, въ дни преподобныхъ—зеленаго. Траурнымъ цвѣтомъ, какъ и вездѣ на Украйнѣ, считается черный; въ постъ употребляются зеленыя свѣчи, о чемъ сообщалъ еще П. Алеппскій, и страстные образа. Пѣніе лаврское необыкновенное; неслыханные интервалы нагромождены здѣсь, выдѣляются печальныя и оригинальныя модуляціи, но гармонія нѣсколько грубая, такъ какъ средній голосъ оглушаетъ; все же чувствуется въ этомъ пѣніи мощь, экстазъ, шумъ стихіи; Лавра хранитъ свое древнее пѣніе, какъ неоцѣнимое сокровище; въ старину это пѣніе было распространено по всей Украйнѣ, при чемъ соединялось съ игрой на органѣ (Пав. Алеппскій). Органъ имѣлся и на хорахъ великой Лаврской церкви.

Придѣлы. Въ сѣверномъ придѣлѣ великой церкви, посвященномъ Стефану, (здѣсь хранится палецъ св. Стефана), уцѣлѣли части старой росписи; у алтаря Предтеченской церкви находится спускъ въ подземелье, гдѣ были похоронены знаменитые дѣятели и гдѣ нынѣ почиваетъ митрополитъ Тобольскій, Пав. Конюшкевичъ; надъ входомъ въ

склепъ помѣщается надгробіе графа Ив. Гудовича. Въ южномъ придѣлѣ, посвященномъ Ив. Богослову, имѣющемъ прекрасный прорѣзной иконостасъ съ изображеніямъ житія св. Іоанна, помѣщается гробница П. Румянцева Задунайскаго, на которую указываетъ его мраморный рельефный бюстъ. У сѣверныхъ воротъ Богословскаго иконостаса находится, такъ называемая, Игоревская икона, передъ которой будто бы былъ замученъ въ 1147 г. св. князь Игорь Ольговичъ; она покрыта новой ризой и переписана. Въ особомъ кіотѣ частицы мощей, числомъ до 80. Въ западной стѣнѣ этого придѣла входъ въ Лаврскую ризницу, которая въ древности хранилась на хорахъ, гдѣ лежали также свитки съ планами храма, чудесно доставленными изъ Влахернъ — для постройки Великой церкви („блюдоми на память таковому чудеси"); по этимъ планамъ строили Успенскій храмъ въ Ростовѣ и въ Суздалѣ,

Ризница. Ризница Лавры полна пожертвованій гетмановъ, полковниковъ, пановъ, царей, императоровъ и вельможъ. Главное мѣсто здѣсь занимаютъ священная утварь и облаченія, — изъ парчи, кованыя золотомъ, украшенныя алмазами и др. Среди облаченій саккосъ и риза, подаренные Елисаветой Петровной, фелонь (съ жемчужнымъ оплечьемъ) — даръ Алексѣя Михаиловича, риза съ оплечьемъ изъ рубиновъ, ризы Павла Тобольскаго (этотъ митрополитъ не носилъ саккоса, а по древнему обычаю одѣвалъ іерейскую фелонь съ омофоромъ), воздухъ съ изображеніемъ Христа во гробѣ; много облаченій, украшенныхъ шитьемъ изъ шелка и золота. Шитье существовало въ Кіевѣ издревле: еще Анна, дочь Ярослава, устроила въ своемъ монастырѣ обученіе вышиванью; въ казацкую эпоху вышивались не только литургическія ткани (ризы, плащаницы), но и одежды и утварь казаковъ; къ облаченіямъ относятся также драгоцѣнныя митры, напр., кованая золотомъ съ алмазами, изумрудами, рубинами, сапфирами и жемчугомъ; митра Петра Могилы (6 фунтовъ,) митра Зосимы Валькевича послѣдняго архи-

мандрита и др. Здѣсь же напрестольные кресты, напр., золотой крестъ съ частью животворящаго древа и землею отъ гроба Господня, подаренный Мазепой, кипарисный крестъ 1657 года въ золотой и серебряной оправѣ, золотой крестъ, подаренный атаманомъ Ефремовымъ, золотой потиръ характерной украинской прорѣзной работы (даръ гетмана Самойловича) съ рубинами, алмазами и изумрудами, чаша—Императрицы Анны Іоанновны, чаша Мазепы съ хризолитами, аметистами и топазами, большая серебряная чаша — даръ Стефана Яворскаго; серебряное кадило съ пирамидальной крышей, прорѣзной работы XVI в., растворчатые большой и малый нагрудные кресты Петра Могилы (съ гравировкой), дарохранительницы прорѣзной кіевской работы, оклады Евангелій съ удивительной барочной орнаментаціей; одинъ окладъ 1538 года съ украшеніями въ стилѣ ренессансъ; другой пожертвованъ Петромъ и Іоанномъ Алексѣевичами въ 1639 г., тоже, — царицей Мароой Матвѣевной и др. Въ ризницѣ находится замѣчательный кладъ, найденный во время ремонта въ тайникѣ великой церкви (въ 1898 г.). Здѣсь, между прочимъ, выдается своей работой медаль съ портретомъ князя Константина Константиновича Острожскаго. По красотѣ и тонкости работы это лучшее произведеніе европейскаго ювелирнаго искусства. Ювелирное искусство въ самой Лаврѣ стояло очень высоко; сюда пріѣзжали учиться мастера изъ Москвы. Лаврская мастерская поставляла издѣлія изъ золота и серебра во всѣ земли Украйны. Древностей въ Лаврской ризницѣ мало—барельефы Богородицы, вѣроятно украшавшія нѣкогда внѣшнюю стѣну главной апсиды, куски мозаикъ, части запрестольнаго мѣста съ слѣдами инкрустаціи, нѣсколько иконъ XVII—XVIII в., образцы кирпичей XI в. и др.

Трапезная. По выходѣ во дворъ Лавры обращаемъ вниманіе на толпу посѣтителей обители, на находящіяся во дворѣ ея зданія. Рядомъ съ великой церковью справа церковь съ широкимъ куполомъ. Это Лаврская трапезная, по-

строенная здѣсь въ 1893 г. Къ ней идемъ по широкимъ плитамъ, прикрывавшимъ нѣкогда могилы погребенныхъ здѣсь людей, которые за счастье считали упокоиться въ Лаврѣ. Надписи сохранились только за алтарной стѣной, да у самой трапезной, на мѣстѣ погребенія Искры и Кочубея; покрывавшій ихъ могилы мраморный камень нынѣ, однако, замѣненъ чугунной плитой. На мѣстѣ трапезной до 1893 г. существовала такая же церковь XVII в., внѣшнимъ видомъ напоминавшая Рождество-Богородичную церковь во дворѣ Софійскаго собора. Новая трапезная (по проекту Николаева), по своему стилю, совершенно не гармонируетъ съ общей обстановкой Лаврскаго двора; внутри она украшена росписью (Ижакевича), не лишенною украинскихъ особенностей. Въ трапезной издревле по праздникамъ совершается послѣ обѣда „возношеніе панагіи": одинъ изъ братіи поднимаетъ передъ образомъ Богородицы богоридичную просфору при общемъ пѣніи въ память того, что апостолы совершали тоже самое послѣ успенія Богородицы, а потомъ изъ рукъ въ руки передается блюдо съ раздробленной просфорой и круговая чаша.

Къ трапезной съ запада примыкаетъ новая церковь Благовѣщенія, построенная съ примѣненіемъ нѣкоторыхъ деталей кіевскаго барокко. Но она теряетъ часть своего архитектурнаго эффекта отъ сосѣдства съ трапезной и расположеннаго на западъ дома настоятелей Лавры. Послѣднее зданіе перестроено изъ стараго, въ коемъ нѣкогда останавливалась Елисавета Петровна; за этимъ зданіемъ подъ угломъ идетъ домъ намѣстника Лавры, а къ нему примыкаетъ Лаврская колокольня.

Колокольня. Колокольня построена въ 1735—45 г. архит. Шеделемъ. Она имѣетъ видъ 8-угольной четырехэтажной башни, украшенной въ каждомъ ярусѣ разными ордерами: I этажъ—рустованный, 2-й дорическій, 3-й іоническій и 4-й коринѳскій, т. е. болѣе тяжелые внизу и болѣе легкіе вверху: въ капители коринѳскаго стиля вплетены

фигуры орловъ. Это высочайшая колокольня въ Россіи. Московская колокольня Ивана Великаго на 8 саженей ниже ея. Съ золотой вышки колокольни видна волшебная перспектива — городъ и окрестности за 100 верстъ. Глава колокольни нѣсколько мала, но въ общемъ Шедель сумѣлъ создать стройное и строго спокойное сооруженіе; нарядное но не перегруженное декоративными деталями: формы этой колокольни укоренились въ Кіевѣ. Они удивительно гармонируютъ и съ великой церковью. Изъ 10 колоколовъ Лавры, имѣющихъ каждый свое названіе (Орелъ, Зосиминъ, Балыкъ, поліелейный, успенскій, ранній, буденный, Склыкунъ, часовый), — Успенскій (въ 1000 пуд.) отлитъ въ 1732 г. Ив. Маторинымъ, перелившимъ и Царь-Колоколъ въ Москвѣ, — другой большой звонъ вылитъ въ 1784 г. Федор. Поляновскимъ. Колокола помѣщаются въ 3-мъ этажѣ; въ 4 этажѣ колокольни — часы; во 2-мъ библіотека съ цѣнными рукописями (замѣчательный Патерикъ 1554 года съ ренессансной орнаментикой, какъ въ Пересоптницкомъ Евангеліи, Евангеліе 1538 г. съ подобной же орнаментаціей) и книгами (весьма цѣнно собраніе Лаврскихъ изданій и книгъ по Кіеву). На стѣнахъ библіотеки развѣшаны портреты.

Рельефы колокольни. Въ нижній этажъ колокольни въ наружную стѣну надъ окнами и дверьми вставлено 3 древнихъ рельефа, изображающихъ Богоматерь съ воздѣтыми руками и преп. Антонія и Ѳеодосія, склоняющихся въ мягкой позѣ къ Божіей Матери. Надпись на рельефахъ указываетъ, что они сдѣланы при князѣ Симеонѣ Олельковичѣ въ 1470 г. Такимъ образомъ, это одинъ изъ немногочисленныхъ памятниковъ южно-русскаго искусства XV в. Довольно замѣтная черта архаизма въ изображеніи Богородицы и традиціонный типъ предстоящихъ объясняется пробужденіемъ въ Кіевѣ въ XV в. воспоминаній о былой славѣ Кіева. Богоматерь представлена въ позѣ оранты, какъ въ Софійскомъ соборѣ. Благодаря визант. монетамъ съ изо-

браженіемъ оранты съ надписью Влахернитисса, устанавливается родство Печерской и Кіево-Софійск. оранты съ Влахернскимъ образомъ, который по свидѣтельству „Анон. бесѣды о Царьградови“ помѣщался внутри киворія или сѣни имѣющейся и на Лаврскомъ рельефѣ. Лаврская оранта стоитъ подъ двойной аркой; эта арка указываетъ, что рельефъ скопированъ съ какой то статуи или живописной картины, ставшей подъ сѣнью. Такая статуарная фигура оратны извѣстна была на одномъ Константинопольскомъ фонтанѣ, а въ соборѣ св. Марка въ Венеціи сохранился рельефъ подобный Кіевск., но нѣсколько иного стиля. Строгій матрональный типъ оранты, идущій изъ древне христіанскаго искусства и удержавшійся на западѣ и на востокѣ, къ XV в. былъ видоизмѣненъ тѣмъ, что Богородицу въ искусствѣ стали помѣщать между святыми, или покрывали живописными драпировками, звѣздами, а подъ ея ногами помѣщали луну, солнце и т. д. Антоній и Ѳеодосій и фируга Богоматери вмѣстѣ припоминаютъ сюжетъ образа Печерской Богородицы, находящагося въ дальнихъ пещерахъ. Всѣ три рельефа раскрашены сообразно съ требованіями искусства того времени, что можно связывать съ позднѣйш. рельефн. изразцами и съ нѣмецкой пластикой XV в., традиціи которой отражаются здѣсь въ нѣсколько изломанныхъ зигзаговидныхъ одеждахъ съ обильными складками; туда же идетъ нѣкоторая изогнутость и тяжесть фигуръ, неизвѣстная въ болѣе архаичныхъ памятникахъ; головы поставлены не глубоко, плечи покатые, носъ и глаза правильные, рельефъ переданъ свободно.

Дворъ Лавры. Монашествующіе. Корпуса. Дворъ Лавры между колокольней и великой церковью усаженъ деревомъ, гдѣ отдыхаютъ богомольцы; они живописными группами располагаются вокругъ источника, у котораго нѣкогда стоялъ обелискъ съ солнечными часами; ударяетъ большой звонъ и всѣ бросаются въ храмъ: Это люди еще вѣрятъ простой наивной вѣрой. Изъ келій, расположен-

ныхъ вдоль аллеи отъ св. воротъ къ великой церкви, выходятъ иноки... Келіи великолѣпны; на нихъ фронтоны, двойныя крыши, окна съ красивыми наличниками; это постройка нач. XVIII в., на томъ мѣстѣ, гдѣ до пожара 1718 г. были старыя келіи, описанныя Пав, Алеппскимъ: тогда въ каждой квартирѣ было по 3 комнаты, расписанныхъ ландшафтами и обставленныхъ изразцовыми печами и фигурной мебелью; въ дворикахъ были разведены сады и огороды. Въ лѣвомъ отъ входа въ Лавру корпусѣ помѣщаются соборные старцы—т. е. начальствующія лица изъ братіи, составляющія духовный соборъ Лавры подъ предсѣдательствомъ митрополита. Члены собора назначаются митрополитомъ, а встарину во всемъ примѣнялось выборное начало, упраздненное въ 1786 г. по всей Украйнѣ. Противъ великой церкви эта улица поворачиваетъ къ сѣверу, образуя рядъ „полусоборныхъ" келій, за коими идутъ экономическія врата и на нихъ церковь всѣхъ святыхъ—прелестная,—одна изъ немногочисленныхъ 5 главыхъ каменныхъ церквей украинской конструкціи. Это развитой типъ башеннаго сооруженія, состоящій какъ бы изъ двухъ на крестъ положенныхъ 3-хъ башенныхъ храмовъ. На этой церкви нѣтъ обычной для Кіева лѣпки; гладь стѣнъ нарушается только колонками, пилястрами съ капителями изъ 3-хъ завитковъ и разными нишами... Внутри храма старый 6-ти ярусный иконостасъ современной церкви; въ немъ группы праведниковъ тѣ же, что въ росписи церкви на св. вратахъ.

Печерская типографія. Уголокъ у экономическихъ воротъ съ красивой колоннадой переноситъ насъ въ начало XVIII в. Пройдя отсюда къ великой церкви, за алтаремъ въ садикѣ обозрѣваемъ двухъэтажное зданіе (1721 г.) знаменитой Печерской типографіи. Это одинъ изъ лучшихъ образцовъ кіевской гражданской архитектуры. Изобиліе пластическихъ и архитектурныхъ деталей производитъ чарующее впечатлѣніе. Зодчій умѣло пользовался уклономъ мѣстности для устройства живописной галлереи съ балко-

номъ, откуда открывается чудесный видъ на Заднѣпровье и на пещеры. Зданіе выкрашено въ бѣлый цвѣтъ, что придаетъ ему подъ сильными лучами солнца весьма красочный видъ. На балконѣ типографіи хорошо было обсуждать проекты задуманныхъ къ изданію книгъ и гравюръ. Лаврская типографія учреждена архим. Елисеемъ Плетенецкимъ (около 1651 г.), который, при участіи Луки и Памвы Берьендъ, Зизанія, Земки, П. Могилы и др., сдѣлалъ ее центромъ кіевскаго просвѣщенія, объединивъ здѣсь современныя ему литературныя и художественныя силы. Усиленно издававшіяся Лаврой богословскія, полемическія, богослужебныя книги, проповѣди и посланія, разныя публикаціи и летучія брошюры имѣли всегда художественный видъ. Издавались цѣлыя тетради гравюръ (изъ Печерск. Патерика, лицевыя Библіи), которыя оказали вліяніе на украинскую иконопись. Благодаря Печерской типографіи, украинская культура, центромъ которой былъ Кіевъ, начала новую эпоху. Расцвѣтъ лаврской типографіи длился въ теченіе всего XVII в. Петръ Великій наложилъ руку на ея дѣятельность, потребовавъ чтобы въ ней печатались только церковныя книги и то согласныя съ московскими въ текстѣ и языкѣ. При Елисаветѣ Петровнѣ наступило временное оживленіе типографской дѣятельности, но не на долго: съ конца XVIII в. Лавра печатаетъ однѣ только богослужебныя и церковныя книги; изданія ея можно пріобрѣсть на мѣстѣ; они и теперь разнятся отъ московскихъ, если не по содержанію и языку, то своимъ художественнымъ видомъ; въ этомъ отношеніи Лавра хранитъ старую традицію. Очень хороши издаваемыя Лаврой поминальныя книжечки съ тиснеными на переплетахъ видами Лавры или изображеніями печерскихъ святыхъ, на которыхъ толпа по традиціи и теперь еще не расчленена, такъ что выглядываютъ только макушки головъ.

Шиферные рельефы. Въ фасадную стѣну типографіи вдѣланы два древніе рельефа, изсѣченные на красномъ шиферѣ. На одномъ изъ нихъ изображенъ Сампсонъ,

раздирающій льва, на другомъ—индійскій Вакхъ, везомый на колесницѣ пантерой и львомъ (нѣкоторые ошибочно думаютъ, что это иллюстрація къ видѣнію Даніиломъ 4-хъ царствъ): пантеры и львы суть обычные спутники Вакха на всѣхъ памятникахъ, изображающихъ его тріумфъ; они указываютъ на восточное происхожденіе самаго миѳа о Вакхѣ. Звѣри эти на типографскомъ рельефѣ родственны фрескамъ лѣстницъ Софійскаго собора и прилѣпамъ суздальскихъ храмовъ; у одного звѣря переднія лапы подняты, пасть открыта, хвостъ тянется по землѣ, кончаясь витымъ узломъ; трактованы волосы какъ листья (орнаментальный пріемъ), человѣкообразное лицо льва въ 3/4, какъ на Сассанидскихъ изображеніяхъ, композиція эта извѣстна на византійскихъ ларцахъ (Кенлѣстонскій муз.) и миніатюрахъ (напр. въ Сод. Marciano) Поза Вакха со скрещенными ногами имѣетъ аналогію въ романск. искусствѣ; она отчасти напоминаетъ и спящую фигуру; на памятникѣ Острожскаго, что указываетъ на живучесть извѣстныхъ формъ, мотивъ этотъ есть еще въ классическомъ искусствѣ. Изображеніе Сампсона тоже связано съ оставшимися въ большомъ количествѣ позднеантичными изображеніями Геркулеса или гладіатора, борящагося съ львомъ (въ Болгаріи и др.), борьба со львомъ имѣется и среди фресокъ лѣстницъ Софійскаго собора. Оба рельефа плоскіе; они тяжелѣе Михайловскихъ всадниковъ; грузность фигуръ, массивность рукъ и ногъ невольно ставится въ связь съ восточно-византійской пластикой XI—XII в., съ грубыми византійскими миніатюрами XII в. (наивный натурализмъ) и вообще съ искусствомъ востока. Относительно назначенія этихъ плитъ въ древности можно полагать, что онѣ украшали хоры великой церкви или были вдѣланы въ какое либо древнее зданіе, напр., трапезы по образцу княжескихъ „гридней", гдѣ совершалось и возліяніе Бахусу хмельнымъ медомъ, который нѣкогда добывалъ изъ пасти льва Сампсонъ; декорація зданій рѣзьбою въ древней Руси была общепринятой, на что указываютъ архитектуры Га-

лича, Холма, Владиміра, Юрьева Польскаго; эта область искусства даже до нѣкоторой степени считалась русской спеціальностью.

Иконостасная школа. Черезъ дорогу отъ типографіи находится Лаврская иконописная мастерская. Это жалкій остатокъ нѣкогда извѣстной школы, въ которой получали образованіе многіе живописцы и граверы. Лавра постоянно заботилась о поддержаніи въ своихъ стѣнахъ школы живописи; благодаря этому въ 1729—30 гг. и въ 1771 г. она собственными средствами могла взяться за выполненіе широкихъ стѣнописей великой церкви. Наибольшій наплывъ учениковъ школа имѣла въ половинѣ XVIII в., особенно во время гайдамацкаго возстанія 1768 г. (Коліівщина) и передъ уничтоженіемъ гетманства. Отсюда вышло не мало извѣстныхъ художниковъ, какъ, напримѣръ: Зарудный, Каменскій, Левицкій, Малій, Галикъ, Иркліевскій, Неділька, Козачковскій. Изъ учителей извѣстны Стефанъ Каменскій, Зарудный, Голубовскій, Фридеричи, Казановичъ. Фридеричи былъ итальянецъ, Казановичъ впослѣдствіи основалъ первую художественную школу при Троицкой Лаврѣ. Въ архивѣ Лаврской школы сохранились учебныя пособія, по которымъ здѣсь преподавали, и работы учениковъ—анатомическія, историческія, религіозныя; нѣкоторыя изъ нихъ передаютъ утраченные сюжеты старой лаврской стѣнописи. Школа эта прекратила свое существованіе въ 1763 году, когда вмѣсто нея было учреждено „училище иконописанія", существующее теперь.

Пещерные ворота. Отъ иконописной школы спускаемся внизъ къ „Пещернымъ" вратамъ Лавры. Здѣсь видно, насколько монументальна и прочна стѣна, воздвигнутая Мазепой. Подъ нею интересно было бы видѣть слѣды укрѣпленной ограды, существовавшей здѣсь издревле (вѣроятно по образцу восточныхъ монастырей), которая охраняла монастырь въ опасныя времена. Улица эта до послѣдняго времени была полна нищими и оглашалась ихъ заученными

искренними и дѣлаными причитаніями, звуками лиръ и пѣніемъ слѣпыхъ. Теперь нищіе изгнаны изъ Лавры и частію только остались у „Пещерныхъ" воротъ. На однихъ посѣтителей они наводили тяжелыя думы, другіе (Гильденштедтъ въ XVIII в.) считали ихъ тунеядцами. Отъ времени до времени нищіе выселялись изъ Кіева, но являлись снова, представляя необходимую принадлежность общей картины Кіева; Вестерфельдъ, по крайней мѣрѣ, въ своихъ рисункахъ 1651 г. помѣщаетъ калѣкъ и нищихъ на каждомъ шагу, а среди нихъ монаховъ, похожихъ на капуциновъ. Такъ, по словамъ Павла Алеппскаго и др., одѣвались всѣ православные монахи въ Кіевѣ и на Украйнѣ.

За воротами виднѣется Лаврская стѣна, задній фасадъ типографіи, правіантскій складъ, (на углу) въ видѣ украинской 5 купольной церкви, а также пещеры. Присутствіе божественнаго величія разлито въ этой голубой равнинѣ рѣки, въ зеленыхъ горахъ, въ нарядныхъ храмахъ. Ихъ раззолоченные игривые купола и фасады удивительно подходятъ къ вычурному этикету кіевской жизни XVII—XVIII в.в. Пещеры находятся въ ложбинѣ, закрытой горами со всѣхъ сторонъ, кромѣ днѣпровской стороны.

Церкви надъ пещерами и пещеры. Въ ближнія пещеры ходъ идетъ отъ пещерныхъ воротъ, черезъ крытую галлерею, въ концѣ которой помѣщается церковь всѣхъ преподобныхъ печерскихъ, построенная въ 1839 г., а дальше надъ входомъ въ пещеры церковь во имя Воздвиженія—типичной украинской трехкупольной конструкціи. Она воздвигнута въ 1700 г. полтавскимъ полковникомъ Герцикомъ; въ ней иконостасъ 1769 г. прекрасной рѣзьбы и письма съ серебряными коваными царскими вратами. Роспись церкви сдѣлана въ 1816 г.

Въ церкви всѣхъ святыхъ покупаемъ свѣчу и въ сопровожденіи монаха спускаемся въ пещеры. Холодъ вѣковъ охватываетъ насъ. Угодники, подвизавшіеся здѣсь, повидимому, уже застали пещеры: онѣ вырыты первобытнымъ чело-

вѣкомъ или самой природой въ плотномъ каолиновомъ песчаникѣ, восходящемъ къ третичному періоду земной формаціи. Въ варяго-русскій періодъ въ пещерахъ находили себѣ убѣжище воинственные норманы, а потомъ христіанскіе пустынники, желавшіе спасаться здѣсь по образцу древнихъ пророковъ Иліи и Елисея и современныхъ палестинскихъ подвижниковъ, пещеры коихъ въ XII вѣкѣ описываетъ паломникъ Даніилъ. Монашескій чинъ былъ тогда въ большомъ почетѣ, приравнивался къ ангельскому, и постриженіе считалось 2-мъ крещеніемъ. Первымъ изъ кіевскихъ пещерножителей былъ пресвитеръ берестовской церкви Иларіонъ, а послѣ него въ той же пещерѣ подвизался св. Антоній, положивъ начало, такъ называемымъ, дальнимъ пещерамъ, ибо впослѣдствіи, когда онъ пожелалъ уединиться отъ братіи (въ числѣ ихъ былъ и Ѳеодосій), то удалился въ другую болѣе близкую къ Кіеву пещеру. О пещерахъ кіевскихъ, какъ и теперь, въ древности ходили легенды, что они ведутъ въ Іерусалимъ, въ Смоленскъ и др. мѣста: западные путешественники, вѣроятно, по аналогіи съ Римомъ, ихъ приписали итальянцамъ (Мюллеръ, Фрелихей, Гвальини).

Подвижники, заживо погребенные въ пещерахъ, обыкновенно находили себѣ въ нихъ и мѣсто вѣчнаго упокоенія; жизнь была сурова; она проходила среди вѣчнаго мрака въ изнурительной молитвѣ и почти безъ воздуха и пищи; тѣло не могло не заявлять своихъ требованій и тѣмъ труднѣе была ихъ жизнь, омраченная страшными болѣзненными видѣніями. Нѣкоторые изъ подвижниковъ имѣли общеніе съ братіею во время молитвы и трапезы, но другіе, войдя въ пещеру, закладывали въ нее входъ, разъединяя себя съ людьми, и пребывая въ такомъ положеніи до смерти. Игуменъ два-три раза въ недѣлю подходилъ къ малымъ отверстіямъ затворовъ, оставленнымъ для прохода воздуха и пріема пищи и въ отверстіе клалъ просфору съ небольшимъ количествомъ воды и, испросивъ благословеніе затворника, безмолвно удалялся; когда вода и просфора оставались нетро-

нутыми, значило, что подвижникъ умеръ. Съ XII в. пещеры сдѣлались только мѣстомъ подвиговъ затворниковъ, а также и мѣстомъ погребенія усопшихъ (какъ въ древне-христіанскихъ катакомбахъ, занесенныхъ въ Римъ изъ Малой Азіи; на востокѣ во многихъ мѣстахъ и на Аѳонѣ, откуда пришелъ преп. Антоній, въ эпоху основанія Печерской обители умершихъ погребали въ пещерахъ), большинство же братіи жило уже въ келіяхъ, устроенныхъ св. Варлаамомъ надъ землею вокругъ первой печерской церкви Успенія. Умершіе погребались просто на полу, одинъ подлѣ другого или же въ локуляхъ, врытыхъ въ стѣны перпендикулярно улицамъ пещеръ: боковыя помѣщенія, вдоль пещеръ по образцу катакомбныхъ аркосолій и локулей, были высѣчены въ XV—XVI в.в., когда начались путешествія кіевлянъ въ Римъ. Это видно изъ древнихъ иконъ, изображающихъ печерскихъ угодниковъ лежащими не въ нишахъ, а на землѣ; традиція эта удержалась и въ гравюрахъ „Патерика“ 1661 г., напр., въ гравюрѣ, изображающей чудо, случившееся въ 1463 г. (святые отвѣтили на привѣтствіе „Христосъ воскресе“.). Тѣла святыхъ были помѣщены въ XVI в. въ нишахъ и задѣланы досками, на коихъ въ нижней части по традиціи очень древняго времени изображался ликъ почившаго, а посерединѣ прорѣзывалось отверстіе для лобзанія мощей. Нѣсколько такихъ досокъ уцѣлѣло и теперь (Логгина вратаря, Тита воина и др.). Вообще, расположеніе св. мощей, видъ ихъ и состояніе пещеръ измѣнялось много разъ и нынѣшній порядокъ въ расположеніи гробницъ, а равно и перечень святыхъ не соотвѣтствуетъ перечисленіямъ, оставшимся отъ XVII в. (Кальнофойскій, Гербиній и др.). Нынѣ всѣ тѣла закрыты одеждами и въ гробахъ, но еще въ половинѣ XVII в. они лежали открытыми, такъ что всякій приходившій въ пещеры могъ убѣждаться въ ихъ нетлѣніи; это было разсчитано на то, чтобы сразить невѣрныхъ, католиковъ и протестантовъ. Въ такомъ видѣ находимъ мощи изображенными на рисункахъ у того же Вестерфельда; дру-

гіе иностранцы даютъ описаніе цвѣта мощей, ихъ одеждъ, положенія и даже вѣса. У Кальнофойскаго, Ильи и Вестерфельда и на планѣ 1695 г. указаны также мνроточивыя главы и столбы для привязыванія умоизступленныхъ; монахи отчитывали этихъ несчастныхъ по требнику.

Ближнія пещеры. Въ Ближнихъ пещерахъ почиваетъ свыше 70 подвижниковъ; здѣсь же устроено три подземныхъ церкви, изъ коихъ Введенская,—до-татарской поры. На этомъ кладбищѣ святыхъ чувствуешь робость; вдоль фрамугъ пещеръ развѣшаны портреты (плохія иконы) святыхъ съ надписями. Это люди почти всѣ уже старые, безъ друзей и родныхъ, свою жизнь отдававшіе медленному умиранію. Первыми на пути за обгорѣвшими мощами кн. Іуліаніи, мощи коей до 1718 года находились въ великой церкви, почиваетъ св. Прохоръ Лебедникъ (1103), названный такъ за помощь бѣднымъ, которыхъ онъ кормилъ лепешками изъ лебеды. Дальше находится пещерная церковь преп. Антонія, устроенная въ XVI—XVII в. Въ ней почиваетъ самъ основатель Печерскаго монастыря, преп. Антоній, но мощи его скрыты въ нѣдрахъ земли; надъ предполагаемымъ мѣстомъ ихъ нахожденія сооружена серебряная гробница, при которой показываютъ небольшую мрачную келію съ каменнымъ ложемъ святого. Здѣсь находился одинъ ихъ столбовъ для бѣсноватыхъ; въ церкви преп. Антонія иконостасъ XVII в.; потолокъ поддерживается мраморными перекладинами (антаблементами), происходящими, вѣроятно, отъ алтарной преграды великой церкви. Здѣсь въ церкви почиваютъ еще преп. Іоаннъ постникъ, мученики Ѳеодоръ и Василій (замученные въ 1091 г. кн. Мстиславомъ Святополковичемъ за то, что не хотѣли указать мѣста варяжскихъ сокровищъ найденныхъ ими въ пещерѣ) и архим. Поликарпъ († 1182 г.) —одинъ изъ авторовъ печерскаго Патерика. Дальше церковь св. Варлаама, устроенная въ 1691 г. Варлаамомъ Ясинскимъ; въ ней мощи перваго печерскаго игумена Варлаама—строителя первой Успенской церкви и перваго лавр-

скаго общежитія; (онъ былъ страшно богатъ и много путешествовалъ по св. мѣстамъ). Рядомъ св. Даміанъ Цѣлебникъ († 1071 г.)—другъ св. Ѳеодосія, который являлся ему въ образѣ ангела, Никодимъ просфорникъ († 1139 г.), Лаврентій затворникъ — вѣроятно туровскій епископъ († 1182 г.), Аѳанасій затворникъ († 1264.), принявшій затворъ послѣ того, какъ очнулся отъ летаргіи, будучи уже погребеннымъ, Эразмъ черноризецъ (по словамъ службы украситель печерской церкви иконами), Лука экономъ. Агапитъ врачъ безмездный († 1095 г.), лѣчившій кн. Владиміра Мономаха; родные братья Іоаннъ и Ѳеофилъ (Іоаннъ умеръ раньше и когда погребали Ѳеофила, то онъ отодвинулся, чтобы дать мѣсто брату), Нектарій послушливый, Григорій иконописецъ, повидимому, одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ художниковъ, Кукша, просвѣтитель вятскаго края († 1216 г.), Исаія и Алексій затворникъ, Савва Чудотворецъ, Сергій послушливый, (одно лицо съ Сергіемъ постникомъ XII—XIII в.), Меркурій, еп. Смоленскій, испытавшій ужасы татарскаго нашествія и убитый татарами; тѣло его было брошено въ Днѣпръ и приплыло въ Кіевъ, гдѣ и было погребено (1247 г.), Пименъ многоболѣзненный, пребывавшій въ обители съ самаго дѣтства и исцѣлившійся только передъ смертью, чтобы обойти кельи и попрощаться съ братіей († 1139 г.), наконецъ, Несторъ лѣтописецъ († 1115 г.)—авторъ Печерскаго свода русской лѣтописи и первый кіевскій агіологъ (житіе Бориса и Глѣба и житіе св. Ѳеодосія); онъ писалъ по греческимъ хроникамъ и по мѣстнымъ преданіямъ; много слышалъ онъ отъ престарѣлаго Яна Вышатича—отца преп. Варлаама, и—во время своихъ многочисленныхъ поѣздокъ по Руси „смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей". Лѣтопись Нестора, имѣющаяся въ рядѣ списковъ (Лаврентіевскій, Ипатьевскій, Хлѣбниковскій, Воскресенскій, Львовскій, Архивный, Радзивилловскій, Николаевскій, Новгородскій 1-й и 2-й, Софійскій) издана Императорской Археографической Комиссіей. Мощи лѣтописца

покоятся въ серебряной ракѣ, тогда какъ другія имѣютъ деревянные гробы; Солнцевъ подавалъ проектъ украшенія его гробовой ниши монументомъ изъ мрамора, но это не было осуществлено; въ 1826 г. Московское Общество Истор. и древностей прислало только къ гробу Нестора бронзовую доску и въ Кіевѣ въ честь святого въ 1872 г. основано Историческое Общество Нестора Лѣтописца. За преп. Невторомъ покоятся: Евстратій, распятый въ 1096 г. на крестѣ „жидами", т. е. половцами, къ которымъ онъ попалъ лъ плѣнъ, Елладій постникъ (затворникъ), Іеремія прозорливый, крестившійся въ 988 г. при св. Владимірѣ, Моисей угринъ, служившій гайдукомъ богатой женщины, которая въ него влюбилась, но не могла сломить его добродѣтельной непреклонности, за что онъ былъ оскопленъ и замученъ госпожей въ 1041 г., Іоаннъ многострадальный (жаждая остаться дѣвственнымъ, онъ безпрестанно вкапывалъ себя въ землю и оставался въ такомъ положеніи по 6 дней, не принимая пищи, въ продолженіе 30 лѣтъ; умеръ въ томъ же положеніи, закопавшись по грудь, въ каковомъ положеніи мощи его пребываютъ и до нынѣ), Маркъ гробокопатель († около 1090 г.)—проводившій жизнь за приготовленіемъ могилъ для братіи, довольствуясь небольшимъ количествомъ воды изъ створчатаго креста, въ которомъ и теперь предлагаютъ воду поклонникамъ (крестъ интересенъ эмалевыми изображеніями Христа, апостоловъ, Ѳеодора Тирона и др.), Николай Святоша—князь строитель церкви на св. вратахъ, Григорій чудотворецъ именитый по слов. службы (въ 1094 г. утопленъ въ Днѣпрѣ Ростиславомъ Всеволодовичемъ Переяславскимъ за непріятное предсказаніе. Единственное его сокровище составляли книги. Онъ былъ авторомъ канона Борису и Глѣбу и Ѳеодосію Печерскому). Онисимъ затворникъ и Матѳей прозорливый (XI в.); рядомъ Алимпій иконописецъ. Его иконы были извѣстны даже въ Константинополѣ (образъ Бориса и Глѣба); это первый извѣстный русскій художникъ; въ работахъ ему помогали ангелы; Алим-

пію приписывается нѣсколько древнихъ иконъ, хранящихся въ Ростовѣ и въ Москвѣ, которыя на самомъ дѣлѣ относятся къ болѣе позднему времени.

Отсюда, свернувъ къ западу, входятъ въ древнюю ризницу, гдѣ соединяются пещерныя улицы и гдѣ св. отцы собирались по субботамъ; въ 1468 г. во время пасхальной заутрени въ трапезной совершилось чудо: святые отвѣтили на пасхальное привѣтствіе; въ трапезной почиваютъ: Исаія чудотворецъ, Авраамій трудолюбивый, Сильвестръ чудотворецъ, Пименъ постникъ и Онуфрій молчаливый. Дальше мощи Авраамія затворника; Пимена постника, Сисоя затворника, Нифонта, епископа Новгородскаго († 1156 г.; продолжатель лѣтописи Нестора, извѣстенъ примирительной дѣятельностью среди князей, для чего много путешествовалъ; онъ былъ авторомъ нѣкоторыхъ житій Патерика), Ѳеофила и Арефы (былъ очень богатъ) затворниковъ, Спиридона, просфирника († около 1136 г, съ правой рукой, сложенной для крестнаго знамени); Онисифора исповѣдника, Симона, епископа Суздальскаго († 1228 г.) то же одного изъ авторовъ Патерика: Никона, 4 го игумена Печерскаго, при коемъ вся церковь была украшена „иконнымъ писаніемъ" (†1088 г.), Ѳеофана постника (XII в.; святцы указываютъ другого святого того же имени, но это одно и то же лицо), Макарія, Анастасія діакона (службы знаютъ еще другого Анастасія, но другихъ мощей нѣтъ). Въ отдѣльномъ затворѣ почиваютъ двѣнадцать братьевъ зодчихъ и живописцевъ, создавшихъ и украсившихъ по повелѣнію Богородицы вел. церковь; о тѣлахъ ихъ Кальнофойскій писалъ, что одни изъ нихъ были цѣлы, другіе распались; въ такомъ видѣ они изображены на рис. 1651 г. За ними: Исаакій затворникъ (XI в.), терпѣвшій страшныя искушенія отъ демоновъ, Илья Муромецъ непреоборимый воинъ, „въ руцѣ имущій отъ оружія язву, въ сердцѣ же—любовь ко Христу". („Книга, глаголемая о росс. святыхъ". Его отожествляютъ съ былиннымъ богатыремъ, какъ и нѣкоторые старые автсры, напр., Ласота и Лукь-

яновъ; его перстосложенiе, изданное въ 1736 г. св. Димитрiемъ Ростовскимъ въ „Обличенiи неправды"), Iоаннъ младенецъ, убiенный Иродомъ (неизвѣстно когда и откуда попалъ въ Кiевъ, а равно и почему названъ Iоанномъ) и Никонъ Сухiй (въ 1696 г. попалъ въ половецкiй плѣнъ, гдѣ ему были подрѣзаны сухожилiя).

Отсюда входъ въ древнюю пещерную церковь Введенiя. Какъ погребальныя сооруженiя, подобныя церкви, такъ и вообще пещеры, имѣютъ родство съ мавзолеями христiанской архитектуры, — вопросъ, стоящiй на очереди разработки его въ наукѣ; — въ церкви сохранилось двѣ мраморныхъ колонны, поддерживающiя коробовый сводъ—это, вѣроятно, части алтарной преграды изъ великой церкви, а можетъ быть и первоначальный иконостасъ пещернаго храма (ср. преграды пещерной церкви въ Тепе Кермены около Бахчисарая и др.); престолъ и жертвенникъ въ церкви вырублены въ толщѣ стѣны, напоминая собою древнѣйшую форму христiанскихъ престоловъ въ видѣ сигмы. Здѣсь почиваетъ: Ефремъ, бывшiй придворный казначей Изяслава, а потомъ епископъ и строитель переяславской церкви св. Михаила, Θеодора и Андрея.-Онъ, по соглашенiю съ папой, установилъ празднованiе перенесенiя мощей св. Николая 9 мая (—въ 1105 г.); дальше Титъ—пресвитеръ и 30 мvроточивыхъ череповъ подъ стеклянными колпаками, они были обслѣдованы въ 1621 г. врачемъ Александромъ Муземъ; рис. 1651 г. ихъ изображаетъ въ видѣ головъ. Противъ алтаря Воздвиженской церкви (гдѣ изображены мытарства) пещеры кончаются. Общая память собору святыхъ, почивающихъ въ ближнихъ пещерахъ, празднуется въ субботу по отданiи праздника Воздвиженiя. Общiя службы имъ составлены одна Сиригомъ въ XVII в., другая Дм. Ростовскимъ въ XVIII в. Въ этихъ службахъ, какъ и у Кальнофойскаго и др., упоминается рядъ святыхъ, коихъ въ пещерахъ нѣтъ.

Къ востоку отъ ближнихъ пещеръ на крутизнѣ домикъ съ церковью Срѣтенiя; здѣсь живетъ начальникъ ближнихъ

пещеръ. Между ближними и дальними пещерами глубокій оврагъ, черезъ который ведетъ крытая галлерея, идущая среди роскошнаго сада, существующая изстари; оттуда Лавра отправляла къ двору сушеные фрукты и варенья. Внизу, среди сада, колодецъ преп. Антонія. Оврагъ этотъ даетъ представленіе о первобытной прелести дикой пустыни съ ея глубокимъ безмолвіемъ и богатой растительностью.

Дальнія пещеры. Дальнія пещеры тоже своего рода крѣпость. Это мѣсто первоначальнаго Печерскаго монастыря съ древней подземной церковью Благовѣщенія и двумя позднѣйшими — Ѳеодосіевской и Христо-Рождественской. Въ древности надъ входомъ находилась первоначальная Успенская церковь, на мѣстѣ ея въ 1635 году, по словамъ „Тератургемы“, построены деревянныя церкви Рождества Богородицы и церковь Андрея Первозваннаго, первая замѣнена въ 1696 г. каменной, а на мѣстѣ Андреевской 1679 г. сооружена церковь зачатія св. Анны; Кальнофойскій еще видѣлъ здѣсь глиняный престолъ древнихъ подвижниковъ. Въ пещерахъ почиваютъ 46 подвижниковъ; житій ихъ въ Печерскомъ Патерикѣ нѣтъ, что заставляетъ относить ихъ ко времени, послѣдовавшему за составленіемъ Патерика. Объ этихъ подвижникахъ узнаемъ изъ древнихъ Синодиковъ, изъ надписей надъ гробами и изъ сказаній о нихъ въ XVII в. (Иннок. Гизель, Кальнофойскій, Коссовъ, Гербиній). Они подвизались въ эпоху послѣ нашествія татаръ и въ литовско-польскую; только одинъ Пименъ постникъ и Лукіанъ мученикъ до монгольскаго времени.

Погребенія расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: Пафнутій затворникъ, Аѳанасій затворникъ, Діонисій Щепа, съ которымъ совершилось чудо на Пасху въ 1463 г., Ѳеофилъ, епископъ Новгородскій († 1487 г.) — современникъ Марѳы Посадницы (скрылся въ Кіевѣ послѣ заточенія въ Чудовомъ монастырѣ, Зинонъ постникъ, Григорій чудотворецъ, Ипатій цѣлебникъ, Лукіанъ (около мощей его въ древности хранилась доска съ надгробнымъ портретомъ и надписью о стра-

даніяхъ отъ Батыя), Ѳеодоръ, кн. Острожскій († 1438 г. освободитель Подоліи отъ татаръ при Ягайлѣ), Мартирій—діаконъ (изгоняющій бѣсовъ), Иларіонъ схимникъ и писатель (нѣкоторые полагаютъ, что это 1-й митрополитъ изъ русскихъ, избранный въ 1051 г.), Лаврентій затворникъ. У затвора Лаврентія находится входъ въ варяжскую пещеру и за нимъ—Моисей чудотворецъ (носилъ на тѣлѣ желѣзныя вериги и крестъ), Іосифъ болѣзненный, Павелъ послушливый, Сисой схимникъ, Несторъ некнижный, Ѳеодоръ молчаливый, затворникъ Памва (попалъ въ плѣнъ къ врагамъ, но былъ чудесно восхищенъ отъ мучителей въ Печерскій монастырь), Софроній, Панкратій, Анатолій, Мардарій, Аммонъ (много путешествовалъ по св. мѣстамъ) и Піоръ. Дальше подземная древняя церковь Благовѣщенія и въ ней мощи: св Веніамина (былъ купцомъ). По выходѣ изъ церкви, почиваютъ: св. Кассіанъ затворникъ, Арсеній трудолюбивый, Евфимій схимникъ (безмолвный—ѣлъ только сырую зелень), Титъ—воинъ, Ахилла діаконъ, затворники—Паисій и Меркурій (они подвизались въ одной келіи и были погребены въ одномъ гробѣ. Нынѣ они въ разныхъ ракахъ другъ противъ друга). Затѣмъ входимъ въ церковь преп. Ѳеодосія, въ коей почиваютъ: Макарій діаконъ (жилъ въ монастырѣ съ отрочества) и Пименъ постникъ (ѣлъ разъ въ недѣлю). Здѣсь же заслуживаетъ упоминанія пещера и ложе преп. Ѳеодосія; дальше—Леонтій и Геронтій—канонархи, Захарій постникъ, Силуанъ схимникъ (былъ садовникомъ), Агаѳонъ чудотворецъ, Игнатій архимандритъ и гробъ преп. Ѳеодосія, откуда тѣло его было взято Несторомъ лѣтописцемъ въ великую церковь въ 1090 г.

Икона Печерской Божіей Матери. Противъ гроба преп. Ѳеодосія помѣщается икона Печерской Божіей Матери, изображающая Богоматерь на тронѣ, держащую обѣими руками Младенца на груди. За трономъ Богородицы предстоятъ ангелы, а передъ Богородицей колѣнопреклоненные Антоній и Ѳеодосій. Композиція этой иконы связана съ

итальянскими изображеніями XIV—XV в. (Бокати; Уччело, Пьеро-деи Франчески). Но первоначальный типъ ея восходитъ къ др.-христіанскимъ храмамъ Египта (Б. М. на престолѣ съ Младенцемъ на груди и предстоящими Петромъ и Павломъ). При Вас. Македонянинѣ подобными изображеніями были украшены нѣкоторые Царьградскіе храмы и въ томъ числѣ алтарь Влахернской церкви, изъ описанія этого образа видно, что Б. Матерь держала на груди щитъ или кругъ съ изображеніемъ Младенца. Нынѣшняя печерская икона представляетъ только отдаленную копію оригинала, унесеннаго изъ Лавры (въ XIII в.) въ Свѣнскій монастырь, Орловской губерніи. Заслуживаетъ вниманія то, что современные переводы иконы, такъ называемой, Влахернской Божіей Матери изображаются въ той же композиціи; это подтверждаетъ связь Печерской церкви съ Влахернами.

Дальше пещерная церковь Рождества Христова и въ ней 30 мироточивыхъ главъ, голень и мощи преп. Логгина вратаря Печерскаго. Общая память угодниковъ, почивающихъ въ дальнихъ пещерахъ, 28 августа.

Церковь Рождества Богородицы. Мысли, порождаемыя пещернымъ мракомъ, исчезаютъ, какъ только войдешь въ надземный храмъ Рождества Богородицы—величественной украинской архитектуры, весь бѣлый подъ золоченой крышей. Этотъ храмъ построенъ Бѣлоцерковскимъ полковникомъ Мокіевскимъ въ 1696 г. Солнце проникаетъ въ окна его, разсыпаясь большими бликами свѣта по роскошному иконостасу, съ пышными царскими вратами, по богатымъ шатамъ и паникадилу конца XVII в. Удивительно изящная колокольня при храмѣ сооружена Ковниромъ—строителемъ Братской колокольни (въ 1761 г.). Это типичное двухъэтажное барочное зданіе, напоминающее одинъ изъ старыхъ рисунковъ магистратской башни на Подолѣ. Нижній этажъ ея украшенъ рустованными горизонтальными полосами наверху; кромѣ барочной главы устроено 4 пирамидальныхъ башенки на полуколоннахъ, которыя извѣстны въ

готическомъ искусствѣ (ратуша въ Брюгге). Наверху башенокъ звѣзды съ характерными монограммами Христа и Богоматери. Порталъ украшенъ пышной лѣпкой, отчасти подражающей Братскому монастырю и Николаевскому собору. За колокольней съ западной стороны – домъ начальника дальнихъ пещеръ, а къ сѣверу проходъ къ колодцу св. Ѳеодосія и кладбище для братіи (занятое бастіономъ). Отсюда развертывается удивительной красоты видъ на крѣпостные валы и Днѣпръ. Нельзя вообразить себѣ такого простора и такого тихаго спокойствія какъ здѣсь. Среди валовъ крѣпости идетъ дорога къ древнему Выдубецкому монастырю, но мы опять вернемся къ пещернымъ воротамъ, дабы видѣть замѣчательную лаврскую странноприимницу, помѣщающуюся нѣсколько выше воротъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда преп. Ѳеодосій устроилъ (въ 1056 г.) богадѣльный домъ; въ мірѣ нѣтъ болѣе обширной гостиницы: здѣсь иногда ночуетъ по 20000 человѣкъ; въ гостиницѣ имѣются и особыя помѣщенія для желающихъ занять ихъ за доброхотную плату. Главный корпусъ гостиницы, построенный въ 1830 г. —строго выдержанъ въ стилѣ Имперіи; здѣсь можно подкрѣпить свои силы недорогою, но вкусной и здоровой пищей.

Церковь Воскресенія Христова. При выходѣ изъ воротъ гостиницы, направо, помѣщается приходская церковь Воскресенія Христова. Она каменная, крестообразная, однокупольная въ обычномъ для Кіева стилѣ украинскаго барокко, но колокольня ея новая (1863 г.), чужая этому стилю. Построена церковь въ 1698 г. полковникомъ К. Мокіевскимъ. До той поры на ея мѣстѣ существовала деревянная церковь, показанная на планѣ Кальнофойскаго. Иконостасъ и другія украшенія храма новые, такъ какъ церковь въ 1886 г. была опустошена пожаромъ. Въ библіотекѣ имѣются рѣдкія старопечатныя славянскія изданія, между прочимъ, венеціанская Тріодь 1558 года.

Церковь Ѳеодосія Печерскаго. Наискось отъ церкви Воскресенія противъ юго-западнаго угла Лаврской

ограды—церковь Θеодосія Печерскаго. Преданіе связываетъ эту церковь съ перенесеніемъ мощей преп. Θеодосія изъ пещеръ въ великую церковь,—на мѣстѣ остановки съ мощами была устроена церковь и въ ней престоломъ оставленъ пень, на которомъ были положены мощи святого. Этотъ пень былъ найденъ при постройкѣ нынѣшняго храма въ XVII в. и оставленъ подъ престоломъ, гдѣ былъ обнаруженъ въ 1830 г. Храмъ построенъ тоже полковникомъ К. Мокіевскимъ; онъ трехкупольный, но иной конструкціи чѣмъ Флоровскій и Покровскій: тамъ основные элементы украинской архитектуры измѣнены, ибо купола выведены не изъ отдѣльныхъ башенъ, а изъ одного общаго корпуса какъ въ церкви Воздвиженія надъ ближними пещерами; средній куполъ выше боковыхъ, которые придаютъ храму больше устойчивости. служа ему какъ бы контрфорсами, всѣ три купольныя башни здѣсь самостоятельны; церковь очень красивой архитектуры; купола стройные, грушевидные. Иконостасъ церкви старый, но искаженъ поновленіями. Къ сожалѣнію, церковь со всѣхъ сторонъ застроена лавками, въ которыхъ идетъ продажа бусъ, дешевыхъ украшеній (напр. круглые стеклянные образки, получившіе названіе „дукачей“ отъ сходства съ старинными дукатами), игрушекъ и больше всего отпечатанныхъ на матеріи и бумагѣ изображеній кіевскихъ святынь, лубочныхъ изображеній кіевскихъ угодниковъ и видовъ Лавры съ парящей Божіей Матерію на облакахъ.—деревянныхъ и серебряныхъ крестиковъ, иконокъ и яркихъ вышитыхъ полотенецъ, которыя въ глубинѣ ларьковъ образуютъ оригинальную декорацію.

Тріумфальныя ворота. Отъ Θеодосіевской церкви можно пройти по направленію трамвайной линіи къ тріумфальнымъ воротамъ Печерской крѣпости и крѣпостнымъ сооруженіямъ, воздвигнутымъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Тріумфальныя ворота въ стилѣ ампиръ съ мощнымъ аттикомъ и фронтономъ. По идеѣ это чисто антикизирующая затѣя, возобновляющая въ памяти древне-римскія импера-

торскія тріумфальныя арки. Въ самомъ углу крѣпости надъ почти недоступнымъ обрывомъ мрачно высится старинный неуклюжій крѣпостной корпусъ „Косого Копанира", а за нимъ жуткая перспектива легендарной Лысой горы, ставшей теперь мѣстомъ казни осужденныхъ на смерть; позади торжественно сіяющее солнце сообщаетъ городу праздничный видъ, рисуетъ оперныя декораціи.

Близъ Лавры и тріумфальныхъ воротъ надъ стремниной въ половинѣ XVIII в. находился дворецъ послѣдняго украинскаго гетмана. Онъ казался волшебнымъ, особенно лѣтнею ночью, когда блисталъ своими огнями (Вигель). Дворецъ этотъ былъ снесенъ Разумовскимъ послѣ того, какъ въ немъ былъ назначенъ постой солдатъ. Гетманъ немедленно разобралъ все зданіе и на подводахъ перевезъ въ Яготинъ, а мѣсто дворца въ Кіевѣ подарилъ Трощинскому. Теперь эта усадьба инженернаго вѣдомства. Приречная часть вблизи крѣпости до XIX вѣка называлась „Солоная горка". Жители ея занимались рыбной ловлей, смоленіемъ байдаковъ и продажей „бузы".

Печерская площадь и сосѣднія части. Вернувшись обратно къ церкви преп. Ѳеодосія и арсеналу, мы, пройдя между обоими этими сооруженіями, попадаемъ на Печерскую торговую площадь, гдѣ раньше были торговые ряды, шинки и (построенныя Лаврой) „рѣзницы" (бойни), отъ коихъ одна изъ улицъ, выходящихъ на площадь, называется рѣзницкой. Нынѣшній базаръ устроенъ въ 1843 г. При выходѣ Рѣзницкой улицы и Московской на Печерскую площадь находится Введенская женская община съ церковью Введенія. Она основана въ 1877 г. Зданіе неказистое, но все же выдѣляется среди другихъ своими ампирными формами.

Въ концѣ Московской улицы помѣщается военное училище, а по правой сторонѣ той же улицы рядъ военныхъ мастерскихъ и казармъ. По одному направленію съ Московской улицей тянется Кловская улица, на которой у края Печерской площади стоитъ церковь св. Ольги, построенная

въ 1839 г. — она однокупольная, приплюснутая сверху, четвероугольная въ планѣ, съ папертью и колокольнею. Въ концѣ XVIII в. вблизи ея находился костелъ, сгорѣвшій въ 1817 г. На юго западъ отъ Печерской площади высится кіевскій военный госпиталь, занявшій мѣсто существовавшей здѣсь „солдатской слободы“; онъ построенъ въ 1835—45 г. и въ 1857 г. при немъ было возведено 3 башни и еще 2 корпуса, въ одномъ изъ нихъ было училище кантонистовъ, потомъ ставшее военнымъ. Въ сѣверной полубашнѣ по сосѣдству съ госпиталемъ помѣщается фельдшерская школа; во 2-й полубашнѣ церковь св. Владиміра и Александра Невскаго, перенесенная сюда изъ инвалиднаго дома Прозоровскаго (съ 1816 г.), откуда и башня названа Прозоровской. Иконостасъ ея красивый въ стилѣ ампиръ. Отъ сѣверной полубашни идетъ спускъ удобный для сообщенія съ центромъ города. Отсюда очень удобно проѣхать черезъ Звѣринецъ къ Выдубецкому монастырю.

Звѣринецъ. Звѣринецъ находится къ югу отъ Лавры. Мѣстность эта свое названіе получила, какъ думаютъ, отъ звѣриныхъ „лововъ“, устраивавшихся нѣкогда князьями въ здѣшнихъ лѣсахъ, а можетъ быть, и отъ спеціальнаго звѣринца, гдѣ содержались употреблявшіеся для охотъ (ср. поуч. Владиміра Мономаха) ученые „пардусы“, медвѣди, соколы или вообще рѣдкіе звѣри. Здѣсь гдѣ то находился и „красный“ дворъ кн. Всеволода Ярославовича, своимъ названіемъ свидѣтельствовавшій о роскошномъ устройствѣ его, вызванномъ вѣроятно женитьбой этого князя въ Византіи. Дворъ этотъ, пострадавшій 1096 г. отъ половцевъ, исчезъ послѣ разграбленія его въ XII в. Юріемъ Долгорукимъ. Въ послѣдующее время на Звѣринцѣ было два поселка — Печерскій Звѣринецъ и просто Звѣринецъ; въ первомъ былъ и храмъ Іоанна Предтечи, на мѣстѣ коего выстроена въ 1866 г. нынѣшняя тоже Предтеченская церковь. Населеніе Звѣринца занималось земледѣліемъ, и поселокъ до недавняго времени имѣлъ видъ украинскаго села или мѣстечка.

Почва Звѣринца. какъ и на Печерскѣ, изрыта подземными ходами. Цѣлая система пещеръ съ массой погребеній въ отдѣльныхъ усыпальницахъ и на полу открыта здѣсь въ 1912—15 г.г. (были извѣстны и раньше). Когда то такимъ же примитивнымъ образомъ устроены были и пещеры св. Лавры; очевидно, въ Кіевѣ въ опредѣленную эпоху существовалъ восточный обычай погребать умершихъ въ пещерахъ. Стоитъ посѣтить и эти пещеры, осмотрѣть почву, въ

Пладъ Звѣринецкихъ пещеръ.

которой онѣ вырыты, устройство ихъ сводовъ и погребеній, надписи и находимые въ пещерахъ предметы.

Какъ видно на планѣ, звѣринецкія пещеры состоятъ изъ четырехъ улицъ: лѣвый путь былъ весь наполненъ погребеніями просто на землѣ въ два яруса. Главная улица имѣетъ отдѣльныя усыпальницы (затворы) и церковь, престолъ и жертвенникъ, которой устроенъ въ нишахъ конусообразной формы; иконостасъ не сохранился; очевидно, его замѣняла

преграда, какъ въ крымскихъ пещерныхъ храмахъ. То обстоятельство, что престолъ не отдѣленъ отъ восточной стѣны, а изсѣченъ въ ней, интересно потому, что сближаетъ его съ устройствомъ католическихъ престоловъ, что не должно удивлять насъ, такъ какъ тѣмъ же образомъ устраивались престолы у древнихъ христіанъ, а также въ Херсонесѣ и въ русск. пещерныхъ храмахъ. На стѣнѣ пещерной церкви надъ жертвенникомъ нацарапаны имена, предназначенныя для поминовенія; ихъ склонны считать именами игуменовъ бывшаго здѣсь Звѣринскаго Выдубецкаго монастыря, существованіе котораго возводятъ къ эпохѣ до монгольскаго нашествія, что едва-ли справедливо въ виду несоотвѣтствія съ такой датой палеографическихъ признаковъ этихъ надписей (XIII в.) и болѣе поздняго происхожденія сдѣланныхъ здѣсь находокъ (досчатыя облицовки, XIV—XVI в. и т. п.). Пещеры, повидимому, принадлежали все же сосѣднему Выдубецкому монастырю, который нынѣ устроилъ въ нихъ свой скитъ.

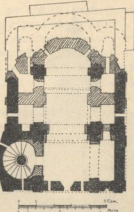
Выдубецкій монастырь. Выдубецкій монастырь, занимавшій въ древности 2-е мѣсто послѣ Печерскаго, находится за Звѣринцемъ въ необычайно живописной мѣстности надъ Днѣпромъ. Основателемъ его І-й каменной церкви Чуда Михаила въ 1070 г. (т. е. въ годъ оскверн. церкви въ Хонахъ турками) былъ Всеволодъ Ярославовичъ и почему монастырь назывался „Всеволожимъ". При Владимірѣ Мономахѣ здѣсь игуменомъ былъ Сильвестръ, — продолжатель лѣтописи Нестора. Свое названіе Выдубецкаго монастырь получилъ отъ мѣстности Выдобычи, названной такъ потому, что тамъ, „выдыбали", т. е. переправлялись черезъ Днѣпръ; лѣтописецъ же объясняетъ это названіе инымъ образомъ; будто бы язычники, видя снесеннаго сюда теченіемъ Перуна, взывали къ нему „выдыбай боже". Въ Батыево нашествіе Выдубецкая обитель не пострадала нисколько, и въ 1250 году останавливался въ ней по пути въ орду кн. Даніилъ Галицкій; въ XV-мъ или XVI-мъ вѣкѣ монастырь пришелъ въ упадокъ и возстановлялся при Павлѣ Алеппскомъ. Въ 1696 г.

была заложена главная Георгіевская церковь монастыря: она той же архитектуры, что и церковь на экономическихъ воротахъ Лавры, т. е. 5-ти купольная; пристройка боковыхъ куполовъ къ основной трехкупольной массѣ храма придала храму больше симметріи, округлила планъ, сообщивъ ему много свѣта живописности и устойчивости. Видъ на храмъ изъ за Днѣпра чарующій; фундаторомъ его былъ Стародубскій полковникъ Мих. Миклашевскій. Внутри церковь замѣчательна своимъ иконостасомъ, пожертвованнымъ женою гетмана Дан. Апостола: нигдѣ изгибы виноградной лозы не были столь буйными, какъ здѣсь; въ рѣзьбѣ выдержанъ переходъ отъ болѣе пышныхъ и тяжелыхъ низовъ къ болѣе легкимъ верхамъ. Живопись не уступаетъ рѣзьбѣ, она, къ сожалѣнію, въ 1915 г. была поновлена на глазахъ ничего не замѣчающихъ охранителей кіевской старины; особенно интересно изображеніе чуда арх. Михаила, происходившее въ пейзажной обстановкѣ, выполненной во вкусѣ фламандской живописи. Риза архистратига покрыта необычайно богатой орнаментаціей; по ней можно судить объ искусствѣ кіевскихъ ювелировъ. Пав. Алеппскій, упоминая „о кольчугѣ, оружіи, наручахъ, наличникѣ и шлемѣ", покрывавшихъ при немъ изображеніе св. Михаила въ Выдубецкомъ монастырѣ, не находилъ словъ похвалы для нихъ; однако, нынѣшнія ризы относятся къ болѣе позднему времени (нач. XVIII в.). Передъ иконостасомъ виситъ очень хорошей работы паникадило XVIII в.

Рядомъ съ соборомъ слѣва стоитъ трапезная Преображенская церковь, основанная тѣмъ же Миклашевскимъ, гербъ котораго вдѣланъ надъ входомъ въ трапезу. Архитектура этого зданія въ видѣ длиннаго четырехугольника съ рядомъ пиллястровъ и башней въ восточной части примыкаетъ къ обычному типу кіевскихъ трапезъ XVII — XVIII в.

Церковь Чуда арх. Михаила. Дальше къ востоку, у ограды, окруженной могильными крестами, какъ старикъ сгорбившись, стоитъ древній храмъ во имя чуда

св. Михаила въ Хонахъ. Посвященіе его указываетъ съ одной стороны на связи древней Руси съ Мал. Азіей, гдѣ особенно чтилось чудо Михаила, а съ другой стороны здѣсь имѣлась въ виду защита монастыря отъ водной стихіи (χονη—источникъ). Арх. Михаилу приписывали также уничтоженіе идоловъ на Руси (Сафоновъ, Гизель). Освященіе храма совпало съ освящ. Печерской церкви, что даетъ поводъ предполагать въ немъ фрески и мозаики печерскихъ мастеровъ; зодчіе, вѣроятно, были тѣ же, что строили Янчинъ монастырь. Въ 1095 г. храмъ впервые былъ поврежденъ половцами (Бонякъ), а позже восточная стѣна его была подмыта Днѣпромъ и была исправлена при кн. Рюрикѣ Ростиславовичѣ въ 1199 г. архит. Петромъ Милонѣгомъ, воздвигшимъ здѣсь спеціальныя опорныя сооруженія со стороны рѣки, о чемъ какъ объ особенномъ чудѣ было составлено особое сказаніе. Позже, вѣроятно, въ концѣ XVI в. эта восточная часть храма опять обрушилась и была возстановлена сначала П. Могилой (изъ дерева), а потомъ (снова, вѣроятно, 1765—80 г.г.) изъ камня. Древнія части этой церкви, такимъ образомъ, сохранились вездѣ, кромѣ алтарныхъ апсидъ. Въ планѣ это былъ продолговатый четырехугольникъ съ небольшими алтарями и съ башеннымъ выступомъ на западѣ. Присутствіе башни указываетъ на существованіе хоръ; въ такомъ случаѣ въ церкви надо допускать наличность 6 столбовъ, (уцѣлѣло четыре); это необходимо и потому еще допустить, что Пав. Алеппскій проводитъ полную аналогію между этимъ храмомъ и храмомъ Михайловскаго монастыря. Въ за-

Плачъ ц св. Михаила въ Выдубецкомъ монастырѣ.

падной, южной и сѣверной стѣнахъ древняя кладка сохранилась до верху; тамъ видны шиферные карнизы и въ пилястрахъ имѣются выемки отъ дугъ арокъ (на ихъ мѣстѣ теперь новый карнизъ). Пролетъ арки, ведущей во внутрь храма изъ нароика, имѣетъ особую конструкцію: ея стѣны и сводъ принижены, дабы центръ тяжести перенести отъ

Церковь св. Михаила въ Выдубецкомъ монастырѣ.

обрыва на болѣе прочный грунтъ со стороны входа въ храмъ. Алтарь теперь имѣетъ одну апсиду вмѣсто древнихъ трехъ, которыя обрушились въ XVI в. Онѣ возведены на стѣнѣ, сооруженной со стороны обрыва Милонѣгомъ, которую Голубинскій считалъ тоже разрушенной наводненіемъ; однако, археологическія раскопки, произведенныя здѣсь въ 1888 г.

(для 3 арх. съѣзда) и въ 1916 г. (г. Песчанскимъ и Эртелемъ) показали, что въ восточной части храма, на краю обрыва, сохранились очень прочно устроенныя древнія подпорныя сооруженія, составляющія четвероугольную сплошную бетонную площадь, служившую подошвою апсидъ. и поддерживаемую на углу обрыва двумя мощными каменными контрфорсами. Въ 1916 г. были найдены также куски фресокъ и мозаикъ, а подъ поломъ монахами открыта шиферная гробница. Вѣроятно, это и есть стѣна Милонѣга, ибо кладка ея древняя; слѣды бывшихъ на бетонной вымосткѣ апсидъ исчезли, вѣроятно, во время перестроекъ XVIII в.; сѣверозападная башня внутри имѣла столбъ и витую лѣстницу. въ ней и теперь существуетъ ходъ въ верхній придѣлъ, устроенный здѣсь на мѣстѣ древнихъ хоръ. Храмъ Михаила имѣетъ роспись, исполненную въ концѣ XVIII в.; интересна въ ней сцена крещенія св. Владиміра съ видомъ на Крещатикскій источникъ съ старымъ памятникомъ надъ нимъ, а также сцена страшнаго суда съ группами людей, гонимыхъ въ адъ. Въ верхнемъ придѣлѣ (Благовѣщенія) очень нарядны расписанныя пейзажами двери, шкафы и стасидіи.

Михайловскую церковь съ трехъ сторонъ окружаетъ кладбище. Здѣсь нѣсколько памятниковъ начала XIX вѣка, гранитные кресты, чугунныя плиты, ангелы, льющіе слезы надъ урнами и т. п.

Колокольня и покои настоятеля (к. XVII в.) имѣютъ слѣды перестроекъ XIX вѣка; нижніе ярусы колокольни сохранили пріятную барочную раздѣлку пилястрами, нишами, рамами; первоначальный входъ въ нее передѣланъ. Впечатлѣніе отъ колокольни тяжеловатое.

Въ покояхъ настоятеля имѣется ризница, гдѣ хранятся памятники, оставшіеся отъ Петра Могилы—какъ то: напрестольный серебряный крестъ съ подножіемъ и рельефными изображеніями, потиръ и дискосъ съ надписью 1637 г.; Евангеліе Львовской печати 1637 г., кіевскіи служебникъ 1629 г. съ собственноручной записью П. Могилы. Тамъ же

портретъ М. Миклашевскаго, висѣвшій раньше въ трапезномъ храмѣ, Евангеліе Миргородскаго полковника Лесницкаго (1660 г.) и др.

Троицкій монастырь. За колокольней Выдубецкаго монастыря поднимается заборъ и за нимъ Троицкій монастырь, основанный въ 1864 году инокомъ Іоной, отчего монастырь называется также Іоновымъ. Онъ не внушаетъ того художественнаго очарованія, какъ Выдубецкая обитель. Въ немъ нѣсколько сотъ братіи, обширные корпуса, храмы, сады. Въ главномъ храмѣ три престола: въ среднемъ — живопись, подражающая лаврской трапезной — не высокаго письма, но въ ней есть композиціи интересныя по своей идеѣ, напр., между святыми и грѣшниками изображена Божія Матерь, окруженная взлетающими голубями; грѣшники разрываютъ руками голубей, при чемъ одинъ изъ нихъ поверженъ и извергаетъ пламя изъ устъ (кается); это значитъ; что грѣхами человѣкъ разрываетъ свою душу, но, раскаивась, снова получаетъ обновленіе отъ милосердія Богородицы-такая композиція совершенно въ духѣ тѣхъ, которыя помѣщались подъ намѣстными иконами старыхъ кіевскихъ иконостасовъ. При входѣ въ Троицкій монастырь стоитъ недостроенная колокольня: по проекту она должна быть выше Лаврской и надо пожелать, чтобы она, когда будетъ построена, не испортила красоты окружающаго пейзажа, какъ испортилъ арсеналъ входъ въ Лавру, или какъ обезобразили присутственныя мѣста Софійскую и Михайловскую площади.

Отъ монастыря св. Троицы и Выдубецкаго направляемся трамваемъ къ площади Богдана Хмельницкаго (Бессарабкѣ) и оттуда осматриваемъ новый городъ — Крещатикъ, Липки, „и Новое Строеніе“.

Крещатикъ.

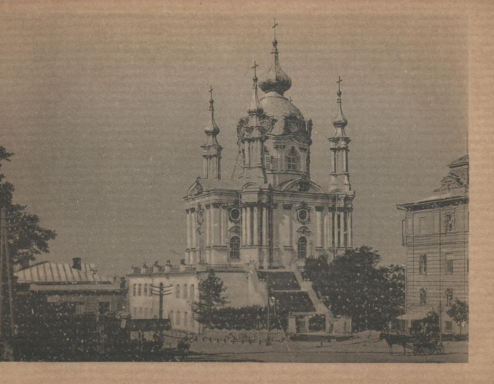
Старый городъ со стороны Купеческаго сада.

Видъ на Подолъ съ Купеческаго сада.

Видъ Подола изъ-за Днѣпра.

Церковь Св. Андрея Первозваннаго.

Золотыя ворота.

V.

Крещатикъ, Липки, Новое-Строеніе и окрестности.

Крещатикъ. Теперь мы вступаемъ въ новый, Европейскій Кіевъ. Крещатикъ (по мѣстному хрещатикъ), названный такъ отъ скрещиванія древнихъ удолій, гдѣ князья разставляли свои перевѣсы или сѣти для ловли звѣрей („перевѣсище"), ничего общаго съ крещеніемъ Руси не имѣетъ; до XVIII в. это мѣсто было совершенно пусто, а съ этого времени здѣсь стали селиться монастырскіе люди, шинкари и пивовары, въ XIX в. рядомъ съ шинками возникли торговыя заведенія, а потомъ банки, конторы, гостиницы. Такимъ образомъ, прежняя винокуренная слобода, въ которой монастыри конкурировали съ сотникомъ Гудимомъ, а потомъ и съ цѣлыми винокуренными компаніями превратилась въ блестящую Европейскую улицу. Среди нея еще до 1888 г. протекалъ грязный ручей, направлявшійся къ крещатицкому источнику и теперь еще во время лѣтнихъ ливней Крещатикъ производитъ впечатлѣніе рѣки. Собственно нынѣшній свой обликъ Крещатикъ началъ пріобрѣтать послѣ 1835 г., когда стали расширять печерскую крѣпость, а жителей Печерска выселять въ сосѣднія мѣста; до полов. прошл. вѣка на немъ стояли мазаныя хаты и покосившіяся грязные „заѣзды".

Крещатикъ идетъ отъ Бессарабки къ Царскому саду. Бессарабка — это главный кіевскій рынокъ; зданіе его рас-

положено противъ красиваго Бибиковскаго бульвара, начинающагося въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ XVIII в. было лютеранское кладбище; какъ воспоминаніе о немъ слѣдующая за Бессарабкой ул. направо носитъ названіе Лютеранской; на ней нѣмецкая кирха и богоугодныя учрежденія, нѣмецкая колонія въ Кіевѣ стала разростаться съ XVIII в. и окончательно выросла къ нач. XIX ст., когда эти мѣста вообще представляли живописное и оживленное зрѣлище: сюда, какъ въ столицу и пограничный городъ, стекались военные, помѣщики, набожные дворяне и просто путешественники; изъ разнообразныхъ уборовъ, видѣнныхъ здѣсь когда-то, еще живъ украинскій; его можно иногда видѣть и на интеллигенціи.

Крещатикъ съ 40-хъ годовъ имѣлъ уже очень порядочныя торговыя заведенія, напр., въ нынѣшнемъ № 10 помѣщалась извѣстная тогда кондитерская Финске; отъ 50 хъ годовъ здѣсь уцѣлѣли дома № 13 (Миклашевскаго) и 20 (Эйсмана), считавшіеся лучшими въ Кіевѣ; на углу Лютеранской стоялъ домъ послѣдняго войта Киселевскаго, въ которомъ помѣщалось параллельное отдѣленіе 2-й гимназіи; здѣсь же противъ бывшей Англійской гостиницы (нынѣ д. Попова) находился частный театръ (Протасова); дальше находится большая книжная торговля Оглоблиныхъ, занимающая одинъ изъ 3-хъ домовъ благотворителя Дехтерева, прибывшаго въ Кіевъ по приказанію имп. Николая I-го съ партіей другихъ великороссовъ для обрусѣнія края; Дехтеревъ сразу былъ избранъ Кіевскимъ гор. головою; что касается Оглоблина, то онъ является наслѣдникомъ стараго кіевскаго книгопродавца Литова, а этотъ послѣдній связанъ съ купцомъ Лапицкимъ, основавшимъ свое дѣло еще въ XVIII в. Въ д. № 31 тоже издавна существовалъ переведенный сюда съ Подола и учрежденный еще въ 1831 г. „Кабинетъ для чтенія“ или такъ назыв. „Аптека для души“ и при ней контора порученій; „Аптека для души“ явилась предшественницей Публичной Библіотеки. Ближе къ Прорѣзной издавна существовало извѣстное кіевское заведеніе

(Балабухи и Рябошапки—представителей старыхъ кіевскихъ фамилій). На мѣстѣ Прорѣзной находилась стекольная „гута" (стекольный заводъ) и надъ нею тамъ, гдѣ нынѣ проходитъ Прорѣзная улица, зимою школьники устраивали катаніе съ горъ.

Дальше за Прорѣзной ул. почтамтъ, существующій съ 1669 г. (телеграфъ съ 1856); до 1914 г. онъ помѣщался въ красивомъ классическаго стиля дворцѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Онуфр. Головинскому. Напротивъ сохранилась еще пара-другая домовъ того же стиля; они очень невзрачны, тогда какъ старый почтамтъ постр. въ 1851 г., отличался изящной колонадой на фронтѣ и двумя боковыми легкими флигелями. Собственно почтовое учрежденіе въ Кіевѣ существовало уже въ XVII в., находясь въ вѣдѣніи магистрата, избиравшаго ежегодно особаго „почтмейстера„ изъ мѣщанъ, но тогда онъ помѣщался на Подолѣ на углу Андреевской и и Александр. улицъ (до 1849 г.). Напротивъ почтамта громадное, но неинтересное зданіе общ-ва „Россія"; дальше идетъ рядъ банковыхъ домовъ, возвращающихся къ стилю имперіи, но это строительство совершенно новаго типа, приноровленное къ желѣзобетонному матеріалу; нѣсколько такихъ домовъ, облицованныхъ гранитомъ съ вытянутыми во всю высоту пилястрами, словно вылитыми изъ стали, расположено за думской площадью, гдѣ находится зданіе городской думы.

Во времена Магдебургскаго права магистратъ находился на Подолѣ; до 1870 г. тамъ же, гдѣ 3-я гимназія, помѣщалась и нынѣшняя городская дума. Новое зданіе думы сооружено въ 1874 г. по проекту Шилле; въ планѣ оно подковообразное, не отличается импозантностью, хотя въ немъ и замѣтны попытки придать сооруженію красоту посредствомъ декоративныхъ формъ ренессанса; на фронтонѣ зданія башенка съ фигурой Арх. Михаила—воспоминаніе о „вежѣ" съ „чудеснымъ дзегаромъ" у старой ратуши XVII—XVIII в. Во 2-мъ этажѣ въ залѣ засѣданій интересна гал-

лерея старинныхъ портретовъ, полученныхъ отъ стараго магистрата. На площади, гдѣ нынѣ находится гор. дума, старожилы помнятъ прудъ (такъ назыв. „Козье болото") и плотину съ мельницей.

На углу думской площ. № 26 домъ бывшаго кіевскаго дворянства, нѣкогда принадлежавшій Маврикію Понятовскому, извѣстному пирами, какіе онъ задавалъ кіевской знати; во 2-мъ этажѣ его, тоже огромный залъ, украшенный гербами уѣздовъ Кіевской губ. и портретами, среди коихъ выдѣляется портр. Екатерины II. Начало дворянскому собранію положено въ 1835 г. Выборы и собранія дворянъ были многочисленны и шумны; преобладали поляки, которые имѣли также и свой особый домъ тамъ, гдѣ нынѣ контора госуд. банка. О польскомъ вліяніи въ I-й полов. XIX в. свидѣтельствуетъ рѣчь на польск. языкѣ митроп. Евгенія. Домъ противъ думы, гдѣ кондитерская Семадени, былъ выстроенъ первоначально для синагоги, но потомъ отведенъ подъ дворянскій банкъ, а нынѣ — для концертовъ и выставокъ. Постоянная выставка картинъ, принадлежащая обществу „Замаровъ и С-я", и имѣющая цѣлью держать кіевское общество въ курсѣ новыхъ художественныхъ теченій, на самомъ дѣлѣ съ искусствомъ имѣетъ мало общаго.

На углу Крещатика и Институтской ул. помѣщается кіевская биржа, основанная въ 1862 г. стараніями извѣстнаго проф. Бунге и не менѣе извѣстнаго издателя Завадскаго, имѣвшаго здѣсь же въ зданіи земельнаго банка крупное издательское дѣло (книги польскія, французскія, украинскія, русскія); зданіе биржи въ мавританскомъ стилѣ по проекту Шлейфера; залъ собраній—одинъ изъ лучшихъ въ Кіевѣ.

Дальше по лѣв. сторонѣ Крещатика идетъ рядъ новыхъ упомянутыхъ уже выше банковскихъ и друг. зданій въ типѣ строительства самаго послѣдняго времени; благодаря примѣненію желѣза и бетона, эта архитектура свободно перекрываетъ большія пространства, давая много мѣста окнамъ,

свѣту; дерево здѣсь почти не примѣняется; архитектура эта обнаруживаетъ стремленіе къ простотѣ, можетъ быть, даже въ ущербъ красотѣ: большія полутемныя низкія помѣщенія прежнихъ домовъ не могутъ быть сравниваемы съ этимъ новымъ строительствомъ въ духѣ Ново-Людовикъ XVI, съ его свѣтомъ и веселостью, простыми бѣлыми полями или розовой и сѣрой облицовками; украшенія ихъ не связаны органически съ деревомъ зданія, какъ въ классической архитектурѣ: они свободны и необязательны, и большею частью линеарны: колонны, лизены, пилястры, подпоры, кронштейны —всѣ эти старыя формы здѣсь имитируютъ столярныя и слесарныя работы. Архитектура эта лишена уюта и вызвана тѣмъ соображеніемъ, что современный человѣкъ проводилъ жизнь внѣ дома и ему незачѣмъ вносить личный творческій элементъ въ свою обстановку; отъ нея вѣетъ поэтому фабричнымъ холодомъ, чего нельзя сказать о барочныхъ тонахъЛавры или Софійскаго собора съ ихъ печатью личнаго вкуса, съ ихъ интересной внѣшней физіономіей или же о квартирахъ 2-й полов. прошлаго вѣка съ ихъ складами всякаго „устарѣвшаго романтическаго хлама", тѣмъ не менѣе непріятный холодъ, вѣющій отъ новыхъ дѣтищъ капитализма, оказался заразительнымъ для Кіева, и, если ужъ эта мода пошла, то остается пожелать, чтобы въ Кіевѣ она обращалась не къ декоративнымъ деталямъ нач. XIX в., а къ болѣе раннимъ формамъ мѣстнаго строительства въ стилѣ барокко, очень удачное примѣненіе которыхъ дѣлали г. Алешинъ (домъ на Софийск. площади), Лукомскій (проектъ худож. школы печатнаго дѣла), Щуко (Кіевскій вокзалъ).

Въ одномъ изъ домовъ этого новаго стиля помѣщается ювелирная мастерская Маршака—лучшая въ Кіевѣ, проявляющая въ своихъ работахъ много художественнаго вкуса, считающагося и съ мѣстными условіями. Золотыхъ дѣлъ мастерство издревле процвѣтало въ Кіевѣ; кіевскія эмали въ княжеское время шли далеко на Западъ, а въ эпоху самоуправленія Кіева въ XVII — XVIII в. кіевскій золотар-

скій цехъ тоже былъ школой ювелирнаго искусства для всего европейскаго сѣвера. Фабрику Маршака обслуживаютъ свыше 100 мастеровъ; здѣсь вырабатывается ежегодно до 10 пуд. одного золота.

Въ концѣ Крещатика въ д. № 43 (Гербеля) въ 40-хъ годахъ помѣщалась 2-я гимназія, рядомъ съ нимъ расположенъ домъ Келея, замѣчательный тѣмъ, что въ 40—50-хъ годахъ принадлежалъ президенту суда и строителю стараго костела Проскурѣ. За нимъ Европейская гостиница — старѣйшая изъ существуюшихъ въ Кіевѣ, основанная въ 1830 г. на мѣстѣ театра, каковое было отдано въ 1830 г. выселенному съ Печерска основателю нынѣшняго дома; кромѣ гостиницы здѣсь помѣщалась первоначально и книжная торговля Литовыхъ. Въ театрѣ, который стоялъ на мѣстѣ Европейской гостиницы (въ усадьбѣ Гудимы), построенномъ здѣсь въ 1801 г., до пожара, уничтожившаго его въ 1830 г., было два яруса ложъ, партеръ, амфитеатръ и галлерея; антрепризы часто мѣнялись; это были главн. обр. польскія труппы, давававшія спектакли также на русскомъ и украинскомъ языкахъ; въ 1821 г. этотъ театръ содержалъ знаменитый артистъ Щепкинъ, ставившій Шекспира и украинскія пьесы; отъ театра Крещатикъ до 1830-хъ годовъ носилъ названіе театральной улицы: Кіевъ въ то время имѣлъ репутацію театральнаго города (были еще театры на Подолѣ, въ Кловѣ, на Печерскѣ..), но въ театрахъ царили разнузданные нравы, не всегда соблюдалась тишина, сидѣли въ шапкахъ..

Напротивъ Европейской гостиницы—большой домъ въ псевдо-русскомъ стилѣ, принадлежавшій нѣкогда извѣстном-директору хора Славянскому. Онъ мечталъ о зданіи съ концертнымъ заломъ на 50.000 народа бо́льшимъ, чѣмъ Миланская La Scala; домъ этотъ однако остался не законченнымъ и былъ приспособленъ для квартиръ и клубовъ; (военный и коммерчесскій). За домомъ Славянскаго передъ Европейской гостиницей расположена знакомая уже намъ Царская

площадь въ томъ мѣстѣ ея, гдѣ разбитъ цвѣтникъ, существовалъ фонтанъ, носившій названіе „Ивана"; онъ имѣлъ видъ мраморной широкой вазы, черезъ края которой лилась вода. Посредствомъ Александровской ул. Царская площадь сообщается съ Подоломъ и Печерскомъ, а по Трехсвятительской ул. — съ Старымъ Городомъ.

Липки. Улицы Лютеранская, Николаевская, Институтская, Александровская, выходящія на Крещатикъ, принадлежатъ къ части новаго города, называемой Липками; это названіе произошло отъ росшей здѣсь липовой рощи, остатки коей въ видѣ отдѣльныхъ деревьевъ уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ дворахъ и теперь. Кромѣ липовыхъ садовъ здѣсь существовали также сады шелковичные (для фабричныхъ цѣлей); и виноградные; и кромѣ того сюда примыкаютъ сады Купеческій и Царскій съ минеральными водами, куда пріѣзжали лѣчиться. Въ Липкахъ изстари были расположены особняки кіевской знати и этотъ свой аристократическій характеръ Липки сохраняютъ донынѣ; въ 50-хъ годахъ здѣсь въ домахъ кн. Кудашева, Милорадовича, Васильчикова, Лукашевича, Иваненка, Безбородка, гр. Тышкевича, Веселицкой давались роскошные пиры и блестящіе балы и пріемы, причемъ на пріемахъ у Милорадовича и Веселицкой щеголяли укриинскимъ языкомъ; звѣздою общества была гр. Евел. Ганская, вышедшая за писателя Бальзака, изобразившаго ее въ романѣ Le lys dans la vallée; эти изнѣженные и утонченные люди любили все же простыя и сильныя формы искусства, что выразилось въ ампирномъ классическомъ характерѣ ихъ особняковъ и только зданія, уцѣлѣвшія отъ XVIII в., отличаются причудливостью формъ. Липки собственно были распланированы при г. губ. Левашовѣ, при чемъ строго соблюдались прямыя линіи; благодаря этому всѣ главныя ул. идутъ въ одномъ направленіи параллельно Днѣпру, а остальныя ихъ пересѣкаютъ; до Левашова это была довольно пустынная часть города, гдѣ прохожіе окутывались облаками пыли и подвергались опасности отъ множества собакъ; Долгоруковъ въ

1810 г. отмѣчаетъ вѣчную борьбу между собаками и евреями; тишину улицъ нарушали еще четверки и цуги мѣстныхъ пановъ да часовые „ратники", смотрѣвшіе за безопастностью отъ пожаровъ. Евреи въ Липкахъ не жили кромѣ нѣсколькихъ семействъ караимовъ, поселившихся въ Кіевѣ въ полов. XIX в. по вызову Когеновъ, основавшихъ здѣсь фабрику. Путешественникъ полов. XIX в. (Тарновскій), интересовавшійся внѣшностью и составомъ Липокъ, подчеркиваетъ сѣрый, желто-зеленоватый тонъ тамошнихъ зданій; много садовъ, украинскую рѣчь жителей, но кіевская знать того времени находилась подъ польскимъ вліяніемъ, благодаря дѣятельности Чарторійскаго, Чацкаго и др.; Поляки имѣли въ Липкахъ и свое особое дворянское собраніе, помѣщавшееся на институтской ул., идущей параллельно Александровской и выходящей на Крещатикъ.

Первоначальное названіе институтской ул. — Ивановская; она начинается на углу Крещатика зданіемъ биржи въ Мавританскомъ стилѣ и поднимается въ гору, гдѣ начиналась крѣпость. За биржей виднѣются бѣлыя классическія зданія женскаго института, а не доходя до института — домикъ (классическаго стиля), (№ 14) арх. Беретти, строителя кіевскаго университета и храма св. Владиміра. Институтъ основанъ въ 1834 и первоначально помѣщался въ губернаторскомъ домѣ, а потомъ въ нынѣшнемъ помѣщеніи, принадлежавшемъ Бѣгичеву (естествоиспытателю); до пожара 1811 г. тамъ существовала деревянная кирха, новымъ зданіемъ института были захвачены также усадьбы перваго кіевскаго историка Верлинскаго и перваго археолога Лохвицкаго; зданіе это прежде чѣмъ перейти къ институту принадлежало университету, размѣстившему здѣсь коллекціи кременецкаго лицея; до учрежденія института дѣвицы воспитывались въ монастыряхъ и въ пансіонахъ. Въ томъ домѣ, гдѣ до 1845 г. помѣщалось собраніе польскаго дворянства, — выше института, помѣщается контора госуд. банка, перенесенная сюда изъ д. фонъ-Юнка на Александровск. ул. (основана въ 1839 г.); зда-

ніе это того же стиля что институтъ—нѣсколько казеннаго вида, что вообще характерно для построекъ Николаевской эпохи. Въ XVII в. здѣсь помѣщался упомянутый выше форпостъ крѣпости; напротивъ конторы гос. банка начинается Ольгинская ул., а дальше, налѣво идетъ Садовая, по которой можно попасть на Александр. ул. къ Царскому саду.

Ольгинская ул. направляется внизъ и тамъ соединяется съ Меринговской, названной такъ по имени знаменитаго врача проф. Меринга, владѣвшаго всѣмъ громаднымъ участкомъ, перерѣзаннымъ этой улицей до самаго Крещатика; Мерингъ имѣлъ здѣсь нѣсколько домовъ, садъ съ прудомъ. Пройдя отъ Ольгинской ул. вверхъ черезъ Новую ул., останавливаемся среди небольшой площади съ фонтаномъ и цвѣтниками передъ театромъ Соловцова, построеннымъ въ стилѣ неогрекъ по проекту Шлейфера; на фронтонѣ его аллегорическая группа, изображающая крикъ лебедя, на потолкахъ написаны Аполлонъ съ музами, поэтъ, увѣнчиваемый геніемъ и вакхическія сцены; этотъ театръ въ Липкахъ не І-й (въ 1850-хъ годахъ театръ въ д. Бѣлоградскаго пастора Граля и др.). Отъ театра Соловцова улица, идущая къ Крещатику, является одной изъ лучшихъ въ Кіевѣ; она названа въ честь имп. Николая І Николаевской. Съ Николаевской черезъ Меринговскую ул. попадаемъ на Лютеранскую, гдѣ ближе къ Крешатику въ нач. XIX в. находилось лютеранское кладбище, а теперь имѣется лютеранская кирха; послѣдняя построена архит. Штромомъ, авторомъ стараго кіевскаго театра, сгорѣвшсго въ 1896 г., а частію и—Владимірскаго собора: типъ ея простой въ духѣ обычныхъ евангелическихъ храмовъ XIX в. съ незначительными готическими деталями на продолговатомъ двускатномъ домѣ; въ метрической книгѣ кирхи значится, что 1-е крещеніе совершено было пастор. Гралемъ надъ сыномъ полк. О. Ливена—впослѣдствіи—министромъ нар. просвѣщенія. Средства на постройку кирхи были даны нѣмецкими колонистами, занявшими своими усадьбами именно эту часть города, благодаря чему Липки въ

XVIII в. имѣли еще названіе нѣмецкой горы; тѣмъ не менѣе это не мѣшало полякамъ показать свое превосходство надъ нѣмцами, это выразилось здѣсь въ закладкѣ граф. Я. Ильинскимъ костела, подражавшаго храму Петра въ Римѣ; постройка его однако не состоялась; кирха посвящена св. Екатеринѣ въ память имп. Екатерины II, вызвавшей нѣмцевъ для колонизаціи запорожскихъ земель послѣ уничтоженія сѣчи и эмиграціи казаковъ на Кубань и Дунай; нѣмцы, поселившіеся въ Кіевѣ, создали цѣлую эпоху въ развитіи этого города: они основали здѣсь аптеки, фабрики, были первыми профессорами въ университетѣ, актерами, типографами, архитекторами, администраторами.

Ниже кирхи среди особняковъ въ пол. XIX в. выдавался огромный домъ Сулимы съ круглымъ фронтономъ и колонами; въ 50-хъ годахъ онъ былъ запущенъ и въ 1859 г. обращенъ въ благотворительное заведеніе, носящее и теперь названіе Сулимовки; еще ниже на углу Крещатика въ домѣ Головни и Киселевскаго помѣщались параллельные классы 2-й гимназіи; противоположный конецъ Лютеранской ул. выходитъ на Левашовскую ул., по пути къ которой сохранилось нѣсколько ампирныхъ домовъ, въ коихъ помѣщался нѣкогда 1-й анатомическій театръ и пансіонъ для учениковъ высшей гимназіи (№ 22). На углу Банковой находится управленіе кіевскаго военнаго округа, а за угломъ, небезъизвѣстный въ Кіевѣ домъ архит. Городецкаго, украшенный фантастическими скульптурными чудовищами, будто снятыми съ балконовъ Notre Dame въ Парижѣ; на той же ул. въ строгомъ классическомъ (дорическомъ) стилѣ домъ № 15-й. Левашовская ул., на которую выходитъ Лютеранская, названа такъ по имени губ. Левашова, стараніями коего Липки получили нынѣшнюю распланировку, первоначальное ея названіе — Шелковичная. На этой улицѣ имѣется рядъ особняковъ въ стилѣ Людовика XVI и (№ 6) имперіи (№ 8, 17, 19, 24, 36) въ концѣ ея, на углу Иинститутской дворецъ генералъ губернатора съ садомъ, составляющимъ часть преж-

няго кловскаго парка; противъ него въ перв. полов. XIX в. стоялъ домъ Бухтѣя, гдѣ помѣщалась университетская библіотека. Отъ дворца ген. губернатора Левашовская ул. до другого конца своего въ 1845 г. была шоссирована обожженной глиной; это была единственная мощенная ул. въ Кіевѣ. Рядомъ съ дворцомъ общирная усадьба съ простымъ домомъ, выходящимъ на Екатериненскую ул.; здѣсь теперь помѣщеніе гражданскаго губернатора, а въ 1843 г. помѣщался женскій институтъ, а также жилъ фельдмаршалъ Остенсакенъ; противъ дома губернатора ренессансное палаццо Бродскаго съ картинной галлереей и собраніемъ другихъ искусствъ. Дальше по Екатериненской опять дома плутократіи и аристократіи, среди нихъ красивъ (№ 10); противъ Елизаветинской ул. (№ 13) видимъ скромный деревянный домикъ извѣстнаго Бунге (отца финансиста), который занимался естествознаніемъ, фармакологіей, медальернымъ дѣломъ и др.; комнаты Бунге были украшены портретами древнихъ мудрецовъ, а также китайскими перспективами, привезенными изъ Китая однимъ уніатскимъ игуменомъ.

Екатериненская ул. замыкается кловскимъ дворцомъ— нынѣ I мъ епархіальнымъ женскимъ училищемъ. Кловскій дворецъ былъ построенъ въ 1744 г. Шеделемъ въ стилѣ Людовика XIV (рококо) въ два этажа съ округлыми выступами, дугообразными фронтонами, изящными наличниками и перекрытіями; онъ принадлежалъ Лаврѣ, а впослѣдствіи (1787 г.) отобранъ въ казну, которая передала его въ 1811 г. для помѣщенія здѣсь высшей гимназіи, создавшей эру въ исторіи кіевскаго просвѣщенія (основана Чацкимъ); когда въ 1857 г. дворецъ сгорѣлъ, то будучи перестроенъ въ болѣе простомъ видѣ, былъ переданъ для женскаго епарх. училища. Кловскій дворецъ получилъ свое названіе отъ существовавшаго на его мѣстѣ кловск. монастыря, а этотъ послѣдній — отъ ручья, который огибалъ всю возвышенность Липокъ и впадалъ въ р. Лыбедь; монастырь наIckовѣ былъ основанъ 3-мъ Печерскимъ игуменомъ Стефаномъ въ 1078 г.

удалившимся изъ Печерской обители и посвятившимъ свой монастырь Влахернской Богородицѣ, что заслуживаетъ особаго вниманія въ виду предполагаемыхъ связей съ этимъ константинопольскимъ храмомъ — Печерской Лавры, Кловскій монастырь палъ, будучи ограбленъ Половцами (въ 1096), а потомъ какими-то другими врагами (послѣ 1112 г., когда о немъ прекращаются свѣдѣнія); названіе древняго Клова нынѣ сохранили примыкающіе къ Елизаветинской и Екатериненской ул. Кловскій спускъ и Кловская улица, ведущая къ Печерскому базару; въ книгѣ плановъ и фасадовъ на Кловск. ул. въ нач. XIX в. показано ампирное зданіе публ. библіотеки съ интереснымъ фасадомъ и оградой, спроектированными арх. Дубровскимъ; на зап. склонѣ кловской возвышенности мастеръ Лангаузъ посадилъ множество тутовыхъ деревьевъ, а до того времени тамъ существовалъ уже виноградный садъ, отъ коего осталось названіе въ одной изъ улицъ, идущей наискось отъ Елизаветинской до Левашовской; казенные виноградники въ XVII в. въ Кіевѣ устраивали сербы, на Виноградной ул. сохранился отъ николаевской эпохи хорошенькій домъ № 10.

Левашовская отъ Виноградной идетъ до Бассейной и Госпитальной ул., изъ коихъ первая спускается къ Бессарабкѣ, а 2-я къ военному Госпиталю на Печерскѣ. Удобнѣе вернуться на Бессарабку черезъ Лютеранскую, свернувъ на Университетскій спускъ, въ началѣ коего находится частный садъ съ театромъ въ готическомъ духѣ, а дальше широкая деревянная лѣстница, такъ наз. крутого спуска, съ вершины которой открывается одинъ изъ лучшихъ видовъ на старый городъ и на, такъ назыв., Новое Строеніе.

Новое Строеніе. Улицы Новаго Строенія, расположеннаго между старымъ городомъ и Лыбедью, названы именами кіевскихъ администраторовъ и ученыхъ XIX в. Первая изъ нихъ, выходящая на Бессарабку — Бибиковскій бульваръ — связана съ именемъ извѣстнаго своей суровостью ген. губ. Бибикова, о дѣятельности коего до сихъ поръ ходятъ анек-

Соборъ Св. Владиміра.

Владимірскій Соборъ внутри.

дотическія сказанія: дѣти дрожали при встрѣчѣ этого безрукаго генерала на улицѣ, взрослые не были гарантированы отъ воздѣйствій его сильнаго характера, не стѣснявшагося въ выборѣ формъ и способовъ въ достиженіи свей цѣли. Бибиковскій бульваръ — это широкая аллея, обсаженная тополями и обгороженная рѣшеткой; отъ Бессарабки видна вся аллея и продолженіе ея за городъ; высокія трепещущія тополи поднимаютъ вверхъ свои сѣрые стволы, какъ пирамиды; ихъ верхушки необыкновенно изящно выступаютъ въ прозрачномъ воздухѣ, сообщая Кіеву особое очарованіе. Тополи издревле были характерными для Кіева: ихъ видимъ на рис. XVII в. (служебникъ Л. Барановича); по длинѣ это единственная въ мірѣ тополевая аллея; она пересѣкаетъ весь новый городъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ; сюда выходятъ 4, 3 и 1-я гимназіи, Владимірскій соборъ, университетскіе клиники, Ботаническій садъ и много роскошныхъ домовъ; это мѣсто доходныхъ домовъ, заслонившихъ грацію и изящество барокко и классицизма, но не истощившихъ еще творческихъ силъ кіевскихъ строителей.

Отъ Бессарабки и Бибиковскаго бульвара по Крещатику пройдемся по Фундуклеевской (1-я на лѣво) и по ней поднимемся вверхъ; эта улица тоже названа по имени ген. губ. Фундуклея—(1839—52), извѣстнаго ревнителя кіевской старины и издателя перваго труда по описанію древностей Кіева. Недалеко отъ Крещатика на Фундуклеевской около Пушкинской ул. сохранился одинъ изъ домовъ Фундуклея, въ коемъ нынѣ помѣщается женская гимназія; зданіе это однако перестроено и потеряло свои черты николаевской эпохи. Противъ гимназіи въ угловомъ домѣ находится частный театръ, построенный въ 70-хъ г.г. иностранцемъ Бергонье; архитектура его проста: четыре крыла дома образуютъ широкій дворъ, покрытый крышей и приспособленный для дома, а ложи сдѣланы въ окнахъ дома, выходившихъ во дворъ. Выше на той же сторонѣ улицы—коллегія Галагана,

основанная извѣстнымъ украинскимъ дѣятелемъ 40—50-хъ годовъ.

На Фундуклеевскую выходятъ Пушкинская и Терещенковская улицы.

На Терещенковской ул. идущей параллельно Пушкинской и названной такъ по имени мѣстнаго благотворителя Терещенко интересенъ домъ послѣдняго, принадлежавшій раньше кн. Демидову Санъ-Донато; въ немъ большая картинная галлерея; на плафонахъ сцены изъ южно-русскихъ былинъ; другой домъ Терещенко тоже прекрасной архитектуры; при входѣ каріатиды. Дальше домъ Б. Ханенко — какихъ немного; это цѣлый музей — въ стилѣ ренессансъ съ массой колоннъ; внутри сѣни выложены деревянными интарсіями, а стѣны бронзой; здѣсь размѣщенъ огромный музей съ сотнями картинъ, иконъ, предметовъ, добытыхъ раскопками на территоріи Кіева и всего приднѣпровья; для этого богатаго собранія нынѣ строится новый огромный домъ, въ коемъ будетъ открытъ музей им. владѣльца.

Слѣдующая улица, пересѣкающая Фундуклеевскую — Большая-Владимірская и на мѣстѣ пересѣченія Театральная площадь съ зданіемъ театра. Театръ построенъ на мѣстѣ сгорѣвшаго въ 1896 г. зданія Штрома—архитекторомъ Шреттеромъ; онъ довольно неуклюжій, приплюснутый, низкій — изъ кіевскаго желтаго кирпича безъ облицовки и штукатурки, какъ большинство кіевскихъ сооруженій новаго времени Большая-Владимірская направляется съ одной стороны въ старый городъ къ Софійскому собору, гдѣ кончается огромнымъ зданіемъ земскаго дома въ стилѣ Имперіи (проектъ Щуко); у самыхъ Золотыхъ воротъ на нее выходятъ Прорѣзная ул., по которой, минуя домъ Зайцева (въ мавританскомъ стилѣ на углу Пушкинской ул.), можно пройти къ Музыкальному переулку, гдѣ находится кіевская консерваторія а съ другой стороны — Б.-Подвальная ул., гдѣ были валы Ярослава Мудраго и гдѣ помѣщается упомянутый выше музей

Гансена.— Здѣсь же въ д. № 32 находится помѣщеніе Украинскаго науковаго товариства съ собраніемъ древностей и библіотекой, недалеко — частныя коллекціи памятниковъ искусствъ и старины Б. К. Жука (Б.-Житомірская, 18), В. Е. Козловской (Столыпинская, 51) и А. В. Прахова (у Андр. церкви). Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о собраніи геммъ и камей г. Темницкаго (Тарасовская, 3) и собр. Пещанскаго (на Печерскѣ); по этой ул. можно проѣхать на такъ назыв. Лукьяновку, а также на М.-Владимірскую (Столыпинскую), гдѣ помѣщаются зданія Высшихъ Женскихъ Курсовъ и школы печатнаго дѣла, для новаго помѣщенія коей имѣется уже очень удачный проектъ худ. Лукомскаго въ стилѣ украинскаго барокко—на Львовскую площадь съ зданіемъ кіевскаго художественнаго училища, основаннаго худ. Мурашко черезъ полъ-столѣтія послѣ закрытія школы Буяльскаго и почти черезъ столѣтіе послѣ уничтоженія худ. школы въ Лаврѣ. Эта школа сыграла свою роль въ дѣлѣ распространенія художественныхъ знаній, но не дала крупныхъ художниковъ; вообще, въ Кіевѣ, переполненномъ произведеніями искусства, очень мало художниковъ; большинство между ними ремесленники, что можно видѣть изъ росписи мѣстныхъ церквей. Большая публика въ художеств. отношеніи тоже стоитъ не высоко.

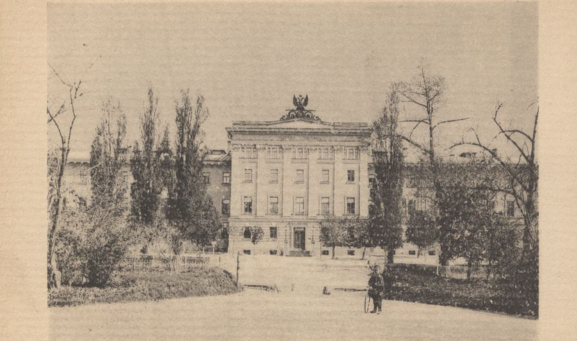
Отъ Золотыхъ воротъ до университета въ 49—50-хъ годахъ на мѣстѣ Б.-Владім. ул. лежала дорога среди поля и только у самаго университета были дома кн. Репнина и первоначальнаго института благор. дѣвицъ. Теперь по пути къ университету стоятъ великолѣпные дворцы, среди которыхъ выдается на самомъ углу Театр. площ. на искось отъ театра зданіе Педагогическаго музея, сооруженное въ стилѣ имперіи по проекту Алешина — бѣлое и строгое съ рельефными украшеніями; напротивъ него пансіонъ Левашовой въ зданіи николаевской эпохи, построенномъ Беретти. За нимъ при пересѣченіи съ Бибиковскимъ бульвбромъ на углу— военно-окружный судъ, построенный въ полов. прошл. столѣтія, и по бульвару рядомъ съ судомъ 2-я кіевская гимназія

тоже въ 1850 г.; за другимъ угломъ бульвара въ томъ же ряду 1-я гимназія; зданія обѣихъ гимназій тяжелой архитектуры; 1-я гимназія была переведена сюда изъ Кловск. дворца (послѣ того какъ въ нее переименовано было главн. нар. училище), гдѣ открытіе ея въ 1809 г. сопровождалось — пальбой изъ пушекъ, парадомъ „Золотой Корогвы", иллюминацiей города съ миѳологическими картинами и вензелями; въ этой гимназіи первоначально царили нравы Помяловскаго; имп. Николай I, посѣтивъ ее, велѣлъ срѣзать воротники ученикамъ—тогда же было приказано выкрасить въ красныя цвѣтъ стѣны университета для устыженія взбунтовавшихся студентовъ (Ге). Напротивъ I-й гимназіи на прежней Университетской площади раскинулся очень красивый и уютный тѣнистый паркъ, составляющій центръ новаго строенія; посрединѣ его стоитъ памятникъ Николаю I, основанный въ 1869 г. и открытый въ 1888 г. по иниціативѣ кн. Демидова Санъ-Донато и по проекту Чижова: статуя императора лѣвой рукой опирается на тумбу съ планомъ г. Кіева.

Напротивъ Николаевскаго парка расположены многочисленныя зданія университета, изъ коихъ главное, выкрашенное въ красный цвѣтъ, отличается грузной, но живописной красотой формъ; оно классическаго стиля (построено Беретти) съ 8-ми колоннымъ портикомъ посрединѣ; но гораздо выгоднѣе впечатлѣніе производитъ съ противоположной стороны отъ ботаническаго сада; внутри вестибюль и лѣстница замѣчательной (нѣсколько узкіе) красоты. Исторія учрежденія университета въ Кіевѣ довольно сложна; объ этомъ заботился уже въ полов. XVII в. гетм. Ив. Выговскій, впослѣдствіи о томъ же хлопотали казацкіе депутаты въ Екатериненскую комиссію 1767 г.; при Александрѣ I въ 1805 г. правительство, наконецъ, пошло на встрѣчу этимъ желаніямъ, но духовенство и поляки испортили все дѣло; послѣдніе не желали разбивать своего Виленскаго университета и Кременецкаго лицея; но все-таки въ 1833 г. Кременецкій лицей былъ переведенъ въ Кіевъ подъ именемъ

Университетъ Св. Владиміра.

Первая Кіевская гимназія.

Педагогическій музей.

Національный Украинскій музей.

университета, цѣлью коего было „примирить разнородные элементы населенія, сгладить историческія недоразумѣнія и предразсудки и скрѣпить узы Ю.-З. края съ великорусской землей". Университетъ имѣлъ первоначально довольно широкую автономію, которая была ограничена послѣ событій 1848 г.; изъ факультетовъ выдавался юридическій, благодаря нѣмецкимъ профессорамъ; профессоровъ вообще доставлялъ Дерптъ и кіевская академія, а частію бывшій Кременецкій лицей, большинство учащихся составляли поляки, къ которымъ причислялись украинцы-уніаты и крещеные евреи; съ 1837 г. началось среди студентовъ поляковъ національное движеніе, кончившееся закрытіемъ университета въ 1839 г. и перемѣщеніями кіевской администраціи; въ 1842 г. университетъ сталъ дѣйствовать (по новому уставу) и снова всплыли на сцену національныя и политическія страсти; на этотъ разъ организовались также и украинцы въ кружкахъ хлопомановъ и въ Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ, раскрытомъ въ 1846—47 г., что кончилось ссылкой Костомарова, Гулака, Бѣлозерскаго, Кулиша, Шевченка... Въ 1848 г. на университетъ наложены очень суровыя мѣры — былъ измѣненъ даже самый характеръ и система преподаванія; студентовъ, дабы отвлечь отъ политики, стали обучать танцамъ, верховой ѣздѣ, было обращено вниманіе на водвореніе внѣшняго порядка между студентами и улучшеніе ихъ внѣшняго вида — стригли, брили. Бибиковъ, замѣчая студентовъ, которые не застегивали всѣхъ пуговицъ, подвергалъ таковыхъ строгимъ наказаніямъ; буйные кутежи поощрялись, преслѣдоволось несоблюденіе чинопочитанія (отданіе чести генераламъ); выдвигали аристократовъ, при которыхъ часто иаходились крѣпостные слуги; стремились къ тому, чтобы люди низкаго происхожденія не попали въ университетъ. Такъ было до 1863 г., когда выяснилось, что обучавшіеся конному строю, студенты образовали цѣлый кавалерійскій отрядъ и примкнули къ польскимъ повстанцамъ. Изъ наиболѣе извѣстныхъ профессоровъ того времени можно указать Мицке-

вича, брата поэта, Даниловича уніата, - бывшаго приближеннымъ Наполеона, Максимовича, Иванишева, и др. Къ профессорской коллегіи принадлежали преподаватели живописи: Павловъ, Т. Шевченко, Шлейферъ, Буяльскій. У нѣкоторыхъ профессоровъ были собранія книгъ, рукописей, старины (Домбровскій, Максимовичъ), что способствовало учрежденію въ стѣнахъ университета обществъ для обслѣдованія древностей, архива (1852) и музея: (1830): „Временный комитетъ для изысканія древностей“, учрежденный здѣсь въ 1835 г., былъ предшественникомъ Петрогр. Археол. О-а; нѣкоторыя эти учрежденія существуютъ при университетѣ и теперь; изъ нихъ археологическій музей имѣетъ мѣстное значеніе; здѣсь много славянскихъ предметовъ доисторич. эпохи, а также сюда поступили предметы изъ раскопокъ Лохвицкаго и др. въ Кіевѣ, нѣсколько кіевскихъ драгоцѣнныхъ кладовъ (Лѣскова), кіевскія коллекціи Немировича, Марра и Антоновича. Въ друг. музеѣ изящн. искусствъ цѣнное собр. монетъ Чацкаго, много украинскихъ иконъ, архитектурныхъ моделей и копій съ выдающихся памятниковъ европейскаго искусства. Архивъ университета заключаетъ въ себѣ богатѣйшее собраніе актовъ не ранѣе XIV в., частію изданное подъ титуломъ „Архивъ ю.-з. Руси“. Кромѣ этихъ учрежденій слѣдуетъ отмѣтить университетскую библіотеку, нѣсколько кабинетовъ и двѣ обсерваторіи; библіотека весьма замѣчательна. Въ основаніе ея легла библіотека Кременецкаго лицея, Виленскаго университета,—Виленскихъ хирургической и р-католич. Академій и Петербургскаго Эрмитажа. Здѣсь имѣются рѣдкія изданія классиковъ (Альдины) и первопечатныя славянскія книги, замѣчательныя карты XVI в., рукописныя книги подольскихъ и кіевскаго магистратовъ и т. д.; на многихъ книгахъ удивительные переплеты, напр. перламутровый переплетъ французской псалтыри 1701 г. Для библіотеки теперь строится особое зданіе, выходящее одной своей стороной на Караваевскую ул., идущую параллельно Бибиковскому бульвару и пересѣкающую улицы Пуш-

кинскую, Б.-Владимірскую, Тарасовскую, Паньковскую, Никольско-Ботаническую.

На Паньковской можно обратить вниманіе на два дома (№ 9 и 11), проникнутыхъ стремленіемъ возсоздать въ каменной городской громадѣ стиль деревянныхъ сельскихъ сооруженій Украйны; — это не просто возсозданіе старины, но попытка углубленія въ художественную тему, живущую своей особой жизнью несмотря на уродливыя измѣненія, вызванныя требованіями современнаго строительства изъ желѣза и бетона. Общество однако мало еще прониклось художественнымъ значеніемъ этого новаго архитектурнаго теченія; стремленіе къ нему парализуется готовыми формами ампира и ренессанса. Въ одномъ изъ этихъ домовъ (№ 9) помѣщается большое собраніе искусства и мѣстной старины, принадлежещее строителю дома В. Т. Кричевскому. На мѣстѣ Паньковской ул. въ XVIII в. находилось Софійское подворье Паньковщина съ большими художественными строеніями (были окружены ложами).

Ко двору университета между Караваевской и Бибиковскимъ бульваромъ примыкаетъ огромный ботаническій садъ, занимающій больше 20 десятинъ; онъ поставленъ съ 1845 г. трудами проф. Траутфеттера; здѣсь сгруппировались растенія разныхъ климатовъ; главная аллея каштановая; садъ раскинулся по оврагамъ, что придаетъ ему большую живописность; при входѣ въ садъ съ Бибиковскаго бульвара поставлены фигуры каменныхъ бабъ, найденныя въ Кіевѣ на Печерскѣ.

Рядомъ съ входомъ въ садъ налѣво тянутся угрюмыя зданія университетскихъ клиникъ, а напротивъ нихъ тоже угрюмый съ виду знаменитый соборъ св. кн. Владиміра — построенный по мысли митр. Филарета въ память 900 лѣтія крещенія кіевлянъ. Снаружи храмъ не производитъ впечатлѣнія. Красота зданія заключается въ его простотѣ, къ коей, должно быть, близки были и первоначальные храмы св. Софіи, Михайловскій и др. Своды образуютъ самыя естест-

венныя дуги, окайменныя бордюромъ; зданіе опирается на само себя, купола на своды и внутренніе столбы; много взято здѣсь отъ византійскаго и ю.-славянскаго зодчества, отъ романскаго и др.-христіанскаго искусства, но первоначальный проектъ Штрома воспроизводилъ крестообразную церковь Теотокосъ (X в.) въ Константинополѣ; онъ однако не былъ выполненъ: взамѣнъ креста архит. Спарро и Беретти (сынъ строителя Университета) придали плану нынѣшнюю квадратную форму. Заложенный въ 1852 г., храмъ этотъ былъ законченъ только въ 1883 г. архит. Бернгардомъ и Николаевымъ, а отдѣланъ лишь 20 лѣтъ спустя; насколько онъ прекраснѣе новыхъ псевдо-московскихъ соборовъ (въ родѣ Десятинной церкви или Флоровскаго монастыря) съ ихъ фальшивыми главами и луковицеобразными и килевидными деталями! Въ храмъ ведутъ 3 входа; надъ дверью со стороны бульвара мозаичный образъ св. Владиміра, надъ сѣв. вратами изображеніе Ольги и Александра Невскаго, на главныхъ дверяхъ барельефы — св. Владиміръ и Ольга. Внутри храма глаза разбѣгаются: прежде всего взоръ обращается къ алтарю съ его низкимъ мраморнымъ иконостасомъ, устроеннымъ въ такомъ видѣ по иниціативѣ проф. Малышевскаго (Николаевымъ). Это византійская алтарная преграда; за ней надъ мраморнымъ престоломъ былъ устроенъ также киворій, впослѣдствіи вынесенный въ крещельню. Роспись храма, выполненная подъ руководствомъ проф. А. Прахова, представляетъ собою византійскій стиль въ томъ видѣ, какъ его понимали работавшіе здѣсь художники: продвигаясь по закаулкамъ храма, отовсюду видимъ проникнутыя свѣтомъ фигуры, божественные взоры, простертыя добрыя руки; въ алтарѣ, расписанномъ В. Васнецовымъ, обращаетъ на себя вниманіе шествующая прямо на зрителя Богоматерь въ сопровожденіи херувимовъ и серафимовъ; подъ нею сцена Евхаристіи, на боковыхъ сценахъ фризы святителей, пророковъ и царей, въ сводѣ — агнцы (символы Христа и апостоловъ, идущіе отъ др.-христ. мозаикъ и фресокъ); въ ку-

полѣ Вседержитель и стремленіе праведныхъ въ рай; это тоже композиціи Васнецова, какъ и вся вообще живопись средней части храма; на сводѣ ея Богъ Сынъ и распятіе, надъ входомъ страшный судъ (слабый), по сторонамъ Крещеніе Владиміра и крещ. кіевлянъ. Думаютъ, что Васнецовъ въ своей живописи возродилъ завѣты др.-христ. и византійскаго искусства, но это невѣрно; разница этихъ изображеній хотя бы съ византійскими фресками Софійскаго собора слишкомъ велика; тамъ они полны застылости, созерцанія, здѣсь—слишкомъ живые; тамъ колоритъ блѣдный, мистическій, здѣсь страстный, горячій; тамъ композиціи традиціонны, каноничны и сухи — здѣсь живые и основанные при томъ на поздней Московской иконописи; нигдѣ нѣтъ схемъ и обобщеній, нѣтъ покоя—особенно въ фигурахъ святыхъ на столбахъ,—все это пламенно, лично, живо, полно анахронизмовъ, отдаетъ тенденціей, необосновано; Владиміръ здѣсь не святой; онъ знаетъ грѣхъ и жестокость и притомъ съ бородой, чего у него не было, Ольга мстительна, монахи, схимники, митрополиты не въ подлинныхъ одеждахъ, а Андрею Боголюбскому и совсѣмъ не подобало бы получить здѣсь мѣсто: вотъ что пишетъ лѣтопись о его нападеніи на св. Кіевъ: „сотворися великое зло, якого же не было... Городъ пожгли и грабиша Подолье и гору и монастыри и Софею и Десятинную Богородицу и не бысть помилованія никому же, церкви обнажиша иконами и книгами и ризами и колоколы изнесоша вси...“ Еще менѣе византійскаго канона въ боковыхъ нефахъ, расписанныхъ Котарбинскимъ, Свѣдомскимъ и Нестеровымъ; остается жалѣть только, что живопись эта сдѣлалась образцомъ для росписей сельскихъ храмовъ—превратившимся уже въ пошлый шаблонъ, искажающій прекрасные по сути хотя и далекіе отъ виз. христіанской традиціи оригиналы; только орнаментація Врубеля на боковыхъ нефахъ, полная красоты, аромата цвѣтовъ и формъ (рыбы, головки ангеловъ, лиліи, ландыши, завитки), выдѣляется среди живописи указанныхъ мастеровъ понима-

ніемъ Вазантійскаго стиля и выраженіемъ стилистическихъ идеаловъ не реалистически какъ у Васнецова, а синтстетически. Въ живописи собора не было использовано самое главное — мѣстные Кіевскіе памятники, своя Кіевская традиція; взамѣнъ этого примѣнены случайно подвернувшіеся мотивы великорусской иконописи и религіозныхъ великорусскихъ воззрѣній; это произошло отъ того, что храмъ создавался въ эпоху, когда передъ глазами художниковъ проходила вакханалія поруганія старыхъ святынь, древнихъ вѣрованій, обычаевъ. Тѣмъ не менѣе Владимірскій соборъ единственный въ Россіи храмъ, производящій художественное впечатлѣніе.

За Владимірскимъ соборомъ позади и впереди высокіе дома образуютъ живописныя пятна и группы, на фонѣ поднимающагося и опускающагося кругомъ барьера садовъ и холмовъ; зданія—смѣсь разныхъ стилей съ случайн. наборомъ всевозможныхъ деталей. Это стиль, распространившійся въ Европѣ во 2-й пол. XIX в. изъ Франціи, гдѣ онъ возникъ при Наполеонѣ III-мъ. Бродя по улицамъ, замѣчаешь, что Кіевъ выгодно отличается своимъ расположеніемъ отъ другихъ городовъ: онъ не ординаренъ; величіе и подлинная художественность въ деталяхъ въ немъ рѣдки, но онъ красивъ—ибо линіи домовъ выдѣляются благодаря склонамъ крайне разнообразно: Бибиковскій бульваръ съ открывающейся перспективой за городъ и за городнія рощи съ Кадетскимъ корпусомъ, занятые желѣзнодорожной линіей берега Лыбеди, Байкова Гора и Пушкинскій лѣсъ... Въ концѣ Ботаническаго сада Биб. бульваръ пересѣкается Маріино-Благовѣщенской и Безаковской ул.—послѣдняя ведетъ къ новостроющемуся вокзалу, фасадъ коего по Высочайшему повелѣнію выполненъ архит. Щуко въ стилѣ Кіевскаго архитектурнаго барокко; въ д. № 10 по Безаковской помѣщается частное собраніе Кіевскихъ древностей Хойновскаго; на мѣстѣ скрещиванія упомянутыхъ улицъ—памятникъ гр. Алекс. Бобринскому, бывшему министру путей, при коемъ прове-

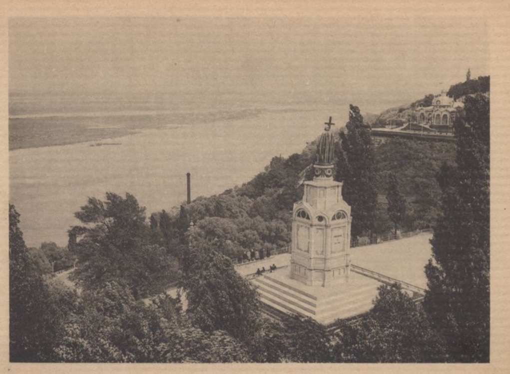
дена первая желѣзная дорога въ Кіевъ; онъ же 1-й сахарозаводчикъ въ краѣ: фугура графа смотритъ въ сторону вокзала, опираясь правой ногой на рельсу; на плечахъ тога,—дань ложному классицизму.

Продвигаясь внизъ по бульвару, выходимъ на площадь Галицкаго базара, гдѣ стоитъ церковь св. Іоанна Златоустаго; она въ нелѣпомъ будто бы русскомъ стилѣ, но замѣчательна тѣмъ, что вся построена изъ чугуна и желѣза (въ 1860 г.); причтъ въ нее переведенъ изъ Златоустовской церкви, издавна существовавшей въ старомъ городѣ. Около базара мрачное зданіе тюрьмы эпохи Николая І-го; дальше въ самомъ концѣ Бульвара—Политехническій Институтъ, открытый въ Кіевѣ на частныя средства въ 1896 г.; зданія его построены архит. Китнеромъ; около Института образовался цѣлый городокъ; напротивъ него такъ назыв. лѣсъ Пушкина и мѣсто, называемое Шулявкой, гдѣ находился Кадетскій корпусъ 1852 г. (постр. Штрома), а въ XVII здѣсь была дача митрополитовъ, отобранная у нихъ Николаемъ I; отъ дачи остался красивый садъ и прудъ, доступные частнымъ лицамъ только въ день традиціоннаго гулянья въ Кад. Корпусѣ.

Кадетское шоссе пересѣкающее бульваръ, съ одной стороны направляется къ вокзалу, а съ другой—на Лукьяновку къ Львовской ул. Лукьяновка—поселокъ, возникшій послѣ 1845 г., когда отъ наводненій сюда переселилось много жителей съ Подола; въ этой части помѣщаются воинскія казармы, астрономическая обсерваторія, госпиталь рабочихъ и церковь св. Ѳеодора Тирона, въ коей имѣется точная копія Гроба Господня и пещерной церкви св. Климента въ Инкерманѣ, а также роспись, поддѣлывающаяся подъ Византійскую живопись XII в. На Львовской ул.—главной на Лукьяновкѣ—при выходѣ на нее Кудрявской ул. находится Злато-верхній Покровскій женскій монастырь, простирающійся до склоновъ древняго Кудрявца; онъ основанъ В. К. Александрой Петровной; въ немъ главная церковь Покрова—(ве-

ликорусской „бомбоньерочной“ архитектуры) построена арх. Николаевымъ; въ монастырѣ имѣется больничный корпусъ съ ц. св. Агапита, врача печерскаго красиваго московскаго стиля, а также въ склонѣ горы вырыта „Пещера Гроба Господня“ съ распятіемъ. Мѣстность эта называлась ими „Кудрявцемъ“, была заселена и въ древности; здѣсь были найдены фундаменты храма XII в., которые проф. Лашкаревъ принялъ за ц. Симеона въ копыревомъ концѣ, здѣсь же нѣкоторые изслѣдователи помѣщаютъ въ сторонѣ Львовской площади гору Щекавику съ могилой Олега, находящейся приблизительно на мѣстѣ нынѣшней Обсерваторіи (Лебединцевъ; по даннымъ лѣтописи и Печ. Патерика эта мѣстность дѣйствительно входила въ группу холмовъ, составившихъ Щекавику; на ней въ XI—XII в. жили евреи, давшіе названіе древнимъ львовскимъ воротамъ „Жидовскихъ“; здѣсь они имѣли синагогу, на мѣстѣ которой, какъ думаетъ Петровъ, и была построена открытая церковь (Спаса?)—послѣ еврейскаго погрома, учиненнаго кіевлянами при Влад. Мономахѣ; въ XVI в. въ этомъ мѣстѣ существовало еврейское „окописько“ (кладбище), а въ к. того же столѣтія—бискупскій замокъ, перешедшій въ 1648 къ православн. митрополитамъ. Окресности митрополичьяго замка были застроены мазанными хатками кіевскихъ обывателей, образовавшихъ здѣсь у церкви Вознесенія особый воснесенскій приходъ. Назадъ тому 15 л. эта часть города имѣла всего одинъ хорошій домъ (бар. Штейнгеля), принадлежавшій раньше Фундуклею. То же самое было и въ противоположной части Лыбедской

Лыбедь. Рѣка Лыбедь и получившая отъ нее названіе Лыбедская часть, именемъ коей часто называютъ и Новое Строеніе, идетъ вдоль линіи желѣзной дороги отъ вокзала по направленію къ Печерску и къ Днѣпру. Главная артерія Лыбедской части—больш. Васильковская ул., выходящая однимъ концомъ на Крещатикъ, а другимъ на такъ назыв.

Памятникъ Св. Владиміру.

Памятникъ Крещенія.

Деміевку; на своемъ протяженіи она пересѣкаетъ нѣсколько площадей, изъ коихъ ближайшая къ Крещатику, образованная углами улицъ Пушкинской и Караваевской, предназначена для постановки памятника Т. Шевченку; слѣдующая Троицкая площадь занята церковью и Народнымъ домомъ съ прилегающимъ къ нему Алексѣевскимъ паркомъ и 3-я — Владимірская служитъ для ярмарки и базаровъ. Троицкая площадь издавна служила для устройства выставокъ, между прочимъ и для послѣдней всеросійской выставки, занимавшей всю территорію Алексѣевскаго парка и оставившей здѣсь рядъ прелестныхъ повильоновъ въ стилѣ Empire; Народный домъ, находящійся рядомъ, занятъ лучшимъ украинскимъ театромъ въ краѣ; церковь на площади построена въ 1850 г.; сюда передана была вся утварь изъ Троицкой церкви у Софійскаго собора и икона Богородицы, висѣвшая на золотыхъ воротахъ... До XIX в эта мѣстность принадлежала Лаврѣ, которая имѣла при соединеніи нынѣш. Троицкой площади съ Жилянской ул. Верхнелыбедскій дворецъ, а ниже, гдѣ нынѣ Нижне-Владимірская улица, ей принадлежалъ другой дворецъ, составлявшій центръ бывшаго тамъ Нижне-Лыбедскаго села. Тамъ теперь построена изящная коланча по проекту Кривошеева. Не доходя до Лабораторной ул. на Васильковскую выходитъ готическое зданіе новаго костела, заложенное въ 1899 архит. Вольковскимъ; планъ его крестообразный съ выступающими наружу боковыми концами креста (Трансептъ); на фасадѣ двѣ остроконечныя башни; съ 4-хъ концовъ уступчатые готическіе фронтоны и статуи, окна и порталы стрѣльчатые, вездѣ разброшены башенки съ, такъ называемыми, крабами (ползучими украшеніями) и крестоцвѣтами (вмѣсто крестовъ). Площадь св. Владиміра, гдѣ въ субботу 1 нед. В. поста, 9 мая, 15 авг. останавливается большая ярмарка, названа такъ отъ ц. св. Владиміра, перенесенной сюда съ Печерска въ 1835 г. Въ самомъ концѣ Васильковской ул. недалеко отъ станціи Кіевъ II-й, находится Кіевская бойня.

Лыбедь имѣетъ тамъ видъ довольно значительной рѣчки; она вытекаетъ изъ озера у с. Борщаговки и на своемъ пути образуетъ озера (на Шулявкѣ) Кадетскаго Корпуса, Паньковское (за Университетомъ) и Печерское (за Выдубецкимъ монастыремъ); на волнахъ этой когда то значительной рѣчки плавалъ флотъ Святослава, и еще недавно существовалъ проектъ использовать русло Лыбеди для подхода судовъ изъ Днѣпра къ станціи Кіевъ II-й. За Лыбедью на этомъ мѣстѣ, которое называется нынѣ „Дѣвичья гора", по мнѣнію Максимовича, находилось село Предславино, гдѣ жила дочь кн. Владиміра Предслава (отсюда происходитъ и названіе Предславинской ул.). Подъ 1146 г. тамъ гдѣ-то упоминаются валы; на горѣ въ дубовомъ лѣсу стоитъ нынѣ бактеріологоческій институтъ (красивое зданіе съ колоннами и фронтономъ въ стилѣ ренессансъ), а ниже его на правомъ берегу Лыбеди Байково кладбище (всѣхъ вѣроисповѣданій) и зданіе сахарнаго завода, построенное на мѣстѣ вырубленой Байковой рощи; рядомъ съ Байковой рощей—Протасовъ Яръ, замѣчательный выдѣлываемымъ тамъ кирпичемъ; тутъ же имѣется Черный Яръ, а рядомъ съ Деміевкой—роскошный лѣсъ, въ коемъ расположены восхитительная Ѳеофаніевская и Голосѣевская пустыни.

Окрестности. Окрестности Кіева заслуживаютъ вниманія во всѣхъ отношеніяхъ; онѣ прежде всего очень живописны и особенно удивителенъ самый видъ на Кіевъ изъ за Днѣпра, откуда онъ кажется какимъ-то видѣніемъ, висящимъ въ воздухѣ, отъ котораго доносятся вмѣстѣ съ мелодичнымъ звономъ колоколовъ воспоминанія о великомъ прошломъ. Вокругъ Кіева на большомъ пространствѣ раскиданы валы, свидѣтельствующіе о происходившихъ здѣсь бранныхъ дѣлахъ, а также древніе городища, монастыри и скиты съ пещерами и храмами, хранящими въ себѣ не мало сокровищъ искусства.

Къ указаннымъ уже, въ своемъ мѣстѣ ближайшимъ окрестностямъ Кіева, какъ Куреневка, Деміевка, Шулявка

здѣсь должно присоединить Трухановъ островъ, образуемый новымъ и древнимъ руслами Днѣпра, а также рядъ мѣстностей, расположенныхъ по Днѣпру въ верхнемъ и нижнемъ его теченіи.

Трухановъ островъ расположенъ какъ разъ противъ Кіево-Подола. Здѣсь въ XI—XII вв. лежало село Увятичи, въ которомъ состоялись съѣзды князей 1100 и 1103 г.; село находилось въ сѣверномъ концѣ острова, гдѣ къ нему примыкало Долобское озеро и впадавшая въ него рѣка Золоча. Нынѣ Долобскимъ называется одинъ заливъ на островѣ, а названіе одного урочища Увятичами существовало еще въ нач. прошл. стол. Здѣсь же на Трухановомъ островѣ нѣкоторые изслѣдователи склонны помѣщать упомянутый выше загородный княжескій дворъ, который за свою красоту называли „Раемъ". Послѣ нашествія Батыя на островѣ былъ расположенъ дворъ литовскихъ князей. Нынѣ здѣсь пароходныя мастерскія, „паркъ Эрмитажъ" и обывательскія усадьбы.

Заднѣпровье противъ острова памятно тѣмъ, что въ XI—XII в. считалось нейтральной территоріей (поэтому князья собирались именно здѣсь). Въ XV ст. Симеонъ Олельковичъ имѣлъ за Днѣпромъ замокъ, укрѣпленное городище коего еще въ XVII в. называлось „Олельковымъ". „За нимъ были сторожевыя горы"; можетъ быть на этомъ мѣстѣ стоялъ и древній „Городецъ", защищавшій Кіевъ изъ за Днѣпра. Выше по Днѣпру на правой сторонѣ за Дорогожичами находится с. Капичъ съ остатками древнихъ укрѣпленій и за нимъ Вышгородъ и Межигорье.

Вышгородъ (градъ Вользинъ-Ольгинъ) расположенъ на горѣ, которую нѣкоторые склонны считать Хоревицей (другіе Хоревицу отожествляютъ съ мѣстомъ угорскимъ, на Печерскѣ). Въ древности это былъ важный стратегическій пунктъ, укрѣпленный еще до Св. Владиміра, который до принятія христіанства содержалъ въ немъ гаремъ, считаемый нѣкоторыми мѣстомъ содержанія невольницъ, предназ-

наченныхъ на восточные рынки. Всѣ князья, домогавшіеся Кіева, стремились прежде всего овладѣть Вышгородомъ, городище коего, и теперь еще имѣющее въ окружности нѣсколько верстъ, было укрѣплено шестью концетрическими валами на взгорьи и рвомъ съ валомъ и бастіонами со стороны степи. Это позволило Вышгороду выдвинуться въ самостоятельный политическій и торговый центръ—болѣе сильный въ военномъ отношеніи, чѣмъ Кіевъ; въ окрестностяхъ его были княжескіе дворы (Всеволодъ Ольговичъ). Важное стратегическое значеніе Вышгорода возросло въ XI в. послѣ смерти кн. Бориса и Глѣба, когда этотъ городъ получилъ религіозное значеніе, сдѣлавшись мѣстомъ паломничества къ мощамъ св. князей, положеннымъ здѣсь сначала въ церкви св. Василія, воздвигнутой Владиміромъ, а потомъ въ деревянномъ пятиглавомъ храмѣ во имя Бориса и Глѣба (построенъ Ярославомъ), на мѣстѣ коего Изяславъ построилъ новую деревянную церковь, а Владиміръ Мономахъ соорудилъ каменный храмъ; въ 1115 году состоялось 2-е перенесеніе мощей Бориса и Глѣба, для коихъ Владиміръ Мономахъ хотѣлъ поставить по серединѣ церкви „теремъ“ серебряный, но такъ какъ другіе князья этого не пожелали, то мощи были положены въ придѣлѣ („каплицѣ“ по Кальнофойскому), въ нишѣ, которую Мономахъ обложилъ серебромъ и золотомъ. Почитаніе Бориса и Глѣба для князей было очень дорого; авторитетомъ ихъ святыхъ родственниковъ должна была держаться княжеская власть,—поэтому на мощахъ Бориса и Глѣба князья приносили присягу и не жалѣли денегъ на постройку храмовъ въ честь этихъ князей; отсюда и пререканія, происшедшія при перенесеніи мощей въ 1115 г. Перенесеніе мощей было обставлено необычайно торжественно: князьямъ нужно было популяризировать святыхъ, ибо духовенство не было увѣрено въ ихъ святости: гробы святыхъ они везли на саняхъ собственными руками, путь былъ устланъ дорогими тканями, и народу тоже раздавались разныя драгоцѣнности; Митрополита во вре-

мя этого торжества „ужасъ обыде бѣ бо не твердъ вѣрою къ нимъ, (Борису и Глѣбу)". Богатой оковкѣ мѣста съ мощами удивлялись иностранцы, говоря, что они даже въ Царьградѣ не видѣли подобной красоты; на дверяхъ храма были помѣщены портреты обоихъ святыхъ князей.

Кромѣ мощей Бориса и Глѣба въ Вышгородскомъ храмѣ находилась еще другая святыня—икона Богородицы, привезенная изъ Царьграда вмѣстѣ съ образомъ Пирогощи. Ее увезъ въ 1169 г. Андрей Боголюбскій и нынѣ ее указываютъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Тогда же Давидомъ Ростиславичемъ были похищены мощи св. князей (въ Смоленскѣ) и съ той поры они исчезли безслѣдно.

Послѣ нашествія татаръ въ Вышгородѣ княжили удѣльные князья и въ XV в. около соборнаго храма еще погребались члены княжеской фамиліи, о чемъ говорятъ находки шиферныхъ саркофаговъ того времени. Церковь Вышгородская просуществовала до XVI в., когда ее разобрали кіевскіе доминикане, полагая, что въ этомъ Вышгородѣ (а не въ Мазовіи) проповѣдывалъ св. Янъ Одровонжъ; изъ матеріаловъ Борисоглѣбскаго храма былъ построенъ нынѣшній Петро-Павловскій храмъ на Подолѣ. Въ оставшихся же фундаментахъ его повидимому былъ построенъ новый храмикъ, который тоже назывался соборнымъ; извѣстенъ строитель этой церкви — Василище Прокофьевъ, бѣжавшій въ 1651 г. въ Путивль. Эту церковь поляки въ 1651 г, употребили на устройство моста черезъ Днѣпръ; одна изъ иконъ была брошена въ рѣку и приплыла въ Кіевъ (въ Братскомъ монастырѣ); въ нынѣшней Вышгородской церкви (1861 г.) сохранилась такая же икона Спасителя.

Межигорье находится вверхъ за Вышгородомъ, это знаменитый бывшій запорожскій монастырь, перенявшій въ XV—XVI ст. славу Вышгорода. Начало его восходитъ, если не къ эпохѣ князей, то во всякомъ случаѣ къ XIV в., ибо при Витовтѣ онъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи. Названіе Межигорье происходитъ отъ ущелья между горами, въ кото-

рыхъ открываются полуразрушенныя пещеры со слѣдами обитавшихъ здѣсь людей въ древнерусскую и болѣе раннія эпохи. Въ 1482 г. монастырь былъ опустошенъ, но снова возстановленъ (1521 г.) запорожцами; отсюда Запорожье снабжалось духовенствомъ, которое имѣло тамъ особыя привилегіи, будучи подчинено Кошу. Кошевые были ктиторами монастыря. Слава объ этомъ монастырѣ въ XVI—XVII вв. шла очень далеко; „отъ Іерусалима и Синайскія горы для навиженія і подражанія приходят, въ немъ мастера з розних міст з розним начинэм".; монастырь имѣлъ ставропигію, онъ палъ вмѣстѣ съ Запорожской сѣчью въ 1775 г. Думали было перенести его въ Тавриду, но онъ сгорѣлъ (въ 1788 г.) и въ его зданіяхъ, частью ремонтированныхъ, а частью построенныхъ вновь (арх. Кокориновымъ), Кіевскимъ магистратомъ была устроена извѣстная фаянсовая фабрика, гдѣ мастера работали первоначально подъ руководствомъ голландцевъ; они считались однако съ своеобразными особенностями и техническими пріобрѣтеніями старой украинской „порцеляны", благодаря чему Межигорскій фаянсъ тоже можетъ быть по праву признанъ украинскимъ. Онъ отличается огнеупорной многоцвѣтной патиной, въ которой преимуществуетъ чистый зеленый или молочный теплый тонъ. Формы фаянса самыя разнообразныя, не исключая крестовъ и рельефныхъ иконъ; украинская стихія особенно сильно вылилась въ орнаментаціи этого фаянса: На нѣкоторыхъ предметахъ имѣются виды стараго Кіева и портреты украинскихъ дѣятелей. Фабрика просуществовала съ 1796 г. до 1874 г. Прекрасные образцы ея издѣлій собраны въ городскомъ музеѣ и въ коллекціяхъ Гансена, Кричевскаго, Кульженка, Ханенка.

Отъ Запорожской лавры въ Межигоріи уцѣлѣлъ величественный соборъ Преображенія (1676 г.), отличающійся своимъ планомъ отъ обычнаго расположенія украинскихъ церквей потому, что въ сооруженіи его принималъ участіе бывшій здѣсь настоятелемъ Московскій патріархъ Іоакимъ.

Вторая церковь Петра и Павла построена послѣднимъ запорожскимъ кошевымъ Петромъ Кальнышевскимъ. Въ обоихъ храмахъ сохранилась богатая запорожская утварь, иконостасы и иконы. Отъ запорожцевъ остались также нѣкоторыя части корпусовъ, имѣющія барочныя детали и, такъ называемая, „Дзвонковая Криница", гдѣ запорожскимм иноками была устроена система звонковъ, которые подъ ударами падавшей сверху струи воды издавали стройные звуки. Нынѣ это обыкновенный колодецъ съ часовней.

Внизъ по Днѣпру тоже расположенъ рядъ историческихъ мѣстностей, отличающихся вмѣстѣ съ тѣмъ красотой своего расположенія; изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить прежде всего пустыни Голосѣевскую и Ѳеофанію. Обѣ онѣ укрылись въ роскошномъ лѣсу; первая за Деміевкой основана Петромъ Могилою, насадившимъ тамъ липовую рощу; тамъ же сохранилась прекрасная церковь XVIII в. Ѳеофанія находится въ 4 хъ верстахъ отъ Голосѣева; на верху горы устроенъ источникъ, въ который вода поднимается по трубамъ изъ очень глубокаго оврага; въ храмахъ этой пустыни можно наблюдать, какъ доморощенный архитекторъ — монахъ, не зная оффиціальныхъ запрещеній, совершенно естественнымъ образомъ обращался къ старымъ барочнымъ формамъ. Мѣстность здѣсь удивительная по своей первобытной прелести.

Южнѣе Ѳеофаніи (за Выдуб. монастыремъ) около с. Пирогова находится Китаевская пустынь и урочише Гнилеччина (иначе Церковщина, Володарка). Въ Гнилеччинѣ до XVII ст. существовалъ монастырь, основанный въ дотатарскую эпоху. Остатки церкви домонгольской эпохи здѣсь обнаружены въ 1899 г. Здѣсь же указываютъ пещеру, связанную съ именемъ Ѳеодосія Печерскаго. Въ Китаевской пустыни сохранилась уютная церковь барочной украинской архитектуры съ легкой колокольней. Пустынь существовала уже въ XIV в., а можетъ быть и раньше, о чемъ свидѣтельствуютъ валы, относимые къ Андрею Боголюбскому на основаніи одной сомнительной грамоты, дающей имя Китая этому князю,

но вѣрнѣе вести это названіе отъ татарскаго слова „Китай" означающаго крѣпость. Городище, образуемое этими валами, какъ показали изслѣдованія 1911—1912 г., дѣйствительно, относится къ XI—XII в. Его считаютъ древнимъ город. Пересѣчиномъ. Среди живописныхъ холмовъ Китаевской пустыни имѣются пещеры, похожія на лаврскія. Такія же пещеры имѣются по сосѣдству у селъ Лѣсниковъ, Пирогова, Злодіевки, Щучинки, которыя вмѣстѣ съ Хотовымъ (древній Звенигородъ) и рядомъ другихъ поселеній вокругъ Кіева (Буличи—Бѣличи, Жуляны—др. Желань, Мостищи, Гостомысль, Демидово, Борки, Вышгородъ) составляли ближайшую къ Кіеву линію древнихъ укрѣпленій.

У Кіева сходилось нѣсколько водныхъ и сухопутныхъ дорогъ изъ Польши (по Припяти), Азіи (по Деснѣ и лѣв. притокамъ Днѣпра), изъ Варягъ и Византіи (по Днѣпру), изъ Крыма (черезъ Переяславль), изъ Галиціи (черезъ Бѣлгородъ) и Чернигова (черезъ Вышгородъ по Деснѣ). Ихъ то князья и старались перехватить укрѣпленными пунктами, построивъ три линіи укрѣпленій, изъ коихъ расположеніе первой только что было указано. Вторая оборонительная линія изъ вала и городовъ шла по р. Ирпеню, Стугнѣ, Вѣтѣ и Божицѣ черезъ Переяславъ, Устье, Торческъ, Тумашъ, Васильевъ, Верневъ; наконецъ, 3-я линія въ видѣ огромныхъ, такъ называемыхъ, „Зміевыхъ или Трояновыхъ валовъ" шла отъ устья Трубежа черезъ Строково, Мал. Каратуль и дальше по правому берегу Днѣпра на Бараканы, Кодаки, Нерадовку за Фастовъ.

Многіе изъ этихъ пунктовъ весьма замѣчательны въ историческомъ отношеніи—между ними Бѣлгородъ (м. Бѣлогородка) на р. Ирпень долженъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ, какъ форпостъ на Волынь, въ Польшу и въ зап. Европу. Древнія укрѣпленія его были гораздо обширнѣе старокіевскихъ. Въ нихъ были княжескія палаты и храмы; соборный храмъ 12 апостоловъ былъ построенъ знаменитымъ архитекторомъ Петромъ Милонѣгомъ; украшеніе его

золотой фреской, а равно поливными плитками и др. матеріалами подтверждаетъ лѣтописныя данныя о соперничествѣ этого города съ Кіевомъ. Здѣсь (со времени св. Владиміра) была самостоятельная епископская каѳедра и (XII в.) особая княжеская волость. Дальше упомянемъ Триполье у переправы черезъ Днѣпръ съ 2 линіями валовъ, тоже (въ XII в.) часто становившееся княжескимъ столомъ,—а также давшее наименованіе древней Трипольской культурѣ, предшествовавшей культурѣ эгейской или передмикенской. Напротивъ Триполья Витичево, гдѣ въ 1090 хъ годахъ была основана самостоятельная епископская каѳедра и—городъ названный Новгородъ Святопольскъ. Ниже Витичева у с. Зарубинецъ по сосѣдству съ знаменитымъ въ казацкую эпоху Трахтемировомъ (монастырь игралъ тоже значеніе, что Межигорскій—особенно велико было его значеніе въ исторіи украинскаго искусства) находился древній Зарубскій монастырь Божіей Матери и княжескій городъ. Въ этомъ монастырѣ, имѣвшемъ, какъ то показали изслѣдованія гг. Бѣляшевскаго и Пещанскаго, трехъапсидную каменную церковь XI в., былъ игуменомъ извѣстный русскій митрополитъ Климентъ Смолятичъ, жившій тамъ въ пещерѣ, гдѣ также подвизался и книжникъ Георгій, оставившій „Поученіе къ духовному чаду“. Храмъ былъ украшенъ фресками и поливными плитками; въ 1914 г. въ немъ было найдено двѣ шиферныя гробницы.

Къ зап. отъ Триполя находился древній Торческъ (ур. Торчь), – княжеская волость, населенная торками, куда былъ сосланъ венгерскій королевичъ Коломанъ (другіе указываютъ Торческъ за Росью). Еще дальше къ западу находится Васильевъ (Васильковъ), въ которомъ, по даннымъ Ипатьевской лѣтописи, крестился св. Владиміръ; Владиміръ построилъ въ Васильевѣ церковь Преображенія; отсюда происходилъ препод. Ѳеодосій Печерскій. Къ югу отъ Васильева находится Перепетово поле и за нимъ начинается Поросье съ древними городами Каневомъ и Юрьевомъ, имѣвшими въ XI—XII в. роскошные каменные храмы; въ Юрьевѣ былъ

свой митрополитъ. За Днѣпромъ у Трахтемірова и Зарубинецъ важное значеніе имѣлъ Переяславъ. Во всѣ эти историческія мѣста можно проникнуть по Днѣпру; нѣмые остатки древности однако здѣсь еще не раскрыты и не могутъ разсказать больше того, что они собой представляютъ; они иногда позволяютъ лишь дѣлать догадки о той роли, которая имъ выпала въ общей исторіи; безъ надлежащихъ изслѣдованій о той цѣли, съ какой сооружались и основывались эти города и монастыри, о характерѣ ихъ памятниковъ можно судить лишь по древностямъ великолѣпнаго, стольнаго Кіева.

Оглавленіе.

II. Подолъ.

стр.

III. Плосское, Щекавица и Оболонь.

IV. Сады и Печерскъ.

V. Крещатикъ, Липки, Новое Строеніе и окрестности.

Оглавленіе фототипій и клише.

МЕЖДУ СТР.

Объясненія къ планамъ.

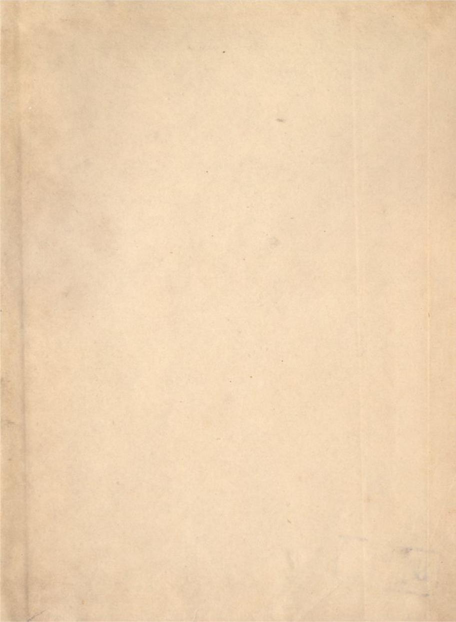
Стран. 16, 181, 263, 268. Черное обозначаетъ первоначальную постройку; остальное—реставраціи.

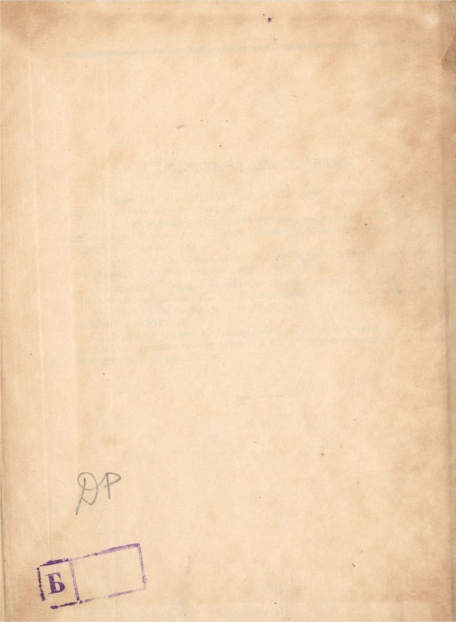
Стр. 80. Чернымъ обозначено добытое раскопками 1908—1914 г.г., штриховкой—храмъ врем. Петра Могилы; остальное—раскопки Лохвацкаго и Ефимова.

Стр. 106 и 109. Сохранившіяся древнія части обозначены чернымъ, недостающія—пунктиромъ; остальное—пристройки.

Стр. 255. Черное—уцѣлѣвшія древнія части, пунктиръ—древніе фундаменты, открытые П. П. Покрышкинымъ; остальное—пристройки XVII - XIX в в. Съ ю. и сѣв. сторонъ у входовъ нужно добавить прямоугольныя паперти.

Стр. 309. Черное и пунктиръ—древнія части, сохранившіяся и недостающія; штриховка—постройка XVII в.; остальное—опорныя сооруженія, открытыя раскопками.

DP
Б

